

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
СИБИРЬ
371/4 4•2018

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Святому святое

Вадим, митрополит Иркутский и Ангарский. Вечная память. *О русских погостах* 3

Поэзия

Михаил Успенский. И я знал свой нелёгкий крест... 8
Любовь Сухаревская. Дневник любви – дневник печали 35
Александр Орлов. В тихих полукружьях темноты 51
Рада Черноусова. Меня оставьте мне самой... 101
Елена Попова. Меж прошлым и неведомым грядущим. *Венок сонетов*..... 115
Надежда Миляева. Тоскует душа о былом 129

Проза

Михаил Шуклин. Белый голубь на колокольне. *Глава из романа* 21
Сергей Козлов. Обычная история. *Рассказ (в сокращении)* 40
Иван Комлев. Рядовой Иван Яценко. *Повесть. Часть четвёртая*..... 55
Михаил Просекин. Старый друг. *Рассказ (в сокращении)* 107
Юрий Балков. Улигеры. *Главы из повести*..... 122

Сквозь историю

Дмитрий Володихин. Покорители Сибири. *Русское наступление в Восточной Сибири при царе Фёдоре Ивановиче*..... 134
Олег Слободчиков. Две даты – два взгляда. *О вере россиян в иноземные, ложные описания русской истории* 140
Анатолий Байборodin. Семейский корень. *Очерк о забайкальском старообрядчестве* .. 149

Публицистика

Евгений Дёмин. Воспитание души. *Концепция прибайкальской историко-краеведческой, природно-архитектурной, туристической зоны.* Предисловие В. Скифа..... 179
К 100-летию комсомола. Имя в истории
В небесах отгорели зарницы... *Историко-публицистический коллаж*..... 200

Критика

Владимир Крупин. Несобственно-прямая речь. *Слово о Солженицыне*229

Радевица

Владимир Личутин. Последний срок. *Памяти Валентина Распутина*.....234

Михаил Шепель. «Мы так давно не говорили...» *Памяти Любови Сухаревской*238

Вернисаж

Юрий Баранов. Мелодии редкого жанра. *Искусство Аркадия и Наталии Лодяновых* .243

Книжная лавка

Валерий Скрипко. Без Бога не до порога. *Обзор журнала «Сибирь» № 3 за 2018 год* 247

Сулочка к родру

Степан Правдорубский. «...Порхают бабочки в башке...» *Литературные пародии*256

Юрий Левитанский. Сказание о зайце. *Литературные пародии*259

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов,
А.К. Лаптев, М.П. Попова, О.К. Стасюлевич, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Л.Н. Заступова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru
Подписано в печать 05.12.2018 г. Выход в свет: 25.12.2018 г. Формат 70x108/16.
Усл-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.
Отпечатано в типографии: «Репроцентр А1», 664023, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2.
Тел. 8 (3952) 540-940. E-mail: info@printrepro.ru

Вадим, митрополит Иркутский и Ангарский

Вечная память

О русских погостах

В середине Великого поста, где-то в самой сердцевине Крестопоклонной недели, происходит окончательный перелом в природе. Поднимается и светлеет небо, ветра теряют свою тяжесть, становится живой и упругой ветка дерева. Что-то похожее происходит и с душою, которая, по словам священника Александра Ельчанинова, выходит навстречу добру и злу. То ли истончается и слабеет ненадёжная оболочка нашего тела и крепнет собственный дух, но всё реже волнует нас шум современной жизни, нечистый чад её страстей, а тянет в церковь, в природу, в одиночество. В леса, к берегам вод, на кладбища... Многие высокодуховные старцы советова-

вали своим чадам почаще бывать на кладбищах, особенно во дни Великого поста.

Но вряд ли высветлеет наш дух при виде современных кладбищ! Увы, они, как и наши загрязнённые города, в точности отражают состояние души нынешнего человека: «На русском кладбище могил не найдёшь». Эта строка поэта так и

Митрополит Иркутский и Ангарский (в миру Владимир Анатольевич Лазебный) родился 14 октября 1954 г. в г. Губкин Белгородской области в семье рабочего. В 1972 г. поступил в Одесскую духовную семинарию, которую окончил в 1977-м. В 1974–1976 гг. служил в Советской Армии. В 1981 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1978 г. рукоположен во диакона, через год пострижен в монашество с именем Вадим, в 1980-м рукоположен во иеромонаха. В августе 1984 г. назначен настоятелем Александро-Невского храма в г. Старый Оскол и благочинным храмов Старооскольского округа. В 1987 г. возведён в сан игумена, в 1988-м — в сан архимандрита. В июле 1988 г. о. Вадим назначен настоятелем Крестовоздвиженского храма в Иркутске, благочинным храмов Иркутского округа и исполняющим обязанности секретаря Иркутского епархиального управления. 25 января 1990 г. был определён к хиротонии во епископа Иркутского и Читинского. Решением Священного Синода РПЦ от 21 апреля 1994 г. в связи с образованием Читинской и Забайкальской епархии епископу Вадиму определено носить титул «Иркутский и Ангарский». 8 октября 2011 г. Патриархом Московским и всея Руси Кириллом архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим был возведён в сан митрополита. За свою деятельность Владыка Вадим награждён орденом Святого Благоговяющего князя Даниила Московского II степени и государственным орденом Дружбы. В 2001 г. решением городской Думы Вадиму было присвоено звание «Почётный гражданин города Иркутска» за духовное возрождение русского народа, восстановление старых храмов в городе.

звучит во мне, когда ступаешь по обители вечного покоя. Не ценит наш современник ни сегодняшней жизни, ни жизни вечной... Тяжело смотреть на покосившиеся кресты, разрушенные памятники, свалки, забывающие проваленные могилы. Видеть, как пробегают детские ноги по уже безымянным холмикам... Не наполнит такое отношение к святине светом и добром ум ребёнка, не даёт облегчения его попечителю. А ведь посещение кладбища — бесценный духовный опыт, имеющий богатейшие традиции в нашем народе, обильно отражённый в ясной стихии русского языка, в его присловиях, приметах, поговорках и сказаниях. «Перед мёртвым не кичись, он сильнее живого», «Покойник, он у ворот не стоит, а своё возьмёт». Как ребёнок, просто и чисто, преловила в народной памяти православное учение русская душа. Церковь научила — душа ответила. Но думается, что и корни святоотеческого предания обо всём, что касается загробной жизни, гораздо старше Православия, питаются истоками библейской глубины — от начала человеческого бытия...

Некогда, за 513 лет до Рождества Христова, персидский царь Дарий Гистапа, утомлённый бесплодной погоней за скифами, послал сказать скифскому царю: «Станный человек. Зачем ты бежишь всё дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор». На что скиф ответил: «Никогда ещё, ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобой... у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Страной могил называли тогда персы землю этого дикого для них рыжеволосого народа. Им не было корысти воевать за чужие кости, и они повернули назад.

Я бы не потревожил туманные седины забытой древности, но тема, которую повелевает затронуть мой архипастырский долг, глобальна и пронизывает мистическую сущность и исчезнувших могучих цивилизаций, и самого незаметного моего соотечественника. Только останки единомышленников привязывали вольного скифа к земле, но ими он освятил и освоил, содеял обетованными суровые просторы средневропейской равнины. По свидетельству летописцев, где-то там в исторических глубинах северных украинских земель, которые изнеженные греки считали покинутыми людьми и богами и называли Скифию, и коренится происхождение одного из величайших народов на планете, к которому мы с вами и принадлежим. Но суть сегодняшних раздумий не в поисках корней, а в корневых особенностях, которые, связуя нас в единый народ, соединяют с Богом. Почти через два тысячелетия А. Пушкин, вершина русской культуры, сетуя о чванливом беспамятстве современного ему дворянства, раздражённо воскликнул о том, что отношение к дедовским гробам отличает невежество от просвещения. Вот она, Божья связка, которой опоясаны в единое целое и древний скиф, и русский гений, и мы с вами, грешные и нынешние, растерянно вступающие по живому зову сердца в ворота местных кладбищ.

Часом воли Божией называют в народе смерть. В предрешённый этот час «...возвратишься ты в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься...» (Быт. 3.19). И как бы счастливо или скорбно ни жили мы, бедно ли, богато ли, коротка ли, долга ли была наша жизнь, а библейские эти глаголы неосознанно звучат в каждом из нас, то заглушаясь, то грозно усиливаясь. Распахнутая могила, сырая яма с окаёмами свежей земли — вот что повергает нас в трепет, делает бессильным разум и смущает душу. Рокочущие цивилизации последних

веков, насаждая вокруг кладбищ шлакоблочных монстров стальных городов, вытесняя и вытравляя этим как бы саму память о смерти со всею своей безликой бездуховною наукой, всё же слабы и ничтожны перед этим молчаливым зевом свежего рова. Придёт время — канут туда и они. Только вопрос един и жив будет: зачем?! В чём смысл и суть происходящего? Вспомним знаменитый спор гения: «Дар напрасный, дар случайный. Жизнь, зачем ты мне дана?!» и духовника: «Не напрасно, не случайна жизнь от Бога мне дана!» В этой переписке поэта и митрополита, если вдуматься, и лежит тот краеугольный мистический камень, в котором и зиждется весь сокровенный смысл человеческого бытия. А под ним бездна — она вместит в себя и жизнь и смерть, и гибель и спасение. За растерянным вопросом Пушкина слышится уже намеченный отход от веры отцов и, как следствие, страх и печаль перед неизбежностью. За твёрдым и ясным ответом святителя Филарета — стройное и высокое учение Православной Церкви, которая живым смыслом наполняет душу человека, его поступки и самую жизнь, спокойно приуготавливая его к переходу в Царствие Божие. Ни наука, ни гений высочайшей культуры на земле не разрешат вопроса жизни и смерти, только Святая Церковь хранит в бесценных своих сокровищницах благодатные Откровения, переданные ей её подвижниками. Так, св. Макарий Александрийский поведал нам православное учение, явленное ему ангелами, о состоянии души по разлучению её с телом. Это учение утверждает бессмертие души человека и высшую справедливость, награды и наказания за все наши деяния. Два дня после разделения с собственной плотью, учит нас Откровение, душа усопшего пребывает на земле и ходит по местам, которые полюбила. Посещает близких ей по духу или находится подле тела. На третий день она предстает перед Господом, а тело предается земле. «Возвратится перст в землю, яко же бе и дух возвратится к Богу, иже даде его» (Еккл. XII-7). День этот называется третиной и отмечен усиленными молитвами о покойном Святой Церкви. Потому что, поднимаясь к своему творцу, душа проходит воздушные мытарства и часто страдает. До девяти дней ангелы показывают ей обители рая, и после вторичного поклонения Господу душа усопшего видит мучения ада. На сороковой день — в сороковины определяется подобающее ей место. Вот отчего важны сорокоусты по усопшему, дабы смиловался Создатель над его душою. Покойное же тело на третий день меняется, на девятый разрушается и разлагается, но сердце человека ещё остается целым, на сороковины рушится и самое сердце. Такова вкратце кончина жизни человека.

В старину говаривали: «Смерть — злым, а доброму — вечная память». Как точен и приметлив русский фольклор! «Жив — наш, помер — Богов». Православие вжилось в народную жизнь со всею своей первородностью, полнотою, радостью. И особенно словоохотливо отзывался наш земляк в богатом своем просторечии на всё, что касается таинства жизни и смерти. Верил в младенческом простодушии русский человек, что «над каждой могилкою Дух свят». Не досужая эта речь, в ней зерно истины. Однажды св. Макарий Египетский, гласит святоотеческое предание, проходя по пустыне, увидел череп языческого жреца. Благодатию Святого Духа он определил место нахождения души мага: «Неужели Вы никогда не чувствуете никакого утешения?» — спросил он. «Нет, — отвечал сухой череп, — когда ты молишься за мёртвых, мы чувствуем некое утешение». Этот разговор не только удостоверяет нас в действенности заупокойных молитв, но и в том, что останки человека, сухая кость его, сохраняет в себе энергии его прижизненного духа. Так, афонские монахи имели обыкновение по прошествии трёх лет после погребения брата вскрывать могилы и по цвету костей определять -- прощен он или нет? Если нет, то усиливалась заупокойная молитва о покойном. Живая плоть — сосуд челове-

ского духа. Она создана Господом столь же прекрасно, как и всё в Его Творении, и по разлучении её с душою хранит энергию своей души. Так, Господь в часы страданий приложился лицом к убрису, поднесённому ему сострадательной женщиной, и весь христианский мир имеет в вечное наследие «Спас Нерукотворный». И животворны мощи святых, подле которых исцеляются тысячи верующих. Они хранят в себе очищенную и умноженную подвижнической жизнью благодать Святого Духа. Даже частица святой плоти становится неиссякаемым источником благодати. Она называется Антиминсом, и без неё не может состояться ни одна Божественная Литургия. «Приходите ко мне на могилку, — наказывали своей пастве старцы Серафим Вырицкий и Серафим (Тяпочкин) и старица Матрона Московская, — и я помогу вам». Их могилы, а Матрона уже прославлена и мощи её покоятся в монастыре, почитаемы чрезвычайно, всегда окружены молящимися паломниками, которые едут к ним со всех концов Божьего света со своими болезнями, нуждами, бедами. Так, во дни нашей скорби, перед поворотными событиями жизни мы грядём на могилы родителей испросить совета и получаем облегчение. Нет, точна народная примета!.. Над каждой могилкой, этой пуповиной, сокровенно связующей нас с Божиим Царством, сияет свет любви. И несказанно, промыслительно точен и куда ближе к Богу, чем изощрённый грек или насмешливый перс, был наш огнеликий скиф, когда с угрюмой одержимостью продвигал останки своего народа в девственную глубь неосвоенных земель. В северных краях он сложил родные останки, освятил ими бескрайние земли и основал высокие и сильные державы...

* * *

На исходе была Святая Четыредесятница начала третьего тысячелетия. Наступала Страстная Седмица. Всё ближе к горнему миру постящаяся душа, всё чаще и строже озирает она свои духовные обители. Всё яснее и радостнее поминание о ближних. В Чистый Четверг, после причастия, старается православный побывать на кладбище, прочитать заупокойные молитвы, почистить и прибрать в оградке, подкрасить или помыть кресты, просто помолчать над вечным покоем. На Святую Пасху, после заутрени, отправляется благочестивый христианин на родные могилки прежде похристосоваться с родителями, положить на земной холмик освященное яичко, покрошить небесным птицам пасхального кулича, подать нищему на поминание. На Радоницу — в праздник вселенской радости, выйдем мы единым народом из городов и сёл на родимые погосты помянуть усопших, соединиться, раствориться с ними в радости Христова Воскресения...

Однако трезвенно оглядимся вокруг, возлюбленные мои соотечественники! Сколько грязи, смрада, непристойного сора обнажила весна. И это мы — бессмертная нация, народ Божий, ступаем по тротуарам, забитым отходами нашего быта, наши города превращаются в громадные свалки, реки — в сточные канавы, парки — в отхожие места. И не мудрено! Ведь большинство из них мы основали на месте бывших погребений. Возьмём для примера ЦПКиО. Культура на костях предков! Попираемых, а не благословенных... Когда-то на этой горе было Иерусалимское кладбище, знаменитое тем, что честь быть погребённым на нём заслуживал далеко не каждый иркутянин. Здесь возлежали останки наиболее почётных горожан, много потрудившихся во славу Сибири. Купцы, промышленники, священники, меценаты, писатели и учёные. Мы знаем, как обошлись с их памятью! Не любили большевики славу нашего Отечества, и святость им была не указ. У меня нет желания вослед за многими бросить камень в разрушенную систему недавней

власти. Я даже признаю, что немало из советских лет можно было бы взять под основу для обустройства России. Но мой пастырский долг обязывает меня указать на губительность уничтожения памяти таким варварским способом, как снесение кладбищ с лица земли. Горько, но факт! Дети наши попирают ногами святыни своего Отечества. И мы толкаем их во грех! Чего стоит только один дракон на воротах этого парка, над землёю, освященной останками лучших граждан Иркутска! Ни один из них не захотел бы лежать под этим знаком, символизирующим в их восприятии и вере средоточие сил зла. Не будем обольщаться, дорогие мои современники! Не безобидные это игрушки, а чёрные символы нашего духовного разорения. Когда-то на открытых местах, на взгорьях и у дорог Святой Руси, к коей и причислялся богоспасаемый наш город, стояли часовни, кресты и чудотворные иконы. Ныне мы водрузили драконов, образом которых забавляем и воспитываем наших детей. А «...дракон древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю Вселенную» (Откр. 12.9). Не оттого ли такой страшный разор у нас в стране, в городе, на улице, в доме? От расхристанности души нашей, неясности и подмены в вере, от размытости критериев нравственности. А если мы уберём со святого места эти уродливые аттракционы, все эти чёртовы колёса, драконов и рекламные щиты о пепси-коле и восстановим, насколько сможем, если не кладбище, то само место у Иерусалимской церкви? Пусть будет парк, место покоя, раздумий, крестов и часовни, что-то вроде мемориала, куда в установленные церковью поминальные дни могли бы приходить иркутяне, чтобы почтить память всех от века почивших христиан, и своих земляков, и родных, и близких. И не вводить невинных деток наших во грех. И хоть как-то оправдаться за содеянное. То же с Лисихинским кладбищем. Место последнего упокоения военных лётчиков, иркутян, положивших живот свой за Отечество, принявших на себя удары войны, послевоенного голода. Полуразрушенное, заросшее, готовое исчезнуть с лица земли, повторяя печальную участь Иерусалимского кладбища. Ведь наш с вами святой долг перед почившими согражданами привести кладбище в порядок. Подновить кресты и памятники, поправить могилы, осыпать песком и протереть дорожки и оставить его в покое на вечные времена! И пусть дед приведёт сюда внука, отец — сына, и встанут они благоговейно перед крестом и звездой, потому что это история и память нашего народа. И её не перепишешь заново, и воспитаются дети наши в уважении к народу своему и роду своему...

Прошу вас, дорогие земляки, во дни праздника Святой Пасхи, поминовений дня Великой Победы не проходите мимо затоптанного, давно безымянного холмика, поправьте его, обозначив могилой, разберите мусор над заброшенной могилой, поднимите проваленную. Мы не знаем, кто там покоится, как и не знаем, что будет с нашими останками. Довольно того, что это твои соотечественники, они говорили на русском языке и ходили по твоей земле. И если в русском народе считается, что тому, кто погребёт беспризорные кости, много и тяжких грехов простится, то уход за беспризорной могилой не того же ли стоит?! Научим детей наших благоговейности перед святынями, одной из которых самой значительной и высокой является кладбище. Отсюда начнётся устройство души и земли нашей. И спросится с нас отсюда и воздастся... Таким образом и приложимся мы к роду своему и народу своему! И воссияют наши города и веси чистотою и довольством, покоем и порядком! Да хранит нас всех Господь! Вечная память всем усопшим!

Статья подготовлена на основе публикации на сайте Иркутской епархии

ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

И я знал свой нелёгкий крест...

Она

Она глядела в зеркала,
В них многократно отражалась.
Другим жилось, спалось, рожалось —
Она всё это прокляла.

Она глядела в зеркала...
К ногам других летели оды,
Цветы, червонцы — как колоды
Из шулерского рукава.

УСПЕНСКИЙ Михаил Глебович (1950–2014) родился в Барнауле. Жил в Красноярске. Окончил факультет журналистики Иркутского государственного университета. Печататься начал с 1967 г. (стихи). Рассказы стали выходить с 1978 г., публиковались в местной печати, газетах «Московский комсомолец», «Литературная Россия», «Литературная газета», журналах «Смена», «Юность», «Огонёк». В 1988 г. в Красноярском книжном издательстве вышел сборник рассказов «Дурной глаз». Некоторые рассказы читались с эстрады Геннадием Хазановым. В 1990 г. в «Библиотеке «Огонька» вышел сборник рассказов «Из записок Семёна Корябеды». В 1995 г. появился сборник-трилогия «Приключения Жихаря» (роман «Там, где нас нет» и две повести — «Время Оно» и «Кого за смертью посылать»). Награждён в 1993 г. личной премией Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка» за повесть «Чугунный всадник», в 1995 г. — двумя профессиональными премиями в области фантастики «Странник-1995» за повесть «Дорогой товарищ король» и роман «Там, где нас нет», кроме того, роман «Там, где нас нет» получил специальную премию «Меч в камне» за лучшее произведение в жанре фэнтези. В 1996 г. роман «Там, где нас нет» получил приз Международного фестиваля юмора и сатиры «Золотой Остап». В 1999 г. М. Успенский был награждён «АБС-премией» братьев Стругацких. В 1996 г. в сборнике «Время учеников» у Михаила Успенского вышла повесть «Змеиное молоко», в 2013 г. — фэнтези-роман «Богатыристка Кости Жихарева». Михаил Успенский похоронен на Аллее Славы Бадалыкского кладбища Красноярска.

Она стояла надо всем.
И детским изумлённым взглядом
Как спрашивала: что вам надо?
Скажите, что вам надо всем?

Удача любит дурачка...
И руки тонкие дрожали,
И мы, подонки, отражались
В невероятнейших зрачках,

Не видя: это нам дано
Неслыханное счастье видеть
Её... Она возьмёт и выйдет
Туда, где пусто и темно!

Проклятье это не сотрут
Ни заклинанья, ни тирады.
Мы удивленье потеряли,
Мы проиграли красоту.

...Искать в трамваях, на балах —
Всё безуспешно. Но вот худо,
Что не узнать уже — откуда
И для чего она была?

И почему она ушла
В больничный мрак,
 в цветы сирени,
В осенний ливень,
 в звук свирели,
В стихи, закаты, зеркала?

А было всё как у людей —
Смеялись, пили, песни пели,
Но не влюбиться не успели,
Не наглядеться в очи ей...

1970

* * *

Следом за громом и год за годом
(А дождь протяжен и ночь темна)
Я возвращаюсь в постылый город.
Серебряной пулей убьют меня.

Ножей не боюсь, не боюсь автоматов —
Мой верный дождь не плохая броня.
Я бог дождя и тяжких туманов.
Серебряной пулей убьют меня.

Я тих и спокоен, но нынче ночью
Мой мокрый плащ шуршит, как змея.
Вам стыдно смотреть в мои чистые очи.
Серебряной пулей убьют меня.

А та, что вы ведёте под руку,
Глотнёт дождя — и навек пьяна.
Вы будете мстить за свою подругу.
Серебряной пулей убьют меня.

Вы будете мстить, дождётесь момента.
Но дождь остаётся, живёт земля.
Отлитой из дореволюционной монеты
Серебряной пулей убьют меня.

Волк

Волк убежит за гари
Мимо флажков и трасс.
Вы бы меня загнали,
Но я не похож на вас.

Жизнь ваша — цирк блошинный,
Вечно скакать, сновать.
Вы меня обложили,
Но я не похож на вас.

К чёрту. Клыки в загривок.
Тощий оскал кровав.
Вы бы меня загрызли,
Но я не похож на вас.

Логика волка вечна —
Прыгнуть, и в глотку — рраз!

Вот вы меня изувечили,
И я не похож на вас.

Я для вас — не добыча,
Я ещё, может быть,
Лишь одного добился —
Права не походить.

(Но до чего довела нас —
Прямо аж кровь из глаз —
Наша оригинальность —
Я не похож на вас!)

Но это право того, кто
Словно покинув Марс,
Может, похож на волка,
Но не похож на вас!

* * *

Поколение меняет планы.
Поколение меняет платья.
Поколение исправно платит
По счетам убитых отцов.

Над собой, надо всем хохочет
И, начав, ни за что не кончит,
И взростеть ни за что не хочет,
Но взростет в конце концов.

Как лекарство от всех болезней,
Нам удары судьбы полезны.
А друзья все в верхи полезли,
И никак их не удержать.

Позабыты споры на сутки,
Позабыты стихи, рисунки.
А мечты воют вслед, как суки,
Но на это уже плевать.

Свято веря в свою кристальность,
Понимая, другими стали,
В двадцать лет мы звёзд не достали
И не выжили подлецов.

Мы идём и справа и слева,
Бездорожьем или по следу.
Лихорадочно не взрослеем,
Но взрослеем в конце концов.

* * *

По базару здорово тянет балыками.
(Здесь всегда обычно пахнет балыком.)
Я стою, я зазывала в балагане,
И на мне изрядно пёстрый балахон.

Я толпе бросаю шуточки да рифмы.
На дворе эпоха — лучше не сыскать!
В живописи — нимфы и в скульптуре нимфы,
И в натуре нимфы — экая тоска!

Не желая в данном веке быть профаном,
Я к первопечатнику рукопись несу.
Он мне отвечает:
— Ты давай про фавнов,
Что гоняют нимфов в девственном лесу!

А не то печатайся на стене сортира,
Для таких как ты и ни к чему печать.
Я не разу в жизни не видал сатира,
Или, скажем, эльфа — экая печаль!

Но зато я видел — красную рубаху
В ателье «Новинка» примерял палач.
Видел, как живётся слепу да горбату.
Видел плач, слышал плач, трогал плач!

Разве не видал ты, как идут солдаты
(Сабли да гранаты, луки да штыки),
Оставляя внукам для зубрёжки даты,
Оставляя милым звёзды и долги?

На актёре тощей банды скоморошьей
Клином не сошёлся наш печальный свет.
Но моё бессилье скоро станет мощной
Силой, от которой зазвенит рассвет!

Славой не обласкан, я зелёным глазом
Всё пытаюсь в сущность времени вникать,
Никаких рекордов, никаких соблазнов —
Наступают очень средние века.

Памяти Марины Цветаевой

В бумагу кровью вляпано: «Трагически погибла...» Елабуга, Елабуга, Маринина могила.	И стиснутая рамкою «Трагически погибла».
Наверное, там ели, Лабазы да луга. Неверное, томление — Елабуга.	Наверное, прощёная, А может, упрощённая, По-новому прочтённая... Ну, здесь уж ни при чём она.
Наверно, эмигрантка и Богемная богиня.	Над ней аэродромы, Легенды, облака... Неясная, сквозь дрёму — Елабуга...

* * *

Тоской, как оспой, нас метит осень — Мы отличимы. Она полезна, она болезнь ли, Но как лечиться?	Вот это физик, а это — схимник, А это — лирик.
Проекты, планы — к чему всё это, Проекты, планы? Идут поэмы и не поэмы В природу плакать.	И физик Сашка глядит не веря, Пижон с портфелем, Как лист берёзы, летит по ветру В стакан с портвейном.
И в старой роще над лысым лесом Вороны ропшут. Чего уж проще? Куда мы лезем? И ранят рощи.	Ну что ж, ребята, скончалось лето — Хлебаем зелье За циклотроны и за сонеты, И за везенье.
И уходили, и провожали. Про институты, Про жизнь болтали, и про вокзалы, Но не о сути.	Пусть подфартит нам в час неурочный, А там — залезем... Плывут, как титры, чужие строчки За лысым лесом.
И как нелепо мы по России Распределились —	Ведь у природы, куда как проще Просить пощады. Простили б люди. Леса и рощи Всегда прощают.

* * *

Здесь во всём разберёмся мы. Жёлто костра лекало. Пусть нас не отвлекают Девочки за берёзами.	Будто бы бьёт пошляка Рыжая выпускница.
Листья шуршат, как ресницы, Шлёпают по щекам,	Слышишь, на листьях ржавых, Что под ноги нам слетают, Записаны наши тайны, Исповеди и жалобы.

Наши тосты без закуси, И голоса простудные... Как деревянная студия Звуко... нет, чувствозаписи.	А годовые кольца, Словно бобины с лентою. Символы, звуки, знаки — Всё из глубин повыплыло. Мир, по-моему, выполнен, Вывернут наизнанку.
А голоса преследуют, Видно, не успокоишься.	

* * *

Надоело
Постоянно себя искать.
Обстоятельство одолело.
И судьбы не узнать из карм —
Не чужая и не моя.
Надоело

Рекам тратить себя в моря,
А охотникам — гнать оленя.
С этим что-нибудь надо делать,
Но в сегодняшнем сентябре
Надоело

Сверхзадачи ставить себе,
Как расходятся наши пути —
Вам направо, а нам налево,
Я бы мог и с вами идти...
Надоело.

* * *

Я хотел сойти с ума По причине столь банальной, Что последние болваны Осмеяли бы меня.	Вкус растаявшей ледяшки На нетронутых губах.
Они правы были бы, Нынче кончились забавы. Друг смеётся — из-за бабы, Я кричу — из-за любви!	Если б курс наук возник О прощании, к примеру, Я по этому предмету Был бы первый ученик.
В самолёт, в вагон, в такси, Дневники и сказки — в омут, Пусть никто нигде не вспомнит Имя женское тоски.	Звуки ласковых гитар Обрываются визгливо, Точно вынули из грифа Очень нужную деталь.
Пусть в далёких городах Остаётся взгляд летящий,	Пусть в далёких городах Остаётся вкус обиды. Вкус несорванной рябины На нетронутых губах.

* * *

Сюда приходят многие — Мудрец, подлец. Не важно — биология, А важно — лес.	Не важно, что берёза, А важно — ты. Отстанешь ли, устанешь — Сюда бредёшь, В застывший белый танец Больших берёз.
Побегать, побеситься В росе, траве... Не важно — древесина, А важно — свет.	Ты захлебнулся в спешке, А долг растёт... Возьми с собою спички, Зажги костёр.
Здесь каждый разберётся, Куда идти.	

* * *

А что такое интеллект? Среди модерна и телег Мозг перегружен рёвом битлов, Набит цитатами из Библии. И наши бедные нейроны Трепещут чутко и неровно. Они же добела нагреты! А информация наглет — В секунду сотни новых данных! Но знание не даётся даром — Воспринимаешь, если даже Воспринимать не можешь дальше.	Переработка информации — Когда же можно ей заняться? У нас же не века в запасе — Успеть бы в сроки, хоть запарься, Чтоб стало качеством количество. А в голове моей колышется Всё от Адама до ядра, И хочется забыть, удрать... Но это слабость на минуты, А вот когда она минует... (О эти долгие мгновенья!) К Эйнштейну и Хемингуэю!
--	--

* * *

Что ж, не вышло,
Мы — пули.
Наши сроки
минули.
Наши годы
канули.
Сутками,
веками ли
Наш удел —
убожество.
Наши струны —
лопнули.
Наше место —
в обществе.
Это место —
лобное,

Наши песни —
хриплые,
Споры —
беспредметные,
Наше дело —
гиблое,
Наши деньги —
медные.
Милые, возлюбленные,
Эти и забытые —
Крашенные,
глупые,
У друзей отбитые.
Наш язык —
до Киева,
А стихи —
такие вот:
Не искали толка,
В них тоска —
и только.
Ладно,
Попытаемся,
перевоспитаемся.
И годов на тридцать
Мы станем
оптимистами,
Чтобы в пятьдесят
снова написать:
«Что ж, не вышло,
Мы — пули,
Наши сроки
минули...»

* * *

Мы на виду гвардейцы,	Как тянутся недели
Нам никуда не деться.	От бабы до дуэли.
Мы ходим в самых-самых.	Дуэли надоели,
Завидуют гусарам,	А в жизни нету цели.
Что дерзко и без лести	Да, цели нету в жизни,
Живём в параде, в блеске,	И вовсе не от жиру,
Живём под крики «Браво!»),	И не от блажи барской,
На всё имеем право,	Не от тоски кабацкой.
Различия не знаем	Стояли мы стеной
С принцами, князьями,	На площади Сенной,
Небрежно всем кивая,	Стояли как в тумане,
И что шампанским ванны	Беспомощно-гуманны,
Способны наполнять.	Потом настала трезвость.
И всё ж им не понять,	А надо было резать!

Сенат и Николая	Дознания и суда
Картечью и колами,	Устроил государь.
Жестоко, странно, просто!	А надо было — в массы...
А нынче на допросах	Но не написан Марксом
Российские Дантоны	Пока что «Капитал».
Всех заложить готовы —	Армейский капитан
Уж так нас воспитали...	И тот худой поручик —
Чудовищный спектакль	Они своё получат...

* * *

Ты записал себя в калеки	Глаза наполнятся прозреньем,
И понял, подойдя к окну,	Презреньем губы искривятся.
Как важно в круглые колени	
Свой лоб пылающий уткнуть.	Но ты же рядом, ты же видишь всё,
	Поймёшь, что я ещё не начал,
Я знаю, кто-то в час ночной	И на неправду не обидишься,
Затянет в шахматы окошек,	Узнаешь правду — не заплачешь.
Поставит март передо мной,	
Как будто мат поставить хочет.	И распрощаемся по-зимнему.
	И отразишься в лёд и лужи,
Пополненный зелёным зельем	Где пахнут радуги бензином.
И яркий, как игрушка вятская.	И так, наверно, будет лучше.

* * *

Доспехи стёрты, камзол изношен.
 Сюжет не сложен:
 Мы вынимаем мечи из ножен —
 Король низложен,
 Жених повенчан, злодей повешен,
 Престол повержен,
 На вишнях вешних цвет белый вечен —
 Сюжет заверчен,
 Придумки, притчи — пришли пираты,
 Прошли награды,
 А в сердце пуля летела, дура...
 Литература.

* * *

Над опалённым муравейником,	Куда? В задышанном вагоне
Как выметают мусор веником,	Её колышет, как в агонии.
Как в печь выбрасывают вирши,	Она стройна, как парижанка,
Кружатся радужные вихри,	И ей так хочется прижаться
Сверкает хаос, хай, холера —	И что-то прошептать такое,
Хлам. Осень! Роща околела.	О чём не думаешь в вагоне.

А он устал. Он хамски робок.
Дурак, ребёнок, ну, попробуй!
Она отчаянно тонка, и
В её очах тоска такая!

Ну, а его тоска боится
С её тоской соединиться
И в результате стать громадной
Тоской классических романов...

* * *

Но к ночам припадал — не я,
На колени вставал — не я,
Я не знал униженья,
Не считал расстоянья,
И я знал свой нелёгкий крест,
И я знал свой недобрый смех,
Признавая лучшим из средств
Вдруг сорваться с привычных мест.
Но всего один год — и вот,
Но всего один год — и в ад.
Или полностью идиот,

Или полностью автомат.
У меня был точный реестр,
По которому шло бытие,
Как узнал я, что в мире есть
Недоступные губы её?
Или всё поломать, порвать,
Переделать, перекроить,
На последний прийти парад
По колено в своей крови.
Унижать её до себя?
Возвышать себя до неё?

* * *

Ответ не ясен и не слышим,
Нельзя. Они похожи слишком.
И с одинаковостью злой
Они бегут как с эстафетой,
Передавая на бегу
Друг другу странную тоску.
А в недоступной стратосфере
(Как они в это страстно верят!)
Плывут неслышимые звуки,
К которым люди вечно глухи.
Слова таких высоких истин
Плывут, как голуби. Ну свистни!
Они слетят акробатически
Клевать зерно к твоим ботиночкам.

На нас проклятие предела,
И этого не переделать.
Идёт инфляция таланта,
И что в дальнейшем... ну, да ладно.
Пророки неба голубого —
Ты их не слышишь, слава богу.
Всё предыдущее — бред, яд.
Они другое говорят —
Не о решётках и приказах,
И о весёлых и прекрасных,
Кто нужен, кто подлец, кто лишний...
Такие б истины услышать,
Понять, переложить в стихи...
Но эти звуки высоки.

* * *

Человек ни на кого не похож —
Волоките человека под нож!
Человек ни на кого не похож —
Растопчите миллионом подошв!
Но когда прольётся огненный дождь,
На полях сгорят пшеница и рожь,
И стада скота повалит падёж,
И начнётся одичалый галдёж,

Навсегда заменит истину ложь,
Сумки из татуированных кож,
Всё забито — никуда не пойдёшь,
Всё забыто — ничего не поймёшь,
Всё оплакано — слезы не прольёшь,
Затрясёт Вселенную дрожь
Одинаково испуганных рож —
Скажешь горю своё гневное «Врёшь!»
Человек ни на кого не похож.

* * *

До поры мы на всё плюём	Я не знал её губы, нет,
И не ведаем слов святых.	Ведь она любит цветы.
И теперь я люблю её,	И теперь в проводах свистит
А она любит цветы.	Жгучий воздух — пришла зима.
На последний трояк — букет,	А она так любит цветы,
Или с клумбы чужой свести.	А она не любит меня.

* * *

Когда мне очень плохо —	Её благословенья —
Жара или озноб,	Высокие стихи —
Мне снится, что эпоха	Вскрывают, словно вены,
Меня целует в лоб.	Пожалуйста... теки!

* * *

Третья ночь, как я гений.
На три ночи мне дан
Опыт всех обобщений,
Мудрость эпох и стран.
Первую ночь я спорил,
Сыпались аргументы,
Ринулись оппоненты.
Дискуссию я испортил.
Мнения разбивал я,
Сомнения отметал,
Спорил я гениально,
И в глотке звенел металл.
Всё объявили ложью,
Всё побросавши в урну.
Я своего предложить
Не успел — наступило утро.
Вторую ночь я был с нею,
Дурацким счастьем наполнен.
Не было объяснений,
Я сам всё отлично понял.

И за окном машины
Друг за другом гонялись.
Но чтобы стать мужчиной,
Кому нужна гениальность?

Третья ночь, как я гений.
Кажется, третья ночь...

* * *

Оброс и подурнел,	Идите в ресторан
А был-то как игрушка...	И ждите незнакомку.
Последнее турне	Спасибо добрякам,
По кабакам Иркутска.	Но век ракетных гонок —
Последние рубли,	Швейцарам дан приказ
Официанты, нате!	Гнать в шею незнакомок.
Как жаль, что нет любви,	Ты стой себя, швейцар!
Ни Верочки, ни Нади.	В нелепом позументе
Надежда на друзей	Поэзия свинца
Слаба, а вера в чудо	Сменяет прозу меди.
Во столько раз слабей,	Вы привыкайте к нам
Что лучше промолчу я.	И нашим шуткам странным,
И лучше почитать	Вы рамы — без окна,
Судьбу за идиотку.	А мы — окно без рамы.
Давайте начинать!	Нам плохо — мы шуты,
Девчонки, пейте водку!	Нам горько — скоморохи.
Учитесь нас любить,	Вопрос: а что же ты
А лучше не учитесь —	Оставишь для эпохи?
Вы разобьёте лбы	Долги собрать с кого?
О нашу неучтивость.	Так прекрати старанья,
Идея не стара ль,	Ведь этот разговор —
По Блокову закону	Он не для ресторана...

16.01.1971

* * *

— На ваш исходящий номер такой-то
Я отвечаю так-то и так-то...
Ваш подопечный вполне спокоен,
Наподобие подбитого танка.

Не кризис и не манёвры НАТО,
Его идея — хороша ли, плоха —
Легла под него, как матрос с гранатой.
И он в конечном счёте запольхал.

Начинается последнее действие травли —
Без лишнего шума и без собак.
А он горит на зелёной травке,
А у него сейчас рванёт бензобак.

Последний донос на свою машину
Настрочит танкист обгоревшей рукою:
«...Вот и всё, что я могу сообщить вам
На ваш исходящий номер такой-то...»

* * *

А как нас, ребята, учили —
Всё мимо ушей проходило,
Как будто махали кадиллом,
Как будто светили лучиной.

А как нас, ребята, жалели,
Плюя потихоньку в очи
За наши повадки волчьи
И чуя клыки на шее,

А как нас, ребята, ласкали!
Но скулы сковало тоскою,
Мы к ним относились по-скотски,
Поскольку кого-то искали.

И как нас потом прижали,
Покусывая по-сучьи
За тяжесть грехов, а в сущности,
За жадность души, за жадность.

И скатывались по скалам,
И по стране таскались,
И дым в потолок пускали,
Заняв чужие плацкарты.

Но не были мы скупыми,
Мы тратились, сопротивлялись.
И я до сих пор удивляюсь,
Как дешёво нас купили.

МИХАИЛ ЩУКИН

Белый голубь на колокольне

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

В лето, как быть тому, в районном центре Первомайское ломали старую церковь.

Новое время рождало новые нужды, а они, в свою очередь, требовали свернуть колокольню, которая окончательно прохудилась от времени и непогоды. Зимой в щели попадал снег, летом и осенью — дождь; влага накапливалась, дерево гнило, стены и потолок отмокали и начинали плакать. Слышался в непогоду ровный шорох — тяжёлые капли летели вниз без перерыва. Ширпотреб, продукты, мебель, скобяной и иной товар — в церкви находился райповский склад — спешно накрывали кусками брезента, разодранными картонными ящиками, но защита получалась ненадёжной, и тогда приходилось составлять акты на списание окаменевших муки и сахара, тазов, покрытых ржавчиной, и расквашенной в тесто вермишели.

В нынешнюю весну, когда стаял снег, акт на списание оказался таким внушительным, что райповское начальство решило навести порядок: колокольню свалить, сделать нормальную, на два ската, крышу и настелить шифер, чтобы никакая влага не просочилась.

За дело взялась бригада шабашников. Сколотил её на скорую руку проворный мужик Шептун. Был он не из местных, приезжий, кормился разовыми заработками, которых ему вполне хватало на жизнь. Много ли надо бобылю,

ЩУКИН Михаил Николаевич родился в 1953 г. в с. Мереть Сузунского района Новосибирской области. Работал в районной газете, собственным корреспондентом по Сибири в журнале «Огонёк» и газете «Литературная Россия». Закончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Автор более сорока книг, выходящих в разные годы в Новосибирске, Москве и за рубежом. Живёт в Новосибирске.

обитающему в маленькой избёнке, где нет ни жены, ни детей... Странную свою фамилию Шептун не оправдывал: говорил громко, резко и коротко, даже когда беседовал с начальством:

— Сделаем, как в аптеке на весах сделаем! С деньгами не обманете? — И щурил желтоватые кошачьи глаза, потирая ладонью правую щёку, сплошь иссечённую мелкими белесыми шрамами. — Только, это, товар надо вывезти, народ у меня сборный, всякий... А казённые супы я уже хлебал, сытый.

За два дня товары вывезли; часть распилили по магазинам, подсобкам, а часть сложили для временного хранения в кочегарке и в гараже.

В опустелой церкви стало пусто и гулко. Через открытые двери сквозил ветер, но застоялый запах селёдки, краски и керосина даже не шевельнулся от его дуновений — прочно висел, плотно. Валялись на полу куски брезента, разорванные картонные коробки, старые мешки, изъеденные мышами, разбитые деревянные ящики с торчащими наружу гвоздями. Всё это под ногами шуршало, шаркало, стучало и шевелилось, словно живое. Сверху, через окна, забитые досками, просачивался косою свет июньского солнца, рассекал полумрак широкими лентами. В них густо дымилась пыль.

С правой стены, возле которой свалили мужики инструмент, скорбно и строго смотрел лик Спасителя. Деревянные иконы из церкви давным-давно исчезли, а эту, почему-то врезанную прямо в стену, добыть никак не могли. Пробовали и ломом, и топором, но все усилия пропадали напрасно — щепки отлетали, а лик проступал по-прежнему. Только взгляд очей становился суровой. Он и сейчас просёк мужиков насквозь. Те замешкались, смолкли. Даже Шептун, бывалый и тёртый калач, передёрнул плечами.

— У меня справка есть! Чистая, без подмеса! Весь срок оттянул, до звонка! — Колька Гурьянов тормознул напротив стены, крутнулся на каблуках кирзовых сапог и раздёрнул на груди рубаху, показывая синеву татуировки: островерхие горы и над ними солнце с лучами. — И не надо на меня так зырить, как в ментовке! Равноправный гражданин страны Советов, колоть не за что!

Мужики, слушая Кольку, хохотнули, но с затаённой опаской. Было им всё-таки не по себе, неудобно, как в одежке с чужого плеча. Косились на Шептуна, ждали — что скажет? А тот помалкивал, стоял, сунув руки в карманы, и оглядывал, поднимая голову, внутренность церкви. Цокал языком и пристукивал носком сапога в пол.

В широкий проём дверей, обитых изнутри и снаружи полосами железа, заглядывали ребятишки, первыми прибежавшие к церкви. Толкались локтями, шумно сопели, перешёптывались, о чём-то спорили.

Шептун обернулся, увидел их и пугнул:

— А ну, мелочь пузатая, брысь! Чтоб я вас не видел! Брысь, кому сказал!

И ногой, для острастки, топнул. Ребятишки горохом ссыпались с крыльца. Шептун ещё свистнул им вслед и скомандовал мужикам:

— Чего рты разинули?! Наверх давай, работать! Арбайтен, арбайтен, орднунг должен быть!

Мужики, торопясь и подталкивая друг друга, разобрали инструмент, полезли на колокольню. Но там снова замешкались, увидев с верхотуры знакомую округу. Она расстилалась при ярком свете июньского дня на километры и, казалось, звенела: сосновый бор плавно спускался к Оби, искрившейся, как огромное зеркало, за крайними домами лежал луг с двумя озёрами-блюдцами, а ещё дальше, за лугом, брызгали зеленью берёзовые колки, раскиданные по полям, уходившим

к окоёму. Там, внизу, всё было понятным, близким, а вот предстоящая работа... Что ни говори, а всё-таки держался, не отпускал неясный страх. Оглядывались, шурились на солнце и медлили.

— Эх, мать моя женщина! Дай рублишко заработать! — Колька первым скинул с себя оцепенение, поставил под ноги новую «Дружбу», канистру с бензином и похлопал ладонью по бревну, которое высохло до чистого звона и железной крепкости. — Налетай, мужики, Христос не выдаст, свинья не съест!

Колокольня была срублена в восьмерик, то есть в восемь углов, звонница, покрытая досками, покоилась на толстых стояках. План у Шептуна был простой: ободрать доски, в колокольне пропиливать дыры, в дыры эти завести тросы, а внизу поставить трактора и лебёдки. Рвануть посильнее — и всё деревянное барахло свалится на землю.

— Посторонись! — дурашливо и громко закричал Колька. — Раздайся, грязь, г.. плывёт!

Дёрнул тросик стартера, бензопила рыкнула, заведясь с первого раза, и завизжала. Колька вздёрнул её рывком, подступился к стене колокольни, и на тёмном дереве обозначился широкий порез. Брызнули янтарно-жёлтые опилки. Круто завоняло бензиновым чадом. Мужики, словно очнувшись, разом схватились за работу. К визгу бензопилы добавились скрип кованых гвоздей, выдираемых из дерева, ухающие шлепки досок, сброшенных на землю, и частый, торопливый перестук топоров.

Скоро на колокольне появилась первая дыра, затем вторая, и они стали зиять, как пустые глазницы. Церковь хрустела, расставаясь со своей плотью, и превращалась в жутковатое, уродливое сооружение, неизвестно зачем попавшее на приветливый и зелёный взгорок.

Следом за ребятишками приползли на шум и гром старухи. Прошаркали по земле резиновыми калошами и остановились в отдалении, испуганно сбившись в тёмную стайку. Крестились, охали, когда очередная доска или выпиленное бревно падали на землю, переговаривались, и голоса их, лишённые прежней молодой силы, шуршали, как сухая бумага.

— Помешала она иродам, колокольня... Стояла, христовенькая, глаз радовала, а теперь и глянуть некуда будет.

— Помощников-то набрал, пердун чёртов, одних тюремщиков, добрый человек разве сподобится.

— Господи милосливый, меня венчали в ей, с Гришей моим, на Николу Зимнего венчали.

— Какая теперь жизнь восшествует, помыслить страшно.

— Руки, руки бы у их поотсохли!

Но слов этих ни Шептун, ни мужики не слышали, да и старух не видели — некогда было по сторонам глазеть.

К вечеру на звоннице остались только стропила, а колокольня светилась пропиленными дырами, и ярко желтели бока распиленных брёвен.

Широкий разрез заката, распластанный на половину неба, съёжился и погас. Долго густились сумерки, и лишь к полуночи на старую церковь опустилась темнота, скрыла дыры, раскиданные груды досок и одиноко торчавшие стояки. Медленно, напрягая силы, церковь стала приходить в себя. Разодранная, распиленная, она продолжала жить. Дух её, растекаясь по самым дальним углам и пазам, чутко

поднимался по уцелевшим брёвнам наверх и собирал, сращивал всё, что ещё не разрушили, в единое целое. Тишина бережно снимала визги бензопилы, стук топоров и матерные голоса. Церковь снова начинала ощущать свои стены, макушку звонницы, но более всего — твёрдую землю под нижними венцами.

Оттуда, от земли, из самой её глубины, прибывала сила, устремлялась ввысь, копилась в самой крайней точке звонницы и поднималась в небо. От земли — через церковь — в небо, словно кровь в жилах. Омытая ею, церковь становилась крепче, и уже не так остро ныли её пропиленные раны.

По загвазданному, замусоренному полу извилистой змейкой прополз шорох. Церковь дрогнула, и ярче, строже загорелся на правой стороне лик Спасителя. В тот же миг на звоннице, где раньше был крест, вспыхнуло в темноте светлое пятно. Это был белый голубь. Белый от клюва до кончика хвоста. Поджав крылья, он упирался розовыми лапками в расщеплённое дерево и тихо ворковал. Бархатные звуки плавно спускались вниз. Если от земли шла сила, то от голубиноного воркования в церковь вливалась живая жизнь. И пока она сохранялась в стенах, они крепились, стояли прочно, сопротивляясь до последней возможности, чтобы не рассыпаться в прах.

Ещё раз змейкой прошуршал шорох. Голубь отзывался бархатным воркованием. Церковь бережно подняла скользящий шорох с пола, пустила его по стенам, и он, разделившись на восемь частей, поднялся наверх и сомкнулся под розовыми лапками голубя.

Стены очистились. Всё, что налипло на них за нынешний день, соскользнуло и растворилось. Церковь снова ощутила себя чистой, благостно стало, спокойно и на миг забылось о том, что с ней сотворили в минувший день.

Вдруг она различила на земле почти неслышные, неуверенные шаги, и потревожилась, обнаружив у самого крыльца русого мальчика. Он был бос, на ногах густо гнездились цыпки, а кудрявые волосы на его голове казались светлым облачком. Мальчик замешкался, постоял в раздумье и поднялся с земли на нижнюю ступеньку крыльца. Замер перед громадой церкви и опустил тонкие руки; долго, с затаённой тревогой, смотрел в темень настезь распахнутых дверей. Церковь знала, чей это мальчик, знала его коротенькую судьбу, а ещё — предвидела его судьбу будущую и поэтому позвала внутрь. Он с готовностью отзывался. Поправил шаровары, сшитые из чёрного сатина и украшенные пёстрыми заплатками, одёрнул синюю застиранную рубашку и стал одолевать одну ступеньку за другой, осторожно ставя ноги на тёплые ещё доски. Прошёл в глубину церкви, снова остановился, разглядывая лик Спасителя, который явственно проступал из сплошной темноты.

«Я нечаянно пришёл. Проснулся и пришёл. Меня никто не видел».

«Хорошо, что пришёл, ты не мог не прийти. Я тебя позвала. Ты подрастёшь, многое забудется, но настанет час — и ты всё вспомнишь. Всё... И только тебе откроется тайна, о которой сегодня никто из людей не знает. Я тебя благословляю на жизнь и на терпение в ней. Слушай...»

«Не понимаю я таких слов, я не знаю, зачем пришёл...»

«Придёт время — поймёшь. А теперь — слушай...»

Забылись, ушли собственные страдания, осталась лишь тревога о будущей судьбе мальчика, до конца не ясной, подёрнутой зыбкой дымкой, как степная дорога у горизонта.

«Слушай...»

Мальчик снова поднял кудрявую голову, и церковь увидела, как блеснули у него в глазах будущие слёзы. Она накрыла его живым дыханием, оберегая хотя

бы на время, напрягла память стен, и в них зазвучало тихо-тихо: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его нанавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень...»

Белый голубь выструнился, быстро-быстро ударил белыми крыльями. Неведомый голос зазвучал сильнее, громче, церковь вложила в него последние силы, какие оставались после тяжёлого дня, и добилась, чего ей желалось больше иных желаний — ударил колокольный звон и пошёл над землёй плавными, тугими волнами. Мальчик прижал к груди руку и ощутил под ладонью горячее жжение — будто огонь вспыхнул. Было тепло, радостно, как ещё никогда не было в его маленькой жизни.

«Мне светло здесь, я здесь останусь...»

«Ты здесь не останешься. Ты пойдёшь в жизнь. Скоро наступит рассвет, ты проснёшься, и эта ночь уйдёт у тебя из памяти, но вернётся... Ступай с Богом, иди и не оглядывайся...»

Мальчик послушно направился к выходу, спустился с крыльца на землю и пошёл, не разбирая дороги, вороша босыми ногами сыпучую пыль.

Вослед ему пели колокола, как не пели они в лучшие свои времена.

— Баушке моей скажи! — Колька сплюнул сквозь зубы и вытер губы зажёванным рукавом пиджака. — Из тебя прорицатель, как из меня партийный секретарь!

— Да честное слово! Своими ушами... И трезвый был, ни в одном глазу! Вышел на двор покурить и слышу — звенит... — Афоня Бородкин, тихий и всегда как бы растерянный мужик, хлопал выгоревшими ресницами и клялся, что слышал въяве и без обмана колокольный звон, мужики ему не верили, а он стоял на своём: — И вызванивало вот так вот — дин-ди-дон, дин-ди-дон...

— В зад тебе пистон! — ловко вставил Колька и, довольный, расхохотался. — Кончай, Афоня, лапшу вешать — вкалывать надо! Бугор, давай приказание.

Шептун потёр щёку, дольше обычного задержав ладонь, быстрым скользящим шагом окинул церковь и скомандовал:

— Хватай лом, Афоня, и наверх, чтобы в ушах не звенело. Трактора подойдут, будем троса заводить. Шустрей, ударники, арбайтен!

— А я, это, боюсь, мужики... Шептун, боюсь я... — Афоня дёргал острым плечом и пятился назад. — Я, пожалуй, откажусь, мне и доли не надо...

— У тебя её и нет! — и без того тонкие бескровные губы Шептуна вытянулись, как лезвия. Лицо заострилось, глаза заузизились до махоньких щёлок. Он умел подчинять людей. Такой костоломной силой дохнуло на Афонию, что тот сразу свял. Молчком потрусил к крыльцу церкви.

За ним потянулись и остальные мужики.

— Вот так. Так оно лучше. Орднунг! — сказал Шептун, глядя им в спину, и потёр щёку ладонью.

След в след за шабашниками, как и вчера, появились ребятишки, а за ними — старухи. Мелюзга, опасно озираясь, кинулась разглядывать церковь и сброшенные доски, а старухи приступом подступили к Шептуну:

— Грех на тебе будет! Слышал седни, как она звенела, сердешная!

— Ты чего же с ума-то слазишь!

— Да им сатана владает, сатана им водит!

— Он чо понимает, нелюдь! Костылём, костылём его по хребтине шщёлкнуть!
— Бог накажет так накажет — слезами заревёшь!

Старухи горячились, шумели, подступали ближе. Шептун шурил желтоватые кошачьи глаза, смотрел на старух и не уступал им ни сантиметра. Вдруг качнулся с носков на пятки, оскалится, словно собирался кусаться, и засвистел, громко и точно передавая мелодию: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...» Старухи от его свиста опешили, чуть отступились, и Шептун, круто повернувшись, пошёл прочь. «Перешницы старые, вешалки худые! — шёл и сплёвывал себе под ноги. — Церковь они жалуют, над старым гнильём плачут! А кто людей пожалеет?! Вот меня кто жалел?! Наказанием пугать вздумали! Да я давным-давно отбоился! Бога, чёрта, дьявола — всех!»

Действительно, бояться Шептун уже давно никого не боялся. Да и чем можно напугать человека, который повоевал на войне, побывал в немецком плену, а в довесок, для ровного счёта, отведаль ещё лагерей в окрестностях далёкой северной Воркуты. Душа его выгорела до доньшка, остались лишь пепел да сажа, а на них плодоносит только злоба.

На ходу он поднял голову, увидел всё ещё стоявшую колокольню и сцепил зубы: «Свернуть, свернуть к чёртовой матери!» Поднялся наверх и матерно заорал на мужиков, что шевелятся они слишком медленно.

К обеду два трактора притащили на больших деревянных санях лебёдки, которые быстро сгрузили на землю, установили и принялись заводить на колокольню тросы.

— На макушку, на макушку ещё один! — командовал Шептун, и голос у него срывался от нетерпения. — Колька! Давай наверх!

Колька натянул металлические когти, с какими лезут на телеграфные столбы, и полез по стояку на самый верх звонницы. Добрался, вытащил из-за пояса выдергу, собираясь оторвать пару досок и завести трос. Но держать выдергу одной рукой было неудобно, тогда он поднялся чуть выше, спружинил ногами, чтобы когти глубже вошли в дерево, примерился к крайней доске и вдруг почувал, что на него кто-то смотрит. В упор. Вскинул глаза. На потрескавшемся, почти чёрном основании, где раньше был крест, сидел белый голубь. Смотрел, не смаргивая, и глаза его были человеческими. Взгляд их насквозь, навывлет, просекал Кольку, его прошлую и нынешнюю жизнь, и уходил дальше, угадывая и будущую. Ноги у Кольки задрожали, правый коготь зашевелился, вылезая из дерева. Он уронил выдергу и намертво вцепился в стояк.

— Бере-ги-и-и-сь! — заорали мужики, увидев выдергу, которая кувыркалась в воздухе. К счастью, она никого не задела. С грохотом упала на доски, вздыбила пыль.

Мужики кричали, материли Кольку, но тот не слышал. Руки будто вросли в дерево, и он боялся пошевелиться. Но всё-таки пересилил себя, вытянул шею и посмотрел вверх. Взгляд у голубя был прежним — человеческим. Так смотрят, когда хотят навсегда запомнить. Колька лихорадочно дёрнул ногой, вытащил заострённый носок когтя из дерева и пополз вниз, обдирая живот и руки.

— Придурак! Чокнулся?! Выдергой по башке, а?! — тонко, по-бабьи голосил Афоня.

У Кольки чакали зубы, заикаясь, он едва выговорил:

— Голова закружилась... Чуть не брякнулся... Вниз сведите, ноги не идут...

Его подхватили под руки, свели вниз. В переулке положили под крапиву, где была тень.

— Может, приглядеть? — обеспокоился Афоня.

Антон Бахарев пожевал губы и кратко буркнул:

— Обыгаться.

Когда мужики отошли, Колька вскинул голову и глянул на звонницу. Голубя там уже не было. По стояку карабкался вверх сам Шептун. Добрался, оторвал доски, на верёвке подтянул трос, закрепил его и быстро спустился вниз — будто век по верхотуре лазил. «Вот, чёрт, ничего не боится!» — позавидовал Колька, неуверенно поднимаясь на ноги, которые всё ещё подрагивали в коленях. Прошёлся туда-сюда, отдышался, и страх понемногу стал его отпускать. Колька подумал: «Может, привиделась вся эта ерунда? Точняк, привиделась!» Ободрился, искренне желая поверить, что так и есть. С кем не бывает? Утром с похмелья не жрал как следует, а тут жара, да ещё на высоте... Встряхнулся молодым петушком, и ему стало совсем легко.

Он уже направился к церкви, но тут появился в переулке — как из-под земли вылупился! — Федя Пешеход. Пересёк дорогу и звонким, вздрагивающим голоском пропел:

— Коля, Коля, Николаша, я приду, а ты встречай! Дилинь, дилинь! А?

— Иди ты! — отмахнулся Колька. — Не до тебя...

Но Федя не уходил, заступая ему дорогу. Быстро, по-птичьи перебирал ногами, обутыми в старые ботинки без шнурков, и ворошил пыль. Большие ослепительно голубые глаза ярко блестели, будто изнутри их подсвечивали лампочки.

Федю Пешехода в Первомайском знали все — от мала до велика. Он не имел ни угла, ни дома, всю жизнь бродяжил, ночуя, где придётся: возле порога в домах у сердобольных хозяев, в банях, в хлевах вместе с коровами, в кочегарках, а летом и вовсе под любым кустом или забором. Все свои пожитки Федя носил на себе: ботинки без шнурков, брезентовые штаны, подпоясанные солдатским ремнём, дырчатый свитер и затёрханный пиджачишко, увешанный сверху донизу разнокалиберными значками. Федя с одинаковой радостью цеплял октябрятскую звёздочку, «Отличник Советской Армии», «Ударник коммунистического труда», «Народный дружинник»... — чем награждали его шутники, то он прикалывал и привинчивал. Была у него даже медаль «Мать-героиня». А ещё Федя носил на спине тощий мешок, в котором лежала зимняя амуниция: чёрные подшитые валенки, фуфайка и шапка. Но главным богатством была балалайка. С шёлковым бантом, теперь уже непонятно какого цвета, залепленная в иных местах синей изолентой, она висела на тонкой витой верёвочке, перекинутой через плечо, и всегда была под рукой. В любой момент Федя мог подхватить её и ударить по струнам. Играл он так истово, что балалайка начинала петь человеческим голосом, а сам он плакал.

Сейчас Федя сутился перед Колькой, заступая ему дорогу, и не пускал к церкви. Дёргал головой, размахивал руками, наклонялся то в одну, то в другую сторону — весь разом двигался, словно был на шарнирах.

— С коня упал? — изумлённо вытаращился на него Колька. — Чего мельтесишь?

— Не ходи туда, не надо туда ходить! — заторопился Федя, не уставая перебирать ногами. Он всегда ими перебирал, даже во сне, за что и прозвали его Пешеходом. — Там худо, ой, худо, а станет ещё хуже!

— Да ладно! — Колька осерчал и сдвинул его в сторону. — Не каркай! Хуже не будет!

Федя проводил его долгим тоскливым взглядом, встрепенулся и быстрым прискикивающим шагом заторопился из переулка на площадь перед церковью. Там

прибился к старухам и стал взмахивать обеими руками, словно подавал знак шабашникам, чтобы они бросали работу.

А работа у них шла наперекосяк, через пень колоду: одна лебёдка оказалась неисправной, ДТ-54 заглох и не заводился, вдобавок потеряли, пока шаршились с Колькой, стартер от бензопилы и теперь никак не могли найти его между досок. Шептун метался то на колокольню, то вниз, материл мужиков и, в конце концов, не выдержав, отодвинул в сторону тракториста, завёл ДТ-54 и сам полез в кабину. Его кошачьи глаза поблескивали и светились, словно он смотрел ими из тёмного угла.

Оба трактора взревели, медленно поползли, оставляя за собой рубчатые следы от гусениц. Тросы натянулись и прочеркнули собой чёрные линии, которые разом соединили тракторы и колокольню. Ещё одна такая линия соскользнула сверху к исправной лебёдке. Мужики спустились вниз, отошли на безопасное расстояние.

Давай! Наяривай!

Тросы натянулись и задрожали. Старухи ахнули, а старое дерево церкви отозвалось треском. Тракторы заревели сильнее, буровили землю гусеницами на одном месте.

Колокольня стояла.

Федя выскользнул из кучки плачущих старух, пересёк площадь и оказался на том самом месте, куда должны были обрушиться доски и брёвна. Передёрнул балалайку на грудь и заиграл. Правая рука неумовимо порхала над инструментом, и три струны, соединив свои звуки в один, запричитали голосом плакальщицы, как по покойнику.

Звенели тросы, орали моторы, вверху трещали потревоженные брёвна, а внизу бились в проворных фединых руках струны, и голос их был самым слышным посреди остального шума. Федя плакал. Из крепко прижмуренных глаз выдавливались мелкие слёзы, без остатка терялись в морщинах и в жиденькой бороде.

Шабашники опамятовались, заорали, чтобы он убежал. Но Федя их не слышал, а Шептун из кабины не видел его и продолжал на яростных оборотах выжимать из мотора последние силы — гусеницы уже выгребли две больших ямы.

Федя играл.

Кинулся через площадь сломя голову Афоня. Добежал до трактора, закричал, замахал руками, подавая знаки Шептуну, чтобы тот заглушил мотор. Но мотор заглох сам. Трактор чуть сдал назад, трос обмяк и провис. Колокольня на этот раз устояла. Шептун выскочил из кабины, увидел Федю возле церкви и бросился к нему. Федя его не испугался, но играть перестал и балалайку задвинул за спину. Стоял на прежнем месте, молчал и даже не шевелился. Но когда Шептун протянул руку, чтобы схватить его за шкуру и дать выволочку, неожиданно выкрикнул плачущим, срывающимся голосом:

— Рога! Рога выросли! Худо будет, у него рога выросли!

Шептун схватился за голову — никаких рогов не было. А Федя не умолкал:

— Рога! Рога растут!

— Недоумок! В тюрюгу бы из-за тебя упекли! — Шептун замахнулся, но ударить не посмел. Выругался и опустил руку.

Колокольню в тот день свалить так и не удалось, а ночью снова заговорили давно снятые колокола.

Рано утром появился возле церкви инструктор райкома партии Ветров. Он только что получил от первого секретаря строжайший наказ: слухи о колокольном

звоне немедленно пресечь, а саму колокольню сегодня же свернуть. И всё это — под личную ответственность. Она у Ветрова была, хотя поработал он в райкоме всего лишь три месяца. А до этого, придя из армии, где дослужился от рядового до старшины, год просидел на районном ДОСААФе, и военной закваски растерять не успел: раз приказ отдан, надо его — кровь из носу! — выполнять.

На площади было ещё пусто, и Ветров первым делом провёл рекогносцировку на местности: оглядел тракторы, лебёдки, тросы, прикинул на глазок траекторию падающей колокольни и пришёл к выводу, что брёвна или доски могут долететь до тракторов. А это уже техника безопасности — её надо соблюдать. Сел за рычаги и отогнал тракторы в сторону. «Ротозейство элементарное, а после слухи всякие поползут...» — думал он, довольный своей предусмотрительностью.

После этого зашёл в церковь и сразу же наткнулся на Федю Пешехода. Тот безмятежно спал у стены. Под головой — мешок с верёвочными ляжками, а под рукой — балалайка. Во сне перебирал ногами, словно куда-то торопился, боясь опоздать. Ветров растормошил его, поднял и стал выталкивать на улицу. Но Федя заупрямился, упирался и выходить не желал. Моргал заспанными глазами и тыкал указательным пальцем вверх:

— Нельзя уходить! Упадёт она! Падёт и придавит! Всех придавит!

— Давай шевелись! — торопил его Ветров, цепко ухватив за пиджачишко. — Свободен! Руби строевым на оправку!

Вытолкал Федю на крыльцо и дальше, продолжая держать рукой за пиджачишко, дотолкал его до самого переулка. Напоследок дал напутствие:

— Сделай так, чтобы я тебя долго искал. И не вздумай народ баламутить — в КПЗ посажу!

К этому времени один за другим стали подтягиваться шабашники. Ветров оставил Федю и прямым ходом двинулся к Шептуну, сразу же начал отчитывать:

— Вы что, до ноябрьских праздников ковыряться здесь будете?! Знаете, какие слухи по райцентру идут?! Официально, товарищ Шептун, предупреждаю, это — политическое дело. К обеду чтоб всё закончили!

Красивое молодое лицо Ветрова было суровым, как на плакатах в коридоре райкома. Шептун, наученный в своё время долгими допросами, людей с такими лицами опасался. Не боялся, нет, а именно опасался. Слушал и не возражал. Про себя думал: «Сопляк! Показал бы я тебе в другом месте небо с тряпочку!» Вслух же сказал:

— К обеду свернём, не беспокойтесь.

Ветров кивнул, принимая заверение, а Шептун заторопился к трактору.

К церкви снова собирались старухи, снова переговаривались, ахали, охали, ругали начальников и шабашников. Оставленный без надзора, к старухам тут же прибился Федя. Уселся прямо на землю, пристроил на коленях балалайку и добыл из неё плачущий голос.

Но в этот раз Федя играл недолго.

Ветров добежал до магазина, позвонил в райотдел, и скоро на «газике» примчались два милиционера. Растолкали старух, подхватили Федю под тонкие руки, впихнули его вместе с балалайкой в кабину и увезли.

— И вам советую помалкивать! — предупредил Ветров старух. — Развели тут, понимаешь, поминки, как по покойнику! Помалкивать! Ясно?

Старухи испуганно смолкли.

Тракторы взревели разом. В помощь им заскрипела лебёдка, и провисшие тро-

сы стали медленно натягиваться. Скоро они натянулись до упора и затрепетали, будто под ветром. На колокольне родился глухой треск.

Недалеко от тракторов сбились в стайку ребяташки и отчаянно спорили. Один из них, белобрысый, с густой россыпью веснушек на носу, указывал рукой на колокольню и запальчиво кричал:

— Да вон же он, вон, наверху сидит! Белый!

— Где? Где? — перебивали его дружки. — Где твой голубь?!

— Глаза разуйте!

— Да нету его!

Конопатый ткнулся на цыпочках, смотрел на колокольню и твердил:

— Вон сидит, белый!

Треск на колокольне нарастал, будто сухую палку ломали через колено. Тросы врезались в дерево, разрывали его, крошили рваные щепки, и они, оторвавшись, долго кружились в воздухе прежде чем упасть на землю. Казалось, что трещит и разламывается вся церковь — до основания.

— Да-вай! Го-о-ни! — размахивал обеими руками Шептун.

Тракторы взревели ещё громче. Треск ослаб, а из основания колокольни вывернулось бревно, повисло, застряв одним концом в пазу, сама колокольня накренилась, подламываясь у основания, и медленно повалилась вниз, страшно задирая разломленные и расщеплённые концы брёвен, сверкающие желтизной. Всё разом встало как бы с ног на голову и с тяжким утробным ахом грохнулось в землю. Земля вздрогнула. Чёрный гриб пыли вздыбился под самое небо.

— Летит! Летит! — отчаянно закричал конопатый мальчишка. — Летит!

Но дружки его ничего не видели и верить ему не хотели. А мальчишка не обманывал, он говорил правду, потому что действительно видел: из самой середины пыльного гриба взмыл голубь. Он быстро-быстро взмахивал крыльями и отвесно белой тающей точкой уходил в небо. Оставался за ним ровный чистый след, будто одинокая капля дождя скатилась по грязному стеклу. Но вот она исчезла, а пыль медленно стала оседать на груды переломанного дерева.

Больше смотреть было нечего.

Пошабашили.

За церковью щетинилось скобоченными крестами старое кладбище, затянутое высокой крапивой и белесыми метёлками приторно пахнувшей полыни. Здесь, прячась в бурьяне от начальства и жён, частенько собирались мужики, чтобы выпить. Между могильными холмиками валялись разбитые бутылки, испорченные консервные банки, принесённые и забытые стаканы, и на всём лежала цепкая пыль, не смываемая даже дождями. Тут же, между могил, бродили беспризорные телята. Один из них нечаянно наткнулся на шабашников, подпрыгнул, вскидывая задние ноги, мекнул и бросился в сторону, торчком поставив пёстрый хвост.

— Эх, свеженьки бы! Колька, лови, жаркое сделаем! — Шептун сунул два пальца в рот, пронзительно свистнул, и телок, ещё раз взбрыкнув, надал ходу, скрылся за высокими тополями.

Колька на крик и свист Шептуна не отозвался. Сидел, спиной привалившись к старому кресту и, казалось, дремал. Его худые жилистые руки, безвольно лежавшие на коленях, чуть заметно вздрагивали. Остальные мужики тоже помалкивали, неторопливо закусывая и покуривая. Не было у них радости, какая бывает обычно после удачно сделанной и денежной работы. Не ладился разговор, не вспыхивало весёлое настроение. Шептун пытался расшевелить, ободрить мужиков, но не

получалось. Уж Колька, на что оторва, и тот припух. Неужели испугались, что колокольню свернули? «Сидят, как дерьма наелись...» — подумал Шептун и командовал:

— Наливай, Афоня!

Афоня потянул руку к бутылке, но тут же отдернул её, словно обжёгся, вскинул глаза и растерянно, с перерывом, выговорил:

— Ты... откуда?

Прямо перед шабашниками стоял столбиком конопатый мальчишка, неизвестно откуда явившийся, до того тихо, что никто и не слышал. Поддёргивал на животе сатиновые шаровары и швыркал разбухшим носом, под которым запекалась кровь.

— Здорово, земляк! — Шептун с прищуром глядел на мальчишку. — Откуда свалился? С неба? А нос кто расквасил?

— Я от церкви пришёл, а нос... с нашими подрался. Дяденьки, вы голубя на церкви видели? Белого... Я своими глазами видел, а мне никто не верит, вот и подрались...

— Какой голубь? — быстро переспросил Колька, разом встряхиваясь от дремоты, отлепился от креста и даже на ноги поднялся.

— Ну, белый! — досадуя на непонятливость, заторопился мальчишка. — Он на самом верху сидел, а когда брёвна упали — полетел.

— М-м-м... — Шептун потёр щёку, и на скулах у него каменно выступили желваки. — То звон, то голуби... Вы что, мужики, белены натрескались? И ты, мелкий, туда же! Значит, так, больше про это ни слова! Услышу — сам пасть запечатаю! — Сжал сухой костистый кулак, ткнул им перед собой в пространство и сразу разжал. — Никиту по радио слушайте, он обещал последнего попа показать, специально для вас покажет. Не было никакого звона, и голубя не было! Понятно? И ты, парень, забудь! Конфет хочешь? Тебя как зовут? Да ты садись ближе. Как, говоришь, зовут?

— Алексеем меня зовут, Богатырёв я.

— Погоди, погоди... — вмешался в разговор Афоня, — это... это твою мамку на ДОКе...

— Ну, — понурился мальчишка, — бревно упало и убило. А у папки осколок военный, он его в город вырезать поехал. Мы теперь с бабой Настей живём... Я-то старший, а Серёга с Надькой мелюзга совсем...

— Безотцовщина, значит, — Шептун потёр щёку, помолчал и спросил: — Водку-то пьёшь, Алексей?

— Не, раз попробовал, блевал, блевал — не хочу.

— Значит, и наливать тебе не будем, конфеты жуй, Галька-продавщица, как знала, что ты придёшь, на сдачу всучила. Жуй, весь кулёк себе забирай. Афоня, уснул?

Афоня спохватился и набухал полные стаканы. Колька первым схватил долю, остальные, не отставая от него, пили так же торопливо и жадно, как в последний раз. Все, кроме Шептуна, быстро хмелели. Алёшке сунули кулёк из серой пористой бумаги, в котором конфеты-подушечки слиплись в один комок, он их отрывал кусочками, жевал и не чувствовал во рту сладости. Думал: «Неужели они голубя не видели? Наверно, видели, только говорить не хотят. Может, боятся? А кого им боятся? Вон какие большие... Еще раз спросить?» Но спросить не насмеливался и продолжал сидеть возле шабашников, слушая их пьяные разговоры.

— Война скоро будет! К тому всё идёт! — перекрикивая остальных, надсажался Афоня. Переродился он прямо на глазах: шумел, размахивал руками, во взгляде его, всегда растерянном и виноватом, засветился злой огонёк. — Американцы, как пить дать, ползут! Вот и война!

— Тебе, Афоня, с бабой спать надоело? — поддел его Шептун. — Желаеть с винтовкой в обнимку спать?

— Всё равно начнётся! — Афоня поднялся на ноги, его мотнуло, и он уцепился за крест, под которым сидел Колька. — Начнётся — я первым пойду! Пойду! Я наводчиком, на фронте... Слышите? Сто пятый истребительно-противотанковый полк! Я на прямую наводку выскакивал! Я — Афанасий Бородкин! Командир полка лично награждал! Я на фронте человеком был! Я Афанасием Бородкиным был! А здесь — Афоня... Война случится — пойду! И опять Афанасием Бородкиным стану. Я от природы наводчик!

— Да сядь ты, наводчик! Если охота — иди, воюй! Кто держит?! Не навоевался он... Да сядь ты! — Шептун ухватил Афоню за штанину, усадил на землю, но тот вскочил, дёрнул воротник рубахи, с такой силой дернул, что посыпались разнокалиберные пуговицы, и неожиданно запел сразу окрепшим и ничуть не пьяным голосом:

*Артиллеристы! Сталин дал приказ!
Вперёд, вперёд зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей,
За слёзы наших матерей,
Огонь! Огонь! Огонь!*

— Огонь! — кричал Афоня и притопывал ногами, будто ему жгло пятки. — По танкам противника! Бронебойным! Огонь!

Его опять сдёрнули на землю, сунули стакан с водкой — лишь бы умолк.

— Мужики, на фронт хочу, я там человеком был... — Афоня затряс головой, расплескал водку себе на колени, и лицо его, с жёсткой, давно не бритой щетиной, кривилось как от сильной боли.

Колька сдёрнул с себя пиджак, свернул и положил в изголовье могильного холмика. Афоню повалили головой на пиджак, удобней выпрямили ему ноги, и он сразу уснул.

Спать никто и не заметил, что на Первомайское напозла громадная туча в фиолетово-белесых завивах. Подсвеченная снизу закатным солнцем, она громоздилась до самой верхушки небесного купола и не оставляла светлых зазоров. Тёмная, будто по линейке отчёркнутая полоса также стремительно, как и туча, покатила по земле, стирая солнечный луч. Докатилась до шабашников, замерла на миг перед старым крестом и устремилась дальше. Лица мужиков, накрытые тенью, сразу стали старей и пьянее, чем были на самом деле. Алёшка заметил эту скорую перемену и остро, до неизвестной раньше боли, пожалел их всех. Ему захотелось сказать им что-нибудь ласковое, утешительное, но он не знал, что. И просто жалел. Афоню, спящего на могильном холмике, Кольку, который разглядывал ободранные носки сапог, угрюмо замолчавшего Шептуна, Антона Бахарева, который тянул, закрыв глаза, тоскливую песню без слов, — всех жалел, кто сидел сейчас между могил на старом кладбище. Шептун перехватил взгляд Алёшки, изломал тонкие губы в усмешке:

— Что, парень, невесело?

Алёшка вопроса не понял и пожал плечами.

— Мужики! Колокольни-то нет! — ошалело вскинулся Колька. — Нет колокольни! Гляжу, гляжу — чего не хватает? Её не хватает! Пацанами в бору заблудимся, рраз на сосну, вон она — колокольня. И подались к деревне. Всегда выручала...

— Заткнись! — не поднимаясь, Шептун ухватил Кольку за плечо и так потрянул, что голова у того болтанулась из стороны в сторону, как тряпичная. — Сказал же, хватит! Всё! По домам разбегаемся! Дождь вон...

Антон Бахарев словно этих слов и ждал. Поднялся, подумал, буркнул: «Хреново» и зашагал, широко раскидывая крепкие литые ноги.

Оставались ещё Шептун, Колька и Афоня, спавший у могильного холмика. Алёшка тоже не уходил. Он всё надеялся дожждаться ответа на свой вопрос о голубе. После липких, приторно-сладких конфет его подташнивало, хотелось пить, но он терпел.

Шептун и Колька растормошили Афоню, закинули его руки себе на плечи и потащили, покачиваясь и спотыкаясь на каждом шагу. Носки афониных сапог бороздили по пыльному чертополоху и оставляли за собой две примятых извилистых полосы. Алёшка брёл следом, старался не наступать на эти полосы, и ему по-прежнему было жаль мужиков, а ещё он жалел каких-то других людей, далёких от него и неизвестных ему. Совсем близко, на подступе, стояли слёзы.

Первые капли дождя шлёпнулись на листья лопухов, и на старом кладбище стал вызрывать прерывистый шорох. Телята разбежались, ни одной живой души вокруг не маячило, только шаршились три мужика да брёл за ними, не отставая, мальчишка.

Церковь без колокольни присела, стала похожа на большой и заброшенный сарай, будто расплющилась. Груда переломанных, покорёженных досок всё ещё ощутило пахла многолетней пылью. На крайнем, далеко отлетевшем бревне сидел Федя Пешеход, полый пиджака прикрывал балалайку и молча, не шевелясь, смотрел на мужиков. Шептун заметил его, дёрнулся и потащил Афоню, а вместе с ним и Кольку, как трактор. Федя проводил их долгим взглядом, сдвинулся с насиженного места и направился в церковь. В милиции ему строго-настрого запретили здесь появляться, но Федя, согласно кивнув головой, сразу же и забыл суровый наказ, и шёл теперь туда, где ему хотелось быть.

Афоня жил на самой окраине Первомайского. Пришлось долго петлять по кривым переулкам, пока не выбрались к старому домику с прогнувшейся крышей. Навстречу выскочила худая простоволосая баба. Ноги у неё бугрились синими шишками взбухших вен, а на ногах были глубокие резиновые калоши. Не останавливаясь, баба на ходу скинула одну из них, цепко ухватила в правую руку и, не успели мужики моргнуть, как калоша загуляла по афониной голове. Отскакивали от подошвы засохшие комки грязи и коровьего помёта, Афоня что-то испуганно бормотал, а баба молчала и продолжала лупить своего мужа, плотно поджав блеклые, выцветшие губы.

— Ша! — первым опомнился Шептун и выбил ребром ладони калошу. — Размахалась, курица!

Баба задохнулась, сжимая и разжимая пальцы, в которых только что была калоша, поняла, что больше ей бить Афоню не позволят, и тогда плюнула ему в лицо. Крутнулась, и только подол старой юбки мелькнул в дверном проёме. Дверь хлопнула, звякнул изнутри крючок.

Стучаться, чтобы завести Афоню в дом, не стали, понятно было, что сердитая

баба не отзовется и дверь не откроет. Завели Афоню в летнюю кухню, сколоченную из неоскуренного горбыля, усадили на лавку, подолом рубахи вытерли лицо. Он сидел, прислонившись к неровной стене, закрыв глаза, и казалось, что спит. Но, нет. Поднял голову, испытующе взглянул на Шептуна и заговорил не пьяным, а совершенно трезвым голосом:

— Она не потому, что я загулял. Она молится. С войны ещё, когда девкой меня ждала. А я вот... Нам что, Шептун, жрать нечего? Калымить можно и в другом месте. Деньги, это так, ширмочка... Нам другое требуется. Мы своё зло на ей, на церкви, срывали... Жистянка не задалась, вот и тешились, надо же кому-то счёт предъявить. А она, безответная, в суд не потащит... Скажешь, раньше, до нас, стали рушить... Но то не считается, то — другие, а мы...

Шептун молчал, поставив на колени сухие сжатые кулаки. Ожидалось, что он властно прикрикнет, заставит замолчать, но он даже не шелохнулся, лишь кулаки на коленях подрагивали. Колька курил, надсадно кашлял, колесом выгибая худую спину, и старался не смотреть на парнишку. Всякий раз, когда он взглядывал на него, начинал чудиться белый голубь и возвращался страх, пережитый на колокольне.

По крыше летней кухни с шелестом выстилался упругий обложной дождь. Лампочка под потолком светила вполнакала, готовая вот-вот потухнуть, и лица мужиков были темны, как и в тот момент, когда густая тень стёрла солнечный свет на кладбище.

— Я пойду, — сказал Алешка, — пойду, а то баба Настя ругаться будет.

Мужики на его голос не отозвались, и он вышел под дождь. Прикрыл за собой легонькую фанерную дверку, на ощупь нашёл калитку и побрёл по переулку, ничего не различая в темноте. Но скоро глаза обвыклись, стали различимы дома, штакетники и старые высокие тополя, густую листву которых дождь пробивал слабо, и там было почти сухо.

«Не захотели они правду сказать, видели голубя, а не говорят... Они... — Алёшка замер, поражённый своей догадкой. — Они боятся сказать, что видели... Почему бояться? Жалко мне их...»

Сзади затопали быстрые шаги, Алёшка обернулся, и его тут же схватили за плечи твёрдые руки.

— Стой, парень. Сказать хочу, если голубя видел, значит, он был. Значит, так надо. Мне уже не увидеть. Не обижайся на нас, парень, слышишь?

Если бы не голос — лицо в темноте едва маячило, — Алёшка и не поверил бы, что его догнал Шептун. Но это был именно он. Мокрый и жёсткий, будто свитый из твёрдых веревок, он прижал Алёшку к себе, наклонился над ним и ещё раз спросил:

— Ты меня, парень, слышишь?

— Слышу, — отозвался Алешка. — Я и не обижаюсь, мне жалко...

В груди у Шептуна булькнуло, он ещё крепче притиснул к себе Алёшку, наклонился к нему совсем близко:

— Не обижайся, парень...

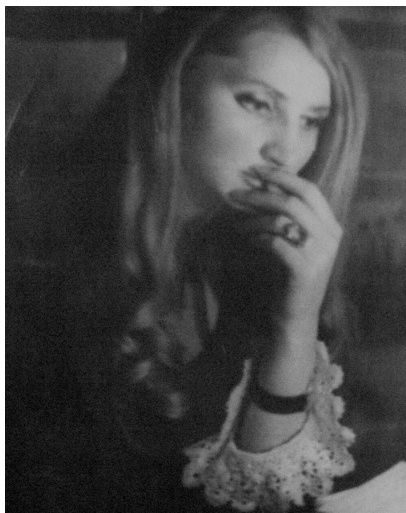
Оттолкнул его от себя и исчез в темноте.

Алёшка постоял, прислушиваясь к затухающим шагам, передёрнул продрогшими плечами и быстро пошёл, почти побежал в обратную сторону — к дому, пытаясь на ходу согреться.

ПОЭЗИЯ

ЛЮБОВЬ СУХАРЕВСКАЯ

Дневник любви — дневник печали

* * *

Кругом друзья, кругом единоверцы,
Течёт неторопливо бытиё.
Но как мне жить? Куда девать мне сердце,
Огромное, наивное моё?

СУХАРЕВСКАЯ Любовь Иосифовна (1950, г. Анжеро-Судженск Кемеровской области — 2013, г. Иркутск). Окончила с золотой медалью среднюю школу в пос. Чулым Кемеровской области и факультет журналистики Иркутского государственного университета. Лауреат областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (1-е место, 1976). Автор трёх книг стихов: *«Тёмный отзвук»* (1973), *«Послушай сердце»* (1979), *«Прямая речь»* (2006). За серии материалов о людях культуры в разные годы награждалась Губернаторской премией в области культуры и искусства (1999) и журналистской премией «Золотая запятая» (2007), а также стала лауреатом национального конкурса СМИ «Донор России» (II место, 2007). Стихи для подборки, записанные рукой поэтессы, были взяты из блокнота Михаила Шепеля; а два последних стихотворения перенесены им из газеты «Байкальские вести».

Дневник любви

Сначала дождик шёл по тротуарам,
Скользили тихо в травы облака.
Был час, когда ни слова, ни гитары,
Но всё немое, даже тополь старый,
Вдруг обретает живость языка.

И до утра над этим миром влажным,
Подхватывая шёпот тут и там,
Сплеталась речь о чём-то самом важном,
Известном только травам и цветам.

И шевельнулась зависть, словно завязь,
Когда во тьме спешащая домой,
Я поняла, от страха содрогаясь:
В мою судьбу растения вонзались,
А я того не знала. Боже мой!

* * *

Причём тут это?
Я пишу экспромты.
На этот раз стихи —
белей снегов.
И в белых строчках —
белое молчанье.
И в нём твои
впечатаны следы.
...Я помню день:
бледней, чем новолуние —
мой верный шут
смешить меня пытался.
Ему всё это плохо удавалось,
он сам себя
всё не умел постигнуть,
не то, чтобы меня,
его богиню.
Была его улыбка
искривлённой —
гримаса боли
и ни тени грима!
Он сам не знал,
что был влюблён
(случайно!)
в свою (или чужую)
королеву.

А я ему не смела
ту догадку открыть.
Меня смутила тайна,
прочтённая нечаянно
в глазах.
...Я помню день:
бледней, чем новолуние.
Я и сама
стояла изумлённо,
забыв, что я горда,
что королева,
что бледный мальчик
мною был измучен.
Стояла я, потерянная
в страхе,
за мороженая
его словами —
сильнейшего на свете
короля.
...Я помню день:
почти по Окуджаве,
король Москвы,
мой сир,
моё дыхание,
однажды рассмеялся
мне в лицо.

Мне было хуже, чем цветку, который был выброшен из вазы на помойку. Была моя улыбка тенью плача —	гримаса боли и ни капли грима! Теперь я знаю: в пору полнолуны воздастся нам за все чужие слёзы.
--	---

* * *

Дневник любви — дневник печали. Но в тесной памяти моей Давно печали отзвучали, И вновь ликует соловей.	Ну пусть не соловей, но всё же Журавлик счастья в небесах! И радуется любой прохожий Тем, что весна в его глазах.
--	--

* * *

Так давно не писалось. О, дай мне хоть самую малость, непонятная Муза, капризная фея моя! Ты жива ещё, милая? Что в твоих песнях осталось? Будешь ветреной? Доброй? Иль мудрой и злой, как змея?	Ты когда-то умела болтать обо всём без разбору, ты будила ночами и не отпускала меня. Где твой ласковый плен? Где твои золотые соборы, чтоб забыла я всё, чтоб не знала ни ночи, ни дня.
---	---

* * *

В стороне моей кандалной И в скандальной стороне Сколько вижу лиц печальных, Глаз печальнее вдвойне.	Терпеливей глаз пророка Материнские глаза. Будто снова у окошка Тихо тень её горит, Где залётная гармошка О разлуке говорит.
Потемневшие до срока, Как осенняя лоза,	

Врубель. Демон

под спудом печали... нелепых и грустных наитий...
усталый как полночь... ты мучился мыслью о том...
что в мире событий... тебе не хватает событий...
и тёмные призраки заполнили твой дом...
и твой непокой... словно вечер сиреневый вечен...
и блески заката над пеклом... над пеплом горят...
вселенской тоской... человеческой болью отмечен...
усталого Демона... юного Демона взгляд...

он смотрит сквозь нас... оглянись не увидишь предела...
 так долог и труден к пространству прикованный взор...
 сегодня другое... здоровое духом и телом...
 мы мечемся все... неся демонический взор...
 ах ныне моё поколение с горячими лбами...
 не Врубелем занято... и не романсы поёт...
 а делает новую жизнь... на КамАЗе и БАМе...
 их там ни мороз, ни мошка, ни хандра не берёт...
 за это здоровье и нам уж назначены цены...
 глухой летаргический сон... над струной и строкой...
 не поняты будут ни Врубель... ни Бог и ни Демон...
 ни древнего тёплого вечера луч золотой...
 неужто промчавшись по жизни... звездю печальной...
 лишь гении знают... насколько они гениальны...

* * *

Для кого так стараешься, лето? Разнотравьем расцвечена даль, Ароматом и солнцем согрета Непонятная сердцу печаль.	Я спешу — к Ангаре ли, к Байкалу, Чтоб томиться его красотой. Где лазурь и пруток краснотала, И берёзовый лист золотой.
Для кого так стараешься, осень? Я и так по аллеям бреду. Среди золота — яркая просинь Осеньет деревья в саду.	Где прозрачно, как грань аметиста, Расплескался громадный кристалл. Это дорого, нежно, лучисто — Ты меня принимаешь, Байкал...
Для кого? Если милый далёко И гнездо покидают птенцы. По-осеннему стынет протока И сияют за нею гольцы...	Багрецом полыхает осина, Ветерком освежает волна... И прохладна, и невыносима Одиночества злая страна.

Плач об Его уходе

«Вечерний звон» (песня)

О боль моя, ставшая заревом алым!
 Во все времена уходящих корили,
 Сквозь все времена, и шелестящее «Ave, Maria»!
 О запах полыни и запах печали,
 О горькая флейта тоски человеческой!
 Напев задохнулся, слова отзвучали...
 О вечер!
 Иконное золото в раме оконной.
 На каждом листе — отраженье заката.
 О музыка скорби! О стон нерешенной Загадки!
 На каждой былинке кровавые блики —

Жестокий намёк, обжигающий нервы.
Зачем ты великий, зачем ты двуликий?
Неверный?!
За что мне дано это горькое право —
Остаться в гордыне, в печали звериной!
И нечего выплакать, кроме как ave, любимый!

Притча о старом человеке

Оскудели глубокие реки. — Твои речи, признаться, туманны,
Ты и сам на пустыню похож — И как старость, загадочен лик.
Взор прозрачен, опущены веки... В горе петь — это страшно и странно.
Так скажи, отчего ты поёшь? А когда же ты плачешь, старик?

— Вот когда занавесились звёзды — Слёзы, слёзы, да что они значат!
И ударило горе, как медь, И без них я устал и продрог.
Эта песня явилась как воздух, Я не плачу — душа моя плачет
Чтобы сердцу не дать почернеть, И глотает солёный комок

Чтобы думы словами заполнить, Оттого, что я понял: от века,
Чтоб напевами душу занять — Хоть какую принявши вину,
Эту песню обязан я помнить, Одинока душа человека,
Чтобы вовремя сыну отдать. Словно камень, идущий ко дну.

* * *

По морю рыбы плывут косяком. Ты ль с головой накрываешь, вода?
По небу звёзды бредут босиком. Ты ли, мигая, мне светишь, звезда, —

Тропы земные и твёрже, и суше — В море, где рыбы стоят косяком,
Век свой иду, спотыкаясь, по суше. В небе, где ходят стада босиком?

Песню пою, бормочу ли стихи я, Зелень морская тонка, как слюда.
Манит меня и пугает стихия — Канешь в неё — пропадёшь без следа.

Небо, где рыбы плывут косяком, Исповедимы ли наши пути?
Море, где звёзды стоят босиком. Сколько проплыть, пролететь и пройти

Перетекая из пены в волну, По морю, посуху — вслед за Христом,
Воздух хватаю, иду в глубину. Как по лучу, босиком, босиком...

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

Обычная история

РАССКАЗ*

Друг мой, прочитав этот рассказ, сказал: «Обычная история для нашего времени. Ты её в газетах вычитал или в Сети?..»

Сёмка стоял у окна и очень волновался. Стекло отделяло от него промозглую осень: мокрый стылый ветер тщетно пытался оторвать от асфальта жухлые листья, бился в рекламные щиты новой России, рылся в тёмных кучевых облаках и гнул зонты редких прохожих. Дождя, можно сказать, не было, просто сырость летела вдоль улиц общим фронтом стальной мороси, наподобие растаявшей метели. Улица выглядела неприглядно и склизко даже в элитном районе, холодом от неё веяло и сквозь стеклопакет. Но всё это и обещало: ребята придут...

А для Сёмки было очень важно, чтобы они пришли, потому что оставаться равным в разношёрстной, но главной компании восьмого «А» и восьмого «Б» ему позволяли две возможности: он приносил что-то необычное на потеху друзей в школу, второе — общий пир в его квартире, где несколько компьютеров давали возможность прямо на месте играть в сетевые игры, а забитый всякой иностранно-пищевой требухой холодильник был местом привала. Собственно, и двухэтажная

* Печатается в сокращении.

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич (род. в 1966 г. в Тюмени). Окончил Тюменский государственный университет по специальности «История». Служил в армии. Работал сторожем, музыкантом, учителем истории, текстовиком в рекламном агентстве. Главный редактор общественно-политической газеты «Новости Югры» (2008–2010). Рассказы и повести печатались в областной периодике, в еженедельной газете «Литературная Россия»; в журналах «Лукич», «Мир Севера», «Приключения и фантастика», «Сибирское богатство», в альманахе «Эринтур» и др. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Главный редактор журнала «Югра» (с февраля 2011 г.) Депутат Тюменской Областной думы. Живёт в Тюмени.

квартира, которую смог выкупить в престижном доме отец Сёмы, бизнесмен Сырцов, предоставляла место не только для сетевых игр, но и для перестрелок, тира, «казаков-разбойников», в конце концов. Но про последнюю игру современные дети почти ничего не знали. В «войнушку» теперь играли в Сети и убивали уже не фашистов, как было негласно принято в XX веке, а всех подряд, включая космических пришельцев и даже спецподразделения России, над чем никто не «заморачивался».

Лето прошло скучно и бездарно. Сначала Сёмку отправили в райцентр к бабушке, где он целыми днями сидел дома, уставившись в тусклый экран ноутбука, потому что появление на местных улицах могло обойтись ему неравным во всех смыслах противостоянием с местными ребятами, и если не синяками, то издевательствами и унижением точно. Жили здесь неприметно, плохо и винули в этом почему-то горожан областного центра. (Впрочем, и последние также в некоторых случаях во всех бедах винули Москву.) Отец хоть и сделал там ремонт и даже установил кондиционеры, квартира бабушки была маленькой, душной и какой-то «старорежимной». Последнее слово Сёмка услышал от отца. Он долго ругался с матерью, пытаясь хоть после ремонта вынести оттуда старые комоды и серванты, но та напомнила ему, что это его родовое гнездо, память об отце (дедушке Сёмы, который работал каким-то начальником на железной дороге ещё в эпоху паровозов), и, главное, она здесь хозяйка. Отец вздохнул, махнул рукой и сказал: «Ну и стереги свою старорежимность!»

Одно непонятно: зачем Сёмку каждый год отправляли к бабушке, словно он должен был помогать ей стеречь эту квартиру. Бабушка была к тому же очень навязчива и пыталась заставить внука хотя бы присмотреться к рядам пыльных старых книг огромной библиотеки. А ещё она играла на стареньком пианино (клавиши которого были не белыми и черными, а жёлтыми и серыми), стараясь попутно рассказывать рассеянному Сёмке о музыкальных произведениях и великих композиторах. И ставила виниловые «старорежимные» пластинки на проигрыватель «Аккорд», который скрипел, шипел, а только потом понимал, что должна звучать какая-нибудь прелюдия, симфония, опера... Впрочем, стоило признаться, некоторые произведения Сёмке всё же нравились, и тогда он, к удовольствию бабушки, садился рядом с ней на диван и ловил себя на мысли, что испытывает некие незнакомые ему чувства. «Музыка — это то, что нельзя сказать словами», — поясняла бабушка. И Сёмка пытался понять, что же она говорит, хотя ничего, кроме тревожного томления, из этого не получалось. Долгие годы она работала учителем в музыкальной школе.

— Музыка божественна!.. — повторяла бабушка.

— Почему? — спрашивал Сёма.

— Потому что её дал нам Бог как раз для того, чтобы говорить то, о чём сказать нельзя.

— А что? Бог, ты думаешь, есть?

Бабушка, прежде чем ответить, задумчиво подходила к окну, смотрела в него, словно туда должен был заглянуть Бог, и лишь потом отвечала:

— Присутствие Его ощущается слишком во многом, чтобы этого не замечать...

Если, конечно, у тебя открыто духовное зрение...

— Какое?

— Прости, рано тебе об этом. Отвечу проще: если Бога нет, зачем тогда жить?

— Как зачем?! — подпрыгивал Сёма, а вместе с ним иголка на знаменитой

«Улетай на крыльях ветра» из оперы «Князь Игорь» русского композитора Бородина (запомнил!), которую, впрочем, он слышал и в хорошей современной обработке.

— Сёма, осторожнее, — умоляла баба Аня, — теперь таких пластинок нет.

— Бабань (*так сокращал имя и звание Сёма*), теперь всё есть. Вот, сюда иди... — и открывал перед пожилой учительницей просторы неведомого для неё Интернета.

Он быстро нашёл не только оригинал, но и обработку и «Половецких плясок», и песни «Улетай на крыльях ветра». Оценив новую аранжировку, удивлённая бабушка сказала одно слово: «Недурственно».

Бабушку Сёма любил и, конечно же, понимал, почему его каждый год отправляют к ней на «дополнительное образование». У вечно занятого отца времени на вечернее чтение «Двух капитанов» вслух да по очереди с ним, не хватало. Да и музыкальное образование, как говорил отец, получил он под маминым прессингом. У бабушки Сёма не чувствовал, что его прессуют, у бабушки, в отличие от отца и матери, хватало и времени, и, главное, терпения. Впрочем, терпения не хватало у Сёмы...

Зато знаний, полученных у бабушки, хватало, чтобы иногда удивлять свою компанию. Так, при разборе новой игры, что загрузил Сёма, кто-то сказал:

— О, классную музыку написали разработчики!

— Как же, разработчики, украли они её. У Эдварда Грига! Был такой норвежский композитор...

— Ни фига ты, Семён, продвинутый в музыке! — уважительно оценили его знания ребята.

Да, с бабушкой было иногда очень хорошо, как в настоящей семье. Единственное, что было невозможно, сидеть целый день у экрана «компа» и ругать на сленге сетевых напарников по какому-нибудь отряду «Дельта», которые подставляли продвинутого сетевого игрока Семёна Сырцова. Они же, как порой на поверку оказывалось, были взрослыми людьми, которые, в свою очередь, сидели в многочисленных офисах и даже важных чиновничьих конторах. Да, видать, ничему не научились...

А бабушка ещё всегда давала с собой книги. Они вставали на красивую полку в Сёминой комнате и стойко ждали своего часа. Час не наступал — компьютер не отпускал. Времени у Сёмы, как и у отца, не было.

А нужно было ещё вытерпеть целый месяц в Греции, где интересно только первые три дня. Пляжную тоску удавалось хоть как-то разбавлять айпадом. Море, конечно, радовало, но порезвиться было не с кем. То знакомые русские, то всегда обиженные на русских украинцы, то хоть и дружелюбные, но знакомые сербы, а то и вообще немцы и французы. Однажды попали на неделю в соседство с японцами... Семён чуть с ума не сошёл от их размеренности и этикета. Дело в том, что отец разумно, с его отцовской точки зрения, менял места пребывания, чтоб не сидеть на месте и побольше увидеть, и если Семёну удавалось наконец-то завести друзей, втереться или сколотить компанию, то уже наступало время переезда «к новым рубежам», так говорила мама. Кстати, сами греки Семёну нравились, хотя все про них говорили, что они ленивые. В чём проявлялась лень греков, Семён понять не мог. Сколько ни присматривался, они постоянно были чем-то заняты. Разве что магазины работали с большим дневным перерывом, который назывался сиеста. Греки считали это жарким временем, а все остальные — как раз элементом греческой лени.

— Странно, у нас же в морозы бывают активированные дни, — такое заключе-

ние сделал Семён, но никто его не услышал. Видимо, то, что школьники в России в морозные дни не учатся, греков с их жарой никак не извиняло.

Да, конечно, отец, как говорится, старался для семьи: побывали и на Кассандре, и под древним Олимпом, обошли на катере древний Афон, выкупались в лазоревой воде на Ситонии, пожил в Салониках, ну и под конец поднялись на Акрополь и потрогали камни вновь отстроенного Парфенона. Но пусть греки сами изучают свою легендарную историю. Сёме она надоела ещё в пятом классе... Несколько дорогих покупок не компенсировали Сёме полной утраты самостоятельности на целый месяц, да ещё предстояло по возвращении не один день закачивать обновления всех игр. Домашний компьютер уже снился... Он терпеливо и зовуще ждал в комнате.

И вот этот день наступил! Отец с матерью поехали с друзьями на загородную базу, а Сёма предварительно и по умыслу за день до этого покашлял и почихал, демонстрируя, что холодный осенний воздух может развить его начинающуюся ОРВИ. Пришлось, правда, заглотив горсть арбидола и запить его клюквенным морсом, но это было лёгкой компенсацией за два дня свободы. За день, когда к нему придут друзья.

Родители уехали, предоставив Сёму попечительству соседки тёти Нины. Последняя же была занята больше попечительством своего очередного бойфренда. Потому заглянула один раз утром и спросила:

— Сёмочка, у тебя есть что покушать?

— Есть, мама наготовила перед отъездом, могу даже вас с вашим Мироном (*так звали нового друга тёти Нины*) накормить.

— Ух ты! А что там?

— Фаршированные перцы, целая тарелка бурито, курица в духовке, отбивные... Ну, и я всегда могу сварить себе пельмени.

— Круто! — оценила тётя Нина. — Тогда давай так: если тебе что-то понадобится — звякнешь мне. А так, выходные мы с Мироном собирались прошвырнуться по магазинам...

— Шопинг?

— Да так, больше на посмотреть... А вот бурито один... нет... два я бы у тебя попросила. Мне хотя бы не готовить с утра.

— Щас! — Сёма убежал в кухню-гостиную. Откупиться от излишней опеки двумя бурито — это дешево. И почётно. Он сам кормит своего опекуна. Спасибо, мама!

Получив желаемое на отдельной тарелке, тётя Нина повела носом, глазами выразила восторг, снова повторила устаревшее уже слово «круто» и, чмокнув Сёму в щёку, исчезла на лестничной площадке

— Круто, — с хитрой ухмылкой согласился Сёма, закрывая дверь, и побежал к окну — ребята вот-вот должны были появиться.

А прийти должны были пятеро: Валерка (имевший сразу два прозвища: Сила и Лысый; первое — за лидерство в физическом превосходстве и занятия единоборствами, второе — за спортивную стрижку). Это был неразговорчивый, но добрый парень из параллельного класса. Славик-Айти (прозвище подчёркивало его компьютерный гений) — шептун очкарик, неиссякаемый придумщик, который мечтал писать компьютерные игры. Олег по прозвищу Втащу (так он кричал при любом конфликте, которые очень любил затевать в любой ситуации, по сути, неформальный лидер всей компании), Данил (Зануда) — знаток брендов и созревающий перспективный ловелас, Толик (Чича, потому что Чичерин), как и Сёмка, сын

бизнес-семьи, но ему больше повезло в плане физического развития, и его чаще принимали в компании. Впрочем, дома у Толика все тоже бывали. В шикарном особняке за городом родители отдали сыну целый этаж, где были игровая, тренажёрный зал и, помимо двух ванных комнат, разумеется, спальня.

Проглядывая до последних падающих листьев стылый октябрь, Сёмка с нетерпением ждал друзей (так он считал!), и даже не мог из-за нервного состояния сесть за компьютер, чтобы скоротать время. Точно девчонку на свидание ждал. Зато пришлось постоять у окна и открыть для себя много нового. В природе, в городе, в деталях и в мелочах... Эти открытия даже успели его взволновать, но не настолько, чтобы не воскликнуть «йес!», когда увидел двигающуюся к дому ватагу ребят.

Сёмка ждал пятерых, а шли семеро... Помимо уже перечисленных, в компании присутствовала всегда державшаяся особняком парочка: Махад — резкий, как и все они, кавказец, и Иван (Вано, потому что видели его в постоянной компании с кавказцем) — едкий во всех смыслах парень. Таких, как Вано, боятся даже самые сильные, потому что, защищая свою независимость, они не остановятся ни перед чем, пойдут до конца. Такой характер сродни как раз кавказцам, может, потому они с Махадом и сошлись? Так или иначе, но присутствие этой пары в общей группе озадачило и насторожило Сёму, потому как грозило непредсказуемыми последствиями сборища в его доме. Ваня и Махад славились в школе как лидеры реальных хулиганских проделок и не раз привлекались разными там органами внутренних дел, и лично директор школы считал их своей головной болью. Однако сам директор в своём кластере был лузером. Все знали, что он подворовывает из школьного бюджета, а его «Ниссан-теана» во дворе школы не раз раздражал вышестоящее руководство. В принципе-то, по меркам нынешнего мира, всё у него было хорошо, кроме главного, — он был полный лузер в педагогике. Лох! В школе быть вызванным к директору называли «сходить в “Камеди-клуб”». Больше и говорить ничего, наверное, не надо. Лузер он и есть лузер. Старшеклассники записывали его замечания, чтобы потом выставлять в сеть на всеобщее посмешище. Да, собственно, и его выступления перед коллективом радовали Ютуб.

Но вот вместе со всеми в квартиру Сырцовых шли Вано и Махад. Как стихийное бедствие. Сёмка вдруг пожелал, чтоб неожиданно вернулись родители, подумал и о том, что скажет ребятам: «Родаки срочно возвращаются». Но задним умом понимал, что ничего этого не сделает...

Ватага ввалилась шумно.

— Семён, дарова!

— Семён Семёныч...

— Сёмка, краба давай!

— О! Нехило тут буржуинство живёт! — это был как раз Вано.

— Салам, брат!

Расчёт Сёмы увести всё в сторону сетевых игр не оправдался с первых минут, ибо Иван с порога запросил:

— Пожрать дашь? Замёрзли с Махадом, а тут наши идут к тебе. Есть чё на зуб кинуть?

— Есть, пошли.

Все оказались на кухне, и в мгновение ока исчезли бурито и фаршированные перцы. Про курицу Семён пока подзабыл, как и про то, что хозяину ничего не досталось. Ваня с рулоном бурито в руке между тем по-хозяйски осматривал кухонные шкафы. Что называется, как дома.

— Это чё за бутылки?

— Оливковое масло. Мама только на нём готовит, — пояснил Семён.

— Знаю, что круто, но не одобряю, наше подсолнечное, может, и вреднее, но вкуснее.

— Тебе налить? — пошутил Сёма про масло, но тут же об этом пожалел.

— А есть что выпить? — тут же подхватил Ваню.

— Алкоголь — враг! — вовремя, казалось бы, встрял Махад.

— Да вы, муслики, только на словах не пьёте. Сёма, сказал «а», наливай «б», говорю, замёрзли! — последнее слово он разбил по слогам, отчеканил.

— Так своего-то у меня нет... Только батина, а он заметит.

— «Своего-то у меня нет.» — передразнил Ваню, — плохо готовишься к приёму друзей.

— Я ж не бухать звал!

— А мы что, бухать? По рюмке с холоду — милое дело!

И тут он дошёл как раз до отцовского бара:

— Ни фиги себе! Да твой батя и не заметит, что у него тут чего-то отпили. Он у тебя что, бухает по-чёрному?

— Он вообще почти не пьёт. Бывает, рюмку с гостями...

Обилие разномарочных и разноёмкостных бутылок могло, конечно, поразить неподготовленное пролетарское воображение Ваню, но, похоже, он вообще впал в ступор. Он крутил бутылки в руках одну за другой. Прошло какое-то время, прежде чем он определился:

— О! Всегда мечтал двадцатипятилетний вискарь попробовать. Тем более, пузырь открыт. Чё там у тебя ещё на закуску, Семён? — последнюю фразу он сказал так, как будто обращался к равному и старшему товарищу. Это и подкупило Сёму.

— Есть ещё курица, — сообщил он.

— Давай курицу! Парни, кто будет по пять капель? — тут он повторил фразу своего отца, которую слышал не раз. — Махад?

— Я сказал, не буду! — резко, почти злобно отрезал кавказец.

— Чурка ты и есть чурка, — такую фразу Махад мог простить только близкому другу.

Впрочем, без ответа её не оставил:

— Валенок сибирский!

— Кто будет, парни? — снова бросил клич Иван.

— А я, пожалуй, плотну, — решил вдруг Толик. — Вискарь, действительно, достойный. Батя у меня своё пузо таким балует. Побуржуйствуем...

— И я, — поднял руку, как в школе, Данил.

В итоге присоединились ещё Славик и Олег. Налили и Сёме (а как без хозяина?). Отказался только спортсмен Валера. Выпили вроде по рюмке, но, казалось, в голове у каждого случился свой взрыв. Курица улетела следом, хотя куры, как известно, летать не умеют.

— Ну, пойдём нахлобучим кого-нибудь, — потёр руки Славик Айти к вящей радости Сёмы, потому как фраза предполагала сетевую игру. — Самое время пострелять.

— А! Идите, — презрительно напутствовал команду Ваню, — не мужское это дело в игрушечные стрелялки бегать.

Все знали, что дома у Ваню напряг с отцом, который запретил ему всякое игровое общение с компьютером, потому не приняли его слова всерьёз.

— Сёма, кинуха какая-нить свежая есть на DVD? Я бы попялился, пока вы из себя крутых страйкеров корчите.

— Там, — нетерпеливо отмахнулся Сёма на гостиную, — куча дисков, пульта, разберёшься.

— Не вопрос, разберусь, — согласился Ваню.

Дальше вроде всё пошло по плану Сёмы. Народ разбрёлся по компьютерным точкам и начал боевые действия. Об успехах или неудачах той или иной группы можно было судить по возгласам и откровенной ругани. У «криворуких» всегда были виноваты Сеть и провайдеры.

Про Ваню на какое-то время все забыли. До тех пор, пока он сам не напомнил о себе.

— Э, деточки, — объявился он в комнате с арбалетом наперевес, — вот из чего стрелять надо. А вы за джойстики вцепились, пионэры. — Он так и сказал *пионэры*, повторив за своим отцом. — Чё это? — обратился он к Семёну.

— Арбалет.

— Я понимаю, что не бейсбольная бита. Он стреляет?

— Стреляет, конечно. Отец в клуб специально ходит. Где ты его взял?

— Да стоял себе в углу, скучал. А тут — я. Вздвигается тяжело, я попробовал.

Почему отец оставил арбалет не в сейфе? Ах да, вернулся вчера из клуба поздно, устал. Бросил там, где мать его кормила. И кино потом они смотрели... Ах, батя-батя...

— Стрелочку-то вот сюда вкладывают?

— Сюда, — хмуро ответил Сёма.

— Ну, что, народ, пойдём поохотимся? На реальную дичь, — позвал всех Иван.

— В смысле? — оторопел Сёма. — Его, между прочим, приравнивают к реальному оружию.

— А я о чём? — криво ухмыльнулся Ваню, взвешивая в руках арбалет. — Ну-ка, открой окно!

— Зачем?

— Птичку какую стрельну.

— Ваня, это не игрушка.

— Это у вас игрушки, а это, — он прицелился из арбалета в настенные часы, — сила!

— Брось, Ваню. Не до шуток, — этой помощи очень ждал от Валеры Сёма, и она пришла. Но эффективность её была обратно-пропорциональна тому эффекту, которого Сёма от неё ждал.

— Я не понял, — возмутился Иван, — а чего это все заочковали?! А?! — Он окинул притихшую компанию взглядом.

Валера презрительно пожал плечами, что означало «Делай, что хочешь». И тогда Ваня подошёл к окну, открыл его и выставился оттуда, как из бойницы. В квартиру подул не только стылым воздухом, но и опасностью.

— Вань, закрой. Не смешно уже, — в последний раз попросил Сёма.

Но его даже не удостоили ответом.

— Блин! Дичи никакой! — досадовал за окном Ваню. — Что такое осень?! Это птицы! Где?! Хоть бы кошка какая!..

— Э, стрелок, давай уже обратно, всю хату выстудил, — позвал друга Махад.

— Подожди! О, гляньте, попик!

Сначала никто не понял, о ком он говорит. И только Сёма увидел в соседнем окне удаляющуюся спину священника в рясе, поверх которой была наброшена курточка.

— Ты дурак, что ли? — встрял Толик. — Это же человек!

— Какой человек?! Это туняедец! Батя мой так говорит. Пока он в автосервисе

круглыми сутками батрачит, эти попоют себе, кадилом помашут и — «мерседес» в кармане. Твари! — злость в голосе Ваню была нешуточная, но никто и подумать не мог, что он выстрелит. — А что, если я ему в задницу залеплю? А?!

Никто не верил. И только Махад, который знал своего друга лучше всех, кинулся к нему.

— Стой, дебил!

— А чё, Аллах только рад будет! — повернулся к нему Ваню, и в этот момент палец его скользнул по курку.

Арбалет гукнул, мгновенно спустив натянутую силу тетивы. А под окном как подкошенный упал священник.

— Ты чё сделал, урод?! — это Валера.

— Парни, пошёл я домой... — тихо поплыл в сторону Данил.

— Зачётный выстрел, придурак, — Махад посмотрел на друга с ненавистью. — Тунеядец, говоришь? На себя со стороны смотрел?..

— Не, я не подписывался на организованную преступность, — даже для Втащу такая ситуация была неприемлема.

Славик-Айти молчал и смотрел за окно. Священник лежал неподвижно.

— Дебилы! — это крикнул Валера всем уже из прихожей, он единственный бросился на помощь раненому человеку. Раненому? Никто не знал... Он теребил в руках мобильный телефон, пытаясь вызвать «скорую помощь».

— Стой! — это Ваню направил арбалет уже на него, предварительно вложив новую стрелу. — Чё, сдать меня хочешь? Откуда кто узнает, откуда стреляли?

— Арбалет в этом подъезде только у бати... — опустошённо сообщил Сёма.

— Да пошёл ты! Никто тебя сдавать не собирается, а человеку помощь нужна! — Валера даже плюнул себе под ноги, прямо на пол, чтобы высказать Ваню своё презрение.

— Иди, Лысый, может, вместе помолитесь. Ладно, Махад, валим отсюда, — позвал Ваню друга. — Тут щас церковный хор будет.

— Вали, — глухо сказал Махад, — никто не держит.

— Ты чё, брат, и ты меня сдаёшь?

— Тебя в роддоме, видно, сдали.

— Пасть завали, чурек долбанный... — Ваню шмыгнул носом, цыкнул через зубы, сделал ещё какие-то движения, видимо, необходимые ему для самоутверждения или, как он считал, чтобы не потерять лицо. Двинулся боком к двери, будто ожидая нападения. Но никто этого делать не собирался.

Под окном Валера уже склонился над священником. Сёма смотрел туда с ужасом, ожидая хоть какого-то сигнала о том, что человек жив. Валера что-то говорил в телефон, вероятно, врачам «неотложки».

— Чё мы стоим-то, надо туда, — кивнул за окно Толик.

— Господи, пусть он только будет жив! — в первый раз в жизни взмолился Сёма, голос его дрогнул, а по щекам потекли слёзы.

Но никто его слабости не осудил и не высмеял. Более того, если б он мог внимательно следить за другими, то увидел бы, как подергивалось лицо Славика-Айти. У того тоже запрашивались слёзы.

Они гурьбой выкатились на улицу, обогнули дом, подбежали к Валере.

— Щас «скорая» будет. Стрелу сказали не трогать, — доложил Сила. — Надеюсь, сердце или лёгкое не задеты. Пульс есть...

Стрела торчала чуть наискосок ниже левой лопатки. Сёма присел рядом. Он не испытывал ничего, кроме жуткой безысходности. Понимал, что отцу придётся

ответить за брошенное как попало оружие. Но виноват в этом будет Сёма. А что скажет бабушка?

Рука сама собой потянулась к мобильному телефону.

— Надо отцу позвонить, я его подставил, — пояснил он на вопросительный взгляд Валеры.

— Погоди. Успеешь.

Но Семён не успел. Быстрее всего в этот раз приехала милиция. И как только появилась «неотложка», суровые, немного грустные сержанты, почти не ругаясь, усадили Сёму, Махада, Толю и Валеру в машину. Остальные, получалось, сбежали.

— Да мы ни в чём не виноваты, — пытался робко возразить Толя.

— Там разберёмся.

— Нас только в присутствии педагога допрашивать можно, — напомнил он же.

— А тебя что, уже допрашивают? — сержант был неумолим.

Валера и Махад сели в милицейскую машину молча. Так, словно их уже не раз арестовывали. Растерянного Сёму просто ткнули в сиденье рядом с ними.

— Всё нормально, братан, — неожиданно сказал ему Махад.

Толю, как самого разговорчивого, «упаковали» во второй автомобиль. Когда машины тронулись, Семёну показалось, что он увидел Вану, выглядывающего из-за угла. И ещё ему показалось, что он погрозил ему... Как-то погрозил. Кроме того, Сёма даже не помнил, захлопнул ли он дверь в квартиру...

Допрашивали их, как на карусели. То по одному, то всех вместе. Педагога, как положено, посадили рядом. Да только откуда он был, этот педагог, и понимал ли вообще, о чём идёт речь? Присутствовал под протокол да и только. Допрашивали традиционно: то посулами, то угрозами, то рассказывали им, чем грозит всем организация преступной группы, то говорили, что вот твой товарищ даёт на тебя показания и всё уже рассказал, то врвался вдруг начальник отделения и обещал всех отправить куда-то, где раки зимуют, то вкрадчивый следователь обещал, что никто не сядет, выстрел-то, мол, был случайный, скорее всего... Но самое удивительное, что никто из ребят даже не упомянул Ивана-Вано. Будто его и действительно не было с ними. И это было не по договорённости, не по сговору, как правильнее говорить, и уж тем более не из знания криминальных тонкостей. Просто молчали, и всё.

Ещё в машине Валера успел шепнуть Сёме: «Батю не подставляй, скажи, что в сейф с оружием сами залезли, знал, где ключи, и стой на том». За этот совет Сёма был Валере очень благодарен.

А мельница допроса крутилась. Вот уже и вечер поздний наступил, что угадывался где-то там за мутным окном, словно в параллельном мире. Вот уже и сказали, что родители приехали, но никого из них к ребятам не пустят, пока те не расскажут всё, как было.

И тут вдруг явились Славик с отцом. Славик потерянный, отец его грома и молнии мечет.

— Я с ними был, — признался Славик, когда всех снова собрали в одной комнате у следователя.

— Стреляли?

— Так точно. Из винтовки LaRue калибра 7 и 62 миллиметра.

— Чего?

— Штурмовая винтовка «морских котиков». В игре у меня такая...

И маховик закрутился снова:

— Так, может, это он из арбалета стрелял, и вы его всё это время выгораживали? — это уже к ребятам.

— Нет, не он. Он просто был. Все играли в компьютерные игры, никто не видел, кто стрелял.

«Карусель» крутилась. Педагог уже явно нервничал и дремал. Следующим актом было явление Ваню.

Их снова собрали вместе и ввели его в комнату. Следователь вкрадчиво спросил:

— Что вы нам хотите сообщить, молодой человек?

— Я стрелял. Но не специально. Я отвлекся... Так получилось, — глаза Ивана продолжали гореть непримиримостью к обстоятельствам.

— А все эти ребята помогали тебе целиться? — вскинул бровь оперативник, что привёл его.

— В игры они играли. Игроманы.

— Тогда кто вас отвлек?

— Я уж не помню. Орут же все, когда в «страйк» режутся.

— До этого вам приходилось держать в руках спортивный арбалет?

— В первый раз.

— А выпили вы перед этим сколько, молодые люди?

— Ничё мы не пили.

— Так вы окно-то специально открыли, чтобы целиться?

— Да, но в человека я стрелять не собирался.

— А в кого, простите?

— Ну... думал... голубя какого...

— Голубя, значит, не жалко?..

Дальше началось длинное и нудное заполнение протокола допроса. Причём по мере его заполнения то следователь, то дознаватели, то опера задавали всё те же вопросы, пытаясь свести дело к организованной стрельбе по людям.

Ближе к полуночи дверь открылась, и в помещение, где рядом сидели ребята, вошёл священник. Тот самый. Это был мужчина лет пятидесяти, крепкого телосложения. Седые волосы хвостиком собраны на затылке. Окладистая ровная борода. Серые глаза. Он окинул всех взглядом и сразу обратился к следователю:

— Здравствуй, Юрий Александрович, отпускай ребят...

— Здравствуйте, батюшка... Стало быть, повезло?

— Да, жизненно важные, как у вас пишут, не задеты, стрела на излёте была. Шок болевой. И всё. Отпускай ребят.

— Батюшка, в храме у себя командовать будешь. А мы уже протоколы оформили почти.

— Порви. Я их прощаю. Что я зря с самой больницы сюда вприпрыжку бежал?

— У нас ещё государство есть. Вот если оно...

— Юра, мы с тобой сколько вместе прошли? Слышишь меня, майор?

— Так точно, товарищ полковник, но...

— Юра! Не стоит им жизнь калечить. С вашими приводами потом ни в институт, ни в армию.

— Тов... Отец Андрей... Батюшка...

— Не благословляю! Слышал? Рви протоколы...

Ребята смотрели на всё происходящее как на явление инопланетянина. Сёма вдруг и сразу понял: Бог есть. Точно есть. И Он не только оставил в живых своего служителя, но и послал сюда. Вот о чём говорила бабушка... Бог коснётся. И было от этого касания и светло, и радостно, и как-то возвышенно больно... И смысл жизни, и весь мир вдруг открылись подростку в одно мгновение. И, наверное,

не одному ему. Потому вдруг неожиданно встал самый рослый и самый сильный Валера. Он подошёл к священнику и, словно выдавливая из себя по слову, через комок в горле, ломающимся голосом сказал:

— Простите нас, батюшка... Простите... — И вдруг зарыдал. Зарыдал, содрогаясь всем телом. — Правда, специально не стреляли...

Никто никогда не видел, чтобы он плакал, а тут он рыдал, не скрываясь. Священник вдруг притянул его по-отечески к себе, прижал. Погладил по коротко остриженной голове.

— Ну, всё... всё...

Глядя на это, заплакал и Сёма. Ему уже давно хотелось, но раз уж рыдал Валера, то куда ему-то!.. Даже Ваню отвернулся в сторону, растирая кулаком глаза, хоть и очень старался не подать виду. Через минуту плакали все.

— Ты это... батюшка... какой тут массовый катарсис устраиваешь...

— Дурак ты, Юра! Я, что ли? Господь посетил... — голос у самого священника тоже, похоже, дрогнул. — Ты ж знаешь, что буквально в старую рану попали. Как в десятку. Так-то я, быть может, на ногах устоял. А тут... Отпусти ты их, Юра. Я тебя как бывший командир прошу. Не верю я, что они специально.

Следователь поднял над столом только что с таким трудом расписанную пачку протоколов и на глазах изумлённых оперативников одним движением порвал её сначала на две, а потом и на четыре части.

— Идите с глаз моих... долой!.. Все! И ты, отец! Сам же знаешь, безнаказанность хуже наказания.

— Мне отмщение и Аз воздам! — напомнил отец Андрей бывшему сослуживцу.

— Идите! Не рви мне душу!

Потом вышли в дежурку, где толпились бледные и взволнованные родители. Пока обнимались, целовались, объяснялись, никто не заметил: батюшка исчез так же неожиданно, как появился. Потом Валера вдруг подошёл к Ваню и тихо сквозь зубы сказал: «Туняедец, говоришь?» Ваню только опустил глаза.

Отец Сёмы заглянул в кабинет, откуда вышли ребята, и спросил:

— А батюшка где служит?

— Во Всесвятской, здесь... рядом... — ответил тот самый Юрий Александрович, не поворачивая головы. Он задумчиво смотрел в печальную осеннюю мглу за мутным стеклом.

Потом вышли на улицу. Так и шли — семьями, чуть растянувшись. Были какие-то уже ничего не значащие разговоры и тем более уже ненужные нравоучения.

— Заплатили, поди, попу-то... Точно заплатили, чтоб заяву забрал, — это сквозь зубы сказал отец Ваню, глядя в спины впереди идущих Сырцовых. Никто, кроме Ваню, его не слышал. И тот вдруг остановился, посмотрел на отца какими-то новыми глазами и попытался что-то сказать:

— Т-ты... А ты?... Как же?!.. Это же... Эх!.. — и вдруг побежал. Побежал так, словно ему нужно было сдать кросс. Все на минуту замерли.

— Что это с ним? — спросила мать Толи, но никто ей не ответил.

Удивлённый и встревоженный отец Ваню стоял и смотрел до тех пор, пока силуэт сына не растворился в сырой октябрьской тьме.

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

В тихих полукружьях темноты

* * *

Вновь ломая задвижки, замки,
Пролетая в прабабкины нычки,
Прорываются в ночь сквозняки,
И разносятся их переклички.

Что им верность обветренных рам?
Что им крепость простуженных стёкол?

Каждый мне в полнолуние проокал,
Что подветренным служит мирам.

И тревожит мой сон злой озноб,
И маячат разнузданно хвори,
Но три пальца ложатся на лоб,
Защищая знамением вскоре.

ОРЛОВ Александр Владимирович родился 21 октября 1975 г. в Москве. Автор четырёх стихотворных книг: *«Московский кочевник»* (2012), *«Белоснежная пряжа»* (2014), *«Время вербы»* (2015), *«Разнозимье»* (2017). Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы им. А.П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии им. Ф.Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С.С. Бехтеева (2014), Всероссийского конкурса «Литературная перемена» (2015). Обладатель золотого диплома VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), лауреат VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Поэзия», награждён «Бронзовым Витязем» за стихотворную книгу «Разнозимье» (2017). Обладатель специального приза Издательского Совета Патриархии Русской Православной Церкви «Дорога к храму» VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за стихотворную книгу «Разнозимье». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Разнозимье

Для надрывных и горестных спевок
В ледяной заколдованный круг
Зимний вечер собрал, будто девок,
Голосистых метелей и вьюг.

Вьюги воют морозно на ухо,
И вращаюсь я в круге втором.
Вечер тёмным предстал певуном —
И лишился я речи, и слуха.

Я зажат, как в тиски, в круге первом,
Злобно плачут метели навзрыд —
Лишь одна среди хора молчит
И не верит гуляющим стервам!

Показалось мне: в горе столетий
Этот вечер виновен да я.
И в сугробах сомкнулся круг третий,
И небес разошлась полынья.

* * *

Колдует мне зима
Вселенские снега —
Она сошла с ума,
Подслепа карга.

Ей, видно, невдомёк,
Она увлечена.
И я — её снежок,
Часть облачного льна,

Шепчу ей: «Не спеши,
Замедли вьюжный ход!»
Но часть моей души
За ней ушла под лёд.

Часть ледяной крупы,
Серебряных недель...
Синеющей тропы,
Я — снег, покрывший ель.

* * *

Сергею Арутюнову

Столетье платежей и ипотек —
И кажется, что будет только хуже.
Но так же на асфальте мёрзнут лужи
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу, разве что, поуже.

Поуже, да ещё не всем видна —
Нет светофоров, постовых, разметки,
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница — полная луна,
И звёзды, заменившие таблетки.

Наш век сырими войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.

* * *

Дней вездесущая невнятица
Мир заполняет. И в который раз
Мы прозябаем у дорожных касс,
Пусть за билет отчаяние расплатится
В осенний час.

Оно уйдёт, потом придёт метелица,
И разрастутся снеговые сны.
Не чувствуя ни страха, ни вины,
Во мне зима тихонечко расстелится —
Мы с ней равны.

И нарастёт хрустящая порошица.
И никого нисколько не щадя,
Ко мне из полуснежного дождя
Несётся, извивается и крошится
Второе «Я».

Забродят гордо сумраки и мороки,
Закружат в пляске духи полутьмы,
На полустанке, где шипят дымы,
Мне станут ночи пламенные дороги —
В них только мы.

* * *

Константину Алексееву

Гололёд или рытвина,
А мы всё колесим,
Обращаясь молитвенно
К существам неземным.

Ты несёшься, как вьюга,
Слышишь неба сигнал.
Кто с повадками друга,
Вдруг тебя обогнал?

Хмуро, скользко и дымно!
И вокруг — ни души.
Звуки звёздного гимна
Заглушить не спеши.

Кто взлетел там, где узко,
Где обрывы дорог?
Возле чёрного спуска
Только Бог.

* * *

Я знаю, что прибуду очень скоро.
Я к переменам сказочным привык.
Мне улыбнётся хмурый снеговик
И обнесёт наветами падёра.

Горбун-фонарь со взором ясновидца
Разделит мою ночь напополам.

Снежинки будут учащённо злиться.
И, тень бросая по моим следам,

Деленье это не дано исправить.
И в тихих полукружьях темноты
Холодный свет, в котором я и ты,
Воды остаток превращает в наледь.

* * *

До чего же зима криворота,
Одинока, весома, хрома!
Ей всегда не хватает чего-то,
И она проникает в дома.

Извиваясь в проёме дверном,
Убывая в бесчисленность сutoк.

Её мир одиночества жуток.
Она в каждого тычет перстом,

Что мне ей пожелать, подскажи?
Она в белом приходит и в чёрном.
И метели заносчивой лжи
Уползают в забвеньё покорном.

Ростепель

Мне досталась ты задарма —
Без торговли, грызни, вопросов.
Ты теперь — лишь моя зима,
От снежинок и до торосов.

И хочу я сегодня, чтоб,
Уходя от весны соблазнов,
Под подошвой моей увязнув,
Мне служил каждый твой сугроб.

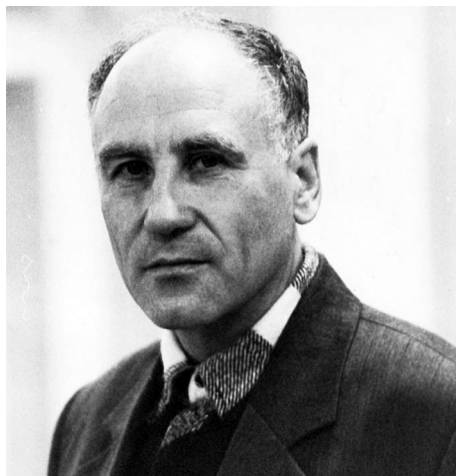
Чтоб метелей твоих и вьюг
Не слышны были злые вопли,
Чтоб февраль, как продажный друг,
Заревел, распуская сопли.

Я поверю тебе тогда,
Когда ты мне прошепчешь сухо,
Как больная в чепце старуха,
Что с рожденья была горда,

Что меня не любила ты,
Что ласкала из пошлой моды,
Что мои собирала годы,
Как флористка в букет — цветы.

ИВАН КОМЛЕВ

Рядовой Иван Ященко

Повесть. *Часть четвёртая**

Жениху Аннушки, трактористу Евгению Зинченко**, исполнилось восемнадцать лет, и в январе сорок пятого ему пришла повестка из военкомата. На войну. Вернулся он через два месяца. Поезд, в котором наскоро обученных молодых солдат направили в сторону фронта, был атакован бомбардировщиками немцев. Фашисты потеряли ещё не всю авиацию и отчаянно сопротивлялись, пытались уничтожить эшелоны с подкреплениями наступающим советским войскам. Осколком Евгению отсекло две фаланги указательного пальца на правой руке. Потеря невелика, но возникло бы подозрение на самострел, когда бы у новобранцев, в том числе у Евгения, было оружие. Вооружить парней должны были по прибытию в тылы назначенной армии. Рану Евгению обработали и... его демобилизовали по ранению.

— Отвиз Гитлеру палец, — пояснил в деревне Евгений своё участие в войне.

*Начало см.: Сибирь. 2015. № 3; 2017. № 1,6.

**Настоящие имена в повествовании даны только главному герою (с разрешения его сыновей) и его родственникам. Фамилии остальных действующих лиц вымышлены.

КОМЛЕВ Иван (Иванов Виктор Павлович), прозаик, публицист (родился в 1940 г. в Омске). Автор книг: «Ковыль»: повести и рассказы (Иркутск, 1990); «Лепёшка»: рассказ (книжка-миниатюра) (Иркутск, 1992); «У порога»: повести и рассказы (Иркутск, 1994); «Когда падает вертолёт»: повести и рассказы (Иркутск, 2001); «На рубеже»: публ. статьи (Иркутск, 2008). Публиковался в коллективных сборниках и журналах. Заслуженный геодезист РФ. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Председатель был рад возвращению в колхоз полноценного работника. Ещё больше радовалась Аннушка. Руководители машинно-тракторной станции возвращение солдата в коллектив приняли как должное. Работы по ремонту тракторов и комбайнов было невпроворот. Но хотя бы раз в неделю Евгений вырывался в деревню, чтобы помыться в бане и, главное, постоять у ворот с любимой.

— Тоби повезло, Нюра, — говорили Аннушке подруги. — Женя — гарний хлопець.

Дело, кажется, шло к свадьбе.

И у второй Ани, двоюродной сестры, дочери увезённого органами в тридцать восьмом году Василия Ященко, тоже намечалось такое событие: милиционер Пётр Шувакин, бывая в Богдановке, всё чаще находил заделье, чтобы увидеть Анну Васильевну. Так, по отчеству, он называл её при народе, пытаясь представить при встрече свой интерес к девушке некими важными вопросами.

Иван однажды завернул с ближнего от Кормиловки поля к Надежде, чтобы узнать её мнение о том, стоит ли Анне Васильевне давать согласие Шувакину стать его женой. Двоюродную сестру Иван любил, как и родных, и был озабочен, как сложится её судьба, если она будет хозяйкой — или слугой?! — у милиционера.

— Да нет, — успокоила его Надежда, — он не дурной. Помнишь, я тебе рассказывала, как мы с ним куроеда арестовали?

— Помню. Так то — уголовное дело, куда ему было деваться? Исполнял что положено.

Иван не мог бы объяснить, откуда появилось у него предубеждение против людей в милицейской форме. Может быть оттого, что они не побывали на фронте?

— А ещё было, — продолжила Надежда, — пошли мы с Волошихой, со старухой, соседкой моей, и ещё с двумя знакомыми, на поле — за колосками. Думали, что под вечер нас не заметят. Но подъехали на конях Петро с другим милиционером, отобрали у нас мешки и вытряхнули колоски на кучу с обмолоченным зерном. Отпустили нас. Пришла домой, а почти вся пшеничка, что собрала я, в мешке. Они, не знаю как второй, а Петро что делал? Брал мешок за углы так, что все колоски у него в руках оставались. Вроде тряхнул, а ничего не вытряхнул. Волошиха то же самое мне сказала, радовалась. Могли бы и арестовать.

— Ну, понял, — вздохнул с некоторым облегчением Иван, — Пётр не скурвился. Ты рекомендуешь.

— Конечно. Мужик в целости, здоровый, и платят хорошо, и паёк.

Через три дня после девятого мая, объявленного днём Победы, у Анастасии Мартыненко с Иваном Ивановичем был свой большой праздник: вернулась с завода Мария и приехала с фронтовым другом, вроде как мужем, вторая дочь, Дуся. Она, правда, объявила родителям:

— Я больше не Дуся, не зовите меня так. Я теперь по паспорту Рая.

Мать, ошарашенная таким заявлением, потом не называла её по имени, боясь ошибиться. Володька, брат, спросил:

— А чего ты от Дуськи отказалась?

— Не нравится мне! — отрезала сестра.

Сергей, пока не зарегистрированный её муж, с погонами старшего лейтенанта, с чёрными кудрями и орлиным взглядом, выглядел бравым молодцем среди потрёпанных военными годами женщин и двух Иванов — Мартыненко и Ященко.

Под стать ему только Дуся, теперь, Рая. На ней было шёлковое голубое платье

с яркой розой на груди, перехваченное пояском, лаковые туфельки — всё это лишь дополняло её изящные формы и писанные черты лица, на котором сияли большие зелёные глаза. Обрамление из пышных волос, падающих волнами на обнажённые плечи, вызывало не только у мужчин чувства восхищения и восторга.

Мария, старшая сестра, в красоте не уступала бы младшей, но старалась быть неприметной: жгуче-чёрные свои волосы, блестящие — как у родителей, зачёсывала гладко и заплетала в косу. Она освободилась, наконец, от рабочей одежды, втиснулась в платье из довоенных времён, но, стесняясь своей глухоты, оставалась скромной. Она слышала только, когда с ней разговаривали громко, да и то, наверное, больше читала по губам.

Тут были и две Анны, двоюродные сёстры, белокурые хохотушки восемнадцати лет от роду. Иван, глядя на них, дивился тому, как причудливо сложилась жизнь: Анны доводились тётками Марии и Дусе-Рае, а были младше их. Да и сам он, дядя для детей Анастасии, был лишь на год старше Марии.

Не приехала только Вера, занятая очередным бухгалтерским отчётом. Зато к концу ужина прибежал Евгений с кое-как отмытыми от мазута руками, и «зарулил» милиционер Пётр Шувакин.

Старший лейтенант Сергей поразил будущую тещу и остальных родственников с первых минут встречи. Когда он только появился во дворе Анастасии, первое, что увидел, — сороку на изгороди огорода, быстро вошёл в избу, извлёк из своего большого трофейного кейса малокалиберную винтовку, вернулся во двор, прицелился — щёлкнул выстрел — сорока покатила на землю.

Крылья и хвост Сергей прибил, с разрешения Анастасии, на стене между окнами. Хвост — вертикально, крылья, в нижней части хвоста, — с двух сторон. Получился не то пикирующий самолёт, не то отливающий изумрудом перевёрнутый крест.

Застолье получилось шумным и весёлым. Из спиртного — водка в двух поллитровках, одну из них выставил на стол Сергей, и брага, которую загодя приготовила Анастасия, — целую флягу.

Самогона у неё оказалось немного, за столом родственники Анастасии от неё же и узнали, что при попытке гнать зелье она чуть не погибла. Один раз только успела взять пробу, зашла другой раз в баньку, чтобы добавить дровишек и проверить, хорошо ли капает спирт в кастрюлю, как вдруг рвануло. Полетели горящие поленья, вылетели стёкла в баньке и в предбаннике, разлетелась вдрызг вся установка, баня вмиг заполнилась ошмётками браги и густым хмельным туманом. Анастасию Бог миловал, была она в ватнике, и прилетело ей на грудь лишь несколько бражных осадков. Лицо не пострадало. Она упала на пол — то ли от взрыва, то ли сработал инстинкт, — ползком выбралась из бани, которая, к счастью, не загорелась. Всю эту картину видели Иван Иванович и сыновья, Володька с Толькой.

— По-пластунски выползала, — пояснил, обычно молчаливый, Иван Иванович хохочущим гостям, сохраняя серьёзное выражение лица.

Теперь, когда испуг остался в прошлом, он подтрунивал над неудачливой самогонщицей.

Пили, хвалили:

— Хороша бражка, да мала чашка.

Анастасия подливала напиток желающим, не скупясь, и застолье всё более

оживлялось не только разговорами, но и песнями. Женщины запевали песни, которые проникли в душу за годы войны.

*Тёмная ночь, только пули свистят по стени,
Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кровати тайком ты слезу утираешь.*

Иван пел вместе со всеми, впервые с тех пор, как пел у Марийки, в сорок первом, и почувствовал с огорчением, что голос его подсел, утратил былую силу и красоту.

Ночевать Иван и обе Анны пошли к Надежде. А утром вернулись к старшей сестре, чтобы проводить Дусю-Раю с Сергеем на поезд. Сергей ехал служить на восток.

Иван Иванович к тому времени ушёл на работу — вместе с сыновьями, Володькой и Толькой. Володька уже работал с отцом, а Тольке осенью предстояло идти в первый класс.

Двенадцатилетний Володька помогал отцу на конюшне потому, что не ходил в школу. Исключили его за хулиганство. Баловался на перемене, носился по коридору, разбил нечаянно какую-то банку с водой и, спасаясь от директора, спрятался в раздевалке, за одеждой, в самом углу. Там было ведро с остатками извёстки на дне; чтобы оно не мешало ему стоять, он поднял двумя руками его над собой и затаил дыхание.

Георгия Константиновича ученики боялись как огня: у него усы, ёжик седых волос и курительная трубка — очень похож на вождя. Шалунов он наказывал строго, легонько постукивая согнутым пальцем по лбу, внушал тем самым правила хорошего поведения. Легонько, а всё равно было больно. Вторая рука, в которой угрожающе маячила трубка, вызывала неподдельный страх у самого отпетого хулигана.

Когда директор отёрнул пальто, за которым скрывался Володька, у того дрогнули руки, ведро кувыркнулось и оказалось на голове Георгия Константиновича. Ёжик волос директора стал чисто белым, заодно «побелился» и костюм.

Володька из-под рук директора сбежал, но в школе, где было всего лишь два учебных класса, учительская комнатка и кабинет директора, спрятаться не было места. Учительница нашла его и доставила в директорский кабинет. Лоб Володькин не пострадал, но ему было приказано привести в школу мать, иначе его исключат из школы.

Всю эту историю рассказали гостям. Анастасия пояснила:

— Чего бы я пишла? Мы в школах не вчилися, а не дурней других. Нехай робит.

Так Володька был исключён из школы на исходе обучения в четвёртом классе. В большую школу, деревянную, двухэтажную, где учились с пятого по десятый класс, ему уже ходить не пришлось. О чём он, было видно, совсем не жалел.

Сама Анастасия читать не умела, знала несколько букв и могла бы, при необходимости, поставить печатными буквами подпись, похожую на свою фамилию: МАР. Но числа знала, могла посчитать деньги, сдачу, например, в магазине, в уме, не на бумажке.

Володька большую часть времени проводил с отцом на конюшне. На молокозаводе было четыре лошади, этого вполне хватало, чтобы отвозить готовую продукцию к железной дороге на отправку государству.

Сергей уже был во дворе со своими вещами, ждал, хмурый, когда из дома выйдет Рая. В ответ на приветствие он буркнул что-то невнятное, кивнул головой, не меняя выражения лица. Иван с сёстрами вошёл в хату. Анастасия была с дочерьми, Марией и Дусей-Раей.

Младшая уже оделась в дорогу: шинель в талию, изящные хромовые сапожки. Она стояла перед матерью, прикрывала лицо низко надвинутой косынкой, но скрыть припухшую щёку и огромный синяк под глазом было невозможно.

— Доча, — просила-умоляла Анастасия Раю, — не едь с ним! Не едь — он дурной!

Но разве есть на свете дочь, которая в двадцать лет слушается мать? Рая отворачивала лицо в сторону и потихоньку двигалась к двери, обходя Ивана и сестёр.

— Что случилось, Настя? — спросил Иван сестру.

— Что? — Анастасия вытирала слёзы. — Побил дурак — приревновал.

— К кому?!

— Спроси его!

Иван с перекошенным от гнева лицом шагнул к двери, но обе Анны с двух сторон повисли на руках.

— Ваня, не трожь! Посадят.

— Ваня, у него наган!

Рая уже выскользнула во двор и быстро подошла к Сергею.

— Видишь? — сказала Аня, родная Иванова сестра. — Милые бранятся — только тешатся. Она ж любит!

Иван, унимая нервную дрожь в мускулах, остановился.

Сергей и Рая вышли на подсохшую после весенней распутицы проезжую часть дороги, разбитую тележными колёсами, комкастую от засохшей грязи, и зашагали, не оглядываясь, к вокзалу. Провожать их никто не пошёл.

Осенью, после уборки урожая, Иван уступил просьбам Маши съездить в совхоз к Вере, она приглашала. В Кормиловке, как обычно, завернули к Надежде — до поезда «Пятьсот-Весёлого» оставалось много времени.

В доме Маша развязала шаль, которой была укутана дочка, развернула пелёнки, заменила мокрую свежей и стала кормить Галю грудью. Витя подошёл и смотрел с изумлением на нежное личико ребёнка и на кормящую маму. Надежда с Иваном переглянулись и заулыбались.

В это время в дверь постучали, и дверь отворилась. Через порог переступила высокая тучная женщина.

— Здравстуйте, — сказала она, обводя взглядом присутствующих. — Надя, не даёшь мне соли?

— Не даёшь, — ответила Надежда.

Женщина опешила от такого решительного ответа, потопталась, собираясь повернуться к двери, но медлила уходить.

— Мотя, — сказала Надежда, — ты неправильно спрашиваешь. Если говоришь: «Не дашь?», то и не дадут. Надо говорить: «Дайте, пожалуйста». Погоди.

Надежда открыла шкафчик, отсыпала из банки в пустой спичечный коробок соли и подала просительнице.

Мотя глубоко вздохнула, приняла соль, посмотрела вопросительно на Надежду и произнесла:

— Пасиба.

— На здоровье.

Женщина вышла, Иван спросил:

— Это кто?

— Матрёна. Немка, эвакуированная. Вон та хата напротив, что в прошлом году слепили, — это семья Кипперт. Илья, муж её, конюхом в Заготзерно работает. Так-то немцы за линией живут, там у них подсобное хозяйство — коровы и телята. У Ильи было три девчонки, когда их сюда пригнали, две старшие уж в невесты годятся, а когда у него ещё две родились, погодки, то он сюда поселился.

«Ещё дочки родились, в войну?» Иван призадумался, но ничего не сказал.

— Павел письмо прислал, — сообщила, радостно сияя, Надежда. — Ему японец руку ножом царапнул, то ли кореец, то ли китаец операцию делал. А то Павел долго писать не мог. А я уж думала, что его, как дезертира, наказали.

— Чего?! — удивился Иван. — С какого переляку дезертир?

— Ох, — призналась Надежда, — таилась я. А ведь он, когда их на восток переправляли, был у меня. С поезда спрыгнул перед светофором, ночью, и заявился. Это когда было? Весной, ещё с немцами не кончили воевать, когда их на японцев повезли. Вот. Искупала я его, как тебя тогда, в корыте, и он пошёл свой эшелон догонять. Ушёл, и как сгинул — ни одного письма. Вот я и думала, что он своих не догнал, и его взяли под арест, как дезертира. У нас в кутузке сидел такой: выскочил из эшелона, когда поезд шёл на фронт, это ещё в сорок четвёртом, переночевал у жены, в Зотино, а его хватились искать, да и задержали на станции, когда мужик хотел на поезд сесть, что к фронту идёт. Зотино, ты знаешь, тринадцать километров от станции, потому, видать, долго ходил. Хватились солдата, а на месте нет. Да и Шувакин с ним был знаком, ещё раньше того, как этого мужика на военную службу взяли.

— Не он ли и задержал?

— Вот не скажу, не видела, кто бедолагу в милицию привёл.

— И что с ним было?

— А я знаю? В нашей милиции был три дня, дрова мне все переколол. Я начальника попросила, потому что берёзовые чурки, сучковатые, остались — сама не могла справиться, — начальник разрешил, под мою ответственность. Мужик этот здоровый, я с ним разговаривала, хороший. Ну вот, куда его потом определили, не знаю. И про Павлика я так же думала: задержали как дезертира, после того, что у меня погостевал четыре часа. Но, значит, догнал свою часть. Я тогда его спросила:

— Чего вас на восток отправляют, уж не с японцами ли воевать? А он мне отвечает: «Нам теперь хоть кто — хоть японцы, хоть американцы. Техника — сила, и командиры умные. Расшибём всех, если прикажут». Ну вот, Ваня, японцев побили, а его не отпускают, неуж ещё не всё? С американцами Сталин не будет воевать?

— Не скажу — тут я не спец. Как со скотиной и с навозом управляться — знаю, где у меня что посеяно и посажено — с закрытыми глазами покажу, а с кем ещё воевать надо — это не по моей части. Хотя... Дать бы и американцам по кумполу, но это же опять потери. Пора пожалеть наших солдат. Нет, не станет Сталин со штатниками скандалить — я так думаю.

— Дай Бог, — согласилась Надежда.

В Омске поезд останавливался на полчаса. Иван с женой решили выйти из душного вагона, прогуляться. Дежурные на вокзале внимательно смотрели за пассажирами, но той строгости, что была в сорок четвёртом, когда Иван возвращался из госпиталя, теперь не было.

Маша оказалась в городе первый раз. С дочкой на руках, старалась увидеть всё, что тут происходит: люди у касс толпятся, у киосков высматривают что-то, прибывшие с поездов выясняют у милиционеров, как уехать в нужную им часть города. Она застыла у витрины коммерческого магазина в изумлении, только что с неоткрытым ртом. Здесь было всё — промтовары и любые продукты, но по ценам, которые не укладывались в её хорошенькой голове: селёдка из бочки, от вида которой у Маши стало солоно во рту, стоила двести десять рублей килограмм. Таких денег у неё в руках ещё не бывало. «Это сколько же за одну штуку?» — ображала она.

Иван стоял позади жены и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он глянул в ту сторону, откуда словно толкнули в спину: мужчина, смотревший на него, тотчас отвернулся и быстро направился к выходу из вокзала. Плотная невысокая фигура — в шляпе, в тёмно-шоколадном плаще, в руке портфель песочного цвета. Где-то Иван уже видел такой портфель... Ах, да, такой был у Бориса, попутчика в поезде, которого потом забрали бдительные органы. Лицо ушедшего мужчины, хоть Иван увидел его только мельком, кого-то ему напоминало. «Бартев?! Не может быть! Он же был худой, а этот в теле. Хотя... худым то Михаил был в лагере... Как он оказался здесь?! Или не он?»

— Ты чего? — вывела Ивана из размышлений Маша. — Опять про войну думаешь? Пошли, а то поезд без нас уйдёт.

В поезде Маша спросила:

— Это что же за магазин такой?

— Какой? — у Ивана всё ещё перед глазами спина быстро уходящего Бартева.

— Написано: «Коммерческий». Кто за такие деньги может купить?

— А-а. Эти магазины ещё в прошлом году открыли, и в нашем райцентре будто есть. Чтобы спекулянтов перебить, такие же цены установили, как на рынках. Кто купит? Начальство всякое. Старшие офицеры, например, да их жёны и тёщи. Герои: за сбитые самолёты, за танки уничтоженные им хорошие рубли платили.

Маша покосилась на ногу мужа, но больше ничего не спросила.

От пригорода Омска, на левом берегу Иртыша, до совхоза «Новоомский» иногда ходил грузовик ЗИС-5, который обыкновенно дожидался пассажиров с «Пятьсот-Весёлого». Так Вера объяснила, как добраться до своего совхоза. Пешком далеко: семнадцать километров.

В кузове машины три ряда скамеек. Водитель, улыбчивый фронтовик, увидев мужчину с женщиной и ребёнком, подошёл к Ивану:

— Вы из Богдановки?

— Мы. А ты как догадался?

— Вера, наш бухгалтер, меня предупредила. Давай жену с лялькой в кабину. Меня Григорием кличут.

— Иван, — Иван протянул новому знакомому руку для пожатия, отметив про себя: «Опять Григорий — это хорошо».

В доме у Веры стало известно, что фронтовик не просто совхозный шофёр, а муж, в недалёком будущем, Веры. У них уже всё решено.

Вера с работы пришла в сопровождении Григория. Тот извлёк из кармана шинели бутылку, пояснил:

— Это в деревне взял, которую проезжали. У нас тут строго насчёт самогонки, — и посмотрел на Веру, давая понять, что и она среди тех, кто делает «строго».

За ужином Вера спросила Ивана:

— Может, переедете к нам в совхоз? Мы-то государственные, зарплату каждый месяц выдаём. Триста пятьдесят, худо-бедно, будешь получать, а то и больше, смотря на какой работе.

— Ну, триста пятьдесят я тоже получил, и зерном тележку нагрузил, хлеб свой, а на рынке за деньги что сегодня купишь?

— Твои триста пятьдесят на «палочки» — это же за год. А у нас по карточкам можно всё купить, недорого. Нам в магазин регулярно дают продукты, иногда и промтовары можно на талоны взять. Да ведь и огороды у нас есть, я капусту и картошку сажаю. Огурчики солю. Гриша, скажи.

Григорий, слегка «закосевший» с выпитого, охотно кивнул.

— Село пойдём смотреть? — спросила Вера.

Вышли за калитку, Иван внимательно посмотрел на штакетник ограды — из лёгких необструганных палочек, перевёл взгляд на домик, на крышу. Домишко тоже некорыстный, как и оградка: набивной — жердочки и солома, обмазанные глиной, и крыша глиняная — мазанка, как и у Надежды в Кормиловке. Но там землянка — тёплая хата, а здесь домишко на ветру, зимой дров не напасёшься. Вера поняла его сомнения.

— В следующем году дома будем строить, это уже решено.

Пошли по улице — такая же, как в Ивановой деревне, дорога, по сторонам которой на пожухлой траве пасутся гуси.

— До Иртыша недалёко, — показала Вера в ту сторону рукой, — меньше километра.

Иван засмеялся:

— Из батиной хаты сколько шагов до воды? Забыла, что на Омке по утрам умывалась?

— Ладно, — согласилась сестра, — не хочешь под началом сестрёнки быть, так и скажи.

Иван посмотрел на Машу. Она внимательно слушала этот разговор.

— Подумаем, — сказал Иван, — до весны или до лета, когда дома строить начнёте. Сейчас-то где жить? В твоей избушке вам и двоим будет тесно.

Только когда вернулись в свою деревню, Маша спросила:

— Ты хочешь переехать к Вере?

— А ты? — вопросом на вопрос ответил Иван.

— Не знаю.

— Ну, вот, и я не знаю, что лучше. Поживём здесь пока, разберёмся.

Февраль сорок шестого оказался трудным для колхозников, даже труднее предыдущих лет, несмотря на то, что с войны вернулись некоторые мужики в рабочем состоянии. Но за годы войны поистратилось стадо коров, а планы по молоку и мясу надо было выполнять. Часть лошадей была взята государством для нужд армии, остальные, заезженные, не могли уже вытянуть весь объём сельхозработ. Тут, как назло, сломался трактор, который по разнарядке должен был обеспечивать снегозадержание на полях колхоза имени Жданова, а начальству МТС не удалось заполучить необходимые запасные части для его ремонта.

Снег с поля, подготовленного с осени для посева пшеницы, выдуло февральскими ветрами, и Иван не представлял, как можно вырастить хотя бы малый урожай на земле, где нет влаги. Впору запрягать лошадей и возить снег на поля из перелесков.

Однажды в конце марта, когда Иван пришёл домой на обед, вслед за ним в избу явились непрошенные гости. Пётр Шувакин, пряча глаза, пропустил вперёд ещё одного мужчину в форме НКВД.

Екатерина Никитична, мать Ивана, замерла на месте с тарелкой в руках, отец, лежавший на кровати, приподнялся и тоже замер.

— Иван Яковлевич? — удостоверился незнакомец.

Он был явно не из районной милиции. «Из Омска, скорей всего».

— Да, — мысли Ивана запрыгали по событиям последних дней, но ничего в них преступного не находилось.

— Собирайтесь, поедете с нами.

— А в чём дело?

— Дело объясним в надлежащем месте.

Заплакала Галя, испугавшись громких незнакомых голосов. Маша взяла её на руки, смотрела расширенными глазами на Ивана.

Обедать не пришлось.

У ворот Иван увидел лошадь, запряжённую в сани, и вспомнил март сорок первого. Тогда, так же по мокрому снегу, только на колхозной повозке, уезжал он по призыву в армию. А что теперь?

Шувакин, вздыхая и виновато поглядывая на Ивана, сел за ямщика, Иван с сопровождающим — сзади в кошеве, и сытая милицейская лошадка ходко пошла по улице, потом, за деревней, на взгорок.

— Я арестован? — спросил Иван, когда они уже отъехали от деревни примерно на километр.

Энкавэдэшник помолчал, подумал:

— Считай, что так.

Больше дорогой не разговаривали.

Нади в милиции, как обычно в это время, не было.

К начальнику в кабинет зашёл сопровождавший Ивана приезжий милиционер, Шувакин остался с арестованным в коридоре.

— И чего? — спросил Иван Петра.

— Бумага на тебя пришла, что ты служил у Власова.

— Я?! У Власова? Дурь. Кто написал?

Пётр пожал плечами. В это время из кабинета вышли милиционер и майор, который некоторое время внимательно и с сожалением смотрел на Ивана, и тот догадался, что начальник знает о том, что Надежда — его сестра.

Майор перевёл взгляд на Петра.

— Позови Мирончука.

Явился Мирончук.

— Вот вам охранник, — сказал майор омичу.

На вокзал они шли втроем, уступая друг другу дорогу на скользких местах: хромающий Иван и два милиционера, и со стороны не понять, что ведут арестованного. Время было рассчитано точно: через пять минут после того, как они пришли на перрон, мимо, сбавляя ход, продымил паровоз, и состав, погромев сцеплениями, замер.

В Омске у вокзала Ивана с сопровождающими ждал «воронок», специальный автомобиль для перевозки арестованных.

В СИЗО, в следственном изоляторе, Иван оказался в небольшой камере — на четверых. Лязгнула за спиной окованная жестью дверь, и в полумраке угасающего дня — свет падал из небольшого зарешёченного оконца под потолком — Иван разглядел трёх узников и нары — слева и справа — в два этажа. Он не сразу двинулся от двери, стараясь привыкнуть к сумраку, и не поспешил, когда услышал насмешливый голос:

— Прошу к нашему шалашу.

Голос принадлежал мужчине средних лет. Когда Иван пригляделся, то мужик показался Ивану очень похожим на того пленного, который отнял у них с Семёном ботинки в немецком лагере. Но нет, этот «фрукт», конечно, из другой корзины.

Два других сокамерника молоды, лет по восемнадцати, а может, и моложе. Они явно были под влиянием старшего, и посматривали на него, ожидая, как он поведёт себя в отношении новичка.

— О! — сказал старший сиделец, увидев, что Иван сильно припадает на укороченную ногу. — Защитник родины в нашу компанию. Прошу, — и подвинулся на нарах.

Иван молча сел на освобождённое место. После недолгой паузы мужчина спросил, уже без насмешки:

— За что тебя?

— Ни за что, — помедлив, ответил Иван.

— И мы за просто так сидим, — не удержался, съехидничал сосед, — верно, парни? Ну, ничего, нам не привыкать.

«Воры, — понял Иван, о «специализации» сокамерников он уже начал догадываться. — «Хорошая» компания».

— Митяй, — представился старший Ивану, — кликуху тебе пока знать не надо.

«Мне «кликуха», наверняка, будет «хромой». Странно, меня с ворами разместили».

Иван думал, что политических, дезертиров и подозреваемых в предательстве между собой и с уголовниками не перемешивают.

Митяй распорядился перед сном:

— Малыш, освободи место инвалиду.

Парень, здоровый пухлый увалень, прозванный, видимо в насмешку, Малышом, послушно перебрался на верхние нары.

Ужин прошёл до прибытия Ивана в СИЗО, и никто здесь не озаботился тем, что новый подследственный будет спать голодный.

А вот на ночь к тюфяку Иван получил подушку, две простыни, суконное одеяло и полотенце. И даже отдельная тумбочка для личных вещей была каждому арестанту, но у Ивана с собой ничего не оказалось. Где-то на заднем плане сознания у него скользнула мысль, что тут не то, что у немцев в плену, есть какая-то забота о человеке.

В шесть часов утра раздался резкий продолжительный звонок — побудка. Но Иван уже не спал — проснулся раньше, по деревенской привычке вставать рано. Лежал смотрел на серый от времени плафон под потолком, прикрытый густой сеткой, — в плафоне всю ночь горела лампочка, тусклый свет из которой едва пробивался в камеру. Лежал, думал: «Кто мне такую подлость мог устроить?»

— Подъём!

Распорядок в СИЗО строгий, не хуже, чем было в армии: после подъёма — зарядка(!) под команды из радио, умывание, завтрак. Во время прогулки — проверка в камерах, при возвращении — шмон одежды и карманов, не ухитрился ли подследственный прихватить с собой запрещённые предметы.

Вскоре после прогулки загремела и приоткрылась дверь камеры и послышалось:

— Яценко! На выход!

— Нормально — Яценко, — услышал Иван за спиной удивлённый голос Митяя.

— Рассказывай, — следователь, облокотившись на стол и подперев ладонью чисто выбритый подбородок, с некоторой брезгливостью смотрел на Ивана.

— Что рассказывать? — Иван тоже разглядывал вершителя его судьбы, пытался определить: воевал он или нет?

Китель следователя висел у того за спиной, на гимнастёрке никаких воинских символов не находилось. В каком он звании — не понять. «Не был на фронте, — по каким-то неясным для самого себя признакам решил Иван, — что ему там делать? Плохи мои дела».

Он ещё в камере думал о том, с кем ему придётся иметь дело? Думал и о том, как могут повернуться события теперь, с переменами во всех органах власти. В деревне знали, что с недавних пор вместо Наркомата Внутренних Дел теперь Министерство, но поскольку колхозов это, казалось, не затрагивало, то и обсуждать, считали деревенские жители, тут нечего.

— За сколько проданся фашистам? Почему воевал против своего народа? Сколько погубил наших людей? И так далее.

— С чего вы взяли?

— Вопросы задаю я.

— Не знаю, что на них отвечать. Это вопросы не ко мне. Не продавался, не воевал против своих, наших не губил. И так далее, — Иван не удержался и повторил фразу следователя.

Следователь откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами по столу, потом взял лежавший на краю стола лист бумаги. «Лист вырван из школьной тетради, — машинально отметил себе Иван, — а у нас, даже в райцентре, тетрадку не купишь».

— Вот тут написано, что вы сдались в плен в первый же день войны, в плену находились недолго, служили в карательных фашистских формированиях, затем вступили в армию предателя Власова и упорно сражались против Красной Армии.

— Бред. Больше мне нечего сказать.

— Вы отказываетесь давать показания?

Иван молчал, думал о том, кто же мог накатать на него «телегу». Ничего в голове не складывалось: деревенские не могли знать, что в плен его взяли в первый же день. «Тот мужчина, что видел на вокзале, всё-таки, Бартев? И с его подачи загребли? Но Бартев не должен знать, где я живу». Попытался вспомнить, упоминал ли когда в присутствии Бартева свою Богдановку, но память о минувших днях поистерлась последующими событиями.

Следователь выждал минуту, сказал:

— Как говорится, молчание — знак согласия. Так и запишем.

«От него просто так не отвяжешься», — явилась тоскливая мысль Ивану, но вместе с ней определилась и линия обороны.

— С Власовым я не знаком, не знаю, кто он такой. А вся моя... это: как и что было — выяснял лейтенант СМЕРШа.

— Где? Когда? Как фамилия смершевца?

— В госпитале. Фамилию он мне не докладывал.

Следователь навалился грудью на стол, сверля глазами Ивана, произнёс чётко, словно гвозди вколачивая в мозг:

— Про СМЕРШ ты мне тюльку не гони: СМЕРШ расформирован ещё в сорок четвёртом году. Думаешь, что концов не найдём?

— Я в госпитале был в декабре сорок третьего.

— Угу, — следователь что-то записал на чистом листе бумаги. — Что ещё?

— Ничего.

— Опять «ничего»?

— В плену был, бежал, воевал в партизанском отряде, где получил ранение. Демобилизован по ранению. Всё.

— Ладно, проверим, — следователь поднял голову от бумаги, громко позвал: — Семенюк!

Дверь сразу отворилась, словно этот Семенюк ждал вызова, он шагнул в кабинет, бросил взгляд на начальника, потом на Ивана.

— Уводи, — теперь негромко приказал следователь.

— Руки за спину, — скомандовал Семенюк.

В камере Ивана ждала неожиданная встреча. Захлопнулась за спиной дверь, проскрежетал ключ в замке, он секунду помедлил, привыкая к полумраку помещения, и шагнул — левой ногой, как приучен был в армии. В это время сидевший на нарах вор по имени Санёк, подставил ему ногу. Под правую. Но короткая правая нога прошла над препятствием, едва коснувшись его. Иван только качнулся вперёд, но не упал. Мгновенно сработал инстинкт защиты — Иван отмахнулся, не глядя, резко ударил ребром ладони по шее вора. Тот издал хрюкающий звук и повалился, уронив с грохотом тумбочку.

А в это время над Иваном взметнулся молот в виде сложенных в один кулак ладоней Малыша. Когда бы удар пришёлся по темени, вряд ли поднялся Иван, даже если бы остался жив. Но Иван откачнулся, ступив на пол укороченной правой ногой, и кулак лишь скользнул по левой стороне головы, попал в левое плечо. Иван выбросил вперёд ладонь со сжатыми пальцами, ниже подбородка, в горло — глаза Малыша на миг остановились и схлопнулись. Он повалился, словно куль, под ноги стоявшему за ним Митяю.

Тот, очевидно, зачинщик нападения, не ожидал такого поворота событий. Туша Малыша разделяла Ивана и Митяя. В это время на грохот в камере явилась охрана: дверь открылась, и милиционер со связкой ключей в руке возник у порога. Огромный ключ угрожающим шипом торчал у него между пальцами. Тут же за ним появился и второй охранник, со шваброй. Этот инвентарь использовался ими в экстренных случаях

— Что происходит?!

Иван, повернулся к ним, но не знал, что ответить.

— Это... Вот он запнулся, — показал Митяй на лежащего Малыша, — и-и неудачно упал.

— И второй запнулся?! — у ног милиционера поднимался, покачиваясь, словно пьяный, Санёк. — А ну — на выход!

— Я? — Митяй оглянулся, будто за ним мог быть кто-то ещё.

— Быстро! Руки за спину!

Митяй вышел.

— К стене!

А Иван с чувством облегчения увидел, что Малыш оклемался и медленно поднимается на ноги.

«Слава Богу, живой!» Казалось, что забыл Иван, чему учили в армии и какие приёмы потом показывали друг другу партизаны, но в критический миг руки и мозг сработали так, будто он всю жизнь только тем и занимался, что отрабатывал смертельные удары. В госпитале Иван сказал подполковнику, что боксом не занимался, а про другие приёмы боя скромно умолчал.

Милиционер с ключами помедлил, наблюдая, как вставал Малыш, и захлопнул дверь.

— Вы какого хрена?.. — Иван придвинулся к Саньку. Тот отшатнулся.

— Я... Мы... Митяй сказал, что надо замочить... Ну, бандеровца, мол. И-и... повесить. Сказать, значит, что сам у-удавился.

— Бандеровца?! Кто вам сказал?

— Ну, он сказал, что фамилия Яценко. Это, значит, с Украины поймали, бандеровца. Они, сказал он, наших убивали.

— Вот гад! — Иван сел на нары. Левая рука от удара Малышом немела. «Чуть ключицу не сломал, сучонок!» Огляделся: «На чём собирались повесить?» Брючные ремни, как это положено, у всех забрали. И тут только увидел, что одеяло его постели откинута к стене, а от простыни оторвано длинная полоса.

Митяя привели в камеру через час, он забрал из тумбочки свои вещи, и его увели.

В тот же день в камеру на освободившееся место поселился арестованный кореец.

За время войны в Кормиловский район прислали не только немцев, калмыков, латышей и эстонцев, но теперь вот и корейцы появились. На улице Боровой, на которой жила Надежда, русская вдова, с тремя детьми, приняла в мужья корейца и уже обзавелась животом. О чём Иван знал от сестры. По какому делу попал в СИЗО этот вот черноволосый парень, узнать было трудно: с русским языком у него полные нелады.

Надежда узнала, когда пришла после обеда на работу, что Ивана арестовали и увезли в город, в тот же день. Наскоро убралась в помещениях и поспешила домой. Написала Вере письмо и немедленно отнесла на почту. Сообщила сестре всё, что произошло с братом, и просила разузнать, куда поместили Ивана, чтобы можно было попытаться помочь ему избавиться от новой напасти. Надя, как и все её родственники, полагала, что бухгалтер совхоза — это большой начальник. Ну, если и не начальник, то человек грамотный, и к тому же ей до города ближе, она может в один день съездить и узнать, где упрятали Ивана, возможно, и свидеться ей дадут.

Вечером поворожила на картах — на бубнового короля. Выпало, что он в «казённом доме». Ну, да, в казённом. Дальней дороги карты не предвещали. Это немного обнадёживало, но по своему дому его ждал «удар». Подумала об отце: «Тятя болеет, а тут такое несчастье». Дядю Василия, брата отца, как забрали в тридцать восьмом, так и не слышно о нём до сих пор. А теперь вот сына по чьёму-то навету увезли.

В милиции, управившись поутру с печами и помыв полы, постучала в дверь к начальнику.

— Войдите!

Вошла:

— Валерий Александрович! Разрешите мне после обеда отлучиться. Хочу в Богдановку сходить.

Начальник поднял голову от стола, мгновение смотрел на уборщицу, оценил ситуацию, кивнул:

— Хорошо, — и снова уткнулся в бумаги.

Печи, с наступлением более тёплых дней, Надежда топила один раз в сутки, а затопанные полы коридора на этот раз вымоет под присмотром милиционера нашкодивший в посёлке мелкий хулиган.

Пять километров до Богдановки показались Надежде пыткой: разъезженные санями колеи были заполнены снежной кашей, под ногами, обутыми в валенки с калошами, хлюпала вода, и в то же время под ступни попадали ещё не оттаявшие заледенелые конские катыши. Она иногда оглядывалась, когда ей казалось, что следом за ней кто-то едет, но никого не было — в этот мартовский день все были при делах.

Яков Мартынович был во дворе. Несмотря на недомогание, он не оставлял свои прежние занятия: ухаживал за скотиной, прибирался в ограде, проверял дорожку к воде — не осыпались ли ступеньки к реке. Увидев Надежду, просветлел лицом, приобнял:

— Пишли в хату.

Мачеха встрепенулась, увидев падчерицу, ответила на приветствие, кивая головой:

— Здоровеньки, здоровеньки.

Запоздалое раскаяние за все те детские годы, когда Катерина гнобила Надю, почудилось Надежде в этом её приветствии и — ожидание обнадеживающей вести.

И Маша устремила встревоженный взгляд навстречу Надежде.

«А что сказать, чем порадовать?»

— Тятя, и ты, Маша, не убивайтесь: Ваня не виноватый, его отпустят. Я Вере письмо отправила, она до следователя съездит. Вот.

Никто не промолвил слова.

— Я пришла посмотреть, как вы живёте, давно не была.

— Живём, — отец почувствовал неловкость дочери, выпрямился: — Я надысь корчагу вытянув — рыбки дать?

Плетёную корчагу из ивовых веток, ловушку, — её ещё мордой называют, Яков Мартынович опускает в реку с вечера, проверяет утром. Пескарей в неё набивается на добрую уху, заплывают чебачки, и даже небольшие окуньки соблазняются на приманку из затирухи — теста из отрубей.

«Отец делает во льду прорубь и ловит?!»

Надежда представляет, сколько это трудов и как это опасно теперь, когда мартовский лёд становится рыхлым. Взять рыбу, значит, отправить отца на следующую рыбалку.

— А в чо я её визьму? У мэне ниякой тары нема, — развела руками Надежда.

Стали искать, во что положить уже почищенную Катериной рыбу. Освободили из-под сыворотки бидончик, вздохнули облегчённо:

— Писля принесэшь.

Эта суэта неожиданно непонятным образом внесла облегчение в мысли: не должен пострадать невинно Иван.

Прошла неделя, другая. Апрель растопил снега, ручьями унесло мутные воды, лес начал оживать, кое-где на солнцепёке появилась зелёная травка, а об Иване не было вестей.

Но однажды почтальонка принесла от Веры письмо. Надежда дрожащими руками распечатала его. Вера сообщала, что в городе побывала, нашла тюрьму, где томится Иван, но свидания с ним ей не дали. А передачу взяли — значит, живой и никуда не убыл.

Какие продукты передала Ивану, Вера написать не догадалась. Зато сообщила, что следователя повидала. Тот ей не сказал, как обстоит дело с Иваном, велел ждать, следствие, мол, не закончилось.

Миновал апрель. В первых числах мая в дом Надежды заявила мать Павла, Евдинья Матвеевна. Она почему-то решила, что старшего сына отпустят домой ко дню победы. Младший, Николай, вот уже почти год как вернулся с войны и подругу в дом привёл, женился, можно сказать. Ждала она, что вот-вот и муж её, Яков Гаврилович, оставит работу на заводе, куда его мобилизовали ещё в сорок втором году. Прежде чем ехать в свою деревню, он наверняка прибудет к невестке — помыться, отдохнуть. Он даже письмо однажды Матвеевне прислал, надеялся, что скоро в работе наступит послабление. Читать и писать старики умели — были обучены в годы ликвидации безграмотности, хотя поначалу противились учению.

Евдинья Матвеевна знала, что Яков Гаврилович несколько раз за время войны сбегал с завода — искали его у неё, в родной деревне, а он прятался у Надежды. Побыв у невестки дня три-четыре, оклемавшись, он возвращался к станку. Отлучка сходила ему с рук: начальство видело, что человек вернулся на трудовую вахту вполне пригодным к работе. Здесь он был нужнее заводу, чем если бы находился в тюрьме или в колонии.

Евдинья Матвеевна впервые услышала радио в доме у Надежды. Этот чёрный картонный круг, с такой же чёрной коробочкой посередине, из которой шёл человеческий голос и звучала музыка, сильно удивил её.

— Что это? — спросила невестку.

— Радиво, — ответила Надежда. — Линию на нашу улицу провели, вот и я себе купила. По нему всё говорят, что где происходит. Новости передают и песни.

Пожилая женщина подумала и согласилась, что это хорошо, когда не надо по посёлку ходить, чтобы узнать новости.

— Вот до чего у вас тут наука дошла! — восхитилась она. — Если б ещё сказали, когда Паша домой прибудет, я бы им сильно благодарна была, в ноги бы поклонилась.

— Ну да, — засмеялась Надежда.

На утро следующего дня, как только радио заговорило, свекровь на приветствие диктора ответила:

— Спасибо. И вам желаю здоровья, доброго дня.

Надежда услышала, что Евдинья Матвеевна обращается к приёмнику как к живому человеку, удивилась, но промолчала. Когда же на второе и на третье утро свекровь продолжала отвечать на приветствие из студии, то не выдержала и решила сказать:

— Мама, вы зачем отвечаете? Они ведь вас не слышат.

— Почто не слышат? — возразила свекровь. — Так не может быть. Я же их слышу, значит, и они меня тоже.

Позже, когда уяснила, что такое радио, Евдинья Матвеевна долго смеялась, качая головой:

— Вот деревня, а?

Вера прислала Надежде второе письмо, сообщала, что управилась с огородом и снова побывала в Омске у следователя. Тот опять отговорился, что идёт следствие, значит, отпустить Ивана нельзя.

«Сколько можно?» Надежда решила поехать к Вере, узнать всё подробнее и с её помощью, как-то повлиять на ход событий. Она тоже, вместе со свекровью, посадила картошку, и у неё было теперь с кем оставить сына. В детский сад Витя не ходил, туда принимали только ребяташек работников Заготзерно.

— С Иваном свидания не получилось, — пожаловалась Вера, — а следователь какой-то склизкий, глаза в сторону отводит.

— Я уже об этом думала, — сказала Надежда. — Бросила на картах: будто денежный интерес просматривается. Надо, наверное, ему дать? Я вот накопила двести пятьдесят. Добавь, сколько сможешь, и отвези ему.

— Да ты что?! — испугалась сестра. — Я не могу. Я же партийная!

Они замолчали, глядя друг на друга и размышляя о том, какие могут быть последствия, если следователь не примет взятку.

— Тогда давай я дам, — решила Надежда. — Только ты меня проводи, и если арестуют, то чтоб знала. И Витю тогда к себе заberi, пока Павел не вернётся.

До тысячи рублей не дотянули: Вера приложила к Надиным деньгам свою зарплату, что оставалось от полочки, и зарплату Григория, получилось девятьсот шестьдесят пять рублей. Округлили до девятисот пятидесяти и вложили в конверт, купленный на почте. Конверт Надежда спрятала в карман, специально пришитый ею на внутренней стороне кофты.

Пока Надежда ждала у дверей в кабинет следователя, Вера ходила по улице, не удаляясь от крыльца, потом обнаружила скамейку под деревьями, села там, но долго находиться на одном месте не смогла, стала снова ходить, не выдержала, наконец, зашла в здание. Надежды в коридоре не было.

Она в это время сидела перед столом следователя и едва не теряла сознание от мысли, что надо положить на стол деньги. Пуговица на кофточке в нужном месте была расстёгнута у неё заранее.

Он, между тем, смотрел на неё внимательно, ожидая услышать что-то ещё к тому, что она сказала о невинности брата Ивана. Видя, что просительница побледнела и вот-вот потеряет сознание, он взял стакан, налил из графина воды. В момент, когда он отвлёкся, Надежда решила — быстрым движением извлекла конверт из кармана и сунула его под папку с бумагами на столе, но так, что край конверта был виден.

Следователь поставил перед Надеждой стакан и одновременно другой рукой чуть подвинул папку. Конверт исчез из виду.

— Так, — сказал он, — посмотрим, что нам пришло по вашему брату.

Пока она пила воду, он сделал вид, что читает какую-то бумагу, вздохнул, будто с облегчением:

— Ну, вот, вы зря волновались. Брат ваш действительно был партизаном, не воевал на стороне фашистов. Подождите в коридоре.

Надежда на ватных ногах вышла из кабинета. Вера по её лицу сразу поняла: следовательно деньги принял.

Не прошло и полчаса, как привели Ивана. Сёстры бросились было к нему, но милиционер, сопровождавший Ивана, резко осадил их. Иван шёл с руками, заложенными за спину, но в этот момент одну руку приподнял, успокаивая: «Я в порядке».

Он всё ещё был в валенках и парился в той телогрейке, в которой был, когда его арестовали два месяца назад.

О том, что Надя дала взятку следователю, сёстры Ивану не сказали, не сказали и никому другому. Только спустя много лет после смерти Ивана Надежда расскажет своему взрослому сыну про своё преступление перед законом.

Дома, в Богдановке, Ивана встретили отец и мать, Анна была на ферме.

— А где Маша? — спросил Иван, пройдя в переднюю половину избы и не увидев там ни жены, ни дочки.

Родители молчали, смотрели друг на друга, надеясь, что другой будет держать ответ. Но так ничего и не сказали.

— Что? Ушла? — не поверил собственной догадке Иван.

Отец кивнул и вышел из дома во двор.

Вскоре вернулась со скотного двора сестра и на вопросы брата объяснила:

— Машка твоя больше не твоя. Сказала, что с власовцем жить не будет и дня. Ушла сразу, как только узнала, в чём тебя обвиняют.

— Куда ушла, к родителям?

— Не, то ли в район, а то ли аж в город уехала.

Иван вышел из хаты, сел под ивой на берегу реки, там, где прятался в детстве от обид. Сидел до темноты, и за полночь, следил за тем, как покачивает речная волна звёздные искры и лунный серп, похожий на кривой кинжал, перебирал в памяти всю свою жизнь — от первых детских впечатлений до последнего дня — и думал о том, что ненадёжная оказалась у него жена, и возвращать её не следует. И пусть дочка, пока маленькая, не знает родного отца и, возможно, будет называть папой другого мужчину, если Маша найдёт себе нового мужа.

Неоднократно возвращался мыслями к той мимолётной встрече на вокзале, что так беспощадно повернула его судьбу: «Всё-таки то был Бартев? Побоялся, что я его сдам, и решил упредить?» О бывшем однополчанине, который стал пособником фашистов в немецком лагере, Иван следователю не сказал — опасался, что тот начнёт раскручивать дело по новому кругу, а там и припаяет пособничество врагам.

Родители его не тревожили — место, где приглушал своё горе сын, было известно им с давних пор.

Надежда сходила за линию железной дороги, чтобы найти хвороста для топки печи. В одном из колков обнаружила место, где были спилены берёзы на дрова, и ветки, уже высохшие, были аккуратно сложены в кучи, а не разбросаны как попало, когда лес воруют. Сообщила о находке сестре Анастасии, и они собрались в лес. Анастасия попросила у соседа телегу, в неё впрягли корову Надежды и поутру отправились за топливом.

К полудню с нагруженной до верха телегой вернулись к переезду через «железку», переждали проходящий поезд и, помогая корове вытянуть воз на подъём, выкатили на первую линию. А когда самую трудную часть пути осилили и корова уже ступила на землю со второго пути, переднее колесо от удара о рельсу развалилось, телега застряла, полностью перегородив линию. Сёстры испуганно переглянулись и кинулись к месту поломки. Мешкать было нельзя: поезда по Сибирской магистрали шли густо, с интервалом в пять минут, как правило... Авария на железной дороге — это тюрьма! Сёстры в этом нисколько не сомневались.

Они попытались приподнять передок телеги, ухватившись за него вдвоём, но конец оси колеса оказался под головкой рельса, и тут даже два мужика такую тяжесть не смогли бы осилить.

Сигнал светофора перед входом на территорию станции с красного сменился на жёлтый.

— Назад! Давай назад!

Попытались хоть чуть-чуть сдвинуть телегу назад, но у коровы такого понятия не было: под крики женщин она потянула воз вперёд. Дернула и остановилась. Надежда забежала перед ней, упёрлась одной рукой в дугу, другой рукой ухватилась за рог животного и стала толкать.

— Давай, Милка, давай назад!

Корова попятилась.

Анастасия навалилась на телегу. Чуть-чуть только сдвинули воз, но этого хватило — ось щёлкнула и вышла из-под рельса. Тогда обе женщины, упираясь плечами в край телеги, немислимим для себя усилием приподняли ось выше рельса, и под понукание хозяйки несчастное животное вытянуло воз с путей. Успели убрать с рельса и поломанное колесо. Уже горел зелёный свет светофора.

Протащив телегу несколько метров с бороздящей по земле осью, корова остановилась.

— У-у-у!! — просигналив, промчался к станции грузовой поезд.

— Чо, будем сгружать? Надсадится твоя Мила, — сказала, отдышавшись, Анастасия. — Спортим корову.

— Колесо у меня есть, — Надежда ещё раз оглянулась на переезд. — Пойду за ним.

— Откуда колесо?

— Павел перед войной хотел телегу сделать, да успел только матерьял заготовить и одно колесо собрать.

Евдинья Матвеевна с Витей ждали Надежду во дворе. Старуха волновалась, что невестки долго нет, беспокоилась, не задержал ли сестёр объездчик. Увидев Надежду без коровы и телеги, запереживала ещё больше:

— Надя, где корова?

— А! — Надежда махнула рукой. — Ступица колеса развалилась.

— Господи! И что теперь?

— Есть у меня. Только как донесу? Тяжеленное.

Нашла обломок черена от граблей, вставила эту палку в отверстие колеса, взвалила его на плечо. Пошла вдоль плетня, а тропинка к дороге — на подъём, небольшой, который раньше и не замечала, а тут сразу стала задыхаться от натуги. И вдруг, когда не отошла и полсотни шагов от своей калитки, впереди возникла фигура военного. На фоне синего неба он казался очень большим и стройным. Сердце ёкнуло: «Павел?!» Сбросила колесо наземь. Тут они и встретились.

Когда поезд, с теплушками для демобилизованных солдат и платформами со строительными материалами сбавил ход перед светофором, то Павел спрыгнул под откос, благо, что из вещей у него был лишь небольшой заплечный мешок.

— Вот, — сказала Надежда мужу, — сломалась у нас телега с чашёй, колесо сломалось. Настенька ждёт у переезда. Бери, а то оно пуд, наверное, весит.

— Да? Видел мельком, что женщина с телегой у переезда, а Настеньку не признал, смотрел за семафором.

Павел оглянулся в сторону дома. Там мать стояла, приложив ладонь козырьком к глазам, глядела в их сторону. А Витя жался к её ноге. Павел махнул им рукой, снял со спины свою котомку, поднял её над головой, потом опустил на землю. Мать поняла, что надо забрать сыновье добро, и вместе с внуком заторопилась за вещами.

А Павел взвалил колесо на плечо и, сопровождаемый женой, зашагал по пыльной дороге. Жарко. Солнце в зените, и в зените, почти невидимые, трепещут, взмывая вверх и падая, и вновь взмывая, два жаворонка, соревнуясь в ликующем пении. Из-под ног брызжут в стороны кузнечики и стрекохут, тоже радуются жизни.

Началась мирная жизнь, от которой Павел был отлучён войной на пять лет.

В ближайшее воскресенье, после того как прибыл Павел домой, к Ивановым собрались почти все родственники, что жили в Кормиловке и в Богдановке. Только Вера из своего совхоза не выбралась. Не могли Надиному счастью порадоваться вместе со всеми и старики Ященко. Отец был слаб, а Екатерине Никитичне падчерица оставалась чужой, как было в детстве.

Надежда готовилась к встрече задолго до этого дня. Завела брагу, накопила яиц; в магазине, что был при водочном заводе, каждый месяц выкупала по талонам водку, а накануне зарубила трёх молодых петушков и курицу, которая не неслась. В погребе у неё сохранились, ещё с прошлой осени, солёные капуста и огурцы. Про картошку и говорить нечего: натушила в печке с мясом, которое по такому случаю принесла Аня. В колхозе у них ввиду предстоящей бескормицы забили досрочно нескольких бычков и яловую корову. Сдали — «на план», но остатки мяса распределили среди тех, кто работал на ферме. Анне достался весомый кусок — как лучшей доярке. Она же принесла полный бидон уже очищенных пескарей и чебачков. Отец, несмотря на хворь, сплёл несколько новых ивовых корчаг, а Иван ставил эти ловушки на ночь.

Готовить на стол Надежде помогали обе Анны, теперь уже замужние женщины. Евгений Зинченко добился согласия Анны Яковлевны стать его женой и увёл её в свою хату. А двоюродная сестра перебралась в Кормиловку и стала хозяйкой в доме у милиционера Петра Шувакина.

Столы вынесли во двор. Павел соорудил лавки из досок, которые были заготовлены ещё до войны и которые жена сохранила в целости до его приезда. Над столами от солнца натянули две простыни. Мужики снимали рубахи, женщины были в лёгких платьях, купленных в тридцать девятом году, тогда в магазинах появилось всё, и копейка какая-никакая тогда завелась. Смотреть на нарядных, сияющих лицами женщин — это счастье.

Пир получился как в богатом довоенном году. Поздравляли Надежду и Павла с благополучным возвращением, желали им всех благ и... скорейшего прибавления семейства. Шутили: чтобы не платить налог за бездетность, а наоборот, получать деньги от государства за выполнение «плана»: от семьи не менее трёх детей.

Надежда, оживлённая, счастливая, рассказала:

— Два месяца писем не было. Цыганка мне точно нагадала, говорит: «Живой твой муж, завтра придёт, но не надолго, дня на два, а потом вернётся через год. Завтра увидишь на вечерней зорьке. Плюнешь мне в глаза, если вру». А я ей говорю: «Ага, завтра тебя с собаками не найдёшь!»

— И чё? Плюнуть не пришлось?

— Не стало их, цыган, на другой день, а Павел появился, не вечером, ночью. И побыл только до утра, на год и уехал. Вот, — оглядела застолье удивлённо-восторженными глазами, — иногда цыганки не врут.

Павлу пришлось держать ответ за оба фронта — германский и японский.

— Чё с рукой-то? — кивнул Иван, увидев шрам у Павла на ладони. Хотя он знал от Надежды, что это японец его «царапнул».

Павел посмотрел на свой рубец, пересекавший ладонь от указательного пальца до запястья.

— А, ничего. За кинжал схватился. Ночью шли по лесу. Приказ был: не шуметь, не курить, чтобы япошки не обнаружили, что войска передвигаются. А они, видать, что-то знали, или догадывались. Идём, в общем, спим на ходу. Запнёшься за корни или за что-нибудь, упадёшь, поднимешься — и догоняешь строй. Один упал, другой упал — я встревожился: почему-то не догоняют. Очнулся. А тут надо мной нож. Ну, успел схватиться, да за лезвие. Операцию мне делал то ли кореец, то ли китаец. Ну, молодец! Все жилки сростил.

Павел сжал и разжал кулак, с удовольствием демонстрируя, что никакого ущерба его руке не случилось.

— С японцем что? Многих зарезал?

— Скольких, я не знаю. Я же потом сознание потерял. Говорили, что отравленные кинжалы у их, смертники, значит, шли на погибель заранее. Убил, стало быть, сонных сколько-то, а со мной не повезло: проснулся я вовремя. А хирург молодец! — ещё раз порадовался Павел за мастерство врача.

— Ну, наши врачи тоже не лыком шиты, — вступился за советских хирургов Евгений. — Ивану ногу приделали — как тут и была. Про мий палец я уж и не кажу, — добавил он под смех окружающих.

— Да, — вздохнул Иван Иванович и замолчал.

Все посмотрели на него с некоторым удивлением: от Ивана Ивановича редко удавалось что-нибудь услышать; если его не спросить, то он за весь день мог слова не вымолвить. Ждали продолжения. Он посмотрел в свой стакан — там оставалось немного на доньшке, — выпил, откусил солёного огурца, оглядел застолье. Ждут.

— Врачи победили, — Иван Иванович опять вздохнул, по своему обыкновению и, посчитав, что всё уже пояснил, сосредоточился взглядом на бидончике с бражкой.

— Ково победили? — Анастасия толкнула локтем мужа.

Иван Иванович, чудом выживший после ранения в живот, демобилизованный по этой причине, ничего никому не рассказывал, где воевал, какую службу нёс и при каких обстоятельствах был ранен. За что получил медаль? Он посмотрел на жену с удивлением: не знает кого?

— А верно, — понял Павел свояка, — без врачей войну бы с фашистами просадили. Редко кто в санбате или госпитале не побывал. Да не по одному разу.

Меня контузило, другой раз ранило, но легко — там, с немцами. Тоже без хирурга не поздоровилось бы. Я за счастье считаю, что руки-ноги остались при мне.

«Да, — мысленно согласился с ними Иван. Память высветила ему госпиталь, где круглосуточно и безостановочно работал конвейер: поступали одни раненые, и одновременно уходили на круг войны восстановленные бойцы. — Большинство возвращалось на передовую, немногих, как и меня, забраковали для боевой работы».

— Ага, — заметила Павла, — то врачи молодцы, а без колхозив и врачи б с голоду поздыхали.

— Ну, — смеялся счастливый Павел, — иногда приходилось без еды по несколько дней в окопах сидеть. О-о! Холод и голод — это самое тяжёлое на войне.

Ивану припомнились немецкие лагеря с рационом, который будет отругаться ему, кажется, всю жизнь. Этот расклад «только для русских», утверждённый имперским министерством продовольственного снабжения в рейхе в конце сорок первого года, переслали из города подпольщики партизанам — чтобы знали и в лесу, откуда идёт немецкий ордуниг, порядок, для русских. «Русиш — швайн» (русский — свинья) было узаконено высшей германской властью. И соответствующее питание.

«Отжимки сахарной свёклы — 40 процентов, отруби — 30, древесные опилки — 20, целлюлозная мука из листьев или соломы — 10».

Тогда он подумал, что ему ещё повезло быть в лагерях до этого людоедского распоряжения. Хотя пища была примерно такого же качества и без указания свыше.

А летом сорок третьего по оккупированным деревням фашисты распространили запрет сельскому населению употреблять растительное и животное масло, лук, картофель, мясо птицы, молоко. Всё это жители должны были немедленно сдать оккупантам, все сто процентов. За невыполнение — порка, в лучшем случае, а в основном — расстрел. Такими мерами немцы надеялись оставить народ голодным, чтобы не могли партизаны разжиться в деревнях продуктами.

Но своими знаниями, что такое голод, Иван не стал делиться с родными, когда стол, что скатерть-самобранка.

— Без заводчан бы не победили, — задумчиво произнесла Мария.

Она напряжённо вслушивалась в разговоры и сочла нужным напомнить, что рабочие на заводах делали пушки, снаряды, танки и самолёты.

— Вот, — поддержал её Шувакин, — и ложки, которые Маруся штамповала, тоже были нужны как оружие. Верно, Павел? — вздохнул и заключил уже серьёзно: — Что тут делить? Победа общая, а всё ж давайте выпьем за Павла и за обоих Иванов — фрицев били они, а не мы.

— Ох, война, — выдохнула Анна Васильевна, — и тучки людей убивают. И ребятишек.

То, что минувшей осенью сторожа на току убили, это знали не только богдановские жители — как не знать, когда сторожем был старик из их деревни? Но и в Кормилровке все были в шоке, когда милиция нашла убийцу на Советской улице — Витьку Воробьёва — по щепе от приклада ружья, которым он бил сторожа по голове. Но о каких ребятишках сказала Анна? Разговоры за столом умолкли. Шувакин посмотрел на жену с осуждением, однако должен был пояснить.

— В Омске — пацанов, — и замолчал.

— О, то мы шось слышали, — подала голос Павла. Из всей родни у неё одной муж не пришёл с войны. Погиб ещё в первый год. Она избегала встреч с теми, у

кого мужья вернулись, не любила весёлых и шумных разговоров. Но тут и в гости пришла, и снова в беседу встряла. — Шось про кино толковали.

— Ну, — неохотно подтвердил Шувакин. — На чердаке в кинотеатре «Гигант» нашли ребятишек убитых. Опилками присыпаны были.

— И чо? Кто убил, нашли?

— Нашли, когда у начальника завода ребёнок потерялся. До того жаловались родители, у кого ребёнок исчез, а омское милицейское начальство думало, что парнишки и девчонки в бегах. Искали, но без пользы. У начальника пропал — спохватились, даже к нам в милицию приезжали, нет ли тут следов, каких-нибудь подозрений. Воробьёв же был не один. Вдвоём угробили сторожа, подельник как раз из Омска. Он зерно в город увёз и продал. А ребятишек пацаны убивали. Шпана. Обещали провести в кино бесплатно и заманивали наверх.

— Вот зверёныши! Стрелять таких надо, как фашистов.

— Вышку одному присудили, — Пётр поморщился, — остальным сроки от семи до двадцати лет. Самому старшему только исполнилось восемнадцать, самому маленькому — двенадцать лет. Кого стрелять?

— Зачем же они убивали?

— Как «зачем»? Одежду, обувь несли на толчок, продавали.

Иван, слушая Петра, невольно вспомнил своих сокамерников. Им ведь тоже, судя по лицам, не было ещё восемнадцати. Перевели их от Ивана на следующий день после стычки. Иван так и не узнал, за что они арестованы. Имени Малыша тоже не узнал, а надо бы. После его удара сложенным кулаком по плечу в груди Ивана тогда что-то будто оборвалось и временами даёт о себе знать до сих пор. Такой молодец своим сдвоенным кулаком запросто мог бы вбить ребёнку голову в грудь. Война, выходит, ещё идёт, только в другом обличье?

— Да, — обратился Иван к Павлу, — японцев ещё в прошлом году заставили капитулировать, а ты где был до сих пор?

— Где? В Корее служил.

— Ну?! И с корейцами общался?

— Да. Мы свободно по городу ходили, — Павел засмеялся: — Чудно живут. Я вот смотрел, как ихний столяр рубанком строгаёт: на себя стружку гонит.

— Хе, — у Петра с выпитого язык освободился, — это точно: всякий народец к себе тащит, только русский — от себя. Попроси — последнюю рубаху отдаст.

— А ещё нам было удивление, — продолжил Павел, не обращая внимания на реплику Шувакина, — как они лошадь запрягают. В часть нашу кореец продукты привозил. Вожжей нет, правит лошадью так: бьёт кнутом по её морде. Она отворачивается, идёт в другую сторону. Мы с товарищем увидели такое дело, чуть не побили его. У лошади уже глаза повыхлестал. Взяли его в оборот. Показали, как вожжи закрепить, и пригрозили, что ему не поздоровится, если в следующий раз будет кнутом править. Стал запрягать по-нашему.

— А вот ты привёз трофей? — продолжал гнуть свою линию Шувакин. — У фрицев чего взял?

— Ничего не привёз. Кёнигсберг взял, но он большой — в сумку не запихнёшь. После Кёнигсберга нас сразу на восток.

— И медаль за взятие Кёнигсберга у тебя, а в городе-то был? Что запомнилось? Павел засмеялся:

— Запомнил всё то же, что и везде: колючую проволоку, спирали и мины —

шесть километров сплошных заграждений. Мы, сапёры, на брюхе должны были проходы сделать для танков и для пехоты. Товарищ мой там погиб. — Павел по-мрачнел. — Я проволоку держал, а он резал. Держишь, чтобы не нашуметь. Немцы на проволоку пустые банки навешивали, склянки разные, чуть тронешь — зазвенит, и тут сразу очередь. Но мы аккуратно, тихо работали, шальная пуля ударила его в лоб. Фрицы по темноте осветительные ракеты запускали и стреляли — со страху. Хороший Ваня парень был, весёлый. Мы его Курским Соловьём называли. Пел замечательно. Перед войной он комсомольским секретарём являлся, а служил в церкви звонарём и пел в церковном хоре. Вот уж нам смешно было! — Павел сказал, что смешно им было, а горечи от потери боевого друга утаить не смог, опустил голову.

Минуту молчал, и никто словом не нарушил тишину.

— В Курск когда вошли, он меня на колокольню позвал — свой город показать. Вот поднялись, он давай звонить. А тут снаряд мимо, потом — другой. Я говорю ему: «Давай сматываться отсюда — сшибут». Убежали. Ежли б в тот раз пуля не попала в него, может, до сих пор был бы живой. Ведь после Кёнигсберга нас на восток отправили.

— А в городе обратил внимание, что под каждым домом подвалы в доты превращены, — закончил Павел историю со взятием Кёнигсберга. — Похоже, что дома специально так строили. Что ни дом, то крепость.

— Сахару привёз, — припомнила Надежда, — когда забежал по пути на восток.

— Ага, — подтвердил Павел, — я махорку на сахар менял с курящими, кому по норме курева не хватало.

— И у япошек ничего не добыл? У корейцев, то есть, у них, наверное, и взять-то нечего?

— Бедная страна, не то, что у немцев. У немцев дома — не в пример нашим, чего им не хватало? А корейцы торгуют, наверное, все. Кожу хорошую на сапоги купил, но везти было опасно, пришлось прятать. Генералы и полковники разобранные казармы японцев, кирпичи, отправляли в Союз, чтобы дома себе строить вместо разрушенных немцами, а нам вещи везти было запрещено.

— Это почему?

— Чтобы грабежа не было, запрещали. Как докажешь, что купил, а не силой взял? Наказывали за мародёрство строго. В первые дни, как мы пришли в Корею, был случай. Кореец пожаловался командиру, что часы у него солдат взял, а денег не заплатил. Командир приказал полку построиться и говорит этому корейцу: «Который взял, он здесь есть?» — кореец указал на солдата. Командир спрашивает: — «Взял? Где часы?» — тот сдвинул рукав, часы при нём. Снял, отдал корейцу. Тут же несколькими бойцам приказали выйти из строя, изготавиться. Поставили солдата напротив, к стенке, и... крышка!

— Что?! Вот так: за часы расстреляли?!

— Да, такой был приказ, чтобы не обижали население. Ещё раньше, перед тем как на немецкую территорию ступить, предупредили. За мародёрство — расстрел. Так вот, мы с товарищем свои манатки в кирпичи спрятали, ниши сделали и положили. Сами на тех платформах и ехали. Но вот что антиресно. На улицах у них всё продают, и прямо на улице сидят бабы и хлеб, лепёшки, пекут. Вот сидит она, ты подходишь и хочешь горячую лепёшку. У неё тесто наготове. Она подол юбки выше колена поднимает, на ляшку тесто — шлёп! Раскатает и — на горячее, без сковороды.

— Да ну-у, врать-то!

— Не хошь верить — не верь. Поначалу мы брезговали, а потом — ничего, даже нравилось. Вкусно. Она же до нас тестом свою ногу так вычистила, что будь здоров! — Павел с улыбкой оглядел застолье: — Совсем по-другому люди живут.

— А Тамара Кретьова, хромоножка, с нашей улицы, за корейца вышла, уже и ребёночка черноголового ей сделал, — заметила Надежда. — Куда было деваться, когда два мальчишки и девочка у неё от мужа остались? Других мужиков-то нет.

— Эстонцев привезли, — напомнил ей изрядно захмелевший Шувакин, — под надзор нам. Фрицам помогали, а мы с ними нянчиться должны. Воров не успеваем сажать, а тут ещё этот надзор, — пожаловался Пётр.

— Ну, ещё эстонцы детишков наделают, — вздохнула обречённо Анастасия.

— Удивляюсь, что живой остался, — негромко произнёс Павел.

Иван подумал тоже: «И мне удивительно, что я тут сижу, а не остался где-нибудь под корягой в лесу».

— Бог, значит, сохранил, — сказала Павлу Анастасия. — Молился?

— Хм... — Павел крутнул головой. — Нет. Бывало, матерился Ему, а молиться — нет. У нас все верующие: отец и мать, тётка с дядей, не говорю уж про деда с бабкой, а я с детства как-то не очень чтобы верил. «Отче наш», конечно, запомнил, а другие молитвы заучить было лень.

— Он перекреститься не умел, — прервала мужа Надежда. — Я ему показывала: «Вот так делают пальцы, когда крестятся, а ты вот так делаешь, как вошь поймал».

Павел засмеялся вместе со всеми.

— Меня на исповедь однажды привели. Перед тем думаю: «Какой же у меня грех? Что сказать?» Ага. Вот он меня спросил про грех, я ему: «Грешен, батюшка, я у соседки огурец своровал, хотя у нас своих огурцов было много. Каюсь». Он полой меня накрыл и говорит: «Не кради больше» — и простил мой грех. Смешно.

— Я за тебя молилась, — сказала Надежда. — Не перед иконой, а в душе — каждый Божий день.

— Да, — глянул на неё Павел, — про иконку скажу: ты её уברי с глаз — я теперь партийный, мне упрёк будет, что жена икону на виду держит. Да. Война убедила, что с Богом что-то неладно. Вот случай. Привёз я нашего политрука к связисткам, в лесу они хоронились. Он в землянку к ним спустился, а я неподалёку у лошади остался. Тут тяжёлая мина возьми и попади прямо в ту землянку. Немцы кидали в лес наугад. Двух девушек убило, одну ранило, майору, политруку, ногу оторвало. Живой остался, но калека. За что, спрашивается, наказан? Хороший мужик, душевный, до войны учителем работал. Он меня в партию рекомендовал. А девчонки? Совсем молодые были, не успели согрешить. Где у Господа справедливость? Разуверился совсем. Да хотя бы взять войну. Зачем допустил, если Он есть?

Иван с Надеждой переглянулись, вспомнили: отец сказал, что будь Ленин живой, он войны бы не допустил — это как?!

— Ты в партию вступил? — удивилась Анна Васильевна. У неё к партийцам свой счёт: до сих пор не знает, жив ли отец, которого осудили в тридцать восьмом году. — Так тебе теперь должность дадут?

— Ага, — немедленно отозвалась Надежда, — догонят и ещё дадут. На молзавод его берут, ящики под масло сколачивать.

— Чего ты там забыл, в тоей партии? — вслед за Анной подивилась и Анастасия.

— Э-э, не понимаете! — Павел поднял указательный палец вверх. — Сам политрук мне предложил. А когда я ему сказал, что я из раскулаченной семьи, то он мне пояснил так: «Ты за нашу родину, а значит, и за нашу Советскую власть честно бьёшься, кровь проливал, поэтому — достоин. Вступай, я тебе рекомендацию дам». Вот. Так что получается? Получается, что будто пятно с души сняли. Я себя почувствовал полноценным человеком, а то вроде как червоточина во мне сидела! А на фронте у коммунистов была одна должность: «Коммунисты, вперёд!»

— Та хватит вам про партию, давайте заспиваем, — не выдержала серьёзных разговоров Павла и, не дожидаясь ответа, немедленно начала:

*— Розпрягайте, хлопцы, коней, тай лягайте спочивать,
А я пиду в сад зеленый тай криниченьку копать.*

Женщины подхватили, встроились в лад, и бойкая песня про чорнявую дивчину выплеснулась со двора на улицу.

*— Маруся, раз, два, три, калина
Чорнявая дивчина в саду ягоду рвала...*

Спели. Анна Яковлевна вышла из-за стола, лихо сплясала чечётку и выдала частушку, которую услышала на вечерке:

*— Хорошо тому живётся, у кого одна нога:
И портянка не порвётся, и не надо сапога!*

— Всё, Павел, желаю тебе быть счастливым и богатым. Надя, спасибо за вкусный обед. Мне пора коров доить.

— Как же ты будешь доить? — удивилась сестра. — Пьяной доярке корова молоко не отдаст.

— А я не пьяная, — засмеялась Анна, — я квас вместо бражки пила.

Дождей не было с мая весь июнь и июль сорок шестого года. В колодце на улице Боровая воду для полива разбирали до дна.

Павел затеял вырыть колодец на своём огороде. За войну он, сапёр, столько окопов, траншей и ям для блиндажей выкопал, что докопаться до воды ему казалось сущим пустяком. За вечер, после работы, углубился на два метра, потом поставил ворот, и два следующих вечера Надежда помогала ему: вытаскивала ведром глину и высыпала в сторону. Прошёл ещё два метра вглубь, и под ногами стало сыро, глина зачавкала под сапогами. Вычерпал жижу, яма стала быстро заполняться водой.

Чтобы спустить сруб, который Павел заготовил из берёзовых брёвен, пригласил он на помощь Ивана и Евгения. Деляну с берёзами Павлу выделил председатель Богдановского колхоза под обязательство сделать ему сани и сплести для саней кошеву.

Когда после всех трудов достали первое ведро холодной воды и отведали её, то все были в восторге: словно из ключа напились. Да так оно и было: хрустальную воду щедро поставлял подземный ключ.

Деревня жару не рада: озимые ещё поднялись, а то, что посеяно весной, без дождей чахло. Урожай пшеницы и ржи ожидался низкий, овощи тоже едва перемогали засуху. Даже трава на лугах пожелтела раньше времени. Сено косили — мучались.

Надежда у сельчан оставалась на картофель, прародиной этой культуры, видимо, были жаркие страны.

Ивана освободили от обязанностей бригадира, в то время когда сидел в СИЗО. Он с раннего утра до поздней ночи возил воду с реки: на ферму — для телят, на пастбище — коровам, в остальное время — на поля, чтобы спасти от солнца капусту, свёклу, огурцы. Омь, рождённая в Васюганских болотах, к счастью, не высохла, хотя заметно обмелела. По специально скрытому спуску он заезжал прямо в реку и ведром начерпывал воду в большую деревянную бочку, в нижней части её было отверстие с пробкой, через которое можно было быстро слить воду. Это немного облегчало ему раздачу воды.

И вдруг, при начале уборки небогатого урожая, ещё не наступила осень, явились тучи, которые блуждали всё лето где-то в других странах, пошли дожди. То лило как из ведра, то после небольшой передышки сутками моросил мелкий дождь. Хлеба полегли. Во время кратких перерывов дождя бригады выходили с вилами поднимать колосья, Евгений трактором таскал на прицепе комбайн; зерно увозили на подводах.

На копку картофеля по распоряжению райкома партии привлекали школьников Кормиловской средней школы, учеников с пятого по девятый класс. Кто учился во вторую смену — работали с утра, ученики первой смены — после обеда. Взрослые и старшеклассники подкапывали картофельные кусты, а ребяташки выбирали из чёрной «каши» облепленные грязью клубни. Руки мёрзли, носы мокли, но с поля никто не уходил: все понимали, что если не спасти и картошку, то есть зимой будет нечего. Картофель просушивали под навесами, под тентами, прежде чем заложить в хранилище.

Иван привозил на поле сухие дрова; разводили костёр и давали детям по ломтю хлеба с кипятком. Ребяташки успевали во время перерыва сбежать на соседнее поле, там в низинке земля даже в засуху сохранила немного влаги, и вырос турнепс. Школьники с удовольствием ели его, несмотря на то, что этот сорт был высажен на корм животным.

Не только сибиряки в том году сняли с полей скудный урожай, в некоторых районах страны положение оказалось ещё хуже. Урожай зерновых сорок шестого года оказался меньше, чем в сорок пятом, более чем в два раза. Зима сорок шестого на сорок седьмой год была суровой: победители фашизма жили впроголодь.

Правительство страны, чтобы ослабить влияние бескормицы на людей, в конце августа сорок шестого повысило зарплаты жителям от Урала до Дальнего Востока — на двадцать процентов. На остальных территориях эта прибавка коснулась лишь специалистов с высшим и средним образованием.

Ивана, как и остальных колхозников, повышение зарплат не коснулось, но у деревни появилась надежда, что и до села когда-нибудь дойдёт начальственная благодать. Они, деревенские, не очень-то и нуждались в государевых подачках, вот только бы сделали послабление с налогами да облигации займов не навязывали каждый год.

А в сентябре вышло постановление Совета Министров и ЦК партии, которое напрямую касалось колхозов. Иван с удивлением и одобрением читал в газете это постановление. Особенно пятый пункт.

...Установить, что работники советских, партийных и земельных органов и председатели колхозов, виновные в расхищении и незаконном распоряжении

колхозным имуществом, общественной землей, денежными средствами, будут сниматься с постов и отдаваться под суд, как нарушители закона и враги колхозного строя.

...обеспечить в двухмесячный срок возвращение колхозам незаконно взятого у них имущества, скота и денежных средств и в месячный срок доложить Совету Министров СССР и Центральному Комитету ВКП(б) о мерах, принятых в отношении конкретных виновников в расхищении колхозного имущества.

«Да, тянули и тянут с крестьянина», — думал Иван.

Хотя богдановский председатель был чист на руку, но он не мог противостоять районному начальству, когда, например, те «советовали» ему выделить участок леса какому-нибудь важному лицу для заготовки дров или для строительства бани. Да и некоторые колхозники во время войны прихватили неиспользуемые участки земли, расширили свои поля до такой степени, что времени для работы в колхозе у них почти не оставалось. Председатель смотрел на самозахват земли скрепя сердце: кормить свои семьи сельчане могли только с собственных участков. То, что выращивалось колхозом, большей частью шло государству; взамен хозяйство получало деньги — по твёрдым довоенным ценам, от которых на трудодни работникам доставались крохи.

Деревня гудела как разворошённый улей. В правлении колхоза вечерами толпился народ.

— Вот, — поднимала указующий палец бригадирша второй бригады, — шотут написано. Пункт шестый. И читала:

Запретить под страхом уголовной ответственности районным и другим организациям и работникам требовать с колхозов хлеб, продукты, деньги на нужды различного рода организаций и для проведения съездов, совещаний, празднований, финансирования районных строителств.

Внимательно оглядев при свете коптилки присутствующих, выдала:

— Начальство як понаидэ, требует: то дай, друге дай, та накорми с самогоном, щоб вони сыты булы и бумагу не написалы. Тэперь им тюрьма, а не свинячий окорок!

— И вот еще, — продолжала бригадир:

... ликвидировать в 3-месячный срок всю задолженность колхозам со стороны различных организаций и учреждений и впредь установить порядок своевременной и добросовестной расплаты с колхозами за их продукцию и за выполненные ими работы.

Иван раньше понял — когда вернулся из госпиталя, когда у Надежды узнал, что у неё сарай разломали, чтобы кур украсть, — что вдали от фронта тоже пошло разрушение страны: спекуляция, кражи, убийства. Смердный фашистский дух проник и сюда, в Сибирь, нашлись люди, которые наживались, когда народ надрывался в полях и на фронте во имя победы.

Самым лучшим пунктом Иван посчитал вот этот:

Воспретить под строгой ответственностью райкомам партии, райсоветам и земельным органам назначать или снимать председателей колхозов помимо общих собраний колхозников.

«Правильно, — подумал он о районных управленцах, — не лезьте к нам, мы сами с усами, без вас разберёмся, кто у нас с умом и будет председателем».

Опять март. Яков Мартынович занемог основательно. Иван повёз его в районную больницу.

— Заидь до Нади, — попросил отец.

Надежда уже не работала в милиции, управлялась по дому, несмотря на свой большой живот. Ждали с Павлом прибавления в семействе. Она усадила Ивана с отцом за стол.

— Сидайте сидать, — сказала, — а то нынче голодно.

— То не голод, — возразил Яков Мартынович, — никто ни́дэ не помер, а у тэбе, бачу, борщ з мясом.

— Так Павла на пустом борще держать нельзя: после работы до полночи дома робит. Кабана осенью закололи, потом — овцу. Сидайте.

— Мени трошки, — предупредил отец, — одну ложку.

Отобедали.

— Прости, доча, за всё, — сказал Яков Мартынович Надежде.

— Бог простит, тятя, — сказала с грустью она. — Я на вас зла не держу. По-правляйтесь.

— Не, — слабо отмахнулся рукой отец, — уже всё.

Не успели сбежать апрельские ручьи, как в Кормиловской больнице умер отец, Яков Мартынович. Домой, в Богдановку, покойного не привезли, доставили в гробу на кладбище. Вокруг могилы на слякотной земле стояли только родственники и два копателя. Дул сырой холодный ветер, и прощание было печальным вдвойне — за уходящего в мир иной и за то, что люди слабы и зябнут, и спешат укрыться от непогоды, а в могиле будет сыро, и ничего с этим сделать уже нельзя.

Нади на похоронах не было — большой живот не позволял ей идти на кладбище за пять километров по разбитой вязкой дороге. Через несколько дней после похорон она родила мальчика. Спустя неделю после родов мать с ребёнком выписали из роддома, и в гости стали навещаться не только родственники, но и знакомые. Говорили: «Надя родила богатыря». И шли посмотреть малыша. Ничего особенного в мальчишке не обнаружилось, вес у него, правда, был необычный: пять четыреста. Шутили родственники:

— Накопил Павел силушки за пять лет.

Иван осматривал Богдановское поле, которое начиналось сразу за огородами Ивановых, завернул к сестре. Посмотрел на малыша.

— Хорош пацан. Как назвали?

— Витя ему имя дал. Сказал, что пусть будет Валерий. Валерий Павлович, как лётчик Чкалов.

— Ну?! Про Чкалова кто тебе сказал? — обратился к племяннику Иван.

— Про него все знают, — ответил Витя, — он знаменитый самый лучший лётчик.

— Где-то что-то прочитал ещё, — сказала Надежда. — Грамотей. Он с Настиним Толькой в школу несколько раз сходил в позапрошлом году, когда Толька в первый класс пошёл. Ну, как Филиппок. Тогда же и читать научился, — вздохнула: — Книжку бы ему купить, а денег нет. Я же уволилась ещё осенью, а у Павла зарплаты не на всё хватает. Приглашают его в Заготзерно, в охрану. Там сутки дежурить, а двое — отдыхать. Согласился. Он надеется, что дома будет подрабатывать. Уже погреб за сараем выкопал, и баню там затевает, чтобы заодно в предбаннике столярку устроить.

— Вот как получается, — задумчиво сказал Иван, — Павел после всех с войны пришёл, а ребёночка вы первые с ним родили — среди родных.

— Нет, — возразила Надежда, — Дуся, то есть Рая, Настенькина дочка, маль-

чишку в прошлом году родила, там, на Сахалине. Уже больше года мальчишке. Да ты их видел с Сергеем, когда они тут были.

— Видел, — сказал Иван недовольно, — ублюдок этот Сергей. Что раньше про пацана не сказали?

— Так они писем не писали, обиделись, видать. А недавно Дуся прислала письмо. И фотокарточка в конверте: славный мальчишка — в костюмчике. Мария прочитала матери. Настенька порадовалась — первый внук у неё, и поплакала. Каждый день теперь фотку смотрит и просит Марию письмо читать. А там всего-то полстранички.

Надежда помолчала, потом спохватилась:

— Мы первые? А себя ты не считаешь? Или Галя не твоя дочка? Где они?

— Не знаю, — Иван виновато отвёл взгляд.

Надежда не отступала:

— Ты что не женишься? Пора своих детей растить, нечего холостяцкий налог платить.

Иван вздохнул:

— Что налог? Тут, знаешь, после первой женитьбы ещё не отошёл. Хоть и не зарегистрированы мы с Машей были, а будто женатый я. Ведь ушла — не поговорили — разошлись.

— На примете кого-нибудь держишь?

Иван подумал немного, посмотрел сестре в глаза:

— Есть одна, да сомнения мучают.

— А чего?

— Не нашей деревни.

— Что за беда? Если хороша девка, то хоть из другой губернии.

— Так, — согласился Иван. — Они недавно в Богдановку переехали из Зотино, а до того, верно, прибыли из другой «губернии», из Новосибирской области. Наши-то девчата коситься на меня стали, что я её запривечал, злятся.

— Ну, это не причина. Раньше я за тобой такой робости не замечала. Как звать-то её?

— Вот и в этом загвоздка, — Иван покачал головой. — Марией её зовут. Третья Мария!

— Это не горе. Разве имя плохое? Племянница твоя, Настенькина дочка, тоже Мария, разве плохая девушка?

— Хорошая! Но не жениться же мне на ней. А фамилия у этой Марии, как у Маши, — Григоренко!

— О! — тут даже Надежду проняло. — Теперь понимаю. Знаешь, я тебе погадаю немного погоды. Сейчас пока нельзя: сорок дней тятэ пусть пройдёт, потом.

В конце мая сорок седьмого года всю страну всколыхнуло известие о том, что правительство отменяет смертную казнь. Теперь самое большое наказание, даже за убийство, двадцать пять лет заключения в тюрьме. В деревне отодвинулись в сторону местные новости: чья корова забрела в чужую ограду или почему Пашка Максимова повздорила с Маланьей Полухиной, ведь ни у той, ни у другой мужика нет? Кого делить?

Судачили поздними вечерами в ущерб отдыху — заканчивалась посевная, началась прополка — хорошо это или так себе? Большинство склонялось к тому, что это правильно, и без того много народу убыло от войны. Были и сомневающиеся:

— А убивцев, мабуть, в тюрму, нехай вони там двадцять п'ять годів на казённый харч живуть?

Когда однажды Пётр Шувакин оказался в правлении колхоза по каким-то милицейским делам, его спросили, что он думает об отмене смертной казни. Иван был тут же, вопрос его тоже интересовал, потому что он не забыл, в чём его чуть не признали виновным — в измене и участии во власовской армии. Могли бы расстрелять, и не дожил бы он до этой мягкой меры наказания.

Пётр хотел сначала отвертеться от вопроса.

— Моё дело маленькое — ловить преступников, а про наказание пусть там решают, — и ткнул пальцем кверху.

— Шо, в тэбе своих мозгов нема?

Пётр стерпел реплику, но спустя минуту, подумав, сказал:

— Вот я вам один случай приведу. Недавно арестовали фраера, молодого вора, того, что сберкассу пытался ограбить и чуть не до смерти работницу... железным прутком, в общем, её по голове. Ну, спрашиваем: «Ты почему на такое дело пошёл?» Ага. Он говорит: «Косой заставил». Косой — это кличка такая, из-за глаза, вор опытный, бандит со стажем, — пояснил Пётр, — всю войну сидел, отсидел, недавно вышел. Ну вот, опять спрашиваем: «Как заставил, если ты сам не хочешь?» Отвечает: «Я сказал, что не пойду, а он пообещал меня грохнуть. Я ему сказал, что тогда тебя посадят, а он мне говорит: «Ну, если поймают, отсижу десять лет и выйду, а ты за это время в земле сгниёшь». Чо мне было делать? Я пошёл. Ведь он вправду убьёт».

Шувакин оглядел сельчан и подытожил:

— Боюсь, что кое-кому этот закон руки развяжет, — почему-то посмотрел на Ивана. — А может, шут его знает, народ меньше злиться станет?

Иван вздохнул, почесал затылок и пошёл отдыхать.

Иван зашёл к Надежде после посевной. С ним была высокая стройная девушка, смуглая и чуть скуластая, что свидетельствовало о том, что среди предков её могли быть азиаты. Она поздоровалась спокойно, с достоинством, но Надежда уловила небольшое волнение у невесты Ивана: она, видимо, догадывалась, что от Ивановой сестры может зависеть её судьба. Про огненно-рыжую Надю-колдунью ей приходилось слышать в деревне.

Иван пошёл во двор, посмотрел, насколько продвинулось строительство бани у Павла. Оставил женщин наедине, чтобы не мешать им в беседе.

Поговорить толком не пришлось: у Надежды варился на плите борщ, иногда вякал на кровати малыш, и она поминутно взглядывала туда, следила, чтобы старший брат не отошёл далеко от кровати. Хотя Валерик, укутанный в пелёнку, ещё не дорос, чтобы двигаться, несмотря на то что богатырь.

Прощаясь, Иван пропустил Марию вперёд, в дверях оглянулся на сестру: «Ну, что?»

Она молча кивнула головой: «Твоя».

Ближе к осени Иван и Мария поженились и переехали жить в совхоз, как предполагала когда-то Ивану Вера. Совхоз выделил им небольшую хатку на первое время, как пообещал директор. Врытая в землю, с низким потолком, — Иван чуть не касался его головой — избушка напомнила Ивану партизанские землянки, о чём он сказал жене. Но добавил:

— Зато фрицев здесь нет.

Мария хмыкнула:

— Как же нет? Немцы есть, и дома у них лучше.

Она была права: когда в первые дни Иван обратил внимание на усадьбы, которые выделялись среди других тем, что в них избы выглядели почти новыми и были ухоженными, то Вера ему тогда пояснила:

— Так это эвакуированные, переселенцы с Поволжья. Тут руководители обязаны были обеспечить их крышей или материалами для строительства — вот и построились. Немцы дисциплинированные: сказали им, что надо самим строить, — построили, сказали, что кюветы вдоль дороги надо вырыть напротив своего участка, — все до одного вышли и сделали. А наших — не всякую бабу заставишь. Пошлёт тебя, куда Макар телят не гонял.

Мария тогда осторожно заметила:

— Так у них-то, наверное, мужики целые?

— Да, — согласилась Вера, — семьями, с мужьями приехали. А тут, конечно, когда у Лушки трое мальцов, то ей после работы в доме успеть бы управиться, не до канавы.

«Халупа» — так охарактеризовал самому себе Иван это своё жилище — уже покосилась и просилась на снос, но была тёплой, зиму перемогли с дровами и углём — топливо по небольшим ценам купили в своём хозяйстве. А в начале лета Мария родила мальчика. Имя ему дали Витя.

— У Нади толковый сынишка растёт, значит, имя хорошее, — предложил-пояснил Иван супруге своё решение, — пусть и у нас такой будет.

Работы в совхозе непечатый край. Когда директор сказал, что на конюшне нужен второй конюх, то Иван уже ни на какую другую работу не соглашался.

Тёзка Ивана, Иван Прокопьевич, старик, который всю войну один тянул лямку на конюшне, встретил помощника доброжелательно и одновременно с некоторой ревностью. Каждая лошадь здесь была вскормлена им от рождения и потому он с полным основанием считал себя почти собственником лошадей и всей конюшни. Работникам совхоза выделял коней для личных нужд по распоряжению директора, но по собственному усмотрению, кому какую лошадь отрядить и в какой возок её запрячь. И не выпускал за ворота упряжку до тех пор, пока не прочтёт работе или работнице наставление по правильному обращению с государственным, то бишь, с совхозным добром.

Ивану он указал, с какого края, от какого коня надо начинать кормить животных и с какого — убирать в конюшне, как чистить лошадей и как следить за копытами. Очень важным считал Иван Прокопьевич, как с утра, с первого часа рабочего дня и в выходной, приготовить тарантас или сани — если зимой, для директора.

— Вот, — наставлял он, — Саврасый выездной, его директор уважает, должен быть всегда наготове, а Каурый ему, коню, тоисть, Саврасому, на подмену, ежлив что, ежлив тот, Саврасый, значит, уставши после долгой дороги.

И, всмотревшись внимательно в Ивана, вопрошал, делая ударение на последнем слоге: «Понял?»

Иван старику не перечил, делал всё так, как тот велел, не ленился лишний раз проверить исправность сруи, тележных колёс, чистоту конюшни и даже крепость столбов у ворот испытал. Прокопыч, так его все называли, скоро проникся доверием к подручному и сдал ему бразды правления, так как сам сильно потратился за войну, в силу возраста и слабости ног уже не мог управляться как прежде.

Кроме ухода за лошадьми, Ивану приходилось привозить товары для магазина

из города, подвозить дрова к домам других работников совхоза, чаще — работницам, в основном, вдовам. В общем, скоро стал своим человеком в селе, нужным всем.

Впервые он почувствовал себя спокойно и был счастлив. Утром, придя на конюшню, он вдыхал запах конского навоза, который вовсе не казался ему отвратительным, встречал взгляды ожидавших его лошадей, запускал пальцы в гриву, прислоняясь головой к тёплой лошадиной морде. Тут были его молчаливые и терпеливые друзья, готовые служить ему и повиноваться.

А вечером его встречала ласковым взглядом и горячим ужином жена, и радовался сынок, цепкие ручонки которого крепко хватали Ивана за волосы, при этом чистое личико его расцветало радостной улыбкой.

— Ах, ты, разбойник, — говорил Иван сыну, — опять клок волос выдрал. «Наконец-то, — думалось ему, — у меня растёт наследник».

Урожай сорок седьмого года в стране оказался, наконец-то, обильным, и в декабре правительство отменило карточки на продукты и на другие товары. При этом цены на всё были снижены на семнадцать процентов.

Но жилось трудно. У магазинов очереди занимали с раннего утра, топтались на морозе в ожидании подвоза хлеба и других продуктов. А не постоишь — можешь остаться голодным, талона-то теперь нет, продавец ждать тебя не обязан. Правда, народ скоро стал устанавливать свои правила:

— Одну булку в руки!

У кого большие семьи, тем приходилось идти в магазин чуть ли не всей оравой.

Денег — в обрез. Иван работал один, Мария не работала — в совхозе есть детский сад, но туда принимали детей с возраста полтора года. Яслей для младших не было. Нужда же в яслях огромная: не одна Мария сидела дома с грудничком, бабы рожали как на заказ — выполняли постановление правительства, которое озабочено было восстановлением народа ещё в сорок четвёртом году. Рожали не только замужние, у некоторых вдов и девок вдруг пухли животы. В непорочное зачатие, естественно, в селе никто не верил, но и никто не мог достоверно сказать, от кого вдруг забрюхатела та или иная бабёнка.

Это не было только стремлением выполнить решение руководства страны и избавиться от необходимости платить налог «на бездетность». Не правительственное постановление толкало женщин рожать, несмотря на всё ещё очень трудные условия существования. Воля к жизни, к возмещению урона, нанесённого войной, к отнятому войной счастью материнства — вот главное, что стояло за стремлением молодых людей стать родителями. Словно вся энергия любви, переплавленная огнём войны в ненависть, возродилась, вернулась теперь в деревни, посёлки и города, чтобы уже никогда больше не угаснуть, чтобы больше никогда народ не знал зла. Будто одна, всеобщая мать, имя которой — Родина, наставляла их: «Дети — это счастье, это любовь, это будущее каждого из вас, это залог прочности государства».

Вера же с Григорием, наоборот, дождаться ребёночка никак не могли. Врачи сказали, что виновата жена, возможно, от надсады в девичестве, когда мешки тяжёлые таскать приходилось, когда ногу сломала. Ногу исправили, а что в организме сотворилось, кто знал? Но после обследования в областной больнице Веру обнадёжили, сказали, что надо разок-другой съездить на курорт, а там, глядишь, дело поправится.

Директор совхоза обратился в райисполком с просьбой выделить средства на

постройку яслей. Да и помещение детского садика было мало и требовало хотя бы ремонта. Приложили к заявлению смету, которую рассчитала Вера. Там обещали испросить разрешение в области, и не только на детский сад и ясли, но и о школе пора было думать: дети подрастут, не успеешь оглянуться.

И верно, нашлись у государства деньги, и стройка началась. Не прошло года, поставили и детский сад, и ясли, а старое деревянное здание детского сада отдали под жильё.

Старое помещение детсада поделили на две квартиры, в одну из них вселили конюха Яценко с женой и малолетним ребёнком. Витя пошёл в садик, Мария вышла на работу. Однако Ивану не удалось толком сделать ремонт своей половины в первую зиму. Из-под порога сеней тянуло стывшим воздухом, это стало понятно, когда пришли сильные морозы. Пришлось пожертвовать поношенной телогрейкой, прикрыть щелястое место, но это помогало мало. Летом Иван надеялся отремонтировать дом по-настоящему.

Анастасия была дома одна, когда пришла почтальонка. Она вынула из сумки письмо, отдала хозяйке и посоветовала:

— Вы бы ящичек для писем повесили, а то не будет дома никого, и куда вашу почту девать?

— Какая почта? — отмахнулась Анастасия. — Одно письмо от дочки за полгода получили, а больше никто нам не пишет.

Она взглянула на конверт, и что-то нехорошо ей вдруг стало: хоть читать она не умела, но помнила, каким красивым почерком писала её дочь. Буквы одна к одной — словно бисер на ниточке. А тут — буквы крупные, с горошину, строчки неровные, нервненькие какие-то.

Мария пришла с работы и едва умылась, как мать протянула ей конверт.

— Не от Дуси ли письмо? А?

Мария взяла конверт, насторожилась: почерк не сестринский, обратного адреса нет. Только: «Сахалин» и роспись, вместо фамилии. Вскрыла Мария конверт, развернула листы — их было два, — глянула на первую строку, сказала матери:

— Пойдём, сядем.

Они сели к столу, Мария повернула лист к свету, начала читать:

— *Здравствуйте, Анастасия Яковлевна и ваши родные. Я соседка вашей дочери Раи. Должна сообщить вам плохую новость. Раи больше нет. Её убил Сергей из-за ревности. И сыночка её тоже убил.*

Мария задыхнулась, прекратила чтение, с опаской поглядела на мать. Анастасия невидящим взглядом смотрела мимо Марии в окно, словно могла разглядеть сквозь тысячи километров, что произошло на Сахалине, и покачивала утвердительно головой, подтверждая: «Это должно было случиться».

— Читай, — шёпотом сказала дочери.

— *Он застрелил их...* — Мария прервала чтение, вытирая слёзы, пробежала глазами по строчкам дальше.

А дальше соседка безжалостно описывала, сколько раз выстрелил Сергей в жену, какие раны нанёс и как расстрелял трёхлетнего сынишку. «Этого читать маме нельзя». Мария пропустила описание расправы и зачитала матери, что был суд Сергею, присудили двадцать лет заключения в колонии строгого режима.

Вечером всей семьёй за столом помянули Дусю горькой. Иван Иванович только вздыхал, поминутно сворачивал самокрутку, выходил курить, возвращался к жене и повторял одну и ту же фразу:

— Да, мать. Да.

Володя и Толя сидели притихшие и, кажется, никак не могли взять в толк, что случилось. Представить сестру мёртвой не могли. Мария им письмо в руки не дала. Анастасия потребовала вновь:

— Читай.

Мария читала, снова пропуская самое страшное. Мать шевелила губами вслед словам из письма, впитывая их и запоминая.

Уходя на работу, Мария надёжно прятала письмо, чтобы ни родные, ни родственники не могли прочесть того, что она утаила от матери. Анастасия требовала чтения письма каждый вечер, хотя уже знала его наизусть.

Страшное известие скоро дошло до всех родственников и распространилось среди соседей.

— Стрелять таких извергов надо, — говорили о Сергее, осуждая решение правительства об отмене смертной казни.

Когда Иван узнал о том, что погибла племянница, то не мог уснуть всю ночь, днём ходил как зачумлённый. Память всё время возвращала его в тот день, когда Дуся с подбитым глазом пошла к Сергею, а потом они ушли, не оглядываясь, на вокзал. Иван тогда понимал, как и Анастасия, что щеголеватый молодой офицер — плохой человек, испорченный войной, и Дусе, ставшей Раей, жить с ним не следует. Понимать-то они понимали, а что могли сделать? «Что я должен был сделать тогда?» Этот вопрос Иван задавал себе, когда видел свою жену, задавал, когда к нему на колени взбирался сын. Иван прижимал Витю к себе, и мурашки бежали у него по спине: «Как можно убить собственного ребёнка?!»

Неясная мысль неотвязно преследовала Ивана о том, что война ломает психику человека, стирает грань между убийством врага и любым другим убийством. Даже собственной любимой, даже собственного сына.

Мария с тревогой наблюдала за мужем и однажды сказала ему, приложив его ладонь к своему животу:

— У нас будет маленькая, — она была уверена, что родится девочка.

— Давно?! — изумился Иван.

— Да уж скоро дрыгаться начнёт.

— И ты молчала?!

— Хотела убедиться, что всё в порядке.

Но радость и беда ходят друг за другом, как близнецы.

В декабре, когда Мария уже оформилась в декретный отпуск, заболел Витя. Был горячим, плакал и жаловался:

— Вава...

— Что болит, маленький мой, — спрашивала Мария, — где вава?

Малыш обеими ладошками сжимал голову. Днём прятался от света, ночью бредил.

Фельдшерица дала таблетки от жара, предположила:

— Голову, однако, застудили.

Спросила:

— Рвота есть?

— Да, но он не ест ничего.

Фельдшер сильно встревожилась:

— Беда! Как бы не менингит...

Иван и Мария про такую болезнь прежде не слышали.

— Что делать? — спрашивали фельдшерицу и смотрели на неё с надеждой.

— В город. Срочно везите в город.

В областной больнице диагноз подтвердили, но было поздно: спасти малыша не смогли.

Когда на могилке устанавливали крест с именем и с датами рождения и смерти, Марии стало плохо, начались схватки. Довезли её до дома, вызвали акушерку, но преждевременные роды погубили девочку.

Не успела пороша замести снегом могильный холмик Вити, как рядом появилась другая, с маленьким крестом, на котором не было имени, стояла только одна дата — рождения и, одновременно, смерти.

Иван не помнил, как он оказался на конюшне и что тут делал. Он сидел на полу, под ногами у него валялась пустая бутылка. Прислонившись спиной к яслям, Иван тупо смотрел на стену, на крюке висели хомут и вожжи. Ни единой мысли не шевелилось в голове. Перед глазами — хомут и вожжи.

Мария нашла его здесь, села рядом. Так они сидели и молчали. И вдруг заржал конь — мощно, как в летнюю пору на лугу. Это был Саврасый. Иван очнулся, и Мария встрепенулась, и они почувствовали враз, что сидеть на полу холодно, что мороз на дворе, что проклятая жизнь не кончилась.

В январе тысяча девятьсот пятидесятого года вышел указ о применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам.

По просьбам трудящихся внесли уточнение к указу сорок седьмого года, который смертную казнь отменял полностью.

Разговоров и слухов о том, что снова будут расстреливать за серьёзные преступления, было много. Самого же указа большинство людей не читали и потому делились своими впечатлениями с родными и соседями, делали разные предположения, каждый во что горазд.

Анастасия попросила Марию вновь прочитать ей письмо с Сахалина о том, что жизнь Дуси остановилась на далёком острове. Мария вначале отговаривалась тем, что не помнит, куда запрятала письмо, но мать смотрела на неё в упор и ждала. Хотя зачем ей это чтение? Она и так помнила его наизусть, как помнят люди до глубокой старости те стихи и басни, которые они заучили ещё в школьные годы. Память же Анастасии, чей ум не был подпорчен обучением, оставалась чистой и прочной. Но — «читай»!

Мария вышла в сени, достала листы письма, свёрнутые трубочкой и спрятанные под стрехой, вернулась к столу, за которым ждала мать. Теперь, после долгого перерыва, дочь опасалась нечаянно выговорить слово, которого она не зачитывала матери прежде, и нервничала. Но обошлось.

Анастасия, выслушав послание, задумалась.

— Он не попадает под расстрел по этому указу, — сказала Мария, — даже если б и попадал, по второму разу не судят.

Анастасия ничего не произнесла на эти слова дочери, вздохнула и поднялась, чтобы готовить ужин своим мужикам, которые скоро придут домой голодные.

В конце мая того же года в семье Павла и Надежды случилось прибавление: опять родился мальчик, на этот раз не такой богатырь, как Валерий, но тоже до-

вольно крепкий. Назвали Колей, в честь брата Павла — Николая, тоже благополучно, с ногами и руками, вернувшегося с войны.

Весенние работы закончились, и Мария с Иваном выбрались в Кормиловку, чтобы навестить родственников, которые успешно ковали кадры для страны. Ничего не говоря друг другу, супруги Яценко втайне надеялись, что им, возможно, откроется что-то в жизни и делах Надежды и Павла такое, которое поможет им, несчастным, избежать новых напастей.

Тут им пришлось удивиться: Павел баню достроил, а домишко свой развалил. Пласты, из которых состояли стены, он сложил и утрамбовал в яму, а стены возвёл набивные. Берёзы на огороде, которые Надежда сохранила во время войны, теперь были спилены и послужили основным строительным материалом дома. Остались только отдельные кусты, скрывавшие от любопытных глаз, что есть на полянке.

На травке, что была под деревьями, располагалась под навесом вся семья, с периной, подушками и одеялами. Рядом — таган над кострищем, изрубленный на топливо хворост, посуда... Надежда, поглядывая на малышей, старшего здесь не было, помешивала над огнём в большой кастрюле. Павел тюкал топором в будущем доме.

— О! — сказал ему Иван, завидев эту картину. — Ещё одна партизанская группа объявилась. Здорово были! Берёзы-то срубил.

В душе у него вдруг растопился камень, который давил на сердце уже много месяцев.

— Ага, — вместо приветствия отозвался Павел, — как раз вовремя: матку можешь мне укрепить. А то Надя коротышка, не знаешь, что поднимать, бревно или жену.

Она услышала, отозвалась:

— Сам ты перед Ваней кто? — она рада увидеть брата. — Подрасти бы тоже не мешало.

Было понятно, тут любовь и согласие.

— Жалко берёзки, — сказал, вздохнув, Павел, — да куда деваться? Опять воровать лес, как в прошлый раз на дрова, негоже. Богдановский объездчик осенью интересовался, откуда у меня во дворе берёзовые брёвна. Я торцы землёй намазал, чтобы непонятно было, когда срублены. Всё равно попадётся когда-нибудь, не посадят если, так оштрафуют.

— Столы и стулья Павел в предбанник унёс, — сообщила мимоходом Надежда, — мы по-цыгански.

Обедали здесь же, на полянке.

— Витя где? — поинтересовалась Мария.

— За хлебом пошёл, за белым, — пояснила Надежда. — Помощник наш. За чёрным я утром в пять очередь занимаю, а в восемь, когда привозят из пекарни, мы с ним вдвоём ходим. Одной булки нам мало, а две в одни руки не дают.

— У нас так же.

— Он и отцу помогает, — продолжала Надежда, — нет, чтобы с мальчишками побегать. Ну вот, заработал на белый хлеб. Дорогуший, да и силы в нём мало. Белый-то днём готовят, вот он и пошёл к пекарне. Пекут немного, в магазин не везут — в пекарне продают.

Потом, пока Надежда кормила грудью малыша, Мария мыла посуду и спросила, как бы между прочим:

— Думала, что ты мне погадаешь, а карт, наверное, нет?

— Что карты? — Надежда уложила Колю на одеяло под кустом. — Я тебе без карт скажу: — Не журишь, родишь мальчишку, Ваню, да не одного.

Мария чуть не задохнулась:

— Правда?!

— Мне зачем врать? Ты не знаешь. Я ведь перед войной два раза неудачно рожала, оба мальчишки были, и оба умерли, третий только выжил. А теперь вот, — она поцеловала Колю, который, сытый, засопел, засыпая, посмотрела на Валерика, который пытался поймать кузнечика, — у нас уже три богатыря.

— Боже мой! Боже... Мы с Иваном, — Мария оглянулась в сторону дома, понизила голос, — уже боимся вместе спать.

Надежда засмеялась:

— Ага. Скажи ещё кому-нибудь.

Не сразу, не вдруг, но предсказание Надежды сбылось: спустя год Мария забеременела, а второго января пятьдесят второго года на свет явила мальчика.

— Будет Ваней, — сообщила мужу, — так мне Надя посоветовала.

Иван не спорил — в доме появился Иван Иванович.

Григорий подшучивал:

— Что ж ты, Мария, так оплошала, родила второго числа? Надо было сделать подарок Ивану на первое января.

У них с Верой, которая дважды побывала на курорте, раньше, в мае, наконец-то, родился мальчик, назвали Александром.

В первых числах марта радио стало сообщать, что заболел Сталин — страна напряглась: знать, не простой насморк у вождя, если про болезнь всему народу говорят.

В эти дни в дом Ивановых постоянно заглядывала соседка, старуха Волошиха. Чуть раньше, ещё до первого сообщения по радио, что Сталин заболел, Надежда сказала ей о странном явлении: упал со стены портрет вождя, который Павел вырезал из газеты и поместил в рамку, которую сам сделал. Висела рамка на гвоздике — и вот, поди ж ты! сорвалась ни с того ни с сего!

— Помрёт... — шёпотом догадалась Волошиха.

Обе оглянулись, хотя, кроме детей, в избе никого не было.

Волошиха же и сообщила Надежде, прибежав к ней в день смерти вождя:

— Умер!

— Правда?! — ахнула Надежда, радио у неё было выключено.

Витя с удивлением увидел в лице соседки не горе, а, скорее, восторг от такой потрясающей новости.

На следующий день он шёл в школу, и слёзы навёртывались ему на глаза: было страшно — Сталин умер, и теперь враги нападут на Советский Союз — как будем спасаться?!

Но прошёл день, прошла неделя и другая, а войну враги не объявили.

Тело Сталина положили в Мавзолей, рядом с Лениным.

Была объявлена амнистия заключённым: выпускали всех, у кого сроки наказания были меньше пяти лет, женщин с детьми и стариков старше пятидесяти пяти. Вышли на свободу и те, у кого сроки были большими, но почти всем оставшиеся сроки сократили вдвое, и многие вдруг оказались тоже отпущенными на волю.

Только политические не попали под амнистию.

Указ был подписан председателем Верховного Совета СССР Ворошиловым, но все в народе считали, да так и было, что это распорядился Берия.

Летом прошумела волна разоблачений, был арестован Лаврентий Берия, чья власть распространялась на все правоохранительные и карательные структуры в стране, а теперь, казалось, он вот-вот станет главным в стране. И вдруг: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков, а товарищ Ворошилов насадил его на шило...» Такие появились частушки, которые распевали даже школьники.

На работу в конюшню приняли Романа Валеева, который оказался в совхозе после амнистии.

Иван стал старшим конюхом вместо Ивана Прокопьевича, старик начал получать пенсию, но, главное, болел, едва ходил. Однако на конный двор продолжал навещать чуть не каждый день. Иван с Романом терпеливо выслушивали его советы и нравоучения.

За что судили Валеева, Иван не спрашивал, а тот не спешил похвалиться своими «подвигами». Известно только было, что «сидел» всю войну. Он черноволос, тёмным лицом, огромного роста, выше Ивана, легко справлялся с самыми тяжёлыми грузами, к лошадям относился бережно, претензий к нему по работе у Ивана не было.

Мария учла пожелание Григория и ровно через два года родила второго мальчика — аккурат первого января. То-то было радости и смеха, Григорий дразнил Ивана:

— Ставь бутылку, это я сказал твоей жене, чтобы сделала тебе новогодний подарок.

Накануне Рождества Мария с новорожденным вернулась из роддома. Она согласилась отпустить Ивана отметить рождественский праздник к его товарищу, с которым Иван учился в школе, а потом призывался в армию, но военные дороги их разошлись. Теперь же, встретившись нечаянно на продбазе, они обрадовались, что живы оба. Гордей — так звали друга — пригласил Ивана в гости, сообщив, что младшая сестра его, тоже знакомая Ивану, нашла, наконец, себе мужа, и они будут отмечать это событие.

С Иваном увязался ехать и Валеев. Роман сказал, что бывал раньше в той деревне и даже знаком с Гордеем. До Берёзовки, где проживал Гордей, Каурый неспешной рысцой доставил их за час.

Праздновали до полуночи, пили в честь Рождества, пили за молодых, даже — осторожно — за новую, свободную жизнь, пели, плясали. После очередного «горько!» Иван почувствовал, что нагрузился под завязку. Поздравил ещё раз молодых и поднялся уходить.

— Куда ж вы в такой мороз? — пытался остановить его Гордей, поддерживаемый всем шумным кругом. — Ночуйте, в хате места хватит.

— Нет, — не согласился Иван, — коней утром надо управлять.

— Утром и поедете, час делов-то.

— И жинка у меня только из роддома, — сказал Иван, — я ещё толком и пацана не разглядел.

— Ну, тогда на посошок, — Гордей налил полный стакан Ивану, посмотрел на Романа и налил полстакана ему тоже. — Давай, Ваня, за твоего мальчишку, чтобы большим вырос, как папа, был крепким и здоровым.

Пришлось выпить. На улицу он шёл нетвёрдой походкой, поддерживаемый с двух сторон хлебосольными хозяевами. В кошеву Ивану помог угнездиться Роман, укутал в овчинный тулуп. Отвязал вожжи, снял сосульки с морды коня и опустевшей торбы и развернул возок на дорогу. Потом сел рядом с Иваном, укрыл себе ноги де-рюжкой и — поехали. Иван в уплывающем сознании успокоенно понял: «Домой...»

Он на некоторое время очнулся оттого, что сани перестало покачивать и потряхивать и послышались голоса. Открыл глаза. Луна, процеживаясь сквозь редкое сито облака, выскользнула из-за него. Снег заискрился вокруг, не только по полю, но и по лёгким крупичам снежной пыли, витающей в воздухе. «Праздник», — отметились в голове это сверканье, и он опять забылся. Но тут же толчок в бок заставил его открыть глаза.

— Что?!

— А-а! — это Валеев уселся в сани.

Иван вспомнил, что едет домой не один.

— Куда ходил?

— Коня накрыл шубой, мороз, — пояснил Валеев.

«Хорошо, молодец», — похвалил мысленно Иван и снова отключился, никакой мысли, откуда взялась ещё шуба, у него не возникло.

А «молодец» сотворил беду. Он несколько минут назад увидел, что навстречу им движутся сани, в упряжке небольшой мохноногий конёк, «монгол», а в санях горбилась баба, повязанная шалью. Шаль уже покрылась от дыхания куржаком. Роман остановил своего Каурого, заступил дорогу «монголу». Конь остановился. Женщина в испуге выпрямилась, замерла. Роман подошёл к ней, снял с колен потёртую шубу, которой она укрывала ноги, увидел торбу, приподнял — там был овёс. Намерился было идти к своим саням, но в хмельной голове явилась ещё одна затея. Он вернулся, пошарил рукой в соломе возле помертвевшей от страха женщины и обнаружил небольшой свёрток. Забрал и его. Шубу он накинул на спину своего Каурого, торбу и свёрток сунул в сено между собой и Иваном.

И разъехались.

Час на морозе почти протрезвил обоих. Когда Валеев распрягал коня, Иван спросил, выбираясь из саней:

— А это откуда? — повертел в руках свёрток в плотной рыжей бумаге.

Увидел, что Валеев снял с Каурого шубу:

— Что за шуба? Гордей дал?

— Понимаешь, — у Романа был вид побитой собаки, — там, по дороге, я у бабы взял... Встречь ехала. Ну, мороз-то вон какой. Прикрыл, значит, нашего коня.

— Как взял? Она дала? Силком? — стал догадываться Иван.

— Ну, не-е... Она не сопротивлялась.

— Твою... — Иван выругался, — грабёж, получается.

— Спрятать надо. Закопать.

В дальнем конце конюшни вырыли ямку — больше негде, на улице земля твёрдая, как бетон, — в неё положили шубу и свёрток, засыпали, подчистили, притрусил это место соломой.

Зимняя ночь длинна, ещё небо только-только заалело за Иртышом, как в дверь Ивановой квартиры раздался стук. Громкий — били, видно, ногой. Мария уже хлопотала у печи, окликнула Ивана:

— Ваня, ты спишь? Какую-то холеру по морозу носит.

Иван не спал, оделся под грохот двери, вышел открывать. Два милиционера в белых полушубках вошли в коридор, первый держал руку, без рукавицы, на растёгнутой кобуре. Иван догадался: «По мою душу. Быстро». Пригласил:

— Проходите в хату.

Закрывая входную дверь, увидел сани с конём близ крыльца и спешно уходящую от дома председательшу сельсовета. «Через неё дом нашли», — понял Иван.

Разговор был короткий: убедились, что фамилия Ивана — Яценко, и предложили ему собираться. Мария ничего понять не могла. На её недоумённый взгляд один из милиционеров посоветовал ей:

— Суши сухари.

Только на улице один из милиционеров спросил:

— Вещи спрятали? Где?

Иван развёл руками:

— Вы о чём?

— Не финти. Бабу ограбили — где её шуба и ситец?

Иван вздохнул, побожился:

— Ей-богу, не знаю. Ничего не помню, упился в гостях до смерти.

— Давай в сани, — от Ивана несло перегаром, и милиционеры, которые тоже не пропустили встречу Рождества, решили долго не канителиться. — На конюшню.

Валеев был уже там, руки связаны за спиной сыромятным ремнём, и, вдобавок, ремень охватывал один из столбов, подпиравших крышу. Поодаль, поглядывая то на громилу, то на ближнего коня, зяб ещё один страж порядка, щуплый, швыркающий носом. Караулил грабителя. Никакого оружия при нём не было. Сыромятный ремень Роман вряд ли мог порвать, но если б не сдался добровольно, тут бы привязан не был. При виде Ивана скривил рот и отвёл глаза.

То, что их так быстро нашли, не удивительно. Ограбленная женщина жила в Берёзовке. Она погнала свою лошадку и скоро въехала в деревню, где молодёжь ещё не спала. Девки гадали: с хохотом бросали свои валенки через небольшой домишко, чтобы узнать, в какой стороне живёт будущий жених — там, куда укажет носок обуви. Парни с хохотом тискали их, несмотря на мороз, терзали гармошку и пели полупохабные частушки. Найти дом, где могли выпить Иван с Романом, женщине труда не составило. Там она узнала их имена, позвонила из сельсовета в районную милицию, и вот для захвата грабителей из Русской Поляны прибыли лихие, в лёгком подпитии, охранители закона и народа.

— Где тут можно спрятать? — раздумчиво оглядел длинный ряд лошадей один из милиционеров, похоже, старший по званию. Пошёл неспешно по утоптанному полу конюшни, внимательно всматриваясь в пустые ясли, глядя под ноги лошадям и самому себе.

Уже рассвело, и в дверные проёмы вместе с морозным воздухом лился незамутнённый рождественский свет. Второй милиционер кивнул Ивану:

— Давай следом.

Пошли. В дальнем конце конюшни, где Валеев ночью подмёл пол, затирая следы над ямой, и где натрусил соломки, старшой пригнулся, потом присел, рукавицей смахнул солому.

— А ну, лопату сюда!

Грунт в этом месте слегка выпирал, а внимательный глаз милиционера выискал и несколько крошек земли.

Ивана в этот момент прострелило: словно раскалённой спицей пронзило из-под правой груди — через сердце — до спины под левой лопаткой. Дыхание перехватило.

— Э-э! Ты чего, дядя? — конвоир увидел, как изменился в лице Иван, и понял, что тут не игра, а дело серьёзное.

Но не прошло минуты, как спица исчезла, Иван перевёл дух, шагнул в сторону и присел на солому.

Старшой глянул на него и приказал напарнику:

— Ведите того, пусть копает.

Валееву развязали руки, и он, кроткий, как телёнок, в минуту вскрыл свой тайник.

Потёртая шуба вызвала улыбку у стражей порядка, но, развернув бумагу, они увидели отрез ситца, ослепительно белого, как чистый рождественский снег, с синими яркими цветами, — такого нарядного, что милиционер вышел из конюшни, развернул материю, чтобы полюбоваться. И оба преступника вышли вслед и смотрели на это произведение искусства, будто забыли, чем им грозит этот праздничный подарок, который, видимо, мать купила, чтобы сшить платье своей дочке.

Деревня Берёзовка относилась к территории Русско-Полянского района. Вот в СИЗО этого райцентра и доставили Ивана с Романом.

Следствие не затянулось, но суд состоялся не сразу: у судей было много работы, и адвоката, защитника, не вдруг определили двум деревенским конюхам, которых люди теперь называли бандитами.

Надежда оставила детей Павлу и поехала переживать за Ивана. К началу заседания суда опоздала, и когда зашла в зал — в большую комнату в одноэтажном деревянном здании, то не сразу нашла себе место. Народу набилось тут «под завязку». Только в самом конце помещения она нашла свободный стул, не занятый, очевидно, из-за того, что отсюда были видны только судья с прокурором и адвокат, средних лет усталая женщина, но не видны подсудимые. Где-то здесь, в зале, знала Надежда от Григория, были Вера и жена Ивана Мария, с грудничком. Несмотря на мороз, она взяла малыша с собой.

— Вы говорили, что вещи брал только большой мужчина. Так записано в ваших показаниях, — продолжала задавать вопросы пострадавшей адвокат. — Вы подтверждаете факт, что маленький не брал?

Только в этот момент Надежда обратила внимание, что сбоку от судейского стола стоит невысокая женщина с бледным лицом и с обветренными руками, теребящими край платка, наброшенного на плечи. Надежда чуть не ахнула: «Неужели это Иван грабил?» Она не видела Валеева, и в голову ей не пришло, что «маленький» — это Иван, а не второй конюх.

— Н-нет, — пострадавшая посмотрела в сторону прокурора, — маленький тоже, брали два, обои брали.

На своих грабителей она не взглянула ни разу, словно боялась, что её снова парализует тот страх, который она испытала, когда увидела перед собой огромного и чёрного лицом, заросшего, как Бармалей, бандита.

Иван почти не слушал, что говорят прокурор и адвокат, что поясняет суду женщина, которой выпало быть встреченной на ночной дороге пьяными мужиками. Он своё сказал, что не знает, как всё случилось, пьяный был и ничего не помнит, и доверяет тому, что говорит его товарищ, и тому, что скажет пострадавшая.

Он иногда взглядывал в зал, в третий ряд, где сидела Мария с грудничком, и тогда сердце его работало с переборами.

Когда женщина сказала, «обои брали», он этим словам не внял, думал о том, какую трудную жизнь придётся вести жене, если его отправят в колонию. Накануне адвокат его утешала тем, что ему большой срок не грозит, так как грабил Валеев, а Иван виновен только в пособничестве — раз помогал прятать вещи, тогда как должен был сообщить в милицию о происшествии. Но суд дело подвёл под групповое ограбление да ещё и с отягчающими обстоятельствами — в пьяном виде. И когда судья огласил ему приговор: «Восемь лет и четыре месяца в колонии общего режима», он не понял: «Мне? За что?!»

Валееву присудили семь лет и десять месяцев — как младшему по должности, но к этому сроку припаяли два года, те, что ему скостили по амнистии.

Государство стало вновь «закручивать гайки»: не прошло года после смерти вождя, а каждый пятнадцатый, выпущенный на волю, не найдя себя на свободе, вновь совершил преступление.

Иван теперь думал не столько о несправедливости вынесенного ему наказания, как о том, что во всех его несчастьях, возможно, есть какая-то причина. Будто кто-то неведомый рулит его судьбой, тянет вожжи то в одну, то в другую сторону. Или это он сам что-то делает не так, а тот, неведомый, только наказывает его за грехи. Какие? Надо было бросить всё и поехать в разорённую войной Белоруссию, которая, как мать родная, сохранила ему жизнь? Помочь отстроить сожжённые посёлки и деревни? Найти там Марийку, если она жива? Или наказание ему за то, что здесь отказался от Маши и дочки? Или надо было бежать на вокзале за Бартевым, схватить его и сдать милиционерам? Ведь он живёт где-то и, возможно, нагадил не только ему, Ивану, написал в органы поклёп на честного человека, и того, не найдя веских оправданий, осудили. Расстреляли, может быть?

Припомнилось, Павел усомнился в существовании Господа, но позже сказал однажды: «Бога нет, но что-то есть, иначе бы мы здесь не сидели».

Недалеко от северной окраины Омска была деревня Захламино. Там начиналось строительство нефтеперерабатывающего завода. На большой территории, огороженной новым высоким забором, расположились бараки для заключённых, подсобной рабочей силы строителям. И забор, и бараки были сколочены из новых, отливающих янтарём, сосновых досок. Сюда и определили Ивана. Когда он вошёл в пахнущий свежим деревом барак, к нему, виляя бёдрами, подскочил невысокий молодой зек и протянул ладонь для приветствия:

— Здравствуй, дорогой! — он видел хромоту Ивана и был вежлив, как карманный вор в трамвае.

«Опущенный», — Иван не зря отсидел в СИЗО по ложному обвинению в измене родине и пособничестве фашистам. Он знал, что в уголовной среде есть своя иерархия, свои «законы», и если пожать руку тому, кто на самой низкой ступени, то это значит признать себя таким же изгоем. Быть шестёркой, исполнять все прихоти «законных» воров, спать у параша, и что ещё похуже. Это была провокация.

— Удавлю! — сказал негромко сквозь зубы Иван, и выполнил бы немедленно обещание, если б паршивец не отпрыгнул, как ошпаренный.

Злость и ненависть у него скопились на всех уголовников за время после оглашения приговора. Валеев мог сказать, что Иван не выходил грабить на дороге из саней, но не сказал, сделал вид, что тоже был без памяти, и согласен, что женщи-

на, получившая совет от прокурора или следователя, говорит правду. И себе ведь срок прибавил — за групповое ограбление гораздо суровее наказание в законе. Зачем? Носил в душе зависть или обиду: «Я сидел, а ты ещё нет»?

Хорошо, что Романа «тормознули» в тюрьме, не то неизвестно, как бы Иван тут с ним разобрался.

На нарах послышался одобрительный смешок, сидельцам «кино» понравилось. «Урки, сволочи, — подумал Иван, — ведь и я теперь вашей масти».

«Болтушки» — политические, кто сболтнул чего-нибудь лишнего против власти, — располагались в другом месте, понял Иван.

Свободных нар в просторном бараке было ещё много. Иван устроился чуть в стороне от входной двери, под небольшим зарешёченным окошком. Сюда падал дневной свет, и доски здесь упоительно пахли сосновой смолкой.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

После того как черновые работы по строительству нефтезавода были закончены, временный лагерь заключённых в Захламино ликвидировали. Большинство приговорённых к трудовому перевоспитанию оказались в Мариинске. Город сохранил с царских времён не только имя, данное ему в честь императрицы, супруги Александра Второго, Марии, но и его главное назначение — столицы золотодобычи в Сибири, хотя золото в окрестностях истощилось, и места отбывания наказаний тех, кто не поладил с законом. Сиблаг.

Из заключения Иван вышел через шесть лет, в тысяча девятьсот шестидесятом году.

Совхоз Новоомский, который после войны был подобен дистрофику, освобождённому из фашистского концлагеря, теперь окреп, словно богатырь. Хозяйство расширилось, дома подросли и похорошели, вдоль улиц зелёные насаждения — деревья и кустарники, и, главное, люди не только внешне выглядели здоровыми и неплохо одетыми — в облике их появилось некое довольство и уверенность. Уверенность в самих себе, в надёжности настоящей жизни, в силе и могуществе страны, победившей военную разруху и полуголодные послевоенные годы.

Когда в космос взлетел Гагарин, народ сильно удивился — событие было ожидаемым, но никто не думал, что это случится так скоро. Ликовали все, как после победы в сорок пятом.

Через два года после возвращения из колонии у Марии с Иваном родился третий сын. Они поравнялись с Надеждой и Павлом, и обошли Веру с Григорием, у которых было только два сына. Подчиняясь каким-то неведомым законам, по всей стране женщины рожали значительно больше мальчиков, чем девочек, восстанавливая баланс, нарушенный войной. Только у Анны Яковлевны с Евгением Зинченко к тому времени родились три девочки, что дало повод Григорию беззлобно пошутить:

— До передовой ты, Женька, не доехал, а палец потерял. Без пальца одних девок только и будешь ковать.

У Петра Шувакина с Анной Васильевной и вовсе детей не оказалось, но тут шутить, насчёт того, что Пётр даже и пальца Гитлеру не отвёз, Григорий не стал.

В связи с двадцатилетием победы в Великой Отечественной войне бывшему партизану Ященко Ивану Яковлевичу была вручена юбилейная медаль. Первая и единственная.

Сердце Ивана остановилось в тысяча девятьсот семьдесят первом году, спустя тридцать лет с того июньского утра, когда он со своими товарищами был взят в плен.

— Изработалось сердце, — пояснили врачи убитым горем жене и сёстрам.

Горе и радость, как свет и тьма, неизбежно сменяют друг друга. В том же году старший сын Ивана Яковлевича, Иван, познакомился с прекрасной девушкой.

Ивана в армию не призвали. После окончания школы по комсомольской путёвке он оказался на авиазаводе в Омске, где стал работать слесарем. С авиазавода рабочих на срочную службу не брали.

В один из первых дней своей жизни в городе он решил добираться с работы на квартиру пешком. После окончания второй смены, выйдя за ворота, пошёл не на остановку автобуса, а в противоположную сторону. Там, он уже знал, было начало улицы Карлова, на которой в тридцать шестом доме он снимал комнату. Но, пройдя мимо двух небольших домов, он вдруг упёрся в тупик, в четырёхэтажку, которая перекрывала улицу. Под жестяным козырьком, висевшим на стене этого дома, горела лампочка, и Иван увидел, что вышел на улицу верно, но этот дом, номер четыре, почему-то загородил дорогу. Пошёл вправо — между высоких щелястых заборов, обошёл просевший в землю деревянный одноэтажный дом, свернул влево, надеясь выйти на свою улицу, потом вправо, ещё раз, вернулся назад и понял, что заблудился. Пошёл на свет фонаря и с изумлением обнаружил, что пришёл всё к тому же дому под номером четыре.

«Как в лесу, будто леший водит».

Спустя некоторое время, когда Иван вполне освоился с работой и смог без ущерба для дела наблюдать за тем, что происходит в цехе, он заметил — да и как было не заметить! — девушку, стилоскопистку, специалиста по проверке качества сварных швов, её имя было Елена Шрейдер. Однажды Иван осмелился предложить ей:

— Я провожу тебя домой?

Она едва заметно улыбнулась:

— Проводи.

Иван шёл рядом с Леной, не осознавая себя от волнения, не замечая дороги, и сильно удивился, когда они остановились у знакомого ему дома по улице Карлова номер четыре.

— Мы зачем сюда пришли?!

— Я здесь живу, — ответила Елена, — снимаю комнату.

Спустя год они поженились и решили — выходцы из деревни — расстаться с городом и заводом, а жить в селе Бологое, где родилась и училась в школе Елена и где трудились её родители, немцы, переселенцы с Поволжья.

Бологое — прекрасное село, в котором не только дороги были покрыты асфальтом, но даже все подъезды к ухоженным, как на картинке, домам. Немецкая аккуратность была видна во всём, хотя русских, татар и людей других национальностей в совхозе было больше.

Молодым дали небольшую однокомнатную квартиру и устроили работать в школу-интернат: Елену — воспитателем, а Ивана — учителем труда.

И опять он не попал на службу: сельских учителей от призыва в армию освобождали. Иван поступил на заочное отделение педагогического института, окончил его и работал в школе до выхода на пенсию.

Как положено по законам природы, у Елены с Иваном через год после свадьбы родился сын, Юрий, а ещё через два года родился второй мальчик, его назвали Виктором.

В мире, завоёванном ценой гибели миллионов людей, очень тепло и уютно жилось русскому хохлу Ивану и его жене, русской немке Елене.

Двадцать четвёртого апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года в небольшой, на один лист, газетке Новосибирского Академгородка было напечатано несколько заметок, в том числе и о работе Чернобыльской атомной электростанции. Ничего удивительного в публикации не было, просто учёных интересовали и такие проблемы, как использование атомной энергии в мирных целях. На обратной стороне газетного листа среди текста читатели могли увидеть неизвестно для чего помещённый значок, символизирующий огонёк, — то ли зажжённой спички, то ли костра. Никакого отношения к тексту на этой странице знак не имел. Только те, кто догадался, спустя несколько дней после двадцать шестого апреля, посмотреть газету на просвет, увидели, что значок огня совмещается со словом Чернобыльская.

Двадцать шестого апреля на Чернобыльской АЭС произошла жуткая авария: случился взрыв, разворотивший четвёртый блок станции, при котором выброшенные в атмосферу радиоактивные вещества отравили воздух и землю на десятки километров вокруг. Возник пожар, при тушении которого пожарники получили смертельные дозы радиации и умерли, не прожив месяца. Эта трагедия потрясла народ Советского Союза и встревожила весь мир. Причину аварии установить не удалось до сих пор, хотя изначально официальная версия склонялась к тому, что ошиблись работники станции, проводившие плановый эксперимент.

Ещё не улеглась тревога в душах людей после Чернобыльской катастрофы, как случилась новая трагедия: тридцать первого августа того же года в Чёрном море сухогруз «Пётр Васев» протаранил большой круизный теплоход «Адмирал Нахимов». Это судно было построено в Германии ещё в тысяча девятьсот двадцать пятом году и называлось «Берлин». Во время войны «Берлин» служил немцам плавучим госпиталем, потом, подорвавшись на минах, затонул. После войны «Берлин» был поднят советскими водолазами, восстановлен и передан Советскому Союзу в счёт репараций. В начале июля 1989 года теплоход (теперь он назывался «Адмирал Нахимов») из-за ветхости был признан непригодным к эксплуатации, но в августе почему-то прогнивший теплоход отправили в очередной круиз. Капитан сухогруза Виктор Ткаченко утверждал на суде, что показания приборов гарантировали ему, что суда находятся на значительном расстоянии друг от друга, и не мог объяснить, почему он не видел, что впереди пассажирское судно. От удара в корпус «Адмирала Нахимова» образовалась пробоина восемь на десять метров, и теплоход затонул за несколько минут. Погибли более четырёхсот человек, тела некоторых пассажиров не были найдены.

Народ недоумевал: разгильдяйство тут виной или диверсия? Невдомёк им, что Третья мировая война без объявления, ползучей змеёй, при содействии предателей, вторглась в пределы страны — дефицитами и катастрофами, что к власти в стране пришли шибздики и бартели.

Летом тысяча девятьсот восемьдесят девятого года группа учеников из школы села Бологое за отличную учёбу была награждена путёвками на отдых у моря.

Среди счастливиц оказался и тринадцатилетний Витя Ященко. В ночь с третьего на четвёртое июня поезд «Новосибирск — Анапа» встретился с поездом «Анапа — Новосибирск» на перегоне Аша-Улу-Теляк. В это время взорвался газ, который накопился в котловине из разорванного газопровода. Взрывной волной снесло и искорёжило одиннадцать вагонов, все вагоны двух поездов выгорели, от пламени плавился металл. В посёлке Аша, за одиннадцать километров от взрыва, в некоторых домах взрывной волной выбило окна.

На месте катастрофы погибли двести пятьдесят восемь человек, триста семнадцать умерли в больницах. Ещё большее число пассажиров стали инвалидами.

Из тридцати школьников села Бологое в живых осталось четверо. Несколько десятков человек исчезли бесследно, словно они не ехали в этих поездах. Своего сына Витю Иван Иванович и Елена Эдуардовна не нашли ни среди живых, ни среди мёртвых. Сгорел он без остатка в адском пламени или его тело вознеслось вместе с душой на небо — неизвестно.

После того страшного дня, который унёс жизнь сына, Иван и Елена бывали на месте его гибели ежегодно, теперь, когда прошло много лет, они — пенсионеры, у воздвигнутого памятного монумента поминают Витю и всех погибших раз в пять лет. Возраст и финансы не позволят приезжать чаще.

Здесь, в тайге, есть остановочный пункт «1710 километр», где непременно делают остановку все электрички.

Эта катастрофа оказалась как нельзя кстати тем предателям и негодям, которые стремились к свержению Советской власти и развалу страны.

Рядовой Иван Ященко, к счастью, — если это можно назвать счастьем — не дожил до смерти своего внука и не узнал, что Родина, которую он защищал, потерпела поражение в необъявленной войне и раскола на части.

ПОЭЗИЯ

РАДА ЧЕРНОУСОВА

Меня оставьте мне самой...

* * *

А каждый в глубине себя считает лучшим.
Невоплощённым иль непонятым совсем.
И в тайне ждет, что вот счастливый случай
Его внезапно вознесёт на зависть всем.

И мы живём мечтой, как короли в изгнание.
А случая всё нет, точней, давно прошёл...
Весёлый птах впорхнёт в окошко зданья
Плохой приметой... А станет хорошо.

ЧЕРНОУСОВА Рада Викторовна родилась в 1974 г. в Усть-Илимске. Стихи пишет с детства. Училась в художественной школе. Закончила архитектурный факультет ИрГТУ. Играла в народном театре «Предместье». Участвовала в теле- и радиопередачах. В литературное объединение «Поиск» пришла в 2003 г. Стихи публиковались в местных газетах «Усть-Илимская правда», «Вечерний Усть-Илим», в журнале «Сибирь», в сборнике усть-илимских поэтов «Родники» (2011). Живёт в Усть-Илимске.

Дождю по капле

Я не включаю сегодня света.
Дождю по капле остатки дня.
В морозных сумерках призрак лета
Хранит историю для меня:

Смешать коктейли из дыма с синью,
Дрожа под шалью на сквозняке...
Заросший дворик шуршит польностью.
Окурочек тает в сухой руке.

Как одиночества бриллианты
С утра нанизывая на нить,
Седая прима, надев пуанты,
Выходит вечером покурить,

И ароматом неуловимым
Так долго — жданная жизни суть,
Коснувшись мельком, промчится мимо...
И не окликнуть, и не вернуть.

* * *

Он приходил, пылая злобой,
С наждачным скрипом каблуков,
С упорством искреннего сноба
Элиты проходных дворов.

Когда ж, наедине с собою,
Он ненавидел свою тень;
Когда за темнотой ночною
Вставал кошмаром белый день,

Из неприметной оболочки,
Сжимающей огонь и гром,
Он взглядом резал на кусочки
Всех находившихся кругом.

И гордость, и самопрезренье
Из глубины рвались рекой.
Он извергал стихотворенья
И краткий обретал покой.

* * *

Осень наступила, будто сумерки,
Будто август кончился в душе.
И приснился сон, в котором умер ты,
И с тобой не встретимся уже.

Жизнь, любовь, само существование
На планете скорбной и родной,
Труд, господство или прозябание —
Ничего не прочно под луной!

Эти перепутанные сложности,
Смутные пророчества веков,
Личных отношений невозможности
От вселенских тянутся оков.

Эта осень, будто бы последняя,
В прежнем — человеческом — строю.
На посту, шатаясь от усердия,
Будто мышь с винтовкой, я стою.

* * *

Нас привлекает красота
И молодость, и обаянье.
В глазах горящая мечта,
Надежда, счастье, ликование...

А торжество — в противовес —
Во взгляде старика-калеки.
Прикосновение небес
Живёт прямо в человеке.

Но юный взор таит порой
Слепое недоразуменье
И полон до краев игрой
Инстинкта саморазрушенья.

Поймал звезду — гори, гори! —
Ночь коротая в одиночку,
Чтоб освещала изнутри
Изношенную оболочку.

* * *

Не просить подтвержденья своей правоте —
Привилегия мудрости сердца.
Но без устали спорят и эти, и те,
Не жалея сарказма и перца.

Экономика в сговор вступает с войной,
Толстосумы играют в «стрелялки».
Мертвецы из-под снега всплывают весной
Среди гор синтетической свалки.

Не прошу подтвержденья. Пытаюсь успеть
Научиться дышать под водою,
Без одежды не мерзнуть, в огне не гореть,
Не скулить, не сдаваться без бою.

Синий кит

В четыре просыпаются маньяки,
Поэты в предвкушении стихов,
Продрогшие голодные собаки
И юные невольники китов.

А синий кит парит в рассветном небе
И под собою видит города.

Средь грезящих о зрелищах и хлебе
Прекрасен, как последняя звезда.

И думает с улыбкою: «Однако
Не полетел бы в небо из воды,
Когда б способен был кормить собаку,
Читать стихи и оставлять следы...»

* * *

Общаги ад, клоаки коридоров,
Рядами двери в персональный рай...
Нашла тебя в людских квадратных норах,
Терпения теряющего край.

За полчаса переиграли тонко
Тот разговор, каких-то пара слов —
Всё было бы не так... Слезой звонко
Дрожит струна голосовых основ.

Ты у окна, а я в углу на стуле.
И между нами — прошлого гранит.
Но мы материальность обманули,
Плотясь духовно в прочный монолит.

«Ты всё равно останешься моею!»
Твои слова, как раскалённый шар
В моей груди, и я дышать не смею,
И не принять, и не отвергнуть дар.

Нам годы жить в мучительной разлуке:
Ты без меня, а я — с «очередным».
Твои глаза, твоё лицо и руки...
Ты всё равно останешься моим.

Anti-morales

На мягком ковре отбросов, Средь груды смердящих тел Циничный больной философ Творил всё то, что хотел.	До ног, тотчас очищаясь, Блеснула, как новый меч.
Пресытившись, изнывая, Он встал; его плоть от плеч	Сверкая железным телом, Вспорол на себе броню, И ангел в сиянье белом Рванулся навстречу дню.

* * *

С тобою многого не надо: В тенях и бликах потолок, Окно в пунктирах звездопада, Стена с портретами дорог.	Весь мир с его насущной скверной За скит пустынный отдала.
Так далеки и эфемерны Заботы, поиски, дела...	Где голос твой бездонным эхом Тревожит рёберную клеть. С тобой, питаюсь только смехом, Легко от счастья умереть.

* * *

Я сына в поход провожаю По землям, вокзалам, годам... Как будто повторно рожаю, И сразу, родивши, отдам.	И капли морей понемногу Скользят пеленою из глаз.
Еду покупаю в дорогу. В последний ли, знаю ли, раз...	Рюкзак — и свободные руки. А ноша моя не легка: Ведь сердце в преддверье разлуки Стократ тяжелей рюкзака.

* * *

В мундирах узких старые деревья В тех городах, которым сотни лет. Листву отбросив, сонная аллея Хранит теней ушедших тёплый свет.	И тайное желанье сбросить клетку, Что телом мы обыденно зовем.
Мои метанья в сумеречных ветках. Земли безлюдной гулкий перезвон.	Душа моя не унесётся к свету Надменных и возвышенных небес. Она замрёт запутавшимся ветром, Где свод смыкает рукотворный лес.

Игрушки

Он к бабушке нагрянул не к добру —
Решительный, циничный, долгожданный...
Своих игрушек россыпь по ковру увидел —
И застыл как деревянный.

И скатерти разглаживая шёлк,
Она, смутившись, это объяснила:
«Как будто ты был... только что ушёл...
Я набросала... Не сердись, мой милый».

Внутри него раздался странный звук.
И он ушёл, не выполнив решенья.
И дробь шагов, и сердца перестук
Сопровождали дискомфорт сомненья.

Домой пришёл. Но ломкий непокой
Не покидал в знакомом интерьере.
Игрушки сына оттолкнул ногой
И замер... Сам себе ещё не веря.

Солдатики закончили войну,
Звал паровозик — всех дорог начало...
Прокралась капля, тронула струну
И обожгла, и правдой зазвучала.

* * *

Аэропорт. Кончаются	Встретиться вновь... надеждою
Эти пятнадцать дней.	Смоет немного лет...
Намертво. Не отдирается	И в новую — «незалежную» —
Душа от души твоей.	Уже не купить билет.

Словно бинты с коростами	Смерть раскидала споры там
Будет рвать самолёт,	Пламенем черноты...
Крыльями белыми острыми	Нашей разлукой вспорота
Вскрываая небу живот.	Земля, где остался ты.

* * *

Тебе ж понравилось! — сказал уверенно.
А мной на это давно отмерено:
Всё — до нуля!

А я железная, я деревянная,
Я вяло-ровная, как будто пьяная:
Вдрызг — до рубля.

Бог обезноженный, колосс развенчанный,
Ты одиночеством моим залеченный...
В пыль — кирпичи.

А я за стенами и за печатями,
Как пьета каменная и печальная.
Кричи... Молчи...

И в эти ночи и утра знойные
Мы оба горькие, и мы — запойные.
Больнее пой!

«Морзянка жизни» — одни мгновения.
И дышишь дымом ты для вдохновения,
А я — тобой.

Председатель

— Не из того материала, —
сказал он, — делали людей.
Ведь ты пока не из металла,
Обтешешься... — Он бросил ей.

Она, сражённая обидой,
Хотела тотчас уезжать
В другой колхоз, туда, где Лидой,
Не «матерьялом», будут звать.

А он взбирался по откосу,
Хромой, упрямый и смешной.
С колючих трав сбивая росы
Своей простреленной ногой.

Пронзая болью, счастьем, жизнью,
Сдавался глинистый откос.
И примирялась с укоризной
Душа, а Дух — страданьем рос.

* * *

Я умираю много дней,
Когда пинок под дых ловила,
Удерживая над могилой
Своих взбесившихся коней.

Из глаз твоих струится ад.
Отомщена стократ, с лихвою —
Вороны ль, чайки надо мною
«Вернись, вернись, вернись...» кричат.

О, растерзайте же меня
На сотню маленьких девчонок,
Чей нежен взгляд и голос звонок,
И сердце — полное огня!

Возьмут пусть каждый по одной,
Играют, мучают, прельщают,
Вновь отвергают, возвращают...
Меня оставьте мне самой...

МИХАИЛ ПРОСЕКИН

Старый друг

РАССКАЗ*

Как только спадали служебные хлопоты, его тянуло в домашний кабинет. Работалось в нём легко, независимо и, как он говаривал, продуктивно. Наследство родителей: тяжелые шторы, глухая дверь, три ковра — два по стенам, один на полу — придавало кабинету сходство с радиостудией, и всё на него хорошо влияло.

Вот и сегодня он, не теряя ни минуты, ушёл из поликлиники сразу, как стало возможным. Поел за мраморным столиком в кафетерии, как будто специально выстроенном на его пути, отправил в портфель бутылку пива, пришагал домой и заперся на ключ. Этим выверенным способом он заставлял себя работать и подстраховывал от внешних влияний, дабы всё там, вне кабинета, оставалось в запрете. Даже наступавший день рождения. Исполнялось тридцать пять... Сколько это? Половина жизни? Или гораздо больше! А сделано что? Нежирно, в общем-то... Ну, одоление института, немало сложных операций, сколько-то статей в специзданиях...

**Печатается в сокращении.*

ПРОСЕКИН Михаил Михайлович, прозаик (1938, с. Нижний Кукут Эхирит-Булагатского р-на Иркутской обл. — 1988, пос. Култук Слюдянского р-на Иркутской обл.). Автор книг: «Затерянное поле»: рассказы (Иркутск, 1977); «Встречный пал»: повести и рассказы (Иркутск, 1982); «Старый друг»: рассказы (М., 1986); «Дом из силикатного кирпича»: повести, рассказы (Иркутск, 1990). Член Союза писателей СССР (Иркутская писательская организация).

Он задернул шторы, достал пачку чистой бумаги, сосредоточенно глядя в пол, накачал авторучку чернилами — никак не принимал «шарики». К чистой бумаге он был мистически равнодушен и экономил её как мог. Чудилось: на каком-то заветном листе рано или поздно проглянет то, о чём он всегда думал, где бы ни находился, что бы ни делал.

Травматолог Глеб Семёнович Хрусталёв изобретал аппарат с условным названием «Сломанная кость». Идея пришла к нему давно, и состояла она в том, чтобы избавить покалеченных людей от гипса. Практикуя, он видел освобождённые из гипса жалкие конечности с дряблыми мышцами, с надолго застывшими суставами, в струпьях отмершей ткани. Медленно циркулирует в них кровь, неспособная обогатить жизненной силой изувеченную плоть. Тогда и явилась дерзкая мысль: надо изобрести из металла или пластика такую шину, которая бы схватывала кости и не сдавливала мышцы. Процесс лечения сократился бы в два-три раза, больные со сломанными ногами могли бы ходить, а не лежать на вытяжке, на этой медыбе, придуманной чёрт знает в какие века.

Зазвонил телефон. Хрусталёв растерялся и не сразу взял трубку.

— Да, да! Слушаю, — припав к столу, скороговоркой ответил он.

— Это дежурный врач Старикова...

— А-а, Надежда Ильинична! Рад, очень рад вам, — заверил Хрусталёв. — Что-нибудь срочное?

— Глеб Семёнович...

— Я к вашим услугам... — тянул он. — Распожайтесь. Командуйте.

— Видите ли, Каретников уехал на дачу... Захар Трофимович режет аппендицитников...

— О-о, какие новости!

— Отчего вы такой... весёлый? — голос Стариковой набрался дикторской сочности. Она уж, верно, жмурила агатовые глаза свои и смотрела как через некий барьер, будто разговаривала с симулянтом. — Не понимаю вашего настроения, право... Но слушайте. Где-то в лесу разбился геолог, вроде бы сломал ногу. Раздробление голени, вероятно. Звонил начальник геологического управления и просил, чтоб полетел опытный врач. — Уже ненапористо, успокоенно выкладывала Старикова. — Он заказал вертолёт.

— Когда вылет?

— Минут через двадцать, если сможете. Сейчас вышлю машину. В аэропорту вас встретят.

«Вот кого бы на именины-то позвать», — просветлённо подумал Хрусталёв, ясно вообразив полнеющую фигуру Стариковой.

Пострадавший лежал в углу обширных нар, под квадратным окошком. Лицо его, обмётанное серой пыльной бородой, походило на картонную маску, но глаза, горячечные, словно sprыснутые глицерином, неотрывно следили за вошедшим. Возле него стояла миска спелой до черноты брусники, на тарелке валялись комья грязноватого, как мартовский снег, сахара, лежал кусок варёного мяса.

Хрусталёв отбросил одеяло. Правая нога парня, синюшная и утолстившаяся, была примотана верёвочкой к отёсанному обрубку осины.

— Перелом, по-моему, многооскольчатый, весьма сложный, — сказал Хрусталёв с выработавшимся неудовольствием, высасывая шприцем лекарство из бутылочки. — Но хорошо и то, что закрытый, а то бы уж, наверное, проникла инфекция...

— Сколько придётся лежать? Месяц, два? Скажите откровенно, — геолог с усилием приподнимался, потел от напряжения.

— Посмотрим, что снимки покажут, — сдержанно ответил Хрусталёв.

Сделав обезболивающий укол, Хрусталёв взгляделся в лицо геолога и... узнал его. Они, смешавшись, узнали друг друга, и каждый про себя был удивлен тем, что это почему-то не произошло сразу.

— Глеб! Или я обознался?

— Никита! — вскрикнул Хрусталёв. — Никита Ломакин!

— Я, я и есть...

Они неудобно обнялись и некоторое время молчали, не зная, что делать и о чём говорить. Хрусталёв, желая того или нет, вглядывался в старого друга как будто в самого себя, с ревностно-тревожным любопытством. Насколько он, Никита Ломакин, изменился? Постарел, нет? И с тайным удовлетворением отметил, что Никита, в общем-то, всё тот же, всё в нём знакомое, прямо-таки родное. Правда, заметно огрузнел, морщинки проступают. Ну что ж, время идёт...

— Это, выходит, больше десяти лет не виделись... — заговорил Хрусталёв без докторской значительности. — А вроде бы совсем недавно жили вместе. Помнишь нашу мрачную комнатушку? Как спасались на полатах от холодрыги?

— Ещё бы! И как на работу ходили, в институты готовились, и как ты отчалил с Севера... Все помню! Не мог я, знаешь, после тебя жить, бросил всё, разломал. Ну, поступил со второй попытки на геофак, отучился, диплом в зубы — и сюда, на золото двинул. Всех и рассказней-то...

— Женился?

— Не собрался как-то... А ты?

— Да тоже заколодило. Сломалось что-то, а что не разберу толком.

— Слушай-ка, Никита... — глядя вверх, за окно куда-то, позвал Хрусталёв.

— Чего?

— Сейчас я вспомнил ту полярную ночь, и снова мне жутко сделалось.

— А здорово меня тогда крутануло... Если бы не ты...

Когда вертолёт взмыл ввысь и взял направление на Якутск, Хрусталёв снова пережил то, что с ним случилось больше десяти лет назад.

...Мела жестокая пурга, она не спадала уже третью неделю, заставляла думать только о ней, и люди, бездельничая, измотались, устали, как в тяжком пути.

Мужчины пробирались по натянутым канатам в «Арктику» и облегчали души вином, табаком и разговорами. В тот раз Хрусталёв занимал край стола один, без Никиты Ломакина. Он не мог уйти на метеостанцию, где работала женщина... Попасть туда, в сопки, можно лишь через бухту пешедралом, потому как автомобили, во избежание несчастий, стояли на приколе, их настрого запрещалось выводить из гаражей. Кроме того, Хрусталёв люто, до нитя под ложечкой, ревновал. Соперник его тоже сидел здесь в окружении друзей и угощал, бездумно транжиря деньги, всех подряд. То был сорокалетний капитан могучего ледокола Донской, «покоритель северных широт», как о нём обыкновенно писали в газетах. Он был великолепен, этот капитан, и для полярника имел немало: известность, и не только газетную, его признавали все судоводители без исключения, — жёсткую власть, знание ремёсла, опыт... И природа не обошла его: фигура — дай бог каждому, размашистая, подвижная. Лицо... нормальное лицо, для полярника самое подходящее. Даже морщины шли ему. Они, казалось, лежали не сверху, а выступали из глубины.

Хрусталёв как-то застал Донского на метеостанции, мгновенно заметил, что женщина вела себя повышенно суетливо, и взял его измором: ждал, пока он не убрался. Хрусталёв сознавал свою беспомощность перед величием Донского, но что-то распяляло его, вздымало мутный гнев и обиду на женщину — это, конечно, она была виновата в том, что попиралась его любовью.

Коротая часы в «Арктике», он видел, что Донской сиял светлым чувством и намерен сорваться на метеостанцию.

Хрусталёв оставался настороже. Компания Донского, отоварившись шампанским, двинула к выходу — любоваться мирозданием. Минуту Хрусталёва, Донской вымолвил:

— Держись, малый! Ты своё возьмёшь.

Хрусталёв не мог больше оставаться в ресторации и вышел на улицу. Он связал две бутылки отыскавшейся в карманах суровой ниткой, вздел их на шею и бросился с берега в кишевший по торосам снежный бус. Топать по бухте предстояло километров семь, если дёрнуть прямо на сопку, туда, где стояла метеостанция. Бухта просматривалась вплоть до берега, она лежала грузно, независимо, по-бетонному надёжно. Одолеть её, думалось, можно весьма легко, часа за полтора: спорым шагом, где рысцой, марш-марш по целику туда, к сопке... Хрусталёв выкарабкался из торосов, на что, к его изумлению, ушло ровно сорок минут, и стал петлять меж обмерших, до лета безмолвных и неприятных кораблей с толстыми, в обхват, мачтами и реями. Наконец он миновал смолённый борт последнего корабля, стоявшего во льду глухим забором, и оказался на открытом просторе.

Он двигался устремлённо, резкими толчками, кое-где, отладив дыхание, бежал. Уже стала различаться заветная каменная сопка, будто специально для ориентира выложенная из обточенного ветрами плитняка. До берега оставалось не более километра, и Хрусталёв был готов торжествовать победу. Но тут из долины, известной под названием Гибельной, набирая скорость и напор, низом потекли снежные ручьи, настолько густые, что сопка и берег скрылись моментально, как сонное видение. «Ничего, ничего, — шептал Хрусталёв, пряча голову в башлык, по которому уже стегало как дробью. — Главное, не свернуть куда-нибудь. Надо идти как по струнке, берег близко». Налегая плечом, он упрямо шагал и шагал вперёд, и лишь после того как прошло немало времени, а берега всё не было и не было, обратил внимание на то, что ветер хлещет в грудь ему, а не в бок, как должно. Неужели пурга сменила направление? Нет, это исключалось... Он подставил левый бок ветру и шёл, начиная дрогнуть и куржаветь, ещё долго, уже с поколебленной надеждой выйти в нужное место.

От мороза уже не было спасения. Кирзовые утеплённые сапоги задубели, спецпошив на толстой вате вымок спереди; башлык обметало льдистым куржаком. Но больше всего мёрзли ноги в жестяной ткани брюк — подштанники он презирал. Хрусталёву казалось, что он опущен по пояс в холодную воду и что по мышцам ног то и дело чиркают стальным резцом. «Да это же конец, — ожгла его ясная мысль. — Неужели так вот оно и бывает? Господи, твоя воля!.. Спаси и помилуй! — всплыл в памяти материнский причет. — Я жить, жить хочу!» Он елозил, скручивался на жёстком сухом снегу, разминал тело, но подниматься не то не решался, не то уже был не в силах. И тут в сознании, глуша всё остальное, стала возникать успокоительная мелодия, рождённая хомусом: дэнь-дэнь-дэнь...

Перед глазами возникло суровое лицо старого олонхосута, заведшего сказ обо всём сущем на земле. Именно там ему открылась мудрость и этой, на первый взгляд, упрощённой мелодии, и этого безмерного, как Север, повествования. Слитые воедино, они как бы разъясняли ему простую, но дорогую тем, что она осознавалась, пропускаясь через душу, истину: жизнь единственна, сложна, не трать её попусту. «И не ходи, остолоп, один в пургу», — добавил Хрусталёв лично от себя. Небо вдруг расчистилось. По нему скомканными тряпицами летели обрывки снежных туч, мелькали, чудилось, стаи каких-то птиц... Проступил стеклярусный шлейф Млечного Пути. Из космоса по-прежнему извергался студенистый оранжевый свет, проявляя какие-то мосты и переходы, колонны и стены. «Господи! Кому всё это надо? Для чего? — думал Хрусталёв. — Любоваться, что ли?» — «Как для чего? — тут же прозрел он; мозг заработал свободно и чисто, как всегда после основательной нервной встряски. — Раз Млечный Путь лежит так, значит, берег в том или другом конце его. Двигаться, двигаться надо! Из гололеди выбраться надо. Но как? Без ножа, без топора...» — «А так!» — сказал он себе, поработал мускулами, разулся, затолкал портянки под ремень и, низко склонившись, побежал против ветра — к сумётам снега ли, к торосам ли, куда угодно, лишь бы не замерзнуть на месте. Сначала, метров тридцать-сорок, подошвы хорошо липли ко льду, ощутимый шлепоток их подсознательно радовал его тем, что идея оправдывает себя; но вскоре кожа потеряла чувствительность, и ноги застучали, как протезы. Хрусталёв рванулся вперёд из последних сил, сделал ещё малую пробежку и упал лицом вниз, выкинул руки: пальцы его нащупали клин впаиванной льдины, он подтянулся, выполз с безупречной глади на утрамбованный в торосах снег.

Спешно, насколько был способен, он выхватил портянки и солдатским сукном их стал растирать ноги. Затем обулся, попрыгал на месте, немного успокаиваясь тем, что попал в торосы, — ведь они шли вдоль берега и особенно теснились возле сопки напротив метеостанции.

Скользя, падая и ушибаясь о льдины, Хрусталёв блуждал в торосах ещё часа три и вышел-таки на берег, определив его сразу же ногами по глухому стуку камней.

Хрусталёв шёл вслепую, на какие-то мгновения терял сознание, слыша только голос олонхосута и текучую с металлическими дребезгами мелодию хомуса: дэнь-дэнь, дэнь-дэнь, дэнь-дэнь... Так он шёл до тех пор, пока не уткнулся в пыхающую теплом грудину могучего вездехода. За рычагом машины сидел Никита Ломакин. Ему, Никите Ломакину, не замедлили сказать, что кореш его — в такую-то пуржищу! — ушёл по бухте к своей зазнобе. Никита позвонил на метеостанцию и узнал: нет, никто не появлялся. Тогда он забил тревогу, обеспокоил поселковое начальство, но ничего существенного не добился — обожди час-два, втолковывали ему, чуть-чуть уймётся эта падера, тогда и начнём поиски. Терпения Никите не хватило, и он, под личную ответственность, залез в гараж, вывел из бокса вездеход, включил повышенную скорость, добавил газу и выехал за ворота.

Он ездил по бухте змейкой, обследуя километр за километром, чуть сам не заблудился, после чего гонял вездеход только по берегу, надеясь, что Хрусталёв в конце концов выйдет на него. Расчёт его оказался верным.

— Едем на метеостанцию! — заявил Хрусталёв.

— Не надо тебе на метеостанцию... — сказал Никита. — Я только что оттуда. Вакансия занята. Капитан Донской там гужуется...

Лежать на вытяжке сначала было не так уж страшно. Специальная кровать, изобретённая, видимо, на основе богатой практики, как бы вбирала в себя Ломакина, сама приспособливалась к его органам. Вогнутая на середине ложбиной, она умеривала пудовый груз, и действовал он, казалось, на что надо — на голень. И всё же здесь таился какой-то обман. Гири оставались гирями, они одномерно выворачивали ногу вплоть до паха, вроде бы давили всё тело, и намученный Ломакин, погружаясь в сонную одурь, видел себя безостановочно падающим со скал Джугджура.

Поздно вечером Ломакин заметил шедшего по коридору Хрусталёва и подождал его.

— Слушай, Глеб... — сказал он чужим голосом. — Сколько ты намерен распяливать меня здесь?

Хрусталёв, поколебавшись, сел между кроватей, опёрся локтями о тумбочку.

— Хочешь не хочешь, а лежать придется ещё месяца два или три — сам толком не знаю, — проговорил он невыразительно. — От меня ничего не зависит. Зависит от организма: как он одолеет болезнь, так станет нарастать и костенеть мозоль. Чтобы заварить твой перелом, много требуется нарастить этой самой мозоли.

— Сколько помнишь, я никогда ни о чём тебя не просил. А сейчас прошу: сними с вытяжки, я больше не могу, — судорожно поднимаясь, с присвистом заговорил Ломакин. — Я измотался, вытряхнулся и, кажется, скоро начну орать и кусаться...

— Рано! Не схватились ещё осколки. А вдруг упадёшь? Даже крутнёшься неловко, и всё пойдёт насмарку, неизвестно, чем кончится. Давай уж не будем рисковать.

— Да не болит же перелом! — возразил Ломакин гневно. — На, смотри! — он, извернувшись, достал пальцами голень, подёргал её.

— Растяжка-то снимает боль.

— Ну, Глеб... Освободи, не терзай...

— Нет! — стукнул Хрусталёв себе по колену, вставая. — Нет и нет!

— Гад полосатый! — ругнулся ему вслед Ломакин.

Хрусталёв вернулся — безвольный, с болтающимися руками — и сказал:

— Припекло? Ну-ну... Это даже хорошо. Злость нейтрализует боль. Ругайся вволю — спишется.

— Сядь-ка поближе... Хочу признаться тебе...

— В чём?

— Не ездил я в тот раз на метеостанцию и, само собой, не видел никакого Донского. Думал, уедешь с ней, бросишь меня там, в Заполярье... да и бабёнка-то, по-моему, слишком ручной была.

— Тихо, тихо, Никита! Дай подумать... — Хрусталёв начал с усилием тереть виски. — Вот оно, значит, что!.. — и он вышел в коридор, только полы халата взвились птичьими крылами.

Прошло ещё два месяца.

В календарях значилось начало весны, но никаких следов её не было заметно. Стояла глухая, по-северному неотступная зима. Никита так и оставался на вытяжке, он лежал пластом, исхудавший и безвольный, с тряпично опавшими

мускулами, ненавистный самому себе. Большую часть суток он пребывал в сладких мечтаниях. Чудилось ему, будто до окончательного выздоровления осталось совсем мало, и что скоро наступит иная жизнь, которую он станет принимать не бездумно, как раньше, а со строгим самоотчётом за каждый дарованный ею час и день. Он видел себя на приiske, среди вольной братвы либо в кособокой столовке дующим пиво, либо на танцах в клубе... Всё то, видно, не было воспринято и оценено им как следует и потому легко утратилось. Но чаще он, нелюдим, воображал себя беззаботно шагающим по древним скалам Джугджура, неоглядным далям и альпийским лугам. И ещё одно занятие было у него — ругать Хрусталёва. Полнясь внезапно накипавшей злобой, он ставил ему в вину и стучание до зубной вибрации холодильника в коридоре, и непрветриваемую палату оттого, что строители в своё время не удосужились вырезать форточку, и громогласное перекликанье сестёр и нянечек — одним словом, всё.

Однажды в палату явился Хрусталёв с медсестрой-помощницей. Он достал из кармана халата разводной ключ, отвинтил гайки и выдернул плоскогубцами спицу — будто смычком по нервам провёл. Ломакин едва успел подавить рвущийся из груди стон.

— Теперь я спокоен за эту... конечность, — сказал Хрусталёв, улыбаясь.

— Ещё месяца два-три потаскаешься в гипсе, на костылях походишь, затем с тросточкой, — и хоть чечётку бацай. Готовьте... человека на выписку, — велел он медсестре и обратил взгляд на Ломакина: — Ну-с, что мог и умел, я выполнил. Будет тебе добрая нога.

— Спасибо... — боясь расслабиться, отмякнуть душою, тихо произнёс Ломакин.

...Больничная «Волга» стояла у крыльца.

— Стой-ка, друг! — просунулся он к шофёру, когда из-за бугра выступили аэропортовские дома и завиднелась метеорологическая «колбаса».

— Что такое? — шофёр машинально сбросил газ.

— Вернуться надо, очень надо...

Хрусталёв сидел в продолговатом обставленном отличной мебелью кабинете с надписью на двери «Главный врач» и самоуглублённо читал медицинский вестник.

— Чем увлекаешься? — спросил Ломакин, зависнув на костылях в двери.

— Радуюсь и плачу, — ответил Хрусталёв. — Плачу и радуюсь.

— Уж не потому ли, что главным стал?

— Нет, тут всё в ажуре.

— Жалеть не будешь?

— Чего загадывать... Мое назначение — акт честный, так что я... доволен, не скрою. Буду стараться в меру сил и возможностей. Сегодня-то у меня другой повод грустить. Видишь ли, я изобретал долго, целых семь лет, и наконец работа завершилась. Нет, не моя работа, чужая, одного счастливирика, ну и моя тоже.

— Объясни ладом, — потребовал Ломакин, с трудом усевшись без приглашения в кресло.

— Понимаешь, Никита, я бился над тем, чтоб люди со сломанными ногами никогда больше не страдали на вытяжке, чтоб не таскали на себе этот ужасный гипс. Но, увы, меня опередили. Оказывается, о том же мечтал ещё один кустарь-одиночка по фамилии Илизаров, — Хрусталёв вышел из-за стола. — Он придумал изумительный аппарат для сращивания костей и ухлопал десять лет, чтобы доказать эффективность его применения.

— Что это за аппарат? — чувствуя себя причастным к новшеству, спросил Ломакин.

— Ошеломительно просто: кольца, спицы, болтики, винтики... Всё это надевается на порушенную голень, спицами фиксируются обломки костей, и никакой тебе вытяжки, человек начинает ходить. Аппаратом можно без особых мудростей наращивать кости до двадцати сантиметров, причём это делает сам больной. Чудеса, да и только!

— Почему тогда мурыжили изобретение?

— Бывает... Видать, слишком смелой казалась заявка, ошаршила кого-то.

<...> Ходкую «Волгу» замотало по расквашенной лесной дороге. Её свободно, как жестяную банку, кидало на отвесные сугробы, юзило на раскатах, и Ломакин упреждающе хватался за ногу.

— Чудовищен твой... святой обман, Никита Ломакин, — проговорил Хрусталёв, не отрывая взгляда от несущейся под колёса дороги. — Единственная та женщина была у меня... Теперь точно знаю...

— Вот как! — выдохнул Ломакин.

Лес стоял чуть оттеплевший, как бы начавший дрогнуть после зимнего оцепенения. Деревья откидывали слабые бесплотные тени, и всюду обнажились утончившиеся, в сквозных червоточинах снега. Блёткое солнце взялось довольно высоко, подпекало, но ещё будто в сомнении оглядывало таёжье, примеривалось к нему, как работяга.

Подступала новая весна.

ЕЛЕНА ПОПОВА

Меж прошлым и неведомым грядущим

Венок сонетов

1

Мы вместе шли, теперь не по пути.
А справлюсь ли? Кого звать на подмогу?
Любимый мой, за всё меня прости!
Ты улыбнёшься, скажешь вслед мне: «С Богом».

Как близкого душе — ругать, бранить?
За что? За то, что он в пути не бросил?
Промчалось лето, нас успев сроднить,
И листья обрывает с веток осень.

Поникли травы, птахи не поют,
Наохлились: дождёмся ли весны?
А ливни лили долго и обильно...

Минувшим летом жили как в раю.
Любили, пели и смотрели сны,
И чудилось тогда: любовь всеильна.

ПОПОВА Елена Алексеевна родилась в 1971 г. в Нижнеудинске. Окончила Томский государственный педагогический университет. Дипломант всероссийского фестиваля авторской песни «Гренландия», призёр международного музыкально-поэтического фестиваля «Прикасаюсь сердцем к небу» в номинации «Философская лирика». Обладатель памятной медали Министерства обороны РФ за участие в конкурсе «Герои Великой Победы 2016». Публиковалась на страницах газет и журналов «Бег» (СПб), «Русский писатель» (СПб), «Слово», «Литературная Россия» (Москва), «Форум» (Днепропетровск), «Бийский вестник» (Бийск), «Тарские ворота» (Омск), в коллективных сборниках издательств «Норд-вест» (СПб), «Норд-вест детям» (СПб), «Дикси Пресс» (Москва), «Берега воды и огня» (русско-польский сборник, Москва), «Лучшее от современников» (серия «Классики и современники»). Автор книг: «Падает небо» (2014), «Серебряный дождь» (2014), «Через скорби благодать» (2015) «Старая ива» (2015), «Жребий» (2015), «Что такое лето?» (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Усть-Куте.

2

И чудилось тогда: любовь всесильна,
Она одна — всему первопричина,
Но ждёт любого холод тьмы могильной,
Сгорим, как подпалённые лучины.

Глупцы, что возжелали?! Жить в веках,
Но жизнь так коротка, сиюминутна!..
И главного не видим впопыхах,
Представим если, то довольно смутно.

Итог один: уйти с лица Земли,
А срок определён до точной даты,
И прахом будет прах, как ни крути.

Моря отбороздили корабли.
И рады мы опять спешить куда-то,
Но этот Рубикон не перейти.

3

Нам этот Рубикон не перейти.
А может быть, получится? Едва ли.
Снег падает ли, словно конфетти,
Пронесются снежинки ли годами?..

И дали запорошены, седы.
Подставь ладонь! На ней снежок растает.
Пушистый, станет капелькой воды,
Которая живое всё питает.

И соком наполняет дерева,
Чуть слышно шелестевшие листвою.
Разглядываем первый снег умильно...

Недаром вместе нас судьба свела.
Соединившись телом и душой,
Мы сгинем навсегда во мгле чернильной?..

4

Так сгинем навсегда во мгле чернильной —
Неуловимо времени движенье,
В туманностях плутая звёздно-пыльных
(Всё в мире тяготеет к завершенью).

За пройденным витком — ещё виток
(На ось судьбы нанизываем кольца).

Не видя пред собой путей-дорог,
Шатаясь, бродит месяц, как пропойца.

Его карманы в дырах и пусты.
Сквозь бреши — звёзд нападало немало,
Слетать бы к ним, да стало уж светать.

В такую ночь сбываются мечты.
Ни била бы как жизнь и ни ломала,
Нам верить в чудеса — не перестать.

5

Нам верить в чудеса — не перестать,
И мир воспринимаем по-другому.
Мечтать и в облаках весь день витать —
Поверьте, это стоит дорогого.

Богатство наше — солнечный рассвет,
Порывы ветра (слушаем — немеем),
Он с баса переходит на фальцет,
А, впрочем, и не то ещё умеет.

Земля — и благосклонна, и щедра:
Куда ни кинешь взгляд, всё удивляет,
И радость выражаем, словно дети!

От снежного ликуем серебра
(Смотри, в снежинках искорки сияют!).
О, как мир многогранен, многоцветен!

6

О, как мир многогранен, многоцветен!
В нём совершенно всё, и даже мы.
И счастливы, живя на этом свете,
И за собой не чувствуем вины,

Что вдруг влюбились так неосторожно,
Не думая о будущем, былом...
Считаем, для влюблённых всё возможно.
Идём к заветной цели напролом.

Задумано Творцом всё наперёд.
Случится может то лишь, что случится,
Так стоит ли другого ожидать?

Хоть глупо биться рыбами об лёд,
Давным-давно пора уgomониться —
С любовью невозможно совладать.

7

С любовью невозможно совладать...
Так что сильнее — чувства или разум?..
А сердце наполняет благодать,
И новый смысл приобретаем разом.

Не для того ли были рождены —
Проникнуться святой любовью Бога?..
Ведь нет в сиюминутном глубины.
Слепцы, не замечаем мы подлога.

В сравнении с глобальным так малы!..
Частицы изменяемой Вселенной...
И будем перед ней за всё в ответе.

В том мире ни хулы нет, ни хвалы,
А Божии создания — совершенны,
Божественностью нас Господь отметил.

8

Божественностью нас Господь отметил,
Он создал всех людей по образцу,
Но через череду тысячелетий —
Утратили тождественность Творцу.

И мыслей здравых нет — одни химеры.
И блудим без духовности и веры,
Да выйдем ли когда-нибудь на свет?..
А всяк, который вышел, — свят, но сед.

И к Деве обращаемся Пречистой,
Раскаившись в лихих былых делах:
«Помилуй, Богородица, спаси!»

Порыв людской отчаян и неистов.
Влачили долгий век земной в слезах,
А после — будем жить на небеси?..

9

А после — будем жить на небеси?..
Но думать ли про это раньше срока?
Планета не сошла пока с оси,
И страшный апокалипсис — далёко.

А в настоящем царствует весна,
Холст неба, словно выцветший, исстиран.

Не для того ли жизнь обретена,
Чтоб восхищаться благолепьем мира?..

Сосульки переливчато звенят...
Осели и подтаяли снега,
Журчат ручьи, бегут вперегонки.

И благодать, куда ни кинешь взгляд!..
Речные почернели берега,
И рады новизне мы, чудаки!

10

И рады новизне мы, чудаки,
Весеннему дождю, раскатам грома.
Какие нынче тёплые деньки!..
С утра до ночи слышен птичий гомон.

И чудится пытливому уму:
Присуще обновление всему,
Оно — реальность, а не миражи,
А чувства удивительно свежи!..

И с большей силой разгорелась страсть,
Сердца людские пламя жадно лижет.
А мы вконец рассудка лишены,

Никак не можем налюбоваться властью.
И разницы в том нет, что нами движет.
В хмельном угаре — разгорячены.

11

В хмельном угаре — разгорячены
(Остынет ли сердечный пыл однажды?).
Друг другом, словно в первый раз, пьяны —
Не утолить безудержную жажду.

А чтобы не измучила она,
Нектар любовный пьём с тобой до дна
В небесной синеве — воздушных замках,
Без долгих церемоний — сразу, залпом.

А за весной припустит лето рысью,
В сандалиях — веснушчатый пацан
(Не может быть? А ты вообрази!).

Что за непостижимой нами высью?..
Отправимся когда-то к праотцам.
Ну, а пока взираем — что вблизи?!

12

Ну, а пока взираем — что вблизи,
А там — смятенье чувств и буйство красок!..
Пусть говорим об этом без прикрас, но
Восторг неопикуемый сквозит

В словах, что применимы к дивной яви.
И мы, любуясь ей, уже не вправе
Приход событий разных изменить.
Они для нас — связующая нить

Меж прошлым и неведомым грядущим,
Которое, возможно, мир расплющит,
Растопит вековые ледники.

И если будет так, то в райских куцах
Любить друг друга, знаю, станем пуше
Всем прежним представленьям вопреки.

13

Всем прежним представленьям вопреки
За летом осень рыжая нагрнет,
Листву окрасит в пламенный багрянец
(Погожие денёчки коротки).

И не заметим, как промчится год...
А солнце, накаляя небосвод,
Несносным жаром вместе с ним иссушит
В порыве чувств мятущиеся души.

И ты меня обидишь невзначай,
Отвечу я в который раз: «Прощай».
Но все ль мосты за мною сожжены?..

Раскидывает время и сближает,
И густоту небесную сжижает...
Цикличности с тобой подчинены.

14

Цикличности с тобой подчинены.
Прошедшее когда-нибудь настанет,
Среди вселенской вечной новизны
Его приход давно уже не странен.

И постигая бренной жизни суть,
Идя туда, где безоглядно пусто,

О чувствах не посмеем намекнуть,
Хотя в любви первостепенно чувство.

В любви есть всё: от ласок до аффекта,
Сравнить который можно с адским пеклом.
Но нам не сосчитать и до пяти,

Как возродится вновь она из пепла,
Окрепнуть чтобы, а потом поблекнуть...
Мы вместе шли, теперь не по пути.

15

Мы вместе шли, теперь не по пути.
И чудилось тогда: любовь всесильна,
Но этот Рубикон не перейти.
Так сгинем навсегда во мгле чернильной?..

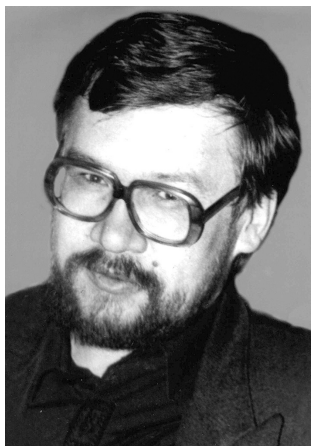
Нам верить в чудеса — не перестать.
О, как мир многогранен, многоцветен!
С любовью невозможно совладать,
Божественностью нас Господь отметил.

А после — будем жить на небеси?..
И рады новизне мы, чудаки,
В хмельном угаре — разгорячены.

Ну, а пока взираем — что вблизи.
Всем прежним представлениям вопреки,
Цикличности с тобой подчинены.

ЮРИЙ БАЛКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Ему было двадцать лет, когда на страницах журнала «Байкал» появился его первый рассказ. Это произведение сразу привлекло внимание читателей своей удивительной искренностью, стремлением проникнуть в душу человека, увидеть в ней всё доброе и светлое, осиянное Божьей благодатью, что только и способно подвинуть к миру добра и справедливости. Писатель и после этого оставался верен однажды открытым для себя принципам. Он любил людей, верил в них, гордился своими далёкими и близкими предками. Поиск своего места в жизни, неразрывная связь времён и поколений, столкновение добра и зла — вот то, что волновало его и о чём он убедительно поведал в своих произведениях.

Улигеры

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

...Тоонто не только там, где ты родился. Тоонто ещё и в самом человеке. И неважно, какое солнце светит ему: бледное ли солнце орусов или смуглое — харанутов. Твое Тоонто там, где тебя любят!..

БАЛКОВ Юрий Кимович (1961–2005) окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Был корреспондентом областных и республиканских газет, заведовал отделом Гостелерадио Республики Бурятия. Повести, рассказы и очерки писателя публиковались в журналах «Новая книга России», «Москва», «Байкал», «Собор», «Вече» (Германия), «Сибирские огни», «Троицкое слово Забайкалья», в газетах «Советская культура», «Литературная Россия» и др. Автор книг: «Когда на горе начнёт куковать кукушка»: повести (Иркутск, 1998); «Огнём опалённая воля»: драматическое повествование (Иркутск, 1997); «От серпа и молота к золотому тельцу»: публицистика (Иркутск, 2000); «С родины на чужбину»: повести (Иркутск). Повесть «Проклятье Баальбека» вошла в сборник повестей сибирских писателей (Чита, 2008). Член Союза писателей России.

Боорчи закончил рассказывать и, достав из кармана кисет, стал набивать табаком трубку. Делал это неспешно, основательно, не обращая внимания на Изота, который, ожидая продолжения, едва ли не с досадою смотрел на него.

Изот был ещё в прошлом, и вместе с Ерофеем то уходил от погони, то хоронил погибшего товарища, то по узкой, вьющейся меж камней тропе спускался с вершины Улзыты-Хана. Он настолько свыкся с героями легенды, что поверил, будто знал их раньше. С ним уже не раз случалось такое. Вроде бы находился в реальной жизни, но в то же время был далеко от неё, и то, что происходило в прошлом, становилось близким и понятным.

Виделись обрызганные солнечным светом курганы, войлочные, расшитые тесьмой юрты и косяки длинногривых лошадей. Слышал серебряную трель морин-хура.

Он как бы слился с героями легенды, проникся их мыслями. Всё же скоро они стали отдаляться от него, а потом и вовсе исчезли. Но ещё долго ему не хотелось выходить из того душевного состояния, когда даже молчание не в тягость, и единственное, чего не хватает, так это песни. Раньше давал волю чувствам. Петь, правда, не умел, зато кричал до хрипоты про бродягу, который бежал из Акагуйской тюрьмы, или про славное море и омулёвую бочку. Случалось, подолгу пребывал в каком-то диковинном мире.

— Устал? — спросил дархан.

— А-а?..

— Устал, говорю?..

— Да нет, — ответил смущённо.

Прошла минута-другая. Слышно было, как за окном завывает ветер, скрипят ставни и прогибается, шевеля тонкими ветвями, сирень в палисаднике.

Изот поднялся и подошёл к окну. Его не устраивало то, что знал о себе. Не раз задавался вопросом, кто дал начало всему Найдёновскому корню? Столько в нём кровей перемешалось: русских, бурятских, татарских, если начнёшь разбираться, голову сломаешь, а едва ли придёшь к чему. Отец тоже мучался этим вопросом, а он, помнится, досадовал и не понимал его. То и грустно, что не понимал...

Боорчи пошёл в сени, вернулся с раскладушкой и матрасом. Стали укладываться спать. Изот был благодарен дархану за гостеприимство, но ему не хотелось, чтобы теперь он ушёл и оставил его наедине со своими мыслями.

Странно, не прошло и дня, как приехал в Утатуй, а у него такое ощущение, будто уже давно живёт здесь. Успел привыкнуть к Боорчи, к его дому, даже к тишине за окном.

Изот удивлялся себе. За несколько часов, казалось бы, накрепко сросшийся с ним город стал далёким воспоминанием. Не знал, отчего это, да и вообще, что с ним происходит. Посмотрел на дархана, разглядывающего одну из скульптур, сказал, что тоже занимается резьбой по дереву. Боорчи снисходительно улыбнулся. Стало обидно. Сказал, что слышал от отца о миниатюрной пагоде, рядом с которой всё тускнеет, и тотчас пожалел об этом. С лицом Боорчи произошли неожиданные перемены: правая бровь вытянулась и теперь напоминала изогнутую половинку лука, а подбородок отвис и слился с короткой шеей, на лбу выступили глубокие морщины.

Изоту сделалось неловко. Чёрт меня дернул за язык!..

Боорчи было беспокойно. Парень нечаянно разбередил душу. Не смог сдерживать охватившие его чувства и заговорил о своём стремлении сделать работу, ко-

торая была бы не хуже миниатюрной пагоды, что хранится у улигершина — духа Тамчинской степи. Изредка останавливал себя, удивляясь своей чрезмерной словоохотливости.

Изот плохо понимал дархана, но слушал внимательно, удивляясь тому, что сейчас Боорчи сильно напоминал отца. А ведь мог бы и не встретиться с мастером. И тогда многое из того, что узнал, так и осталось бы для него загадкой. Он благодарил судьбу за эту встречу, но в то же время с грустью думал, что пройдёт ночь и он уедет отсюда. И неизвестно, увидятся ли они ещё...

Часы пробили полночь. Ветер за окошком стих. Боорчи ушёл в свою комнату. Изот лёг в постель, с головой забрался под одеяло, но ещё долго слышал за окном какие-то неясные звуки и шорохи. Казалось, там кто-то прячется. Не выдержал, поднялся с постели и подошёл к окну, но увидел лишь бледную половинку месяца на чёрном небе. Лёг на кровать. Долго ещё не мог заснуть. А потом услышал за спиною чьи-то шаги, обернулся, встретился взглядом с ожившей скульптурой.

Изот был не робкого десятка, но, признаться, ему стало не по себе. И всё-таки он сумел переселить страх и улыбнулся. Одиннадцать голов склонились в низком поклоне, как бы приветствуя в его лице мастера, вырезавшего их из дерева, а потом повернулись в сторону масок хохимой, которые тоже пришли в движение и стали двигаться вокруг него, норовя увлечь в бешеную круговерть своего танца. Но вот появилась Зелёная Тара — женщина с шестью руками, призванная охранять и исполнять все желания человека, и маски хохимой отступили. Изот молча поблагодарил Зелёную Тару, она улыбнулась, ушла в левый угол комнаты и села, подогнув под себя ноги, на пол. Изредка она оборачивалась к Изоту и смотрела ему в глаза. Становилось не по себе. Казалось, она зовёт его в далёкую заоблачную страну.

Вдруг раздалось что-то, отдалённо напоминающее раскаты грома, Зелёная Тара исчезла.

Изота до утра преследовали видения. Проснувшись, он долго не мог понять, чем они были вызваны: то ли слишком много узнал вчера, то ли мозг устал от постоянной работы. Голова раскалывалась, виски сдавливало, а в затылок словно бы воткнули швейные иголки.

— Как спалось? — зайдя в комнату, спросил Боорчи.

— Неважно, — признался Изот.

— Я тоже, когда впервые остался ночевать в этой комнате, плохо спал. Казалось, рядом стоит Зелёная Тара и смотрит в глаза.

— И у меня было такое же чувство.

— Я стремился приблизиться к работам старых мастеров, чтобы вернуть людям утраченное, — вздохнув, сказал Боорчи. — Удалось ли мне это? Скорее, нет. Но я никогда не изменял себе...

Вспомнился первый послевоенный год, и, как наяву, Боорчи увидел степь, запахнутую в жёлтые шелка, горы, слегка подёрнутые розовой дымкой, людей у шаткого крыльца, а на нём — высокое начальство, одетое в скрипучую кожу и хромовые сапоги. Из города прибыло начальство-то. Трактора пригнали. Сказано было: завтра выезжать на них в степь... Ночью, благополучно миновав заснувшего сторожа, Боорчи пробрался во двор, где стояли трактора, с неприязнью ощупывал детали и механизмы. Тогда ещё невдомёк было, что скоро дети скотоводов поведут трактора на свои, дедами и прадедами завещанные земли. Узнал об этом позже, когда увидел перепашанную степь. Помнится, долго смотрел на обнажён-

ные пласты земли. А потом обхватил голову руками и пошёл... Упал на камни возле крутого мыса и долго лежал так. Слушал грустную, откуда-то издали, песню улигершина о гибели степи. Много она видела на своём веку: лютые пожары, страшные наводнения, орды завоевателей, которые подобно саранче расплозились от края до края, сея смерть и разрушение. И вот теперь не стало её.

Боорчи помедлил и неожиданно для себя заговорил об этом. От его трубки шёл дым, ел глаза, но Изот словно бы не замечал этого, другое было в голове, тревожное. Иногда отвлекался и видел город, вернее, Зареченскую слободу, а вместе с нею тихое, расположенное в глубоком распадке за околицей кладбище, где под сенью плакучей ивы отец нашёл своё последнее пристанище.

— Сходим к улигершину, — предложил Боорчи. — Я покажу тебе пагоду.

— В другой раз, — вздохнул Изот. — Мне нужно уезжать. Завтра — на работу.

Изот попрощался с дарханом и вышел на улицу. В окнах домов зажигался свет, но самих домов ещё не было видно. Казалось, белые квадраты висят в воздухе. Изредка на дороге вспыхивал яркий огонёк встречной машины и долго горел в сумерках.

Изот любил это время суток. В вечернюю пору он нередко ходил на вершину Удинского утёса и долго стоял так, наблюдая за игрой багровых сполохов на речной глади, находя согласие между собой и окружающей природой. Но нынче такого согласия не было. Стало жаль себя, словно бы он один во всём мире и никому не нужен. Прислонился к палисаднику и, стараясь избавиться от невесёлых мыслей, закрыл глаза, но вместо желанного успокоения на него обрушилась усталость.

С минуту постоял и нехотя побрёл на автобусную остановку. Увидел дом отца с чёрными провалами вместо окон. Он чём-то напоминал давно умершего человека.

Как человек не может жить без дома, так и дом — без хозяина. Они умирают вместе. Правда, человек оставляет по себе память, а дом лишён этого и живёт столько, сколько ему отпущено судьбой.

Народу на остановке было немного. Небо синело, а вместе с ним синело шоссе, и уже различались на асфальте выбоины и щербинки.

Раздались крики, топот и приглушённый гул автомобильного мотора.

— Автобус!.. Автобус!..

* * *

Уже рассвело, а Боорчи по-прежнему, положив на стол крупные, в узловатых морщинах руки, сидел у окна и смотрел в улицу.

Солнце растопило туман и прогрело землю. Осень в этом году была капризна, у неё сегодня на уме одно, завтра — другое. Утром выкатывалось рыжее солнце, яркое и тёплое, и в степи дымилась земля, а в полдень, набухнув, небо делалось мглисто-серым, солнце исчезало, с севера налетал хлёсткий ветер и поднимал столбы пыли. К вечеру становилось тихо, снова из-за облаков выкатывалось солнце, но уже не огненно-рыжее, — тусклое, негреющее.

Боорчи не мог приноровиться к погоде и одевался всегда не так, как следовало.

Часто вспоминал Изота. Наверное, мог бы уговорить его побыть в улусе ещё немного, но отчего-то не стал этого делать. Скорее, потому и не стал, что чувствовал непонятную робость перед Изотом. К тому же понимал, парень должен сам сделать свой выбор. Расклад верный. Но тогда отчего так маетно на сердце?..

Мысль всеильна и бесконечна. У неё нет истока и устья. Начнёшь думать об одном, а перед глазами тотчас встает другое, душа наполняется тревогою, смутною и неугадливою, так что скоро не знаешь, как от неё избавиться... Быть может, тревога и составляет человеческое естество.

В жизни Боорчи появился Изот — сын друга, и он обязан помочь ему найти себя. Другой человек — другой мир. Начнёшь навязывать ему свою волю, а тот возьмёт и обидится, но и пребывать в бездействии тоже нельзя. Что делать? Как быть? Два извечных вопроса, на которые способна ответить лишь сама жизнь.

Боорчи мучился ещё и потому, что у него не было наследника. Из поколения в поколение: от отца к сыну, от сына к внуку — передавали дарханы своё искусство. У каждого мастера была тайна, и никто, кроме родных, не знал про неё. Кому он передаст то, что перенял от деда, что умеет сам? Неужели ремесло угаснет, как огонь в светильнике, когда кончается масло?.. Жизнь без детей не стоит и ломаного гроша.

Боорчи было тринадцать, когда отец уходил на фронт. Много стёрлось в памяти, а вот случившийся тогда в полутёмной горнице разговор с ним и по сей день вспоминается. Как наяву слышится его покашливание, ощущается терпкий запах махорки и кислый — овчины. Отец велел продолжать его дело и беречь мать, хранить тайну ремесла и не допускать к нему чужих...

Как чёрные вороны, летели с фронтов похоронки и опускались в почтовые ящики. Сначала пришло известие о гибели отца Тимофея, потом настал и его черёд пережить горькую утрату. Боорчи понял, теперь он в семье за старшего и, чтобы прокормить её, нужно много работать. Правда, был ещё дед, но какая от него помощь? Он и раньше-то передвигался с трудом, а после гибели сына и вовсе не вставал с постели, и спустя месяц к родовому кладбищу харанутов на вершине Улзыты-Хана двинулась похоронная процессия.

Что и говорить, трудно жили в ту пору. Надорвалась мать на тяжёлой работе. А скоро слегла.

Боорчи не в силах забыть тот хмурый осенний день, когда приезжал к матери в районную больницу. Казалось, всё предвещало печальный исход: и бледное солнце, и серое, с грязными пятнами облаков, небо, и сырой ветер. Боорчи внутренне готовился к самому страшному, но то, что случилось в больнице, надолго вывело из душевного равновесия.

Мать не узнала его, сидела на разобранной постели, что-то напевала и улыбалась чему-то. Спрашивал у неё, как чувствует себя, но она словно бы не слышала... А потом вдруг стала одеваться.

Зашёл врач, молодой ещё, усадил мать на кровать.

— Далеко ль собралась? — спросил, мать тотчас заволновалась, в глазах появилось беспокойство. Она беззвучно, пытаясь что-то сказать, шевелила бескровными губами, но ни Боорчи, ни врач не могли разобрать ни слова.

— Вы смотрите за ней, — сказал врач и вышел из палаты, а Боорчи, разволновавшись, не находил себе места, то принимался ходить по палате, то брался за газету, но тут же откладывал в сторону. Он вдруг увидел, как мать, отвернувшись к стене, тихо заплакала, ему сделалось горько и больно. Ещё никогда он не испытывал столь острого и щемящего чувства.

После смерти матери Боорчи словно бы надломился, сделался мрачным и нелюдимым. Порвалась последняя живая нить с прошлым...

Боорчи вздохнул, поглядел в окно и удивился чистой синеве неба, искрящимся от солнца деревьям и большой серой вороне на воротах. Однако скоро удивление исчезло, и поначалу слабое неудовольствие собою переросло в острое раздражение. Примерно то же испытывал Боорчи во время приезда из города именитых земляков. Многие из них приходились ему ровесниками, было обидно замечать, что они смотрят на него с сочувствием, как бы говоря, вот, мол, раньше сидели за одной партией, а теперь мы стали большими людьми, а ты по-прежнему балуешься серебряными поделками. Странно, но для них ничего не значило, что его работы известны многим не только в родной степи. Когда, в какую печальную пору у людей исчезло уважение к мастерам, почему теперь все смотрят на них как на чудаков?.. Он не мог ответить на эти вопросы. Жизнь прошла в работе. Покуда искал в ремесле свой почерк, изменились нравы, которые во многом непонятны ему. Единственное, о чём может сказать с уверенностью, так это то, что теперь о людях судят не по тому, как работают, а по тому, какое место в обществе занимают.

Чувство, которое нынче он испытывал, нечасто приходило к нему, а если и приходило, то ненадолго. Боорчи знал, что скоро в нём поменяется и он опять станет трудиться.

Вспомнил, как сидел с улигершином на облысевшем мыске и слушал песню жаворонка. А потом улигершин спросил:

— Ты знаешь, откуда пришли наши предки?

— Конечно, знаю. Они пришли из безводной степи и поселились на этой земле.

— Как всё легко у тебя, — вздохнул улигершин и сквозь пальцы посмотрел на яркое, как раскалённая сковородка, солнце.

Боорчи не мог понять причины его неудовольствия. Считал, что сказал правильно. Этому учили отец и дед. Искоса наблюдал за улигершином, который неторопливо, из одной руки в другую, пересыпал землю. Тогда казалось, что старик выжил из ума и превратился в ребёнка.

— Века прошли перед нами, — сказал улигершин. — И сейчас я пересыпаю их из одной руки в другую. Люди рождались и умирали, строили и рушили города, огонь пожирал деревья, вода выходила из берегов, но человек выжил, и я в долгу перед ним. А ты говоришь, мы пришли из безводной степи.

— Разве не так?

— Так. Но тебе надо ещё знать и помнить тех, кто дал жизнь роду вольных харанутов.

Тогда он не понял улигершина, сказал, что прошлого не вернёшь и незачем забивать себе голову. Старик обиделся и замолчал.

Боорчи вспомнил этот разговор, и на душе сделалось вовсе беспокойно. Старик говорил правду, а он не захотел даже выслушать. Ещё вспомнилось, как улигершин водил его на вершину Улзыты-Хана. Эта гора на закате семнадцатого века спасла харанутов от гибели и с тех пор сделалась родовой и помогает каждому, кто относится к ней с почтением. Она и ему помогла стать мастером.

Боорчи улыбнулся. Люди говорят, что он лучший из лучших, но это не так. Всю жизнь он старался, но не мог превзойти работу неизвестного мастера и, отчаявшись, принял её за образец и со временем позабыл о своём стремлении, а после встречи с Изот ощутил в сердце нетерпение. Вчера нашёл одну старую, начатую ещё в юности чеканку. Тогда не совладал с серебром, а теперь, поглядев на фигурки птиц и людей, думал о том, что замысел стоит того, чтобы порабо-

тать над чеканкой. Однако Боорчи не спешил браться за дело. Решил сходить к улигершину.

В полдень он вышел из дому и оказался за улусом, ступил на узкую, вьющуюся меж толстых лиственниц тропу, которая вела к дому улигершина. Все мысли крутились вокруг чеканки и неизвестного мастера. Тропа свернула вправо, нырнула под корявые поваленные ветром деревья, потом чёрной ниткой прочертила жёлтый от линиялой травы холм и привела в пепельно-серый, как и небо над головой, кедрач. Ещё не скоро Боорчи оказался на другом берегу реки. Долго разглядывал вершину подводной скалы. Говорят, сам Чингис, повелитель Вселенной, чья звезда ушла в закат, а могила сровнялась с землёй, оставил след на голом темени подводной скалы. Этот след всегда, даже зимой, наполнен водой. Люди не раз пытались разгадать, отчего так, но не смогли. Вот и сейчас увидел Боорчи, что выемка в скале наполнена водой. Постоял и двинулся дальше. Скоро показалось жилище улигершина. Оно было сбито из неошкуренных досок и кривых жердей и чем-то напоминало самого хозяина — угловатого, одно плечо выше другого, с руками тонкими и гибкими, как берёзовые ветви, с лицом морщинистым и щербатым...

ПОЭЗИЯ

НАДЕЖДА МИЛЯЕВА

Тоскует душа о былом

* * *

Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

А. Блок

Я наяву один ласкаю сон:
В седой степи, овечьими ветрами,
Там кобылица шумными ноздрями
Вдыхает ветер канувших времён.

В агатах глаз с глубинной синевой
Дрожит звездой распахнутая млечность.
А над её точёной головой —
Мгновения отсчитывает Вечность.

Под чёлкою — строптивая звезда,
Волненье гривы вспенивает шею.
Полынный ветер веет всё и веет.
И время прошлого звенит, звенит узда.

МИЛЯЕВА Надежда Евгеньевна — автор поэтического сборника *«Тополиная аллея»* (Иркутск: Издательство «Сибирь», 2017). Лауреат 2-го Международного поэтического интернет-конкурса «Звезда полей – 2017». Живёт в Иркутске.

И вдруг! — в карьер. И вдруг! — куда-то мчит!
Копытами отталкивая землю.
В ней вольный дух в седой степи не дремлет,
И сердце кровью пламенной стучит.

Канун весны

Памяти Т.Н. Суровцевой

Глупый ветер, смеясь, студит, солнцем
согретые, крыши.
Так нелепо грустить на пороге весёлой
весны.
Сосны кронами в синь каждой веткою
выше и выше.
Ветер шквалом сорвал с них последние
зимние сны.
Хочешь, я расскажу, как поёт во мне
тихая радость?
Как в душе благодать золотую
сверкает пылью?
Предвкушенье весны — нет для сердца
дороже награды
Тем, кто вечность прожил под зимы
окаянным венцом.
Я приветствую грязь и капель,
и смешную ворону,
Что, на сук взгромоздясь, пресловутого
сыра кусок
Ждёт-пождёт всем нутром, всей печалью
своею вороньей,
И корявою лапой чистит свой
воронёный носок.
Я приветствую мир, всех людей,
что зовутся земляне.
И, особо, детей: вот кто грязью
доволен вполне.
Мне им песню б сложить, ту которую
пели древляне:
О несущей надежду весенней
стихийной волне.

* * *

Долгой памяти — долгая грусть.	Где калитка с железным кольцом.
Тополь мой, прошуми прежней кроной,	Как в былом, поверну его влево
Той пахучестью терпкой, зелёной...	И шагну в тень заветного древа,
Я в твоё волхованье вернусь.	Где так молоды мама с отцом.

Что ж ты, память, подводишь меня?
Где они? Я не вижу их лица.
Время ставит заслоны, границы,
Наши дали от нас хороня.

Только серой калитки проём.
И ладонь от кольца холодеет.
Но бессильная память мертвеет,
И тоскует душа о былом.

Полнолуние

Опять луна, как жертвенное блюдо.
Опять творишь воинственный обряд?
Устало спят мои земные люди
И страхи снов беспомощно глядят.

Но отчего я, как и ты, недвижна?
Стучит висок в бессильную ладонь.
Давно уснул мой самый, самый ближний —
Тревога сна, ты сна его не тронь.

Бледнея, звёзды в мертвенном испуге
Отпрыгнули, как будто от огня.
А ты, магическим очерченная кругом,
Безумным оком смотришь на меня.

Луна, отдай всю страсть свою и силу
Приливом нарастающей волне,
Тревожных рыб пугая зыбким илом,
И серебри их струи в глубине.

Луна, твои я вызнала повадки.
Колдуй в моём распахнутом окне.
Куда важнее чистая тетрадка
И та струна, что напевает мне.

С тебя и этой лихости довольно.
Не всякому такое по плечу.
Моим родным — снов дивное приволье.
Бессонницей за это заплачу.

* * *

На новом месте трудно спится мне:
Неодолимы правила привычек.
Но память, без насмешливых кавычек,
Уже в моём колдует полусне.

Людей, для сердца самых дорогих,
И даже сердцу вовсе и неважных,
Но в памяти бытующих вальяжно.
А может, уже нету таковых?

И воздвигает новый Вавилон
Из давних опрометчивых мгновений.
Ночь бесконечна шествием видений.
Минувшее — вот самый долгий сон.

Так тесно увязались все они:
И враг и друг сошлись в былых эпохах
Я тишину не потревожу вздохом.
Минувшие мне все давно сродни.

Под вечный шелест лёгких тополей
Роятся нестареющие лица.
И каждое готово воплотиться
В театр забываемых теней

Мети же, тополиная метель,
На призрачные стены Вавилона.
Ночь памяти, ты стала благосклонна.
Прости, моя бессонная постель.

* * *

Уже зиме наскучила нужда:
Беснуется пустыми закромами.
А там, а там за синими холмами
Великих Духов белая вражда.

А там, а там зари — взбешённой край,
Где даже солнце яростное тщится
Его согреть, и грозно серебрится,
Воспламеняя изморозный рай.

Мороз и солнце. Истина проста, Туда зима, с пустующей сумой,
Как родственные альфа и омега. Из города уйдёт всего скорее.
Над толщею сияющего снега — На снег, что так уродливо чернеет,
Сияние небесного холста. Она брезгливо лишь махнёт рукой.

* * *

И колхозы, и голод, и план —
Всё в себя утянули, впитали
Эти чёрствые руки крестьян,
Одинакие тёмные шали.

Светлана Сырнева

Это сходство, что горько признать: Выли воем волками ветра.
От натруженных рук и до шали. Выли души людские ночами.
Нет твоих, что могли б рассказать. Всё забыть? Да, наверно, пора.
Нет моих, что не всё рассказали. Жить, в отличие от них, без печали.

Знаю, горе из бездны одной Только память людская строга:
Пили вдоволь и наши, и ваши. Ты забудешь — тебя позабудут.
Голод мерили мерой с лихвой, Жизнь — единой печали река.
Засевая кровавые пашни. Лишь Господь знает, что с нами будет.

Санкт-Петербург

О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Анна Ахматова

Мне бы там в своё время родиться,
Где тумана сирень над Невой.
Где луна — белой ночи волчица —
Стылым призраком над головой.

Я пила бы туманную свежесть
Нетерпением младенческих уст,
Чтобы слова и силу и нежность
С колыбели испробовать вкус.

Там, где Пушкин, смеясь, куролесил
В окруженье подобных кутил.
Острослов, щёголь, мот и повеса,
Но как он, так никто не любил.

Там, где Блок, чистотой идеала
Полонённый, всю жизнь тосковал.

И, блуждая меж сонных каналов,
Всё искал чей-то взгляд, всё искал.

Где поэзия улиц застыла
В обрамленье чугунных оград,
Там Ахматова гордо грустила,
Глядя на Александровский сад.

Город вечной любви и печали,
С вечной лирикой белых ночей,
Его Время в ладонях качает
Под присмотром петровых очей.

Сколько певчих любовно вскачал он
Под баюканье северных вод!
Сколько светлыми вспоит ночами
Этот вечный седой небосвод!

14 июня

Рассвет в окне восходит без стеснения
И, предвкушеньем радостным волнуя,
Напоминает «Нынче день рожденья»
И в лоб меня прятельски целует.

Раз день рожденья, значит, будут гости,
Та горстка, мной любовно сбережённых.
Всё будет симпатично, живо, просто
В дому опрятном и преображённом.

В фужерах вспыхнут чувственные вина,
В тарелках лакомо улягутся салаты,
И тосты излагаться будут длинно...
Потом уедут все в избыточность заката.

Останутся салаты и фужеры,
И это чувство безысходной грусти —
Оно из той необъяснимой сферы,
Что вдруг приходит, да не вдруг отпустит.

* * *

День беззаботно на ветках качается
Праведных сосен, застенчивых роц.
Счастье моё, наша жизнь продолжается.
Радостно видеть: мир так же хорош.

Знаю, что мир, как то облако белое:
Слишком застенчив, чтоб вечно кружить.

Облако нежное, тем уже смелое,
Зная исход — смеет небо любить.

Как хорошо меж делами привычными
Видеть на соснах качание дня
И, сохранив на лице безразличие,
Торжествовать: «Мир, ты любишь меня!»

Настроение

В хмурости сентябрьского дня
Не хочу я вспоминать о лете.
Пусть оно лелеяло меня,
Я о нём не стану петь сонеты.

Не хочу и осень воспевать:
Мне её не избежать капризов,
Наперёд печально сознавать —
Путь её прощанием пронизан.

И зимы убийственную блажь
С волчьим воем горестной метели.
Всё отымет, сколько ей ни дашь
Скудного тепла души и тела.

Моя песня — будущей весне.
Даже не самой, её примете:
Когда в страхе оседает снег
И синица гонит сон поэта.

Первую тревожную капель,
Даже не капель, её приметю.
Под синичью золотую трель
Капнет капля солнечного света.

Капнет в душу и озолотит
Праздничной надеждой до предела
Отнятое стужей воротит
Всё тепло души твоей и тела.

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Покорители Сибири

*Русское наступление в Восточной Сибири
при царе Фёдоре Ивановиче*

Политический курс первых лет царствования Фёдора Ивановича (1584–1598) отличался мудростью и взвешенностью. Россия не могла продолжать упрямое наступление против коалиции сильных соседей, столь дорого стоившее ей при государе Иване Васильевиче. Полки и финансы страны были растрочены без пользы. Ливонская война кончилась поражением и потерей собственно-русских областей на Новгородчине. Ныне следовало защитить то, что ещё оставалось под рукой, накопить силы для возобновления масштабной борьбы в будущем. И правительство возобновило старинную стратегию, несколько ослабевшую в государственном обиходе на закате царствования Ивана IV, — стратегию закрепления русских позиций строительством крепостей.

Новые укрепления возводились повсюду и везде. И там, где ждали наступления врага, и там, где политические интересы России требовали её собственного наступления. В первом случае спешно возведённые «городки» выполняли функцию опорных пунктов оборонительной линии. Во втором — баз для стремления вперёд. В обеих ситуациях новые крепости играли роль «русских островов» посреди «неприятного» окружения. Борис Фёдорович Годунов — вельможа, первенствующий при дворе Фёдора Ивановича, — хорошенько усвоит этот курс и продолжит его, когда сам станет государем.

Стратегией «наступления городами» русское правительство пользовалось и в Сибири.

В исторической литературе — главным образом популярного и публицистического характера — бытует миф, согласно которому русские прорвались в Сибирь при Иване Грозном. Более сдержанный вариант того же: «начали завоевание Сибири» или, чуть осторожнее: «освоение», «присоединение» Сибири. Но в действительности ничего подобного не произошло.

Ермак, нанятый купцами и промышленниками Строгановыми, одержал ряд блистательных побед над сибирскими татарами, занял столицу ханства и тогда уже получил поддержку из Москвы. Однако вся его экспедиция закончилась разгромом отряда и гибелью самого вождя. В нашей историографии, особенно советского периода, Ермака превозносили как «народного героя». Да, он стоит в одном ряду с величайшими колониальными воителями, с тем же Кортесом, например.

Карамзин сказал о нём: «Российский Пизарро, не менее испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества». От подавляющего большинства русских полководцев XVI века Ермак отличается происхождением: московские воеводы вышли из аристократической среды, в худшем случае, из видных дворян, а «сибирский конкистадор» — из казаков. Для советского же времени, когда оценивалась та или иная историческая личность, «демократическое» происхождение играло роль положительного фактора...

Однако нельзя обходить молчанием один простой факт: военное предприятие Ермака в конечном итоге сорвалось. И завоевание Сибири как успех, как одно из главных достижений русского народа за всю его историю, начато было не им. И до Ермака — в XIV, XV и XVI столетиях русские воинские люди бывали в Сибири, брали там ясак, проповедовали Христову веру. На какое-то время сибирские татары оказывались даже в вассальной зависимости от Москвы, притом задолго до Ермака. Но все эти временные достижения не принесли России никакой пользы, помимо репутации сильного и упорного противника. Совершенно так же и Ермак, попытавшись закрепиться, привести бескрайнюю землицу сибирскую под руку московских государей, нисколько не преуспел. На протяжении нескольких лет казачий богатырь играл роль потрясателя Сибири. Он вышел в поход при Иване IV, пережил грозного царя и погиб уже при Фёдоре Ивановиче. Саваном для его тела стали воды реки Иртыш.

Русское дело в Сибири пало. Хан сибирских татар Кучум и иные местные правители воспрянули духом. Незначительные силы, оставшиеся в Сибири, отходили, оставив неприятелю города и земли.

И вот тогда люди с негромкими именами, люди, не называемые на страницах учебников, повели новое планомерное наступление на Сибирь. Это наступление русских отразилось в некоторых летописных памятниках как начало государственного присоединения сибирских земель.

Так, например, в «Новом летописце» сказано, что в царствование Фёдора Ивановича «...посылаху многия воеводы в Сибирскую землю... к Сибирскому царствию розныя языки (народы. — *Д.В.*) подведоша и многие грады поставиша в Сибири: град Тару, Березов, Сургут иныя многие грады»¹. Английский представитель по торговым и дипломатическим делам Джером Горсей подробно рассказывает о венчании Фёдора Ивановича на царство 31 мая 1584 года. Затем, по его описанию, царь с царицей и большой свитой совершают богомолье в Троице-Сергиевом монастыре и возвращаются в Москву. «Вскоре после этого, — пишет Горсей, — царь, направляемый князем Борисом Фёдоровичем (Годуновым. — *Д.В.*), послал войско в Сибирь, откуда шли все богатые меха и соболи. В течение полутора лет войско завоевало 1000 миль»².

Успех огромный, фантастический! Слова Горсея об исключительно быстром продвижении московских отрядов в Западной Сибири на протяжении 1580–1590-х годов, подтверждаются фактами.

Но кто были те «незаметные», — во всяком случае, для историографии советского периода — полководцы, которые совершили колоссальный военно-политический труд? Под их командой небольшие отряды двигались на восток, по неизвестным рекам, по землям, ещё несколько лет назад являвшимся одной огромной terra

¹Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, ч. 1. С. 43.

²Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 147.

incognita. Под их командой велись боевые действия. Под их командой строились остроги, из которых впоследствии выросли мегаполисы. Что же это за люди?

Все это были дворяне из семейств более или менее известных при Государевом дворе, но не знаменитых и не относящихся к служилой аристократии. На протяжении всего XVI столетия в Сибирь ни разу не отправили по-настоящему знатного человека. Нет, русская аристократия того времени отнюдь не состояла из трусов или просто нерешительных людей. Князья и бояре выходили в поле или становились на крепостные стены, когда требовалось встретить грудью крымцев, ногайцев, шведов. Но... колоссальная Сибирь при Фёдоре Ивановиче, да и позднее, — при Борисе Годунове, а также в эпоху Смуты, — ещё только начинала открывать России свой потенциал. О ней в Москве имели весьма смутное представление. А удаление в эдакую даль означало обрыв связей с Государевым двором, утрату влияния на великие державные дела. Поэтому аристократ не торопился стать русским конкистадором. Для него служба «за Камнем» была непрестижной, да и просто неудобной в карьерном отношении.

В Сибирь отправляли на командные должности дворян или, как тогда говорили, «служилых людей по отечеству». Чаще всего кадры сибирских воевод рекрутировались либо из числа служилых невысокой знатности, либо из тех, кто попал в опалу, крепко провинившись перед властью.

Первого действительного успеха в Сибири после страшного разгрома Ермака добился Иван Алексеевич Мансуров — провинциальный «выборный сын боярский»³. Встав во главе маленького отряда, он срубил «Обский городок» (на Оби против устья Иртыша). Здесь Мансуров отбил от наседавшего неприятеля — воинственных остяков, и уничтожил языческого идола удачным выстрелом из пушки⁴. Именно этот человек с куда более скромной биографией, нежели Ермак Тимофеевич, сделал дело как надо — дал русским силам новую веру в успех на просторах Сибири.

Большого Мансуров совершить не мог из-за крайнего малолюдства отряда, находившегося у него в подчинении. В распоряжении Ивана Алексеевича находилось всего «сто человек ратных» и небольшое число казаков во главе с атаманом Матвеем Мещеряком⁵.

Что представлял собой «выборный сын боярский» по тем временам? Он отнюдь не являлся сыном боярина. Так называли относительно невысокий чин на служебной лестнице Московского государства. «Выборные дети боярские» стояли чуть выше огромной массы рядового провинциального дворянства — «городовых детей боярских». Главное отличие состояло в том, что служилым «по выбору» время от времени приходилось проходить службу не в провинции, а в столице. Они проводили в Москве четырёхмесячное «дежурство» и сменялись другими «выборными». Для высшей знати московской — князей Шуйских, Мстиславских, Воротынских, Трубецких — человек с таким чином был просто незаметен. Он никто, его не стоит принимать в расчёт. А вот Годуновы, не столь знатные, но вставшие на важные правительственные посты благодаря тому, что им посчастливилось выдать Ирину Фёдоровну Годунову замуж за государя Фё-

³Мещовский помещик.

⁴Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 256–257.

⁵Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349; Строгановская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 40.

дора Ивановича, таких людей замечали... И давали «худородным» служильцам «именные службы». Иначе говоря, ставили задачи, в результате решения которых имя исполнителя оставалось в «разрядных» книгах, что повышало статус его рода.

Вослед Мансурову пошли воеводы Василий Борисович Сукин (явно старший среди начальствующих лиц), Иван Никитич Мясной, а с ними «письменный голова» Даниил Даниилович Чулков⁶.

Тульский помещик, «выборный сын боярский» И.Н. Мясной должен был считаться опытным военачальником: он хаживал в походы, возвысившись до чина воинского головы, он даже сидел в Орле вторым воеводой. А Орёл тогда был форпостом России на степном юге. Город играл роль опорного пункта в постоянной вооружённой борьбе с набегами крымских ханов. Иными словами, Иван Никитич получил практический навык командирской работы на высоких постах, притом на переднем краю обороны. Этот — уже чуть выше Мансурова. На Москве таких как он — сотни. Но всё же не тысячи: с громадной массой провинциального дворянства ни Мансуров, ни Мясной не сливаются.

Д.Д. Чулков — другой туляк, также служивший «по выбору».

Сукины имели более высокий статус. При Иване Грозном это семейство поднялось высоко. «Родословной» фамилией Сукины не были, но «думные» чины получали неоднократно. Один из них, дядя Василия Борисовича, Фёдор Иванович, даже удостоился боярского чина⁷. А отец В.Б. Сукина, Борис Иванович, имел должность печатника (хранителя печати). И прославились Сукины не на военном поприще, а на «дворовой» (придворной) и дипломатической службе. Б.И. Сукину удалось выдать дочь за князя Д.Б. Приимкова-Ростовского. Он также приходился шурином влиятельным дьякам братьям Щелкаловым. А Фёдор Иванович породнился с могучим боярским родом Захарьиных-Юрьевых. Иначе говоря, для Москвы конца XVI века В.Б. Сукин был фигурой на порядок более заметной, нежели казачий атаман Ермак.

Василий Борисович, кстати, ещё при Иване IV получил «дворовой» чин стряпчего. Во второй половине 1580-х годов, после своей сибирской «одиссеи», он дослужился до чина «московского дворянина», а затем, не позднее 1604 года, стал думным дворянином⁸, т. е. достиг высокого служебного статуса — заметно выше, чем у того же И.А. Мансурова.

Удивительно другое: отправка в Сибирь — явный признак опалы для представителя такого семейства. У власти постепенно укреплялся клан Годуновых, а с ними Сукины союзничали ещё при Иване Грозном⁹. В чём же дело?

Очевидно, все они — и Сукин, и Мясной с Чулковым — оказались в дальних краях, во главе русских войск, шедших против сибирских татар, из-за опалы. Под опалу они могли попасть, ввязавшись в острую политическую борьбу при дворе.

⁶Письменным головой Чулкова именуют лишь Есиповская и Ремезовская летописи. Прочие летописи показывают его самостоятельным воеводой, что, по всей видимости, ошибка. — Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 226, 227; Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349. Впрочем, возможно, Д.Д. Чулков был произведён из письменных голов в воеводы Тюмени после того, как В.Б. Сукин и И.Н. Мясной были отозваны в Москву.

⁷Пожалован в 1561 году. — Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 131.

⁸Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI века. М.: Радикс, 1994. С. 374–375.

⁹Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 66, 113–115.

Возможно, все трое оказались под ударом, когда из Москвы выводили «худородных выдвиненцев» прежнего монарха. В первые два года правления Фёдора Ивановича служилая знать «выдавила» с высоких постов почти всех неродовитых дворян, в нарушение традиций поднятых Иваном Грозным к верхнему ярусу власти. Убирали как дельных людей, так и пустых карьеристов, казнокрадов, мздоимцев. Им крепко напомнили: продвижение по службе зависит, в первую очередь, от «отечества», т. е. принадлежности к определенному семейству; и если семейство это недостаточно родовито, его представитель может лишиться любого карьерного достижения в любой момент. Даже союзничества с Годуновыми В.Б. Сукину не хватило, чтобы избежать отстранения от «дворовой» службы. Или, быть может, он попытался играть какую-то самостоятельную роль, не войдя, хотя бы на первых порах, в «команду» Годунова... Совершенно ясно, что геройство на сибирских просторах оказалось для них своего рода искуплением, платой за право вернуться назад и продолжить службу в столичных условиях. Как минимум, В.Б. Сукину это удалось.

Сукин и Мясной, имея лишь три сотни бойцов, воздвигли острог, из которого поднялась Тюмень. В 1586 году на реке Тюменке, притоке Туры, была построена эта деревянная крепостица и в ней храм — первая из русских православных церквей Сибири. От острожка и храма сейчас ничего не осталось, впрочем, как и от всех наших рубленых крепостей XVI столетия. Но именно из этого истока вытекает полноводная река исторических судеб полумиллионной Тюмени¹⁰. Московское государство вновь получило в Сибири надёжный форпост. Зацепившись за него, легче было продвигаться дальше. Фактически, стремительное, неостановимое движение русских отрядов по сибирским равнинам началось именно с Тюмени. Она сыграла роль ворот на «сибирское эльдорадо», через которые с запада, с земель коренной Руси, хлынули стрельцы, казаки, дворяне, священники, «торговые люди» и, позже всех, крестьяне.

Д.Д. Чулков, получив под команду 500 ратников (по масштабам слабозаселенной Сибири — солидная сила!), основал крепость Тобольск (1587), поставил там Спасскую и Троицкую церкви, разбил и пленил татарского правителя Сеид-хана (Сейдяка)¹¹. Потом, через много лет, Тобольск станет столицей Сибири, обзаведётся мощным каменным кремлем... А изначально это было такое же маленькое, на скорую руку рубленое укрепление, как и многие другие опорные пункты России тех времён, поставленные на опаснейших направлениях.

Что ж, трое опальных дворян, выполняя правительственную волю, заложили основу для необратимого движения русских отрядов к Тихому океану, для завоевания Сибири, расселения там русских людей и распространения христианства. Честь им и слава.

Российское государство тогда строило очень много, невероятно много. Новые крепости поднимались в Поволжье, в степях южнее Оки, укреплялся Смоленск, возникали острожки по берегам Белого моря, началось возведение грандиозной цитадели на Соловках. Москва дважды «подпоясалась» — Белым городом и Зем-

¹⁰Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 226; Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349.

¹¹Строгановская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 42–43; Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 227–230; Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349.

ляным. Иной раз приходилось возводить стены весьма быстро и вскоре драться с жестоким неприятелем за новое укрепление.

В Сибири шёл тот же самый процесс, что и по всей стране, только меньшей кровью и с меньшими расходами. Область, подчинённая московскому государю, расширялась стремительно, росла год от года. Столь внушительного результата достигли, упорно следуя стратегии «наступления городами». В 1590-х строится Лозьва, Пелым (на месте более древнего селения), Тара, Обдорск, Нарым, Верхотурье, Сургут... Враждебные России правители пелымские и кондинские были разбиты, земли эти оказались под монаршей рукой Фёдора Ивановича.

Хотелось бы подчеркнуть: те двадцать с небольшим лет, когда царствовали Фёдор Иванович и Борис Фёдорович, стали временем огромных успехов России в Сибири. Если взглянуть на карту Западной Сибири, дух захватывает, сколь велика пространственная дистанция от Тюмени до Сургута! Между тем дистанция хронологическая ничтожна — менее десятилетия... Движение «встречь солнцу» шло в ту пору стремительными темпами.

И произошло это при тихом, богомольном царе Фёдоре Ивановиче. Без «широковещательных» и «многошумящих» манифестаций, коими столь богато предыдущее царствование.

ОЛЕГ СЛОБОДЧИКОВ

Две даты — два взгляда

*О вере россиян в иноземные,
ложные описания русской истории*

«В Иркутске презентовали самый протяжённый туристический маршрут по следам Великой северной экспедиции 18 века под руководством Витуса Беринга. Проект объединяет 39 субъектов РФ и восемь стран.

Как рассказал автор проекта Ильдар Маматов, в 18 веке экспедиция охватила своими исследованиями северное побережье Евразии, всю Сибирь, Камчатку, моря и земли Тихого океана, берега Японии, открыла неведомые ученым и мореплавателям северо-западные берега Америки...»

В ходе работы круглого стола 12 февраля состоялась презентация проекта для участников турбизнеса, общественных организаций, представителей краеведческого сообщества и историков. По итогам собрания было подписано соглашение о вхождении Приангарья в проект.

Иркутск (ИА Телеинформ)

Не перестаю удивляться менталитету среднестатистического россиянина, гордящегося подвигами иностранных наёмников на службе России. Можно понять, почему их помнят и почитают на исторической родине, которую они оставили ради чинов, денег и благополучия: в отличие от России там с национальными героями напряжёнка. Я встречал на Камчатке норвежцев, получивших по гранту возможность съездить на восточную окраину России, чтобы воочию увидеть места, где явил себя Витус Беринг, и, наверное, рассказать о них, хотя командор не был норвежцем, а туристы — историками, о чём наглядно говорили их натруженные рабочие руки. И всё это несмотря на то, что с XIV века Норвегия была подчинена Дании, а в начале XIX Дания продала её Швеции. И условно освободилась Норвегия от иностранной зависимости только в прошлом веке, разумеется, не без помощи СССР.

Европейский менталитет нам не всегда понятен. Ведь у нас до сих пор вспоминают монгольское иго, с помощью которого Русь устояла против крестовых походов Европы. Почему монгольское иго было ещё и татарским, единого вразумительного ответа нет. Известно, что башкиры и предки волжских булгар, с которыми соотносят себя современные татары, пострадали от монгольских войск куда как больше, чем русские княжества. Европейцам, да и кое-кому из нас, самим трудно понять пристрастие россиян к иностранцам, ведь своих полузабытых героев предостаточно. Разве некое социальное умиление от обратного: дескать, нерусский, а сделал или пытался сделать доброе дело для России? Может быть, так?!

Бизнес есть бизнес. Одним нужно черпнуть впечатлений и духовности, другим дать её, разумеется, за деньги. Но как быть с историей? Она — наука ранимая. Во все времена и во всех странах на её основе пытаются строить идеологию и потому переиначивают, как это требуется определённому классу в определённое время. И

всё же в подавляющем большинстве стран из национальной истории отсеивается всё постыдное, унижительное, а выставляется или придумывается героическое. На примерах героизма предков воспитываются новые поколения.

Миф о Витусе Беринге создавался в XVIII и XIX веках наводнившими российскую науку иностранцами, а в советское время — не вполне добропорядочными писателями, но ни в XIX, ни в XX веках правда о нём никогда не была секретом для историков, которые хотя бы поверхностно изучали эту тему. Не нужно обращаться к архивам, чтобы знать, что нанятый на службу Петром I датчанин бесславно отслужил договорной срок в нижних офицерских чинах и, как ещё положено было в то время, в течение восьми суток должен был покинуть Россию. Наверное, единственной его заслугой в глазах русского императора было то, что в молодые годы он ходил в Вест-Индию. Но Беринг остался в России, приняв православие и женившись на московской барыньке со связями. Дальше в его жизни началось удивительное везение и продвижение по чинам.

Причиной интереса Петра I к восточным окраинам Сибири были имперские амбиции и сведения о том, что американские земли северней испанских владений находятся от Камчатки много ближе, чем от Испании.

В 1723 году царь распорядился сыскать геодезиста Ивана Евреинова, чтобы послать его в новую экспедицию на поиск Америки с востока, но Евреинов умер в феврале 1724 года. В конце 1724 года царь стал искать другого предводителя экспедиции, и его выбор пал на датчанине Витуса Беринга.

Витус Беринг получил от него инструкции и неограниченные права пользоваться людскими и другими ресурсами Сибири. Эти инструкции были написаны царём собственноручно незадолго до его кончины в январе 1725 года:

1. Надлежит на Камчатке или в другом таком месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах (плать) возле земли, которая идет на норд и по чаянию (по-неже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где оная сошлась с Америкой; и чтоб доехать до какого города европейских владений, или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный куст (берег) называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды.

Казалось бы, из инструкции ясно, что царь был хорошо осведомлён о земле за океаном, которая идёт на норд, то есть к северу, но он не знал и хотел узнать, соединяется ли та земля с Америкой, и где. Ради этого затевалась экспедиция.

О том, что Петру I и его окружению было известно об Америке, которая находится где-то за Камчаткой, свидетельств много. Изображение «Большой Земли» на русских картах появилось в 1711 году. В 1722 году по заказу Петра I в Нюрнберге была издана карта Дальнего Востока с изображением пролива и «Большой земли». Экспедиция геодезистов Евреинова и Лужина дошла до острова Симушир и доказала ошибку голландцев, принявших Уруп за Америку. А.П. Соколов в своей книге «Русская морская библиотека» (СПб., 1852) цитирует беседу Петра I с Ф.И. Соймоновым, из которой ясно, что царю хорошо известно о проливе между Чукоткой и «Большой Землей».

О подробностях двух экспедиций В. Беринга можно прочесть у дореволюционных историков В.Н. Берха и П.А. Тихменева, из советских учёных о Беринге писали академик Л.С. Берг, доктор истории А.И. Андреев, Б.П. Полевой.

Первая экспедиция началась в смутное время, после кончины её зачинателя, когда на российский престол была возведена полуграмотная Марта-Екатерина I. Служилый датчанин, в православном мире Иван Иванович, использовал свои права главы экспедиции в полной мере: он обобрал Илимское воеводство, вынуждал жителей гнать водку и торговал ей в пути. Запустил руку в казну Иркутска, изрядно опустошив её. Обобрал Якутск, оставив его почти без лошадей. Во время Второй Великой экспедиции пребывание Беринга в Якутске и Охотске совпало с эпидемией и разного рода зловещими природными знаками, после чего несколько поколений служилых и ясачных людей тех мест верили в то, что тишайший выкрест Иван Иванович и был сам дьявол в человеческом облике.

Беринг очень не любил всякий риск. Добравшись до Охотска, во времена Первой Камчатской экспедиции, он не решился строить бот из местного леса и переправлять на нём экспедиционный груз морем на Камчатку. Груз был перевезён на собаках и оленях берегом в обход Пенжинского залива, более чем за тысячу километров. Чтобы понять, что это за путь, стоило бы проложить там туристический маршрут высшей категории сложности, посильный разве Фёдору Конюхову. Все собаки Камчатки и Охотска на этом пути были кончены. Олени, наверное, тоже, а они составляли основное богатство местных жителей.

Бот строили в Нижнекамчатске, куда, в отличие от Охотска, надо было издалека доставлять корабельный лес: камчатская берёза меньше всего подходит для кораблестроения. Летом 1628 года бот «Святой Гавриил» пошёл вдоль Камчатского берега на норд. Капитана-лейтенанта Беринга не смутило, что с 60-й широты суша круто поворачивает на северо-восток. Известно, что на 65-й широте, в виду Чукотского берега, произошло совещание капитана-лейтенанта и двух его помощников. Беринг со Шпанбергом высказались за возвращение на Камчатку, лейтенант Чириков — за продолжение плаванья, но на запад, к устью Колымы.

То есть все они прекрасно понимали, где находятся, что это пролив между Чукоткой и Большой Землёй, но не повернули на восток, к земле, идущей на норд, а ещё несколько дней плыли на север до 67-й широты. Для меня предложение Алексея Чирикова идти до устья Колымы представляется не иначе, как мука совести честного человека и его стремление сделать хоть что-то полезное. В дальнейшем он зарекомендовал себя очень порядочным офицером, жизнь положившим на поиск Америки с востока России.

Некая двусмысленность в наказе царя, конечно, была, но двусмысленность для совершенно непосвящённых в мореходстве и особо тупых, каковым Пётр I не мог считать В. Беринга. Были разногласия и среди руководства экспедиции: первый помощник Беринга А.И. Чириков в 1732 году писал, что «экспедиции надлежало дойти до гишпанских владений Мексиканской провинции». Но, несмотря на официальные письменные протесты своего первого помощника, Беринг приказал развернуть бот в проливе, названном его именем, и взять обратный курс.

На этом пути «Святой Гавриил» сделал несколько галсов вблизи суши, якобы в поисках другого континента. Но с бота не увидели даже острова, ставшего впоследствии могилой командора, хотя он находится в двухстах километрах от Камчатского мыса и вблизи Нижнекамчатска.

Известно, что летом 1729 года Беринг сделал попытку пойти на восток, но ему воспрепятствовали туманы и шторма. Календарным летом на Камчатке очень часто бывает ненастная погода, но там обычно прекрасная осень. В дальнейшем промышленные люди чаще всего отправлялись к Алеутским островам в сентябре.

С Кроноцкого мыса они высматривали признаки нынешнего острова Беринга и шли на него на примитивных шитиках и карбасах.

Мне не известно точное время отъезда Беринга с Камчатки, но в начале марта 1730 года руководство экспедиции было в Петербурге. По грубой прикидке, даже с теми огромными полномочиями, которыми был наделён глава экспедиции, но при его нелюбви к риску и дискомфорту, раньше чем за полгода добраться в столицу он не мог. Следовательно, осеннее затишье океана не было использовано для плавания на восток.

Логика оправдания Беринга всеми известными мне историками за Первую экспедицию строится на том, что если бы он явно не выполнил наказа Петра I, то по возвращению в Петербург был бы наказан, а не награждён.

Уже во второй половине XX века Б.П. Полевой («Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I». Петропавловск-Камчатский, 1964) пришёл к заключению, что Беринг должен был плыть к Америке, и не на север, а на восток, а затем на юг вдоль побережья земли, идущей на норд, земли, о которой хорошо знал царь Пётр. И это утверждение учёного было воспринято едва ли не революционным.

Но и он далее утверждал, что Беринг и его спутники просто не поняли истинного значения наказа и пошли на север. Хотя, повторюсь, если взглянуть на карту, то идти на север можно только вдоль берега Камчатки до 60-й широты, затем суша круто поворачивает на северо-восток. И шёл бот Беринга вдоль побережья Чукотки, по аргументации Полевого, чтобы отыскать перешеек, который на одной из старых карт Николааса Витсена обозначен как предполагаемый им перешеек, соединяющий Чукотку с Америкой. Будто ту карту уже в пути на Камчатку Берингу показал исследователь Сибири Мессершмидт и сбил его с толку. По Полевому этот перешеек Беринг и искал на 67-й широте. Но он же, голландский географ Николаас Витсен, не раз упоминал о старинных русских походах с реки Лены до реки Камчатки. Обо всём этом подробнее и о перечне литературы можно прочесть в «Истории Русской Америки» в томе I под редакцией академика Н.Н. Болховитинова (М., 1997).

Я не занимался темой Беринга тщательно и не встречал иных точек зрения кроме изложенной. Но как человек, переживший перестройку, знаю, как ловко выворачиваются откровенные казнокрады, оставаясь на своих должностях. К тому же имею убеждение, что нельзя рассматривать образ и действия человека вне исторического времени. А обратившись к нему, невольно приходишь к вполне определённом выводу.

Петра I сменила его жена Марта-Екатерина I. При ней, фактически, Россией управлял А. Меншиков. В 1727 году императрица умерла, на престол был возведён пятнадцатилетний Пётр II (Алексеевич), внук Петра I. Новый император стал отменять и смягчать некоторые нововведения деда. При нём началась интрига между Меншиковым и Долгорукими, которая закончилась тем, что в сентябре 1727 года Меншикова выслали из Петербурга, а в январе 1730-го Пётр II умер, грубо говоря, оставив с носом Долгоруких. Верховный Тайный совет, поддержанный гвардейцами, выдвинул в императрицы Анну Иоанновну, вдовствующую герцогиню Курляндскую. 8 февраля 1730 года она подписала «кондиции» — условия своего правления, а 8 марта публично отказалась от них. А это значило, что партия её фаворита Бирона, наблюдавшая за интригой Меншикова-Долгоруких, откровенно победила и ликовала. И уже 16 марта (через неделю!) состоялся официаль-

ный отчёт В. Беринга в С.-Петербургском офицозе, где его поддержал академик Г. Миллер и другие влиятельные немцы, которые и дали экспедиции оценку, до сих пор повторяемую историками: при нулевом результате плавания составлены карты, подтверждено, что пролив между материками существует.

И всё это после, якобы, подзабытых походов Дежнева, Рубца, Стадухина (1648–1666), казака Попова, не говоря о чукчах, и без малого восьмидесяти годах плаваний русских казаков и промышленных людей возле того самого берега, где прошёл «Святой Гавриил».

В то же время Адмиралтейская коллегия представила, что Беринг «даже до ширины 67 градусов ходил», хотя по данной ему Петром инструкции надо было искать, где «Камчатская земля с Америкой сошлась» (цитирую по Н.Н. Болховитинову). То есть в условиях марта 1730 года и триумфа вчерашних гастербайтеров Адмиралтейская коллегия даже угодливо, хоть и двусмысленно, похвалила В. Беринга.

Круто, не правда ли?

Повезло ли капитан-лейтенанту, вскоре ставшему капитан-командором, или всё было им просчитано, не знаю. Этим надо заниматься дотошно и основательно. Со специалистами по этому вопросу я не встречался и не беседовал. Но из того, что я читал о нём в научных трудах историков XIX века, мне представляется, что тишайший выкрест Иван Иванович Беринг становился деспотом, когда дело касалось его личной безопасности и материальной выгоды. Я думаю, он с самого начала путешествия прекрасно понимал, что в той политической обстановке, которая возникла после смерти Петра I, ему, В. Берингу, с его огромными полномочиями, достаточно хоть куда сходить по морю от Камчатки, чтобы вернуться и отчитаться за экспедицию. Наверное, здесь и кроется ответ на вопрос, почему он так поразительно недопонял наказ царя. Судя по биографии служилого иностранца, трудно отказать ему в сообразительности.

Один из указов Петра I гласил примерно так: за неисполнение приказа бить палкой, а за дотошно исполнение, какое приносит вред делу, — бить вдвойне. Скорей всего Пётр I повесил бы своего капитан-лейтенанта за такое исполнение наказа, но при Анне Иоанновне Беринг получил повышение в звании, денежное вознаграждение и был назначен главой новой экспедиции, план которой сам и представил. На этот раз он предлагал плыть не на север, а на восток. Есть много прямых и косвенных свидетельств тому, что Беринг готовил эту экспедицию для другого руководителя, но перестарался, демонстрируя свое геройство и знание Сибири. Выбор снова пал на него. По-моему, об этом убедительно писал то ли П.А. Тихменев, то ли В.Н. Берх.

Между тем Аляска, «земля, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки», в очередной раз была открыта летом 1732 года к востоку от Чукотки, с того же самого бота «Святой Гавриил», и её открытие принадлежит не Витусу Берингу, а геодезисту М. Гвоздеву, мореходам И. Фёдорову и К. Мошкову.

Перед Второй Великой Камчатской экспедицией было поставлено много целей, но главная из них — поход на восток к берегам Америки. Наверное, команда Бирона после своего триумфа, кроме географических открытий, желала пропиарить себя всей Европе, поскольку это была самая дорогостоящая экспедиция того времени.

Воровство и казнокрадство во время этой экспедиции пышно процветало. Наёмники, да и русские участники постоянно ссорились, писали доносы друг на дру-

га, которые стоит издать отдельной книгой, чтобы понять менталитет российских дворян-интернационалистов того времени. Жена Витуса Беринга, московская бабынька со связями, была арестована в Иркутске с грузом сукна, вывозимого ей с Камчатки, после того как оно было завезено туда для экспедиционных целей. Якобы погибшие якутские кони стали собственностью морехода Шпанберга. Исчезли, а потом объявились в Европе первые карты Камчатки и многие другие раритеты. Тайно пересылаемые с экспедиционной почтой меха гнили на иркутской таможне. Притом удивительно чистым и нравственным человеком оставался едва лишь не один Алексей Чириков, отказавшийся от блестящей придворной карьеры ради поиска новых неоткрытых земель в Тихом океане.

А Витус Беринг на Камчатке делал всё возможное, чтобы оттянуть выход пакетботов на восток, или добивался быть отстранённым от этого плавания. Но у него не получилось увильнуть от обязанности командора. После семи лет отписок о невозможности выйти на поиск Америки, из Петербурга пришёл жёсткий приказ, и летом 1741 года два пакетбота отправились на восток. Припас провизии на судах был на полтора года. В случае если пакетботы потеряют друг друга из виду, по инструкции, данной командором Берингом капитан-лейтенанту Чирикову, они должны были встретиться на 58-й широте в виду суши и дожидаться один другого.

Первым подошёл к берегам Северной Америки пакетбот «Святой Павел» под началом Алексея Чирикова и встал на рейд в виду суши. На воду была спущена шлюпка, часть экипажа ушла на разведку и не вернулась. Десант ждали долго. С корабля спустили вторую и последнюю шлюпку. Люди с неё высадились на видимой части суши, пустили сигнальную ракету, сообщая о благополучном прибытии, затем пропали из виду и навсегда исчезли.

Тяжёлый, неповоротливый пакетбот «Святой Павел», предназначенный для плаваний в арктических широтах, вынужден был идти вдоль суши к северу, к обусловленному месту встречи, потеряв все шлюпки и 15 человек экипажа. С корабля увидели место высадки беринговских людей со «Святого Петра», поставленный ими крест, но самого пакетбота не было. Прождав несколько дней, почти без запаса воды, «Святой Павел» Алексея Чирикова пошёл вдоль суши к северо-западу, блуждая в заливах материковой Аляски. С большими потерями и большим экипажем пакетбот вернулся на Камчатку.

«Святой Петр» под началом Витуса Беринга увидел берега Америки и подошёл к ним позже чириковского «Святого Павла». Вид суши озадачил и испугал Беринга. По свидетельству очевидцев, он был потрясён и бормотал: «Нет, это не Вестиндия!» Учёные с матросами высадились на остров, одни заполнили бочки свежей водой, другие собрали уникальные данные о континенте, но пробыли они на суше всего десять часов. Затем, несмотря на яростные протесты учёных и части экипажа, Беринг в очередной раз явил свой деспотичный нрав: командорской властью приказал поднять якорь и сумел заставить почти взбунтовавшийся экипаж выполнить его приказ, казавшийся большинству самодурством. К тому же он нарушил им самим данные инструкции и бросил на произвол судьбы экипаж «Святого Павла» без шлюпок и воды. Так мог поступить только паникёр. И можно ли иначе объяснить поступок командора, стоивший жизни ему самому и почти половине его экипажа? Об этом можно прочесть у Тихменева, других, указанных выше историков и члена экипажа Беринга натуралиста Г.В. Стеллера в его книге «Последняя экспедиция Витуса Беринга» (перевод Е.Л. Станюкевича. М., 1995). «Время, затраченное на исследования, — написал учёный, — было

обратно пропорционально времени, пошедшему на подготовку к ним: десять лет продолжались сборы, и всего десять часов ушло на дело» (цитирую по Н.Н. Болховитинову).

Возвращение «Святого Петра» совпало с самым неподходящим временем противных ветров и штормов. Холод, сырость, отсутствие горячей пищи вызвали цинготный мор экипажа. С большими трудами и потерями пакетбот подошёл к острову, ныне носящему имя Беринга, и был выброшен на сушу. Здесь и упокоился знаменитый командор, а по его вине едва ли не половина экипажа.

Финансирование экспедиции к этому времени было прекращено. Служилые иностранцы-мореходы не пожелали задарма искать пропавший «Святой Петр» и своего командора. Весной, сам больной и с больным экипажем, на поиски отправился Алексей Чириков.

Это было время, когда не только политикой, но и наукой командовали европейцы. Когда профессорами Российской Академии ставился вопрос о том, чтобы русских детей в Российскую Академию не принимать, а потомки древнейших русских фамилий корявили русский язык, подражая иностранцам. В те годы происходили чудовищные бездоказательные извращения иностранцами древней русской истории, живущие в умах россиян поныне. Против них яростно и малоуспешно протестовал первый русский академик М. Ломоносов.

Это было время, когда дедовские булатные сабли меняли на копеечные французские шпаженки (как это все напоминает недавнее перестроечное годы!) и появлялся новый российский субэтнос, по выражению Льва Толстого, французская диаспора татарского происхождения в русских степях, то есть дворяне. Ссылаясь на публициста М. Меншикова, к началу XX века только 17 процентов из них соотносили себя с русским народом по духу и происхождению, многие российские дипломаты, такие как фон Савины, фон Арбузовы, не умели говорить по-русски. В контексте того времени можно понять, почему был прославлен Витус Беринг и остался в его тени Алексей Чириков.

По той же причине Чукотское море стало Беринговым, как Студеное — Баренцевым, только на том основании, что в конце XVI века там погиб голландец Виллием Баренц, искавший северный путь на корветах. Русские кочи и кочмары задолго до той экспедиции ходили на Шпицберген и Медвежий острова, открытие которых приписано голландцам.

Но вернёмся к началу статьи. «Самый протяженный туристический маршрут по следам Великой северной экспедиции 18 века под руководством Витуса Беринга. Проект (Ильдара Маматова) объединяет 39 субъектов РФ и восемь стран». Как всякий туристический маршрут по местам исторической славы он не может быть зрительно-природным вроде Великой Байкальской тропы. Этот маршрут, в силу его специфики, надо подпитывать исторической информацией. Приведённые выше факты из биографии главного героя проекта не подходят для того, чтобы сопровождать путешествие, значит, они должны быть изменены и заменены вымышленными. Миф о Беринге уже создан в умах россиян, и не в их пользу. Чтобы выколачивать деньги из любопытных туристов, его придётся усилить исторической ложью, которой в нашей исторической науке и без того слишком много.

Достаточно взглянуть на карту российских владений, чтобы задать вопрос, который уже ставился в конце XVIII — начале XIX века: европейцы, или русичи — «натопре русси», как тогда по-французски называли природных русских людей, были

первооткрывателями Северо-Востока России, естественно, за российские деньги. Беринг, Врангель, Коцебу, Биллингс, Шмидт и другие европейские наёмники оставили на карте свои имена. Среди них скромно и мелким шрифтом о. Чирикова, мыс Дежнева, Стадухинская протока и селение, Ожеговский приток Колымы. Между тем мало кто помнит, что в нашем 2018 году круглая дата — 370 лет, как наши предки обошли континент и вышли в Тихий океан. Сохранились десятки имён и фамилий, для которых дойти до конца Сибири и Великого Необходимого Камня — хребта, протянувшегося от Байкала до Анадыря и Камчатки, было смыслом их жизни, и они заплатили за первенство своими жизнями.

Именно иностранцы оставили записи об ужасах высоких широт, о том, как при раскалённой жестиной печурке переборки каюты покрываются льдом, и прочее. Наши предки были очень скромны в описании невзгод и трудностей, им всё это «было в обычае». В путешествия отправлялись, как правило, за свой счёт, в надежде на подножный корм, голод был обычным явлением. Если в кочах ещё можно было как-то укрыться от сырости и стужи, то карбасы и струги — это открытые лодки, ночлеги под кожаным парусом. И эти подлинные первопроходцы на якобы примитивных судах совершали в XVII веке плавания, которые в следующие двести лет не удавались иностранцам при их высочайших жалованьях, при хорошем обеспечении, на лучших для того времени кораблях. Что это? Божья воля, страстная молитва (кто смертушке своей в глаза не глядывал, тот истинно не молился!), или подлинные первопроходцы были сверхлюдьми?

Жалованье правителя и первопроходца русских владений в Америке Александра Баранова было в десять раз меньше, чем жалованье более позднего правителя Врангеля, а вклад их в дела Российско-Американской компании несопоставим. Невольно приходится задумываться, почему Россия, или её правящая часть, так целенаправленно унижает своих и превозносит чужих? Почему так принижается национальная история, а следовательно, и национальная идеология?

В отличие от России, Китай только за последние 800 лет трижды завоевывали монголы, маньчжуры и японцы. Но благодаря национальной идеологии и монгольские, и маньчжурские императоры уже в следующем поколении становились патриотами Китая и врагами своих исторических стран. На Руси в России-СССР-России, по крайней мере, со времён устранения Ивана III и его наследного сына, с воцарения полувизантийца по матери Василия III, всё хорошее и героическое, присущее русскому народу, надо скрупулёзно доказывать, всё плохое принимается на веру с полунамека.

Есть какая-то логика в том, что финнов русской кровью и штыками вытащили из-под шведов и получили русофобствующую фракцию в Государственной думе Российской Империи. Страны Прибалтики выкупили у ливонцев и тевтонов, которым их сбывла Польша, а в благодарность русский народ получил зверствовавших палачей и ненавистников России. Освобождая Молдавию от турок, царь-император Пётр I с женой-немкой был пленён и соглашался отдать за свой выкуп всю Россию, кроме Петербурга. Сговорились дешевле, и европейское иго не сменилось турецким. В результате на памяти ныне живущих — Приднестровье. Долгую войну с Польшей за европейскую окраину — Украину, помогли замирить 140 000 золотых талеров, внесённый выкуп за Киев. Результат был налицо ещё в 1918 году, когда Украинская Рада единогласно проголосовала за сдачу страны Германии, чтобы освободиться от России и вернуться в Европу. Православная Грузия 200 лет просила помощи у России. Это из-за неё до сих пор кровоточит мусуль-

манский Кавказ. Кто сочтёт, сколько русской крови было пролито в закавказских походах за освобождение армянского народа, затем народов Средней Азии! В экономику всех этих стран, включая Китай, были вложены огромные деньги, собранные, естественно и в основном, с русского народа. Даже Германия была создана русскими штыками и русской кровью из мелких европейских княжеств и графств, а выкормлена русским хлебом. Награда — две кровопролитные войны. Одна из них под началом кровных родственников: дяди и племянника, другая не без помощи родственников царей Романовых, носивших мундиры «СС».

Потомки Романовых, словно отслужив Европе, миллиардерствуют там же. За 300 лет правления Россией один только Александр III не проливал бездумно русской крови ради европейских и азиатских интересов и удостоился доброй народной памяти.

Обеспечив потомкам и родственникам европейское благополучие, почил в СССР Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев и последующие правители. Дети нынешних высокопоставленных чиновников получают европейское образование и униженно просят вид на жительство в заурядных западных странах. Наверное, дело далеко и не только в инородческом элементе правительства, но и в русском менталитете, и стоит задуматься, отчего вот уже 500 лет что-то не так в нашей идеологии или национальном мировоззрении?

В США, Израиле, до недавнего времени в Европе, из разноязыкого, разнорасового сброда делается сплочённая нация. И это им удаётся. В России же национальный монолит и национальное самосознание век за веком разрушается попытками сделать из русича то русского, то великоросса или русскоязычного, то человека светлого будущего, затем россиянина, а пожинается русофобия среди народов, благополучие которых основано на русской крови и русских деньгах.

Русский шовинизм, которого так боится весь мир, представляется мне в виде забавной аллегии. Русский человек по крови и духу, при дефиците национального достоинства, подсознательно чувствует своё первородство и превосходство перед другими народами. Но ему, гиганту, стыдно за этот Божий дар. И, скрывая от малых народов своё тайное знание, он ползает на четвереньках среди карликов, стараясь показать, что он такой же, как все. А карлики, глядя на него, думают, что гигант их дразнит, и люто ненавидят его за это.

Так не пора ли им, великанам, стать самими собой и позаботиться о себе, поскольку кому, как не русскому народу известно, что, не накормив, не напоив, врага не наживёшь. Вдруг и уважать станут?! Но чтобы распрявиться и обрести национальное достоинство, нужно, как минимум, очистить историю русского народа от злых сплетен и не подменять её историей правящего сословия. И зачем, пусть ради больших денег, возвеличивать разного рода гастарбайтеров, унижая при этом своих предков, своё национальное достоинство, и подрывать национальную идею, которую мы всё никак не можем сформулировать?..

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

Семейский корень

Очерк о забайкальском старообрядчестве

Мы должны быть благодарны старообрядчеству за то, в первую очередь, что на добрых три столетия оно продлило Русь в её обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба, быть может, не меньше, чем защита Отечества на поле брани.

Валентин Распутин

Старообрядцы... Изначально и томительно влѣк к старообрядчеству интерес народоведческий: старообрядцы... в Западной Сибири — *кержаки*, в Прибайкалье — *семейские*, в Забайкалье — *поляки*... старообрядцы веками оберегали душе-спасительный семейный и родовой домострой, и сквозь три столетия, не распле-скав на ухабах и колдобинах, в исконной красе и мудрости донесли до минувшего века исконную и украсную русскую речь, многоголосое древнее пение, обычаи, обряды, искусное ремесло. Старообрядчество консервативно хранило иско-нную народную культуру, крепко держась старославянских корней, как хранило и православную от ветхих времѣн, а посему всю русскую народную и религиозную этику до раскола можно считать старообрядческой. А выразился мой интерес к старообрядчеству в изучении семейских обрядов и обычаев в фольклорно-этно-графической экспедиции по семейским сѣлам Забайкалья и творчески воплотился в очерковых и сказовых сочинениях: повесть «Не родит сокола сова», рассказ «Ку-пель», очерки «Родова», «Мать-сыра земля», «Творение русского духа. *О трило-гии Владимира Личутина «Раскол»*, «Слово о величии и скорби. *О родове, судьбе и творчестве писателя Глеба Пакулова*».

Автор очерка, прихожанин Иркутского Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма Московского Патриархата, высоко оценивая крестьянский талант, домостройность, исконный русский дух в речевом, песенном, сказовом, художе-ственно-прикладном творчестве, в обычаях и обрядах староверчества, воспев старообрядчество в повествованиях, тем не менее, согласен со святыми отцами, обличавшими «огнепальцев» в расколе; а среди обличителей преподобный Сера-фим Саровский, святители Димитрий Ростовский, Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, Иоанн Кронштадтский, иже с ними и другие святые, в земле Рос-сийстей просиявшие. А кто прав, кто виноват в церковном расколе, о сем в моѣм очерке «Древляя вера»; в нынешнем же очерке о мистической русской трагедии лишь бегло поминается, а речь пойдѣт о великой роли старообрядчества в хозяй-ственном, этическом, эстетическом укреплении русских в Восточной Сибири.

Писательский интерес мой к старообрядцам Забайкалья явился не случайно: дед мой, Лазарь Ананьевич Андриевский, и бабка, Вера Александровна, в девиче-стве Линеицева, породившие двадцать два чада, жили в староверческом селе Ба-рахоево Красночикоийской волости Забайкальского края, где родилась и моя мама

Софья Лазаревна. Из Барахоево семейство Андриевских укоевало в Еравнинский аймак, что на северо-востоке от Верхнеудинска (ныне — Улан-Удэ). Дед Лазарь... дал Спас по щедрости... прожил сто шесть лет: пятьдесят — в девятнадцатом веке, пятьдесят шесть — в двадцатом; и я, родившись в 1950 году, частенько гащивал у деда Лазаря — старик доживал у маминой сестры Валентины Лазаревны в селе Погромна.

Однажды я уже толковал и ныне вспомню: «Коль Андриевские вышли из «староверческого»¹ кореня, то знаменитый этнограф Фирс Федосович Болонев в книге о семейщине и меня вписал в старообрядцы². Хотя и лестна эдакая запись, но к старообрядцам себя не отношу, ибо и матушка моя... похоже, единоверка... на закате минувшего века молилась в патриарших церквях, и я крещён в патриаршей церкви, и держусь общеправославных обрядов. Да и родичи мои по отцовской ветви — забайкальские гураны³ — чурались староверов: горделивы, скрытны, скуповаты, хитроваты, вроде иудеев, и любят не столь Бога и ближнего, сколь дедовские обряды. Словом, обрядолюбцы...

Андриевские... Даже сама фамилия широко разошлась по староверчеству, будучи польского происхождения, ибо, как поминалось, староверы во второй половине XVII века «утекли» в польские земли (Стародубье, Ветка), отчего их на Алтае, а иногда и в Забайкалье, величали ещё и *поляками*, польскими переселенцами. В царствование Екатерины Великой староверов переселили в Сибирь, куда они захватили вместе с некорыстным скарбом и обретенные на польской земле шляхетские фамилии.

В те досельные лета... при царице Екатерине Великой... из Юго-Западной Руси в Сибирь укоевало более трёх миллионов русских; и народец, подобно Андриевским, подбирался жилистый, на крестьянскую колодку скроенный, смолёной дратвой сшитый, на работу жадный, доподлинно ведающий земное разноцветье-разнотравье, всякое древо и куст, небесные светила и стихии, и от вселенского знания постигший уйму верных примет на плодородие на матери-сырой земле. Распахивались приречные и приозерные долины, выжигалась и корчевалась тайга под пашни, рубились избы, скотные дворы, стайки, амбары, но перво-наперво зазывно и спасительно зазвенели колокола сельских церквей. Коль церковь засияла куполами в небесах, значит, православные осели надолго... навсегда, душой и духом вращая в Беловодье. <...>

Маотно далось Андриевским переселение с тёплых земель в студёное Забайкалье, где глухоморная тайга без края да степи без огляда, и обживаться на голой кочке нелегко, но благодаря азартному трудолюбию, терпению, выносливости, неприхотливости, благодаря крестьянской сметливости обзавелись переселенцы крепким середняцким хозяйством.

Но, видимо, Лазарь Андриевский откачулся от чистых и неуклонных старообрядцев в *обмирищанники*, в *единоверцы*, словом, уже не чурался и не избегал новоправославных церковных обрядов. А мать моя, Софья Лазаревна, в девичестве Андриевская, уроженица того же семейского краснотойского села Барахоево, вышедшая замуж за коренного сибирца, искренно верующая, будучи в Иркутске, уже молилась в тамошних церквях, а вот двумя перстами или тремя, хоть убей не

¹Говоря о поборниках старых обрядов, автор называет их «староверами», но пишет в кавычках, ибо святой Феофан Затворник и другие святые отцы, писавшие о расколе, наоборот, патриаршую церковь назвали староверческой, а «огнепальцев» — нововерами.

²Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985.

³Гураны — русские забайкальцы, помешанные с эвенками или бурятами.

помню — по молодости редко гостил я в церквях. Но дед Лазарь не был и *поганистым*, отвергающим напрочь древнее благочестие, не предавал анафеме молельни, где когда-то, возможно, тянул вслед за уставщиком наречённую молитву, знаменитую тем, что «пока строчку наречённого споёшь, можно любовную песню спеть», хотя при этом уже и не брезговал единоправославными патриаршими церквями.

Всё же, вероятно, *обмирицаннику* нелегко было жить среди истых «староверов», о чём свидетельствует запись в «Словаре русских говоров Забайкалья» Лазаря Элиасова: «После Катьки-распутницы, которая нас сюда прогнала через всю матушку Расею и Сибирь, тут у нас на месте *обмирицанники* появились, ну, как бы богоотступники, которые говорили, что только креститься надо двумя пальцами, а всё остальное надо делать и молиться так же, как никонианцы. Мы на этих *обмирицанников* беду накликали, анафеме предали, стали молиться так, как наши деды и прадеды молились»⁴.

Посему-то, может, в начале двадцатых годов *обмирицанник* Лазарь Андриевский со многочисленным семейством укочевал из Красного Чикоя на северо-восток Забайкалья, поближе к священному морю Байкалу, где по первости обитал в сёлах Фёдоровка, Гавриловка, что приказали долго жить...»⁵

* * *

Попутно с *никонианами погаными* старообрядцы винили боярство и дворянство, винили справедливо, за то, что пали в бесовский искус европейского книжного просвещения, суть обезбоженного мистицизма либо откровенного демонизма. Дворяне предательски приотворили русские ворота западному чужебесию. Историк Василий Ключевский о кануне раскола пишет: «В XVI веке в русском обществе сложился... взгляд на объединительницу Русской земли Москву, как на центр и оплот всего православия. Теперь было совсем не то... <...> На место падающей веры в родную старину и в силы народные является уныние, недоверие к своим силам, которое *широко растворяет двери иноземному влиянию* (выделено мною. — А.Б.)⁶». А Пётр I, презиравший русскую народность, упразднивший Патриархию, повелевший брить бороды и носить прусские и голландские бабы рейтузы, широко распахнул ворота падшему Западу, и хлынул в Россию бурный поток искусительной отравы, заразивший и сгубивший дворянские души. «*Величие*» Петра — *великая* попытка яростного западника сбить Россию с народно-православного, крестьянски самобытного, горнего (*божественного*) пути на дольную (*земную*) дорогу, устланную сладострастными цветами, ведущую душу в погибельную тьму, где вечные муки, где огонь, червь и скрежет зубовой. Вторую *великую* попытку сбить Россию с горнего пути предприняли красные дьяволята, укравшие российскую власть, кроваво вздыбившие русское царство-государство; и неслучайно, попутно с православными храмами сокрушив памятники царям, помазанникам Божиим, оберегали, лелеяли памятник Петру, словно первому большевику.

Любя церковные обряды от отичей и дедичей, свято чтя азы и буки богослужбных книг, некая часть православных выразила *протест исправлению веры*,

⁴Элиасов Л.Е. *Словарь русских говоров Забайкалья*. М., 1980.

⁵См.: Байбородин А.Г. *Родова : очерк // Тальцы*. 2005. № 2. С. 74–88; *То же // Сиб. огни*. 2005. № 6; *То же // Сиб. Афины*. 2005. № 5.

⁶Ключевский В.О. *Курс русской истории*. М., 1988.

отчего старообрядцев именуют ещё и *протестантами*; и русское священство, русское царство, где пряником, где ботагом, где ласково, где люто пытались вразумить неистовых древлеверцев, но лишь раззадорили. Большая часть староверов, убегая от царских утеснений, обрела приют в тогдашних польских землях — Стародубье, Ветка. Старообрядческий беспоповец Иван Алексеев писал: «И к новшествам принуждающе силою и муками; коих страшных прещений, не могуще носить, многие народы оставляюще свои природные места, сродники и други, течаху в Стародубскую область и тамо пустыни населяющее»⁷.

Об этом же писал и Андрей Иоаннов (Журавлев)⁸, старообрядческий летописец XVIII века: «И тамо вси пришедшие с Козьмой⁹ числом 20 поселишися при реце Ревне в лето 7177 (1668) в местечке Понуровка. <...> Русаки наши, как узнали друг от друга малороссийскую дорогу, то беспрестанно один за другим туда приходили, и редкий беглец при собственном имени оставался для того, чтобы в случае поисков нельзя было познать их»¹⁰.

Вот корневая причина отчего иные староверы пришли в Забайкалье с заёмными, нередко и польскими фамилиями, отчего прозывались *поляками*, как, скажем, Андриевские, мои родичи по материну крылу.

В тогдашних польских землях, входящих в Царство Русское, поначалу крестьяне не страдали от государева утеснения, от крепостного помещичьего гнёта и могли свободно переходить от пана к пану и даже вольно осваивать дикие земли. Русские мужики с трудовым азартом и размахнулись во всю мощь и ширь крестьянского таланта. «Вкусив свободу, русский человек осваивал новые земли, строил дома, развивал ремесла и торговлю. Крестьянские повинности были незначительными»¹¹. Но и польские паны не дураки: дозволив русским крестьянам освоить пустующие земли, стали притеснять похлеще российских помещиков. Несмотря на временные вольности, староверы чувствовали себя в польских землях духовно неуютно — кругом *поганые латиняне*, и христианство их — ересь жидовствующая. «Польша становится для старообрядцев вторым отечеством, но в то же время землею «поганой, неверною», — писал исследователь старообрядчества, академик Д. Анучин¹².

И, наконец, при царице Екатерине II (1760–1768) старообрядцев *семьями* (отчего и *семейские*) переселили в Забайкалье для устройства устойчивого хлебопашества. И уже к середине XIX века семейские освоили все отведённые им земли. Часть староверов, прозванных кержаками, осела в Западной Сибири, на Алтае, часть ушла в Приамурье, но самые крупные локальные поселения старообрядцев возникли в Забайкалье — бывшем Верхнеудинском уезде, и в Забайкальском крае.

⁷Цит. по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994.

⁸Андрей Иванович (Иоаннович) Журавлёв (более известный как Андрей Иоаннов; 9 (20) августа 1751, Москва — 19 марта 1813, Санкт-Петербург) — протоиерей Русской Православной Церкви, деятель единоверия, историк старообрядчества. Изначально сам старообрядец, принадлежал к беспоповскому толку федосеевцев. Был хорошо знаком с учениями старообрядческих согласий. После присоединения к православной Церкви был рукоположен в иерея и в 1787 г. назначен священником Большеохтинской кладбищенской церкви в Санкт-Петербурге. Когда на юге России в рядах старообрядцев возникло движение к единоверию, Санкт-Петербургский митрополит Гавриил (Петров) в 1788 г. отправил отца Андрея в стародубские слободы на Черниговщине для содействия им. Обратив в единоверие значительную часть населения Климовского посада, Журавлёв обустроил единоверческие церкви в посадах Клиновском, Злыньском, Зыбковском и в Никодимовой пустыни и собрал много редких материалов и устных преданий о первых временах раскола. В 1791 г. вернулся в Петербург протоиереем.

⁹Поп Козьма из прихода на Кулишках в Москве.

¹⁰Иоаннов (Журавлёв) А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. Ч. IV. СПб., 1795.

¹¹Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

¹²Цит. по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

Изрядную путаницу в историю и этнографию старообрядчества привнесли, как ни печально, те, кто исследовал и описывал «старую веру» в XX веке: одни от слепой *национал-патриотической* восторженности перед поборниками *огнепальной* веры, исповедниками *древлеотеческого* церковного чина, хранителями нравственной крепости, русской старины; другие, видя в старообрядчестве лишь обрядолюбие и религиозный фанатизм, культурное невежество и национально-этическую замкнутость, которая неизбежно приводит к «замиранию» и последующему вымиранию или растворению этноса среди других этнических сообществ; третьи и вовсе от безбожного, материалистического взгляда на раскол, своевольно опуская его с религиозно-мистических высот до социально-сословной неприязни крестьян к помещикам и царской власти.

Не будучи основными, были и сии мотивы: крестьяне-староверы убегали от крепостного помещичьего гнёта, от рабства, от безземелья. «...Стекались сюда (в тогдашние польские пределы, на Ветку. — *А.Б.*) из разнообразнейших мест России, причём их побуждали не только гонения за веру, а также желание освободиться от ига крепостного права»¹³. Размышляя о сути русского религиозного размежевания, литератор XIX века Я. Абрамов писал в «Отечественных записках»: «...Раскол явился протестом старины против новин, причем под стариной отнюдь не должно разуметь одну заскорузлость и рутину; рядом с двуперстным знаменем и хождением посолонь, рядом с бороною и русским кафтаном протестанты (староверы, *протестанты*, *протестующие* против церковных нововведений патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. — *А.Б.*) отстаивали и старинное крестьянское русское право свободного передвижения и личной свободы, и исконное право земледельца на обрабатываемую им землю, и старинное русское самоуправление...»¹⁴

В прежних очерках я толковал, и ныне утверждаю, что се — смертный грех, когда по вине «*русских*»¹⁵ помещиков-крепостников гибли от холода, голода, болезней и воловьего труда миллионы мужиков и баб, отроков, отроковиц и грудных чад. А коли вспомнить, что в начале прошлого века крестьяне составляли около 90% населения России, то дворяне-крепостники, по сути, истребляли русский народ. В чем и калялись боголюбивые дворяне, что и выразилось в классической помещичьей литературе...

Но социальный, классовый, житейский и даже этический мотивы, разумеется, не были главными в расколе, поскольку эта русская трагедия — явление духовно-религиозное. Давая иногда важные историко-этнографические сведения о жизни поборников *древлего благочестия*, историки-народоведы искажали духовный облик старообрядчества, когда исследовали конфессионально-обрядовую общность с точки зрения не токмо материализма, но и вульгарного атеизма. А.М. Попова писала о староверах Забайкалья: «Главными носителями старины и руководителями семейских были «установщики» и «начётчики». Они — страшное зло в семейских сёлах, губят всякое живое начало и заставляют своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве»¹⁶. Смягчая сей богоборческий натиск, сосредотачивая внимание на хозяйственной деятельности, поэтизируя языческие

¹³Абрамов И.С. Старообрядцы на Ветке... // Живая старина. 1907. № 3

¹⁴Абрамов Я. Выговские пионеры // Отечественные записки. 1884. Т. GGLXIII.

¹⁵Не могу сие высокое звание русский применить к помещикам-крепостникам.

¹⁶Попова А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928.

начала в обрядовой культуре, тем не менее, в духе А.М. Поповой описывали старообрядцев и другие этнографы XX века, и так до последних времён. В.П. Мотицкий, цитируя вышеупомянутого автора, негодовал: «Именно они, уставщики и начётчики, бережно охраняли устои старого быта, старые порядки, закрепощали разум человека, затемняли классовые интересы бедноты и притупляли стремление женщин и молодёжи освободиться от религиозного гнёта»¹⁷.

Иное ...умилённое и восхищенное... мнение о старообрядчестве выразили многие русские писатели и любомудры, восклицая вслед за поэтом «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», узрев в старообрядческом мироустройстве исконный нравственный и творческий идеал.

Основательно изучавший жизнь староверов в качестве государева чиновника, осмысливший и даже поэтически, живописно изложивший староверческую жизнь в талантливых романах «В лесах», «На горах», Андрей Мельников-Печерский в 1866 году заверял министра внутренних дел России графа Петра Андреевича Валуева: «Главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах. А восстановление русского духа, самобытной нашей жизни все-таки произойдет от образованных старообрядцев...»¹⁸

Возрождение в народе самобытной жизни, а тем паче русского духа, оказалось непосильной ношей для горстки старообрядцев; да и русский дух не столь в народных обычаях, обрядах и крестьянских нарядах, сколь в любви к Вышнему и ближнему, к вере православной, чему достойно служила Московская Патриархия и служит, возрождая веру после полувековых утеснений и гонений, а старообрядчество обратилось в фольклорно-этнографический русский памятник.

* * *

Ведомо, что среди российского крестьянства, а уж тем паче забайкальского, старообрядцы выделялись непревзойдённым земледельческим талантом, а в основе таланта — азартное трудолюбие, крепкий домострой и обережённый многовековой хозяйственный опыт. Замечательные книги написал о старообрядцах известный сибирский учёный-этнограф, доктор исторических наук, уроженец семейского села Большой Куналей Фирс Федосович Болонев, архивные материалы которого использованы в данном очерке. Мне посчастливилось творчески общаться с сим талантливым русским учёным-народоведом, который под руководством выдающегося русского археолога Алексея Павловича Окладникова защитил кандидатскую диссертацию «Народный календарь семейских». Мне посчастливилось и побывать с Фирсом Федосовичем в фольклорно-этнографической экспедиции в его родное забайкальское село Большой Куналей, откуда я привёз изрядно магнитофонных записей, кои, расшифрованные и обработанные, читайте в завершающей части сего очерка.

Помню, когда я прочёл книгу Фирса Федосовича Болонева «Календарные обычаи и обряды семейских», то впечатление от книги трудно даже изъяснить словами, как трудно выразить любовь и умилённую, и опечаленную, что охватывает душу при встрече с родимым селом после долгой разлуки. Но с отчим селом разлучаешься на год-два, а здесь было чувство, что век был разлучён со своей крестьянской родовой и вдруг встретился, и покаянные слёзы любви затумани-

¹⁷Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.

¹⁸Цит. по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

ли глаза... Разуму моему не токмо отпахнулась крестьянская обрядовая, песенная Вселенная с древним домостроем, но и увиделся мой старообрядческий род, и перво-наперво дед мой, Лазарь Ананьевич Андриевский, который, как писал выше, прожил на белом свете сто шесть лет — полста в девятнадцатом столетии, пятьдесят шесть в двадцатом, и шесть лет мы жили с ним бок о бок. Я ощутил свою причастность к старообрядчеству и поскорбел, что знания мои о староверующих предках скопились не от жизни посреди них, а из сторонних наблюдений, из книг.

А после Фирса Болонева прочёл я роман Ильи Чернева «Семейщина», потом книгу Елизара Мальцева «Белые гуси на белом снегу» — произведение, где с любовным знанием, мудрым и живописным народным языком запечатлен старообрядческий мир. Но прежде помянутых сочинений книги Фирса Федосовича Болонева пробудили в моей душе любовь к русским народным обрядам и обычаям, повериям и приметам, к цветистому и мудрому пословично-поговорочному народному говору. А любовь сия выразилась в азартном и вдохновенном постижении крестьянской этики и эстетики и воплотилась в романах, повестях, очерках и рассказах.

Но вернёмся к старообрядцам... В книге «Народный календарь семейских Забайкалья» Фирс Болонев писал: «Семейские принесли в Забайкалье богатые трудовые традиции, многовековой крестьянский опыт, наблюдательность и смелку земледельцев, прилежание и любовь к земле, стойкость перед невзгодами, деловой практицизм и трезвый расчет...»¹⁹

Старосельские люди говаривали: не ведали бы счастья, да несчастье помогло. От насильственных переселений старообрядцы развили редчайшую способность осваивать землю под хлеборобную пашню даже в краях предельно рискованного земледелия: морозы «за сорок» и скудные, каменистые почвы. В 1772 году академик П.С. Паллас тщательно исследовал поселения семейских в Забайкалье и пришёл к выводу: «...Селенгинская страна и другие в рассуждении их обширности никогда не могут столь быть многолюдны и хлебом обильны как другие сибирские места не слишком к северу близкие, при этом везде сверх крутых гор по долинам и косогорам весьма каменисто или чрезвычайно песчано. Так что кроме кочующих народов, каковы бурета и тунгусы, никакому другому тут жить не можно»²⁰.

Но Паллас ошибся. Семейские не токмо прижились в «селенгинской стране», но освоили под хлебородные нивы даже и горные покати. Изучая дальше семейское крестьянство, Паллас уже пишет о том, что выведенные из Польши староверы «по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеху расширяются. Оне имеют довольно хлебопашество (это уже через шести лет после их поселения за Байкалом. — А.Б.), а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым напротив того оне уже довольно развелися...»²¹ В этом же сочинении Паллас сообщает, что семейские первыми среди сибирского крестьянства стали использовать плуг, которым пашут «гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою»²². Соха добра на старых пашнях, а целик подымать малосильна, плугом сподручнее.

О хлебопашестве старообрядцев за Байкалом восхищенно отзывается и А. Мар-тос. Он пишет, что оно достигло «высочайшей степени совершенства. Многие ора-

¹⁹Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978.

²⁰Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 3. Половина 1.

²¹Там же.

²²Там же.

таи засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам десять, яровой хлеб обыкновенно двадцать зерен»²³. Заведение «польскими поселенцами»²⁴ устойчивого хлебопашества в Забайкалье необходимо было не только для того чтобы прокормить себя, «...семейские должны были обеспечить Нерчинские рудники хлебом, в котором тогда ощущалась очень большая нужда»²⁵.

Хотя за Байкалом земли вдоволь, тем не менее, резали наделы строго, абы, перво-наперво, не утеснить бурятские роды (им с широкого царева плеча выделяли по 80 десятин земли на душу мужского пола), потом — казаков (им — по 40 десятин), а уж крестьянам — по 16 десятин. Но если *сибирякам* (так семейские и «польские» поселенцы звали общеправославных, укоренённых в Сибири) могли дать и плодородные земли в долинах рек, то раскольников, случалось, загоняли в неудобь, где трудно и помыслить о хлебопашестве. Коль у бурят оказалось изрядно доброй земли — долины, степи, тайга, то семейские брали у них в аренду на сорок лет тайгу и часть её разделявали под пашню.

Разумеется, освоение малопригодных для хлебопашества земель стоило семейским и огромного физического напряжения, и духовной стойкости, поскольку и тут власти, почитавшие их раскольниками, не давали покоя. Сообщая о старообрядческих пашнях, М. Геденштром пишет: «Бывший тогда селенгинский обер-комендант поручил одному майору отвести им под поселения земли. Сей, по ревности своей к православию, ненавидя их, отвел им леса и горы, предполагая усугубить их нещастие. Но благое провидение, несправедливое усердие его обратило в пользу старообрядцев: с несказанным трудом расчистили густые леса, и приобретенные пашни вознаградили их с лихвою... Лучшие пашни их расположены по высоким горам и к некоторым из них можно достигнуть с трудом по крутой узкой тропе»²⁶.

Путешественники, побывавшие в староверческих селениях Забайкалья, писали о нарядном труде, о воловьей выносливости, благодаря коим возделывались земли высоко в горах, куда плуги, сохи и бороны завозили верхом на лошадях и где пахали в одну борозду. О сем писал литератор, публицист Н.М. Ядринцев: «В некоторых деревнях крестьяне сеяли хлеб на высоте 4 тысячи футов. Покосы бывали в таких ущельях, что сено приходилось вывозить верхом, связывая веревками в охапки. И тем не менее крестьяне облюбовали эти места за девственную почву... Благодать, чернозем 6 вершков глубины»²⁷.

Приживаясь на забайкальских землях, семейские, хотя и жили скрытно, хотя и сторонились «поганистых» — патриарших сибиряков и бурят, тем не менее немало переняли из хозяйственного опыта у тех и других. Русские крестьяне, давно жившие бок о бок с бурятами, эвенками, возродили «баргутские каналы», ирригационные сооружения, коими пользовались некогда обитавшие здесь народы. «...Многие крестьяне воспользовались древними инородческими канавами», — писал Н.М. Ядринцев²⁸.

Не только государственные мужи России XVII, XVIII, XIX веков и путешествующие этнографы, такие как С. Максимов, но и знаменитые русские писатели

²³Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.

²⁴Польскими поселенцами, поляками именовали старообрядцев, при Екатерине II переселённых с польских земель, когда Польша входила в состав Российской империи.

²⁵Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья.

²⁶Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1880.

²⁷Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая// Сибирский сборник. 1886. Кн. 1.

²⁸Там же.

Некрасов, Гончаров, Лесков, Мельников-Печерский, Чехов с удивлением и восхищением писали о семейских крестьянах, которые обратили сухую степь и студёный горный камень в щедрую житницу и наладили в забайкальской тмутаракани крепкое, красивое, мудрое житьё-бытьё.

Поэт Николай Некрасов с радостным дивлением описал Тарбагатай — большое семейское село в Забайкалье:

«Горсточку русских сослали /В страшную глушь за раскол, /Волю да землю им дали; /Год незаметно прошёл — /Едут туда комиссары, /Глядь — уж деревня стоит./ Риги, сараи, амбары! / В кузнице молот стучит./ Мельницу выстроят скоро. <...> /Вновь через год побывали, /Новое чудо нашли: /Жители хлеб собирали /С прежде бесплодной земли./Так постепенно в полвека /Вырос огромный посад. <...> /Как там возделаны нивы,/Как там обильны стада!/ Высокорослы, красивы / Жители, бодры всегда,/Сыты там кони-то, сыты, / Каждый там сыто живёт, /Тёсом там избы-то крыты, /Ну, уж, зато и народ! / Взросшие в нравах суровых, / Сами творят они суд, / Рекрутов ставят здоровых, /Трезво и честно живут, / Подати платят до срока, / Только ты им не мешай. / «Где ж та деревня?» /— Далеко, / Имя ей: Тарбагатай, / Страшная глушь, за Байкалом...»

И.А. Гончаров, возвращаясь из кругосветного путешествия по Якутско-Аянскому тракту, встречался со станционными крестьянами. «Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала... <...> Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал, — так оживлены поля хлебами, ячменём, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет. Хлеб уже в снопах, сено в стогах»²⁹.

Где в семье достаток, обрётённый праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские («поляцкие») красивы и дородны, напоминают донских и малороссийских казачек, а старики похожи на библейских пророков — все так и просятся на живописные полотна.

Ю.Д. Талько-Грынцевич, врач, археолог, антрополог и этнограф, познакомившись с раскольниками, сотни крестьян обследовав, пришёл к выводу, что семейские среди великороссов антропологически ближе всех стоят к исконному славянскому типу. Учёный «...нашёл в них выдающуюся по чистоте типа и сохранению народного культа отрогль великорусского племени»³⁰. С. Максимов отметил, что староверческие жёнки «поражают красотой лиц и дородством тела»³¹. А декабрист Андрей Розен, побывав в старообрядческих селениях во время ссылки в Забайкалье в 1830 году, писал: «Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами... а люди, люди!.. Ну, право, все молодец к молодцу. Красивы, не хуже донских, — рослые, белолицые, румяные... Всё у них... показывало довольство, порядок, трудолюбие»³². Подчёркивая, что и внешняя красота старообрядцев исходила из их нравственной жизни, Г.М. Осокин утверждал, что «ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»³³.

²⁹Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л.: Наука, 1986.

³⁰Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье //Протоколы общего собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО. Кяхта, 1894. № 2.

³¹Цит по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

³²Там же.

³³Там же.

Как ни утесняла раскольников государева власть, но и власть осознавала, а иной раз откровенно признавала: ревнители древлерусского благочестия — духовно-культурный и хозяйственный цвет русского народа, о чём и писал П.И. Мельников-Печерский, будучи и писателем, и царским чиновником. Речь даже не идёт о том, что старообрядцы к XIX веку породили выдающихся купцов, промышленников, много содейвавших для процветания России. Похвальные слова семейским, с Божьей помощью и великим крестьянским талантом освоившим дикие забайкальские земли, звучали даже из уст Трескина, иркутского губернатора: «Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за сорок на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвести по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепольность крестьян-староверов Верхнеудинского уезда — Мухоршибирской, Куналейской и Урлущкой волостей и изъять им за то совершенную признательность»³⁴.

* * *

Семейские крестьяне — исконные хлеборобы, несколько столетий выращивали на бесплодных, казалось бы, каменистых землях богатые урожаи пшеницы, ярицы, овса, ячменя, гречихи; а и в двадцатом веке забайкальские районы Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, где основное население — семейские, почитались хлебными житницами.

Славный русский народовед Ксения Мяло пишет: «В старообрядческом обществе традиция держалась необычайно крепко и в формах иной раз прямо-таки архаических, крестьянское хозяйство и крестьянский быт вовсе не были враждебно непроницаемы для техники и усовершенствований жизни. Как правило, крестьянин старообрядец стремился быть экономически самостоятельным, крепким хозяином, потому не только не сопротивлялся повышающим эффективность хозяйствования новинкам, но живо интересовался ими, охотно внедрял их... Но любая предпринимаемая новация не должна была разрушать мировоззренческое ядро, сердцевину отвоёванной в жестоких столкновениях XVII–XVIII веков собственной культуры»³⁵.

Семейские — и прекрасные огородники, садоводы, отчего ощущается выраженная в говоре, обычае, обряде и наряде, хотя и далекая, да немеркнущая родовая связь с южнорусами — малорусами, белорусами. Паллас писал о садоводстве и овощеводстве староверов, переселенных всего шесть лет назад в Забайкалье: «Сеют здесь (в забайкальском селе Хилок, что на реке Хилке. — А.Б.) ярицу, также арбузы, кои по садам у поляков, так же, как и около Селенгинска, хорошо удаются»³⁶. Ф.Ф. Болонев в книге «Семейские» использует «письма о Сибири» учёного натуралиста-ботаника Иоганна Сиверса, который, путешествуя в Забайкалье в 1791 году, отмечал, что «разного рода огородные растения, особенно белокочанная капуста, кое-где

³⁴Цит по: Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья.

³⁵Цит по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

³⁶Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3.

картофель, белая круглая репа, горчица, хрен, разные сорта лука, а также, конечно, гречиха, вызревают здесь довольно хорошо... Много дынь и арбузов выращивается в деревне Усть-Кяхта, в 18 верстах от Кяхты, хотя вес их редко превышает 5 фунтов, но они тем не менее довольно вкусные. Точно так же преуспевают брюква, мелкая фасоль, огурцы и тыквы. Польские колонисты (раскольники. — А.Б.) пытаются разводить чечевицу и лен. <...> Польские» и русские крестьяне (с. Урлук. — А.Б.), поселённые лет 30 назад, ввели земледелие и фруктовое садоводство».

Коль речь зашла о семейских, знатных овощеводах и садоводах, вспомнилась живо давнишняя картина. В семидесятые годы обитал я в забайкальском граде Верхнеудинске, и помню, на городском базаре торговали картошкой, замороженными огурцами, помидорами, луком бойкие семейские бабоньки и старухи в старинных русских сарафанах, запанах, повязанные цветастыми гарусными платками или в кичках. Наезжали жёнки с кулями и тальниковыми корзинами из городских предместий и ближних деревень, из того же, воспетого Николаем Некрасовым, Тарбагатайского посада. Как сейчас, дивясь, вижу длинные, похожие на огородные гряды, базарные ряды, заваленные овощами: в зазывно отпахнутых кулях ядрёная картоха, урождённая на сдобренных навозом песчаных землях возле сосновых боров, отчего и отменно крупная — *хрушкая*, не изрытая глазками и червоточиной, с шершавой кожицей, рассыпчатая — *чёрствая*, не жидкая, не картоха, а объеденье одно; рядом тугие, налитые забайкальским зноем, влажно поблескивающие, словно в предутренней росе, огурцы и помидоры; и под стать — семейские бабоньки, крепко налитые, не ущипнуть, с певучим по-малороссийски либо по-сорочьи частым, взвизгивающим чудным говорком, словом, *семисюхи*, как дразнили семейских коренные сибирцы за частый, вроде даже подсюсюкивающий говор, а заодно и, на взгляд простоватых сибиряков, за природную потаённость, скупость и вредность.

И... радостно дивило... все семейские на базаре, старухи и пожилые бабы, красовались в ярких, цветастых сарафанах и пёстрых запанах, повязанных поверх сарафанов, отчего чудилось: бабы напялили ворох юбок. Головы венчались, опять же, словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар, душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором, что оберегли семейские в чистоте и щедрости со времён царя Алексея Тишайшего.

Вельми поучительно для Иванов, презревших родовую память: по всей земле святорусской лишь старообрядцы до конца XX века оболакались в исконный русский наряд: праздничный и обыденный; не пошло упрощенный, фестивальны́й — сарафан выше багрово набрякших колен, картонная корона на власах, а подлинный, что бытовал в народе сотни лет и лишь в начале XX века по воле правящих супостатов утаился в сундуках. Тысячу лет эдак по-русски одевались, и вдруг застеснялись сарафана, косоворотки, простонародной речи, родного обычая и обряда...

И не для *машикарда* выражались семейские жёны и девки в стародавние сарафаны и запаны, не на посмеих крутили на косы затейливыве кички, а потому, что верно хранили устои предков. Недаром, отстаивая старинный русский сарафан, пели семейские девчата в довоенную пору:

*Я семейская была
И семейской буду.
Свой семейский сарафан
Сроду не забуду.*

Ветреная мода, упорно дующая с фармазоньего Запада, выкидывала фортели одно чуднее другого, и лишь перед семейскими жёнками мода никла: не попустились жёнки пестрорядными сарафанами, цветастыми кичками и... древлими обрядами. Но и в семейщине к концу XX века исконный русский наряд — суть прикладное народное искусство — вытиснился безликим, безнациональным костюмом, словно железобетонные кубы заслонили солноликие избы.

И многоголосые, протяжные семейские песни, увы, потеснили вначале частушки-тараторки, потом — советские песни, а на закате прошлого века и вовсе — вопли нежити с Лысой горы. Хотя пение семейских, четверть века звучащее по радио, благоговейно слушал весь народ русский; а в начале XX века песни семейских, записанные Николаем Протасовым, высоко оценил Н.А. Римский-Корсаков: «признаки древней чистой русской мелодии». Песни, посланные Протасовым Римскому-Корсакову, были переданы композитору С.И. Танееву.

* * *

«Не следует, разумеется, идеализировать старообрядчество, — похвалив древлеверцев, оговаривается Валентин Распутин. — Отделившись от общего народного организма, уйдя во внутреннюю эмиграцию (внешняя была немногочисленной), отказавшись от христианских заветов любви и терпения ко всякому ближнему, оно не могло не пострадать, и пострадало. Немало со временемросло в нём тёмного и костного, и неуклюжего вместе с упрямством, фанатизмом и гордыней. Не говоря уже о крайнем сектантстве, которое выродилось в уродливые формы, губительные для человеческой природы»³⁷.

В помянутой моей повести «Не родит сокола сова» есть глава, где говорится: «Святоотеческое древо старой веры к исходу усталого девятнадцатого века, на кровавом восходе двадцатого, пустило столь густолистных ветвей, что уже и мутно виделся сам хребтовый аввакумовский ствол; недаром же и приговорка шаталась по сибирской украинной Руси: что ни деревня — согласие, что ни село — толк. Случалось, в деревне-малодворке, да и на улице одной, уживались, хотя и в спорах, разные семейцы: и поморские, и белокриницкие, и беглопоповские, и беспоповские, и федосеевские да окулькины, дунькины с их безвенечьем (*лучше семерых родить, чем замуж ходить*), и тюрюкановские, и гурьевские, и темноверцы, что не признавали ладана и свечей, и Бог весть ещё какие. Даже, прости Господи, и дырники народились, что, подобно духоборцам, иконоборцам, баптистам, иеговистам и прочим еретикам, поклонялись якобы «Христу не мазаному, не писаному, а Христу животворящему» — молились в слуховое оконце, навреде дыры, прорубленное в избяном венце на солновсход.

На таёжном замище в вершине реки Уды при царе-косаре таились древле-православные скрытники, сбежав и от никониан троеперстых, и от староверцев, что жили в добротных и богатых забайкальских сёлах: мол, и посолонь ходят круг аналоя на молебнах, и не щепотники никониановы — двуперстные, а склонили выи золотому тельцу. На заутреню и вечерню собирались скрытники в избе уставщика, молились по старому чину, крестились двумя персты. Годом да родом из таёжного потая выбирались в волостное село Укыр.

Сурово и замкнуто жили скрытники беспоповские, прятались от никонианского, единоверского и семейского мира на таёжных займищах, уверовав, что несть

³⁷Распутин В.Г. Россия: дни в времена. Иркутск, 1993.

правды под небесами, что священство ныне у антихриста на побегушках, а со дня на день явится и сам соблазнять о себе знаменьями да чудесами. Но хоть и таились староверы-скрытники по лесным падым, но работали не меньше деревенских, и землёй не попускались: драли целики на лесных еланиях или творили залого, повалив лес, выжигали, корчевали пни и в солоноватую от пота, но жирную пашню сеяли жито. Расчищенные елани мужики ласково величали Божьей пазухой — молодая нива много лет щедро родила хлеб. А коль жито сеяли, то и скотину держали. Но всё лишь для некорыстного прокорма; большее время заседали промеж себя Слово Господне: во все дни живота своего пребывали в молитве, усердно постились, избегали кобей бесовских — пианства, табака, блуда, слова поганого. Отсчитывая на деревянных чётках, как начётчик выучил, твердили Боговы Слова, били лбы пред древними образами, слушали уставщика, который читал Священное Писание, дедами завещанное, неисправленное «никонианами погаными». Жили не для хлеба куса, заради самого Иисуса³⁸, как и заповедывал Господь: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их». Не жили, конечно, по-птичь, кус мимо рта не проносили, хотя и не радели о земных сокровищах, ибо тлен, но — о небесных, ибо вечны, при этом хватко держались древнего чина: «Бесстрастие телесное имети, ступание кротко, глас умерен, слово благочинно, пищу и питье немятежно». Кто в земной юдоли взрастил себе крылья, — правил души святой Ефрем, — тот на небесах воспаряет горняя; кто здесь очистит ум свой, тот на небесах узрит славу Божию; в какой мере возлюбишь Бога, в той мере насытишься любовью Его...»³⁹

* * *

Конфессиональное дробление, породившее православное ослабление, доходило до того, что, как ни чурались староверы *бесовского язычества*, даже в их среде стали появляться толки, обрядово и мистически близкие верованиям древних славян, одухотворявших землю. Сплетая древние природные обряды с христианством, даже суровые старообрядцы не избежали мистического поклонения матери-сырой земле, а заодно и предкам, захороненным в ней и якобы имеющим с ней мистическую связь. Об этом писал протоирей Андрей Иоанов Журавлёв, прибывший вместе с гонимыми старообрядцами в польские земли, на Ветку: «Старообрядцы в день Пятидесятницы (Святой Троицы, что праздновалась накануне Духова дня. — А.Б.), ложаясь ниц на землю, слушают молитвы, а священник читает их, на коленях стоя к престолу, зря на восток»⁴⁰. Небо и земля становятся «церковью», и некоторые «староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»⁴¹.

Вот так радели иные старообрядцы, вроде и в чистоте сохранившие исконное, древнее православие, в отличие от *никониан-нововеров*, что в лихую годину церковного раскола выправили богослужебные книги и церковные обряды на манер греческого православия, о ту пору, по мнению древлеверцев, испрокаженного.

³⁸У староверов в Имени Бога одно «и».

³⁹Не родит сокола сова. — М.: Вече, 2011. (Сибиряда)

⁴⁰Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем церкви сошествия святого духа на Большой Охте. М., 1890.

⁴¹Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т.1.

Мало того, именно у старообрядцев появляются религиозные толки — суть бесовские коби, где прихожане поклоняются матери-сырой земле. В XIX веке у семейских Бичуры, Мухоршибири, Большого Куналя (семейские села в Бурятии) образовался таинственный толк *землепоклонников*. Сошлись в толке крестьяне, что *не признавали икон, попов и уставщиков, а поклонялись священной земле, как самосвятой*. Землепоклонники торжественно шествовали в поле и, осеняя себя двуперстным крестным знаменем, валились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося её о помощи. В.П. Мотицкий писал в книге «Старообрядчество Забайкалья»: «Землепоклонники всей семьей или небольшой группой выходили в поле и там, осеняя себя двуперстным крестным знаменем, становились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося ее о помощи».

О бытие толков, созвучных языческим радениям, писал известный сибирский фольклорист и диалектолог, уроженец баргузинского села Большое Уро Лазарь Ефимович Элиасов, многие годы посвятивший изучению религиозной этики забайкальских староверов, что отразилось в рукописи «Толки семейских».

«В начале XIX века в семейских селах Окино-Ключи Бичурской волости, Хонхолой и Шаралдай Мухоршибирской волости появился новый толк, получивший название «песочников». Старообрядцы-песочники при крещении ребенка употребляли не воду, а подогретый песок»⁴².

Обряд *песочного* крещения записал В.П. Мотицкий: «Мать держала ребенка на руках, а уставщик сыпал ему на животик или спинку мелкий теплый песок. После этого ребенка осеняли крестом и давали ему имя, затем умывали в тазу, очищали от песка, пеленали и клали в зыбку. Если ребенок засыпал сразу, то родители были уверены, что он будет здоровым и счастливым, а если не сразу, то его ожидала нелегкая жизнь»⁴³.

Мало того, в Бичуре (самое большое семейское село в Бурятии, а в середине XX века самое длинное в мире. — А.Б.) появился и толк *идолопоклонников*, когда молились под открытым небом у *священного* пня или камня (*идола*), что творили далёкие предки русских — славяне-язычники. Венчание идолопоклонники совершали также возле идола, крещение — дома, а погребение умершего устраивалось без отпевания. Икон не держали в доме, жили замкнуто, запрещали песни, пляски и другие развлечения. Толк просуществовал до середины XIX века. Небо и земля становятся *церковью*, и Александр Афанасьев, знаменитый народовед XIX века, писал: «Староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»⁴⁴.

Увы, вместе с *древлеотеческими обрядами*, за кою Аввакумовы единомышленники — огнепальные *обрядолюбцы* — шли на великие страдания и даже сжигали себя в скитских срубах, старообрядцы из простолюдья не изжили из повседневной и праздничной этики отзвуки языческих суеверий и более общеправославных *тешили беса* в поклонении «самосвятой» земле. В отличие от общеправославных крестьян старообрядцы, оберегши до середины XX века даже во внешнем облике исконно славянскую статью, сохранили и многие верования древнеславянского язычества. Историк русской православной церкви Н.М. Никольский писал: «Крестьянская «старая вера» имела мало общего со старой верой профессионалов или

⁴²Бураева С., Васильева С. Старообрядческие толки и согласия Забайкалья // Интернет-сайт «Предыстория».

⁴³Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья.

⁴⁴Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1.

посадских людей, и если напоминала старую веру, то *старую дохристианскую веру* (выделено мною. — А.Б.)»⁴⁵. Не ясно, о какой *старой дохристианской вере* идёт речь, поскольку под *старой* понимается *православная вера* до церковного раскола⁴⁶, но не в дохристианский период русской истории, когда славянское язычество *бесам жряху*. А.П. Щапов и вовсе с расколом связывал возрождение языческих верований, волхований и чародейства⁴⁷. В.Я. Пропп, повторяя *языческую* точку зрения на староверчество, пишет: «Изучение языческой сущности праздников лишит их ореола святости»⁴⁸.

Через страдания, отчуждения от государства долго хранили *старообрядцы* испоконный народный дух, но, не одолев лукавые искушения, раскололись... во истину, раскольники... на тьму толков и согласий, нередко еретических или языческих, водимых расколоучителями. *Староверы* оказались более суеверными, нежели троеперстные сибирцы, о чём и свидетельствуют былички, записанные автором в семейском селе. Впрочем, Бог всем судья, а не я, грешный, а что грядёт в семейский мир, опять же Бог весть.

Обычаи, обряды старообрядцев Забайкалья

По материалам фольклорно-этнографической экспедиции в забайкальское село Большой Куналей

Масленица

На Масляну неделю у субботу катаются на *конях*, и у воскресенье... Собираются ребята — твой жаних, мой жаних. Но и вот подъедут, катают круг улицы. На кошавых...⁴⁹

Неделя цела масленицы. Ни жира не ядят, ничего... Яички ядят, а жир, мясо — это ничо ня ядят. Это — неделю проводят Масляну. Но и на Маслену у субботу ранню-приранню уж баню выпотят, помоются. Но и кого какой есть молоденький конишка, запрягают. И вот детва — какой бы только вярхом умел ездить — у субботу вечером по улице катается. А уж у воскресенье запрягают сани, быдто, — кто кошаву, кто сани с отвалами, — и родители катаются. Вот у меня подружки собираются, чтоб парни их всех прокатали. Но вот прокатимся, вечер подходит, солнце ещё на закате, тройки, пары, — все молодые катаются, которые пожанились. <...>

Потом, это, на своих конях, у кого коней нет, пяхком, — по родителям *прощаться*. Это был *прощёный день*. Все своим у ноги кланяются, целуют: но, прости меня Бог, прости то и друго. Но и мы тут, молодёжь, бегаем *прощаемся*. Было так заведено.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

⁴⁵Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930.

⁴⁶Впрочем, РПЦ считает раскольников новoverами, а никониан — староверами, путем церковных реформ возродивших исконное, истинное Православие, кое приняла Древняя Русь от восточного (константинопольского, царьградского, греческого) православного христианства, но с веками исказила в церковных обрядах и богослужебных книгах.

⁴⁷Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII // Соч. Т. 1. СПб., 1906.

⁴⁸Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

⁴⁹Кошава (кошева) — лёгкие выездные сани.

Пост

Но приходиться пост Великий. Бывало, всё повывоюють, кадешки повыворкають, всё повывосушат, чтоб уж ничего скоромного не было, — запаха не было. И вот, бывало, какой-то бурдук⁵⁰ сладять, какую-то ботвинию сладять, с картошкой натолкуть, и ядять. Даже грудной, если грудь сосеть, — ему на Великий пост не дают грудь. Вот была такая жись... И как-то (*народ*) питался, жил. Да ещё здорове был. Я говорю, сейчас ня успет, Господи, прости, из жопы вывалиться, тут и штаны ему, тут и каки-то тапочки, тут и колготки эти... <...>

Избу мыли дрясвой (дресвой. — *А.Б.*) — песок мелкий сеяли. <...> В печи его пережгут, он потом такой красивый станет, красный. Его кучечками по полу стелят, для подстилки, чтоб пол шибко не топтался. Потом неделя пройдёт, этот песок смятут. Возле колодца промоют, потом им пол шоркали — голяком⁵¹ или рогожей. Стены шоркали осенью и к Пасхе. Вот у меня свякровка была — о-ой! — ростом небольшая, ноги здоровые. <...> А я кого же, у меня под ногой крутится голик, а она как ширкнет, аж бело сразу, сухо, будто как на тарелке... Вот до того дотрут пол — потом смоють, высохнет, — аж как жалток жёлтый.

Но спали же на полу, постели путней ни у кого же не было.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

...Мяшаю молоко — топится у печке. Я молоко помяшала ложкой, и эту ложку раз и облизала. Постный день ли, пост ли был, не помню. Я за печку забежала да и на Божушка-то⁵² гляжу да думаю: может, Божушка-то мене не видел, что я ложку полизала. Давай запаном язык обтирать. Вот видишь, как мы боялись. А таперь никто не боится. «Ты ня ешь — пост...» — «Какой пост, чо пост?!»

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Троица

На Троицу у первую голову бывало съезжать мужики по бярёзу. Но подростки сами ходили. Топор возмут, у лес убягут по берёзку. Называли их — *кумушка, кума*. Эти бярёзки чуть ли не возле каждого двора... Но и, это, кумятся: навесять платочки, цвяточки, но и вот ходить круг этой бярёзки, всё поют, кто чо умеет. Это таперь не умеют... Пели: «Вячор девки...», «Посею, лябяду на бярягу...», «Во саду ли, в огороде...», «Выросла малина...».

Это первый день — кумиться. На второй день начинают складываться деуки там, али бабы, — но, это, яишню жарить. Собярутся, как вроде, гулянка. Но ране не пили. Это таперь-то пьют... даже бабы. <...> Потом, это, вечер приходит — Троица заканчивается. Там верховые девки... Парни нарубять бярёз. Девочк пятнадцат там собярутся, вот оттель шириной все с бярёзами вечером, вроде, провожать Троицу. Но тут, будто, мы подхватываемся и — песню, кто какую умеет. Пошто-то на Троицу все пели:

⁵⁰Бурдук — кушанье в виде жидкой каши из муки и воды// Эдиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 70.

⁵¹Голяк — веник из голых прутьев кустарника (ирника).

⁵²Божушка — так семейские называли и Господа Иисуса Христа, и сами иконы с Его ликом.

*Слава, слава,
постилала постельку мягку,
ждала-поджидала полковничка в гости...*

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Когда становимся, кумушку держать одна, и вот круг кумушки ходим и поём:

*Вячѣ-ор деуки, вячѣ-ор деуки,
Вячѣ-ор деуки вячяриночку сядели,
Вячѣ-ор деуки вячяриночку сядели,
Пришѣ-ол к нам-то,
Пришѣ-ол к нам-то,
Пришѣл к нам нязнаменький человек,
Нязнаменький, нязнакоменький...*

Вот такие песни и пели, карагодные⁵³, троицкие. Круг кумушки и поём эту песню. А по улице ходим, такие протяжные поём. <...> Такая была у нас жись... Таперь Троицу не знаем... Елив поехали у лес, вина напьются, раздьярятся...

Кумились⁵⁴. Мы, маленькие, в горнице кумушку поставим, вот ходим, кумимся, потом собяремся яишню жарим — нам matka яишню сжарит, чай пьём, чѣ-нить поговорим, попляшем.

А крестами мянялись и о святках — какой тебе жаних придѣть... <...> От как пройдѣть Рождество Христово, от и мянялись крестами.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Помочи

Жись-то была шибко интересная, а пошла какая-то жись совсем чужая... Вот собяруть молодых ребят, девок — жать, сярпом же жали. Ну, вот выжнут имя, хозявам, вот *помочь* собирали. Старикам, быдто, помогали. Имя не платили ничо, а как на помощь. Их накормят, и всё... У нас тоже *помочь* была. Matka болела, батька болел. Пять годов болел — костоломка была. Таперь как-то по другому зовуть, но, пиритрит, ли как... Но тоже собирали. Вот Капитолина у девках была. Но, тут ишо много девок... Ребята телегу запрягут, девки рядом сяди, все песню поють. Но поехали жать. У нас полторы дсятины — ярица была посеяна. А matka говорит:

— Вы уж ня вяжитя в снопы-то — сопреет. Уж кладите в горстю...⁵⁵

Дождь мало-мало брызгал. Но они нам полторы дсятины не у снопы, у горстю всё сжали. Но, будто, с корня-то она вся у горстях ляжить. Но мы после всё ездили да вязали её. Matka говорить:

— Вязать-то нам легче. А жать-то, знаешь, каково?!

Я ишо маленька была. Помню, меня в телегу посадили, будто, у зад... Но, пару запрягли конѣв. И поехали. Matka пирогов с капустой напекла. Это после Успенья... Сала нажарили. Тамочки на пашне чай пили. Но bravo...

Опять потом круг улицы девки поехали. Ребята их повязли. С песнями едем.

⁵³Карагодные — хороводные.

⁵⁴Кумление — старинный русский обряд роднения девушек, женщин, когда мянялись иногда крестами и становились крестными сестрами, т. е. сестрились.

⁵⁵Горсть — тут в смысле охапка.

Ой, браво было. Жись-то была шибко интересная, бравая. А таперь жись — сосед к соседу ня ходим. Старуха к старухе ня ходим. Такие какие-то стали люди...

Раньше, бывало, к Пятрову дню — праздник был Пятра и Павла, — у кого коровы нету, им соседи и сметаны, и творогу, и молока — всё дадут. Которы богаче... А таперь не дадут, усе на эти деньги сяли верхом, у всех, чтоб до глотки этих денег было... А раньше-то у нас никто никому не продавал, а давали, подавали... Так вот и жили, пособлялись, а сейчас не, не пособляются, хошь ты пропади, к тебе не придуть. И кусочка хлеба не дадут. Вот пошла какая-то жись совсем чужая...

Но сямейские всегда были дружные, а таперь и оне не такие стали... Всё куды-то, адали, переродилося. Один одного уважать ня стали, друг на друга наговаривают, будто, всё ругаться хочуть.

Старинного нету, ничо нету. Бывало, с церкви идёшь, браво. Пякуть хлеб, калачи, пахнеть по улице. А таперь хлеб пякёшь, он пошто-то ня пахнеть хлебом... А старинная была пашаница ме-е-еленькая, такая была вкусная. Ой, калач зимой вот так об коленку как стукнешь, он как ружьё так — тры-ык! — лопнеть... белый. Вот его грызёшь, и ня зубы не болели, ничо. А таперь три-чатыре годика, только выросли зубы, давай уж падать. Без зубов уж делается. Народ стал слабый...

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Посиделки

Где старик со старухой живутъ — там *посиделки*. Ну, спросимся, имя даём мяско, кто принясётъ, кто молока, кто калачик. Но вот *посиделки* сидим. Смеёмся, у гармонь играем да пляшем. Играем в каки-нибудь жмурки, да ишо чо-нибудь... Игры разные. Вот так рука за руку возьмемся. А одна *мышка* бегаетъ, *кошка* догоняетъ, быдто. Догонить её, ударить, но, будто, съела она её...

Постом Великим, бывало, под Пасху семь нядель песни ня пели. Грех песни петь.

Бывало, на *посиделках* у *рыбочку* играли. Вот на лавке стоишь. Тебя спрашивают: «Рыбочка, рыбочка, чо тебе надо?»

Но вот скажешь: там какого парня ли, девку. Вот его тутъ сзади бьютъ у горбушку. Потом на одной ножке скачешь, догоняешь его. Засекёшь, он рыбочкой станвится на лавку. Ну, у прятки играли... Но *сухарят* парни с девками на посиделках, дружат.

...А рябятишки, бывало, в зиму у *скалки* играли. Скалку берёзову сделаютъ, будто, как рыбкой. Тут голова, будто, потолще, а хвост потоне. И вот бабки ставили — коровьи, скотские. (Холодец варили, и вот от ног кости — бабки.) Скалками бабки сбивали. Кто сколь уронил, у карман собираетъ. Другие опять ставить. Так проиграешь или выиграешь бабки.

А мы, маленькие девчонки, в ладыжки играли. Это бараньи кости от ног.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Сватовство, свадьбы

Благословение

...Но сначала жаних с нявестой, будто, дружат, а станут сходиться — скажут своим. Родители редко попярёк вставали, если молодые сходились. Но бывало... Вот песню скажу:

*Как у малянькой дяревне,
Там <...> Иван ослободился.
Вздумал Ванюшка жаниться,
Вздумал, бравенький, жаниться.
Он ня знал, кого спроситься,
Кроме матери, отца.
Его тут люди научили:
— Иди к тятеньке спросись.
— Позволь, тятенька, жаниться,
Позволь взять кого люблю.
Отец сыну отвячает,
Что на свете любви нет.
Как на свете цвету много,
Можно кажный цвет сорвать,
Как на свете девок много,
Можно кажинную взять.
Повярнулся сын, заплакал,
Отцу слова ня сказал.
Шёл он лесом, шёл тайгою,
Сел под кустик луговой.
Вынул саблю, вынул остру,
С плеч головушку долой...
Покатилась головушка
Между двух белых бярёз,
Размяталась кровь горяча
По зялёной по траве.
Прилятели две кукушки,
Начинали куковать.
Приходили две дявчонки,
Стали плакать, горявать.*

Вот это было, но редко не давали жаниться молодым.

Рядиться за косу

Вот приезжают они (*сваты*), договорятся с нявестой:

— Завтра ле, послезавтра придём *запивать* — сватать, быдто.

Но придут сваты, то родители нявесты, если соглашаются отдать дочь, то сразу *рядяться за косу*.

К родителям нявесты приходят, — батька ли есть, matka ли, брат ли *больший*, — так чяловека три-чятыре приходят. Не как чичас нахалом — по двадцать чяовек садятся за стол... Но, отец с матерью жаниховы: дескать, что *за косу*?.. Невестины родители *за косу* начинают просить. Сколь уж заломят денег, ли чо...

Это теперь, сказать, сучьи свадьбы... По девяносто человек, десять столов насодуют, а оне хошь бы, б..., пели песню. Простите меня, что я не так говорю. О-ой, хошь бы оне песню спели. Завядуть эту музыку, муторно смотреть...

Девичник

Уговорятся, в какой день, запрягают коней, жаниха с нявестой по улице провязуть, но прокатють круг дяревни... И приедуть к родителям жаниха, будто, отдають. Тут уж подружки невестины на столы налаживають.

А подружки эту неделю, когда деушка засватана, подрушники ей шьют. Вот была мода ишо — подрушники: с ними кладуть *начал*⁵⁶, молятся... Потом приезжают подружки невестины, поклонятся сразу родителям у ноги... И начинают девку эту разнаряжать... Косу расплетают, волосы расчёсывают. Тут и плачут некоторые подружки. Нявеста голосит, но она не так голосит, как по упокойнику, а такая, вроде, песнь отцу-матери: почяму, дескать, отдаёте вы меня у чужедальню сторону, во чужу дяревню, у чужую семью. Ещё так:

*У родименькой-то я маменьки,
Ня видала-то я утреннюю зорячку,
Ня слыхала-то, как пятаушки поють...*

Но, вроде, спала-то долго... Но потом нявесте косу раздяляют. Расчёсывают на два крыла — это уж память на вечную жизнь. Потом уж косы пярляжат крестнакрест... начинают кичку⁵⁷ надявать... Эту кичку наденуть, женску, — это уж весь бабий век носить.

Случай: как силком отдали за дурака

Вышла за какого-то куйтунского пястярёвская девка. (После она рассказывала.) Но пришли, говорить, у горницу-то спать. Она, дескать:

— Но, застынешь в этой горнице...

Жаних молчить. Таперь она опеть говорить:

— Застынешь в этой горнице...

А он сидить, хоть бы чо сказал. Она, говорить, сядела, сядела, сядела. Постель, быдто, родители, или уж кто там, наладили, застялили. Сядела, сядела... Говорить, даже не занимает меня, и ничо не говорить... Но, она жа ня хотела за его идтить, родители насилком отдали — богатой жаних...

Таперь она: чо делать? Чо будеть, то будеть. Она: дескать, на двор пойду. Он ничо, молчит. Она там сарафан сямейский собрала, подоткнула, и — через тын к суседям пярлезла. И ня знает, кто эти соседи. Пярлезла, постучала в избу.

— Кто?

Я, мол. Дескать, так вот и так, я, молодуха, откroyте.

— Ты чо?

Но, дескать, чо?! Так и так, мол.

— Ой, он же ня совсем в уме.

Она у их ночявала — зима, ночью ня пойдёшь назадь в Пястярёво. С Куйтуну же далёко. Но и утром встала, наверно, на заре и к своим прибяжала. И вот ня но-

⁵⁶Начал — здесь, в смысле, начальная молитва у семейских.

⁵⁷Кичка — женский головной убор у семейских.

чевала она с ём, и ничо ня делала, а кичку бабью надела. И после она год ли, два ли: девки гуляют, она с бабами сидеть — замуж выходила. Кто поверит, что ты не спала... И пришлось потом в Куйтун выйти замуж за другого.

Случай: как бедный гармонист вышел за богатую

Мой братан... Это уж я замужем была, у мене уж двое рябятишек было... Он гармонист был, и задумал сватать богатую. Она его за гармонь любила... А он с другой подружкой ходил, и вот подружка всё пилила богатую:

— Нашла ты кого — бедный, за гармонь за ём ходишь.

Братан мой как-то понял, видно, что богатая девка к яму ластится.

Но потом другой братан жанился — я ещё с ребятёнком пошла, да ещё у положении, на свадьбу-то пошла. Будто, охота поглядеть-то... А этот там. Ко мне подходить и говорить:

— Ты валяй сейчас к Параньке. Прасковья её звали... Посватай Параньку. Она нам, мало дело, сродни...

Я говорю:

— Я как же пойду сватать?..

— Пойди, ничо. Она там у зимовейке живёт.

Пошто-то в зимовьюшке жили зимой, на дворе зимовьё, а пошто-то не в избе. Зима, стужа, что ли... Но я со свадьбы ушла. К Параньке привалила с ребятёнком на руках. Ворота открыла. Но Паранька-то думат, чо-то Капка пришла, опять чо-то продавать. Ране я им халат хороший продала... Она, это, курмушку какую-то накинула и бягить.

— Чо?

— Знаешь что, я ня продавать, я тебе сватать пришла.

— Ой, за кого?

— За братана.

Она сразу:

— А как? Батка же не отдаст за его.

А я говорю:

— Он сказал: ежли она согласится, чичас пушай, мало дело, переоденятся, чо-то посвяжей оденять, и пушай, мол, с подружкой по улице идёть. А мы на паре подъедем, их сустреням и посодим...

Я сразу к своим, когда она мне посулилась. Сказала его отцу, дяде моему. Тот:

— Ой, таперь чо будем делать?! Оне же богатые. А у нас-то чо.

Она же *убёгом* захотела выйти за братана. Но таперь Паранька с родной сястреницей переоделись, мало дело, и пошли по улице. Парни их догнали, посадили. Но наши тут, короче, испугались:

— Чо таперь будет, таку богату завязёт.

Тут забегали. А я смеюсь... Мне:

— Ты зачем согласилась сватать?

Я говорю:

— Я разве думала, что она пойдёт...

Но наши не так, чтобы совсем уж бедно жили: коровёнка была, жеребец хороший, лошадь... А у тех-то скота... Вот назавтра я наряжаюсь, бяру свою дявчонку за собой, прихожу. Ой, она, как копёшка, эта невеста, ростом небольшая. Хохочеть... А он высокой, рябой, страшной. За гармонь или ишо за чо любили. Заиграет, это, девки без ума.

Отец его — дядя-то, быдто, мой — шибко песни любил. Это у нас родовина песенна. Я от него-то все старинны песни знаю. Вот, бывало, мене скажет: «Но, подошла моя пташка, но, подхватывай...» Я сяду в серёдку... Любила петь. И плачу, бывало, какую-нибудь сиротскую запоём...

Но чо, значить, свадьбу гуляли. Три тройки запрягли... *За косу* вырядили четыре пуда хлеба. Дядя: «У меня хлеб есть, а денег нету».

Но, а родители уж куда денутся, согласие, быдто, дали. А уж благословляют тайно, кому сказывают, кому и не сказывают...

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Отцы и дети

Старики, старухи на лавчке сидять. А мы гармонь под шубу... И вот под полу её спрячешь и нимо стариков идёшь. В гармонь ня играешь, ня поёшь. Потом уж куды подальше уедешь... А таперь идут, материшины всяки песни поють. Оне ни старика, ни старуху, никого ня бояться. А раньше-то нет, стяснялись, шибко стяснялись.

Со стариками завсегда советовались. Старик на печке ляжить. А придут сыны там, ишо внуки ли:

— Дедушка, мы хотим тут пашню пахать.

— Ой, нет, сыночки, тут на пашне хлеб худо поспеваает. Вот вы сейте так там, а где лес.

И они стариков слушали и ладно жили.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Семейская вера

Толки и согласия

У нас была церковь — большой приход; как сказать... русская церковь, адали⁵⁸. Нас вот за это сослали... стариков-то наших сюда у Сибирь сослали за веру. Стужа тут непомерная была и тайга. Вот агде живём, вот эта гора, — моя бабушка, бывало, скажет, — всё лес был. Тут всё вырубали, и тут же дома строили, кто какие себе умел. Это были сосланные. За веру. Оне никому не поддались, и их сюды.

А уж как они тут дялились, не скажу... Это *тёмная вера* стала: не надо имя ладану, не надо свечи. Эти *поповски* — попа пожелали. Поповцы. У их была моленна, они там молились Богу. Небольшой был приход... Моленна — така изба глухая, там зажигали свечи. А у нас, быдто, уж большой был приход, назывался Покров Пресвятой Госпожи Богородицы.

Но разные согласия роднились потом, жанились молодые. Это вот *тёмной веры* заставляли перекрещиваться, если, сказать, невесту али жаниха брали из другого прихода. Но к имя, конечно, ништо молодые ня шли...

Моя подруга вышла за *темноверца* — солдат пришёл, ему двадцать пять лет было, пошто-то долго служил, не знаю таперь. А я уж замужем была. Но она за

⁵⁸Адали — всё равно, всё одно.

его вышла и, может, няделю прожила, тут свёкр со свякровкой говорят: дескать, молодуха, мы тебя крестить будем. Она: дескать, слышали Писание Божие, раз родился, раз крестился, раз помер. Два раз не помирають и два раз не родятся, и не крестятся два раз. Я кряшшоная. Жалаятя дяржать, буду жить, не жалаятя, я сѣдни же ухожу. Но, а мужик — всё-тки с армии пришёл советской, — конечно, будять принуждать, что ли. Какое там, дескать, крящение?! Вы окрестились и живите, а мы сами собой будем жить. Но она прожила, а его на войне, вот на нашей, гярманской, убили...

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Три веры было у Большом Куналее: *большая (царковная), темноверская, гурьевская*... У нас не попы были — уставщики. Пример, ты выучился по-царковному, станешь Богу ходить молиться. Читать так же станешь, по-царковному. Ты — уставщик... Старые умирают, помоложе ставят на ихно место.

Мы большой веры, царковной. И вот даже девку ня брали в нявестки из другой веры. А вот если она убягить убѣгом — девка замуж, — её батька ня благословляет, и ня роднится. Но там, може, после породниться.

Мы большой были приход. А это твоя мамка — *поповская* была. (*Говорилось Ф.Ф. Болоневу, учёному-этнографу, жившему раньше на этой же улице, принадлежавшему другому толку (или согласию), поповскому.*) Она — куйтунская. А в Куйтуне поповских много. А вот там были православные — даже у одной деревне. Но православных (женихов, невест) сямейские не брали...

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

...Он не был тут поп, а приезжал к им с городу или откель-то, будто... Мы назывались — *большой приход. Покров* — церковь тут большая была, с колоколами, со всем. А те, будто, по-другому молились — *тёмная вера*. Свячей не надо имя было, ладану, кадят старики какие... И вот ежели возьмут молодуху с другого прихода, оне её пярекрещивают, ежели какая соглашается. Вот они крестились, кто у пруду, кто у речки.

А потом одна была — *гурьянов приход* звалась. Тоже така нябольшая — как амбарушка — церковь, будто, была... Тоже все наши, куналейски, сямейски. А эта *тёмная вера* ишо сейчас у них... Савелий-то был, Крюк Сава... Она (*жена Савелия*) была *духоборка*. А таперь-то усю одѣжу себе сшила, ну, *смирненную (похоронную)*, и Савелия схоронила с попами, как следует (*по-старобрядчески, как в большом приходе Покрова*). А родители её были *тёмной веры*. Вот ишо на такие иконы *письменные* ня молилась, а только на *медные*.

У нас была церковь. Потом её свернули, как зачали эту катавасию, революция, ли кто ли.

...Ломали церкву. Я не видела. Чо ли, пойдѣшь глядеть?! Исакин братан *колоколы* сымал. Матка его и говорит яму:

— Но, сынок, ты *колоколы* срызаешь, но и тебе придѣт время, срежется голова.

Оны поехали на машине. Исакин братан стоял на крыле. И коло царѣвского проулка шофѣр как на угол дал, и угол-то чуть не сбили, чуть зимовьюшко не сломали. А он, Исакин братан, сразу оторвался. Може, пьяный был... И его задавило. И вот маткино слово не прошло. Как она яму сказала: но *колоколы-то*, говорит, срызаешь, но придѣт время, себе, дескать, голову срежешь где-нибудь.

...Хведот, бывало, скажет: чёрт собрал кучу и на горе стоять, как бы мене в эту кучу не заташили... Теперь никто не наруководит, и никто не направит эту власть. Вот я умру, а вы мене поминайте, дуручку. Никто не наладит жизнь, потому что ни туда пошла. Молодёжь, её хвалят, чо она делает?.. Они вон по огородам идут, без стыда мак срезают, тут же у пузо колют...

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Поп и милиционер

— Ты чо влияшь? — милиционер попу говорить.

А поп говорить:

— А ты чо влияшь?

— Я, — дескать, — забяру яво, но там чо нахулиганить, — говорить милиционер.

А поп говорить:

— А я ня забираю. А я вот яму молярию (*мораль*) начитаю. Скажу: вот воровать нельзя — грех. Тебе Господь накажет: может тебе стянуть, можешь ты горбатый быть, может у тебе рука отняться, нога. Человека няльзя обижать... Вот ты им тюрьмой, а я словами человека убеждаю. И он послушает и ня станет ня воровать, ня хулиганить...

А теперь к этой религии шибко не подходят. Мало-мало наши рябятишки кресты стали носить. А другой смяётся...

Семейские, сибиряки⁵⁹, буряты

Бурятка говорила:

— Мани-мани, подо мхом сидит чёрт вярхом.

Сямейская ей: дескать, нельзя так говорить...

Бурятка говорить:

— Бог один, а вера разная... Одни так молятся, други так молятся...

* * *

Раньше только бурят заязжать, matka:

— Вали, на вышке там...

Там чашка, ложка, кружка ли, стакан ли ляжать... Вот принясёшь, — посуда на вышке ляжит, кто бы ни напился, — буряты у сямейских шибко поганы считались. И посуду на стул ставили. Яво за стол — скажут: за престол, — садить няльзя. И ня садили. На стуле вот, аль на тубареточку тряпочку постелишь, и чай, суп, там ли чо, хлебушко дашь. Вот бурят сядить, чаюеть. Сроду у сямейских закона не было, чтоб бурят садился за стол. А тапери всё...

Православных получше принимали. Эти хоть чай за общим столом пили. А замуж ня брались и не жанились... У нас знакомые были, православные, псястрявские. Мы это ходились, чаевались всё, а замуж ня брались. Мне один, будто, парень знакомый:

— Мы вот Гашку возьмём замуж.

⁵⁹Сибиряки — здесь, в смысле, русские общеправославные.

А matka моя:

— Ты не вздумай, Гашка, за сибиряков выходить.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Суеверия

Ворожба

Мы на *росстаня*⁶⁰ с Валькой пошли, с подружкой. Вот пошли ворожить. Но взяли лопату, какой жар загребають. Вот пришли до проулка, зачартились⁶¹. Подруга зачартилась, и вот, будто, как стол кто волочил. Вот моешь новой раз стол, и поволочишь его, а он по избе-то — тр-р-р! — будто ножки трящат.

А тут Мишка-то Крендель жил. Я и говорю:

— А это Мишка-то услышал, что ворожим, да нас пугает...

Но потом я зачартилась, а он, будто, оттель шумит, идёт, будто, к нам. Вот подруга говорить:

— Расчертивамся. Кто-то идёть.

Но мы расчартились... На поликарпихин проулок пришли чартиться. Я как зачартилась — и будто на лопаточку вярхом сяла и сяжу. А тут собака идёть, белая, чёрное пятно — пёстрая... Марька, подруга, сматярилась:

— Расчартивайся. Видишь, счас чёрт задавить тебе.

Я тут расчартилась.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Приворожила мужа

Вот про няньку скажу, сястру мою Стёпу... Перед армией парень её нашёл, убёгом жанился от своих. И вот говорить: я приду оттуда с армии вам в зятя.

Но и пришёл вот так под самый под Покров Богородицы, ночью. Пришёл, постучал: Стёпа, мол, открой. Это я, Матвей.

Но она открыла. Давай самовар ставить, чаявать... Утром он ещё спить, нянька скорей чай наварила, и, може, чо ишо добавила, чтоб не тосковал, вроде, туда не ходил, будто к своей matке, бабке Марфе... Она ему так подделала, — на другой бок, — что он тут дня не стал жить. Когда чаю напился, и говорить:

— Я пойду к своим, чо-то же надо объясниться с имя. Чо-то, може, дадут, капиталу какого, хлеба ли...

Таперь, это, он ушёл, она баню вытопила, Покров жа. Яво нету. О-ой!.. ходить, ой, икру метаеть, плачеть:

— Это чо же тако?! Пошто Матвей сказал: «Я к обеду приеду, чо дадут, привязу...» Нету, нету, нету... Баня стопилась, она ня мыться ня идёть, ничо. И дедушка старый тоже запечалился...

Таперь ночь пришла. Эти ня в бане ня мыслись, ничо, с таким горем. Таперь она сидить вот так вот — сроду не забуду, вот какая была память, — и поёть:

⁶⁰Росстаня — перекрёстки дорог, улиц.

⁶¹Зачертиться — начертить круг на земле, в котором стоит девушка и ворожит.

*Вечер... вечерней порой
Выйду я в сад погулять.
Ночь ишо не настала,
Буду я милого ждать.
Но милый нейдёт,
Загорюю: наверно,
Не любить меня,
Наверно, он любит другую.
Но как не счастливая я.
Слышу, шаги раздаются,
Как будто мой милый идёт,
Я тут-то плетнём обовьюся,
И расцелую его.
Тут уж пойдут разговоры,
А там уж пойдёт болтовня,
Вспомнятся прежние ссоры,
Но было, это, конечно, шутя...*

Сама плачешь... А утром *надом* пошла к имя. Оне в слободе жили. Пришла, говорить... Свёкр собирается, надеёт длинный халат, это Богу молиться в церкву (нашего же приходу были, Покрова). Свекруха, говорить, там чо-то пекётъ — но, Покров, праздник. А он (муж. — *А.Б.*) на полу ляжить под одеялом. Я, говорить, подошла, открыло его, на кукурки присяла:

— Матвей, Матвей...

А он, говорить, одеяло на себя надёрнул. Сразу заплакала.

А тут его товаришы были. Такие были — Шамякины: и грабить могли, и воровать. Ихний дедушка... аж был сосланный. Лога, его звали, Лога-варначок⁶². Сосланный куда-то на Сахалин... Но она, это, к одному товаришу: дескать, ой, чо сделалось-то — Матвей-то до меня пришёл, а теперь мне ня открылси. Но, мол, чо на него нашкодили, но чо сделали?! Ня говорить...

Назавтре она домой пришла. Тут проревели день, проплакали. Таперь наш дядя сял верхом на коня, она за коня взялась, и он её повёл туда в слободу. Материн он, вроде, брат, дядя наш родной... Но чо, привёл туды: дескать, но дак вы чо думаете?.. Матвей говорить: а я туда, дескать, не пойду.

И ей-то потом говорить:

— Я к тебе шёл со всей душой. А ты мене чем напоила?! Как, дескать, утром у тебя чаю попил, у мене сделалось над глазами, адали, чёрно облако. Я, говорить, шёл в слободу, ничо ня видал, кто мне встретатся.

Вот там ишо внизу мужик есть. Вот ежли только чо сделает, чичас жаних расстроится, по нявесту ня идётъ. Вот бутылку бяруть и к ему ядутъ. Наговорит, чо-то сделает, опеть жаних с нявестой сходятся. Но нянька к ему повалила. Чо уж наговорил, ня знай, но опеть сошлись.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Нечистая сила водит

Мужик один, може, пьяной, ночью по улице шёл с псянями. А тут его будто кто позвал. И повяли. Вяли, вяли и завяли на кучки, где сыпали навоз. А дале

⁶²Варнак — разбойник.

стали ему вина давать. Но песню поют, пляшут... Ему дали вино. Он взял в левую руку рюмку и правой пярекрестился. И очутился — один сидеть на навозе. И он испужался и побежал домой. И сказал:

— Сроду не буду ночью один ходить по улице, песни петь. Черти одолеют... Наш он, Ковалёвой мужик, Дюшка Косой.

* * *

У бабы мужик гулял, всё, быдто, бросить её хотел. Она всё думала: «Задавлюсь, какая моя жись...» И шла, её в проулочек, быдто, мужики завяли... Там изба бравая и, быдто, стол стоит, на столе — вино, и пятля висить. Вот мужики говорят:

— На, выпей рюмку, и вот пятля висить.

Она думат: «Нет, Бубин-то задавился без креста, а у мене крест есть. Я боюсь давиться...»

И очутилась: одна стоит у этом проулке, и ни дома нету, ни рюмки, никого нету.

Домовой

...Ежли в новой дом заходят, хлеб, соль, божушка⁶³ заносють. А попередь крест нясут. Ишо батька с маткой благословляють: но, Господи, благослови...

Мы идём с хлебом-солем:

— Суженый-ряжяный, пусти нас ночявать. Не ночь ночявать, век вяковать...

Но попередь крест и хлебушко нясут и говорят:

— Суженый-ряжяный, домовой, пусти нас.

А кто пускал кошку попярд. Кошку пустьять, чтоб она ночи две ночявала, с нячистым боролась.

Дунька Калиничева рассказывала... Я, говорить, у новую квартиру пряшла, а крест и божушка ня принясала с избы. Имя дали с удобствами квартиру... И вот, говорить, придёт старуха и всё ходить, стучить. И я, дескать, говорю, и кто, Господи, стучить? Никого нету. И быдто, кто-то там сказал:

— У тебя божушка нету.

Она говорить, дескать, я божушка принесла, и не стало ни стучать, ничо. А навроде, домовой был.

Лесной домовой

В лясу у костра сидим, а старуха и скажет:

— Ладно, я хушь круг огня пройду.

— А чо ты, баушка, будешь делать?

— Я попрошусь у домового.

— А чо, баушка, он будет делать?

— А он ня будет нас пужать.

В лясу-то лесной домовой.

А мы, молодые, как-то не попросились. Но огня наклали, песни поём, хохожем. А он, лясной, всё швыряет горящими прутиками то одного, то другого. Вот мы и говорим: надо у домового проситься.

⁶³Божушек — икона.

Мы, бывало, придём у лес, огня накладём. Старухи скажут:
— Ладно, шалаболки, ня брянчитя.
И вот пойдёт старуха круг огня, почитает молитву.

* * *

...Спяки чятыря булочки и положи у чятыря угла. Это если домовой пужаеть, у подполью, у кажинный угол одну... Зачинают, где образы стоять; там, быдто, маленько землёй зароешь.

— Вот тебе, домовой хлеба-соли. Кушай, а мене ня пужай. Ня стучи, ня кричи...

* * *

Я сколь пряжила, на худом коне не пряредешь... Один раз я ляжу, вот, адали быдто, у эту стиралку — дрынь, дрынь, дрынь! — быдто, забреньчало. Вот, быдто, железка, упала. Чо упало? — оробела я. Потомоча, быдто, как в эту заборку палкой. Я вот на этой койке спю. А я одна была. И говорю:

— Ах ты... — сматярилася. — Ох ты, враг-то, сотона, откачнись от мене, у мене есть крест, на крясту три подписи: Лука, Марк, Никита Мученик. Никита за Христа душу спомучил, а за нас, за грешных, Богу молится. Отойди, чёрт, от мене. У мене есть Господь, стоять прястол и на прястоле стоять крест-хранитель. Сохраняеть мене.

А потом всё-таки оробела. Богу помолилась, вышла, избу замкнула. Игоре-ву дявчонку позвала... Имя сбряхала: у мене чо-то сердце колет, ня хватило бы. Пойдём, Светка, ночуешь у мене... Но потом, быдто после, я хлебушек, это, спякла. Чятыре булочки — таких, как тарочки. Но хлебушка, солички положила по углам, и так сказала:

— Гостю *добрый час* сказать, *худой час* — промолчать...

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Колдун Кузя испортил

Но, колдун — он портил. У нас был — это Кузьма Михайлович, Ларионов отец. Я даже этого Кузю сама знаю... И вот Игоря Исайкина повяли жанить. Пошли по нявесту. Он кудри наладил, шапку надел. Но мы идём, песню поём. И этот Кузя стоит коло ворот, и у этого Игоря шапка пулей слятела. А мы эту шапку взяли, хоп опять на голову надели. И пошли, песни поём. Я ишо поздоровалась. Вот он таперь покойник...

Но вот мы яво прошли, туды, будто, пришли, нявесту взяли. Но назавтра тут погуляли. И на третий день Игорь захворал. Глаза таки сделались красны, вывярунулись... Так рявёт:

— У мене иголка... Ой, колет у мене иголка.

Но мы давай эту иголку искать. Може, кто у швы затолкал. Давай у штанах искать, у гашнике, у воротнике, у столбочке... У постели искали, у сапогах. Шарили иголку... Но шарили, шарили, а я говорю Исайке (*отцу жениха*):

— Знаешь чо, Исака, это никакая у него, говорю, не иголка. Мы пошли по Надьку, а Кузя стоял коло ворот, и он чо-то сделал.

Исака матюгом сматярилася:

— Вали, Гашка, зови.

А я говорю:

— О-ой, я позову, а он как мене спортить, а я чем буду лячиться.

— Не спортить. Вали.

Я к яму пришла, у переднии ворота зашла, ну, с улицы. А он мене потом на зады вывел. Говорит:

— Ну, иди сюды, чтоб народ ня видел.

Я туды на зады, да и к мельнице. Да и по закоулку домой пришла. А Кузьма, это, пришёл, взял ножик и причяртил парня. И наш Игорь замолчал, хворать ня стал.

* * *

Парень Хведя тоже жанился. Вот она, хозяйка, сама мне рассказывала. Мы, говорить, шли, и тоже этот Кузя стоял коло ворот. И у мене, говорить, кичку вот так кто снял. И она потом ня стала жить с им (*с мужем*). Хведя сам рассказывал:

— От, говорить, повернётся к мене задом. Я туды перелезу, она сюды опять повернётся. «Но ты пошто мене, Ефросинья, ня любишь, ли чо? Мы с тобой сошлись...» Молчит...

Она так и разошлась с ём. Это он, Кузя, испортил, чтоб не любила она яво, и всё.

* * *

...Вот это Гашка Бондарева рассказывала. Мы, говорить, собрались деуку тоже замуж отдавать. Вот заехали к Шкуркиным... А этот Кузя всё ходил, у дырочки глядел... Коней стали выводить, а кони со двора ня выходят. Вот так на дыбы скачуть. Вот их били, били, кое-как вытолкали со двора. Но приехали туды по нявесту, у Елани она жила. Обратно поехали. Выехали, говорить, с проулка, и дуга из оглобель вылетела. Но запрягли рябятя. До Звахимовых доехали, опять вылетела дуга... Потом до колхозных амбаров доехали, и тут вылетела дуга. Но нявеста соскочила с кошевы, взяла конёв выпрягла, и круг вот так провяла. Вокресную молитву прочитала. Запрягли... На хребте, говорить, только вылетела дуга.

Но потом её замуж отдали, кичку бабью надели. Там чай пили, и всё... Утром пришли, а нявеста говорить:

— Я ня буду жить. Домой поеду с вам.

И ня буду, и ня буду, и ня буду... Я говорю Аксинье:

— О-ой, Аксинья, Нюрка (*невеста*) ня будет жить. Зови этого Кузю лечить.

Аксинья говорит:

— Кузю позову... У мене есть три метра товару, я, говорит, яму дам.

Кузю позвали, он чо-то наштаптал — и всё. Она (*Нюрка*) и по счас живёт с мужиком.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Предсказания

...Она пястярёвска... Прийду вот, стану с ей чаевать. И она мене рассказывала, это в войну мне Аксинья говорила (*1942–1945 годы*):

— Вот, дескать, Капитолина, я умру, а ты помни... Я молодая была, она уж, будто, под годами была. Но и вот, будут, дескать, гибнуть — молодёжь, как мухи. Перед последним временем. Все не своей смертью. Будут, дескать, они зря биться. А девки будут, женщины молодые, как скот. Вот скот, дескать, чичас на улице кроется — коровы ли, кто ли, — они скот. А придёт время, девки так будут.

Но мы никогда не верили: чо же это будет?! А теперь голые ходють... У Сёмки девка принесла одна (*без мужа*) и подбросила матке, и в городе поживает...

Потом про дома Аксинья рассказывала:

— Перед последним временем, дескать, гибнуть будут, девки голые ходить. Построять дома по 20, по 40 этажей. И вот ежели навредять, ежели зимой на неделю свет отключать, и могут все погибнуть.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

* * *

...Мать моя говорила, что перед последним временем будять война с востоку и до западу. Будут мячи лятеть, будять небо медное, зямля жалезная — родить ня будять.

Но таперь атом бросять, конечно, будять всё жалезное да медное, и зямля родить ня будеть. Это всё правда.

Она, говорить, останется у граде один человек, ну, у городе ли, у дяревне ли. Вот потом сойдутся, может, чтоб стару жись сделать. Но трудно... Таперь так, по-старинному, ня сделать: как мы боялись Бога, людей стыдились.

Вот моя мать так говорела.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

*Материалы фольклорно-этнографической экспедиции записал и обработал
А.Г. Байбородин*

ЕВГЕНИЙ ДЁМИН

Воспитание души

Концепция прибайкальской историко-краеведческой,
природно-архитектурной, туристической зоны

Концепция развития музея «Тальцы» в перспективе
устойчивого развития Байкальского региона

Без чувства родины нет народной памяти

Любой букварь неполноценен без странички о значении родного Отечества. Эта концепция выявляет те негативные нравственные изменения, уже вполне укоренившиеся на просторах нашей Родины. Сила патриотизма, о которой так часто сегодня приходится только лишь слышать, всегда была и останется прямо пропорциональна количеству вложенного в него личного труда. И только такое вложение в будущность России, вопреки обольстительному западному гипнозу, способно сохранить и приумножить величие Отечества. Чувство Родины, как поётся в песне, всегда было непонятно «чужеземным мудрецам» или только тунядцам и бродягам, чуждым созидательным началам любого общества. Автор концепции последовательно раскрывает, ЧТО в России, совсем ещё недавно, являлось источником полноценного человеческого счастья и почему так

ДЁМИН Евгений Викторович родился в Иркутске в 1966 г. Окончил Иркутский государственный университет. Работал в Иркутском бизнес-центре «Содействие», в Иркутском туристическом центре «Байкал-Ангара», в компании «Ростелеком». Сегодня он является руководителем комплекса памятников архитектуры на 80-м километре Кругобайкальской железной дороги. Живёт в Иркутске.

видоизменилось и оскудело оно сегодня. Именно современный музей под открытым небом обязан восполнить этот утраченный источник счастья, восстановить утраченные нравственные ориентиры, справедливо возложив на себя просветительскую и самообразовательную роль.

Автор концепции Евгений Дёмин, на примере подобных музеев мира, говорит о способах пропаганды местной культуры, наиболее доступных и полюбившихся интересующимся посетителям, используя понятие «культурный туризм», как доминирующий сегодня в этой отрасли. Он рассказывает об истории посёлка Тальцы, основанного более чем через сто лет после строительства Иркутского острога, и незаслуженно забытом имени А.А. Баранова, внёсшего свой вклад в развитие этой местности. Особенный интерес представляет идея воссоздания Тальцинской Казанской церкви. Удивительно доступным способом, особенно для детского мировосприятия, Евгений Викторович предлагает воплотить в реальный облик на территории музея сказочный городок Конька-горбунка, который уже есть в Тюменской области. Эта русская сказка особенно хорошо знакома каждому и легко переносит любого взрослого и ребёнка в сказочный мир русских персонажей.

Очень перспективной является идея автора организовать выездную регистрацию брака на территории музея «Тальцы», как это сделано на территории культурно-исторических объектов нашей столицы.

Совсем неосвоенной темой в Сибири является, по мнению автора, литературное краеведение. А путешествие по местам литературных событий сегодня уже стало весьма привлекательным мероприятием. Подобных примеров много: путешествие из Петербурга в Москву (по книге А.Н. Радищева), Есенинские места Рязанской земли, походы по Мещёре (по произведениям К.Г. Паустовского), усадьбы бунинских литературных героев в Липецкой области, места, связанные с творчеством М.М. Пришвина. Автор концепции вполне оправданно предлагает сделать подобное и у нас.

Природные достоинства музея «Тальцы», по свидетельству автора, можно также превратить в стабильный источник доходов, тем более что территория музея и историческое предназначение площадей, его окружающих, вполне позволяет это сделать.

Конкурс на изготовление исторического объекта из льда в зимний период мог бы вполне занять достойную нишу уже традиционного «зимнего рукоделия».

Автор показывает на примере других музейных комплексов важность выработки собственной маркетинговой политики в рамках выбранной стратегии развития, особенно сегодня, когда нужно обосновывать каждый бюджетный рубль, как запланированный, так и освоенный. Очень обдуманно автор подходит к стратегическому формированию въездной зоны музея, актуальность которой будет очевидна после реконструкции автодороги, ведущей в музей «Тальцы». Не вошедшая в концепцию, но сегодня очень востребованная, стала идея автора перевозки парохода «Благовещенск» на причал музея «Тальцы».

Чувство Родины не приходит из ниоткуда, оно вырастает из светоносных начал и корней русского национального самосознания. Чувство Родины удерживается теми надёжными скрепами неувядающей русской истории и культуры, которые являются особенным генетическим кодом русского народа, и в любом преломлении судеб народных никогда не может исчезнуть из русской жизни и русской памяти.

Владимир СКИФ

*Сын мой! Не сей на бороздах неправды, и
не будешь в семь раз более пожинать с них.*
Сир. 7: 3

Опубликовать основные фрагменты моей работы на страницах журнала «Сибирь» подсказал мне поэт Владимир Скиф. Я согласился с этим предложением и решил опубликовать свои размышления, доверившись сибирскому читателю, который, как чуткий барометр, улавливает все изменения, происходящие в нашем, несправедливо оболганном и обворованном Отечестве. В нынешних условиях далеко несовершенного мироустройства русскому человеку уже довольно удивляться размерам утраченного, а необходимо сосредоточиться на наличии уцелевшего. При нынешнем активированном курсе на капитализм много чего ещё будет, да мало чего останется. К сожалению, эта истина очевидна далеко не всем. Поэтому задача возрождения родных культурных ценностей актуальна сегодня как никогда. Моя концепция раскрывает эту тему, коротко обобщённую выше, на деятельном примере перспектив развития музейного комплекса «Тальцы», представляющего собой достойную научно-познавательную школу былой сибирской жизни.

Сразу отмечу, что своим динамичным воплощением в жизнь эксклюзивного экспозиционного материала музей «Тальцы» во многом обязан его директору Владимиру Тихонову. Вот несколько моментов новейшей истории становления музея. Начало ему положила Г.Г. Оранская. Я всегда задавался вопросом: отчего это московский архитектор и главный архитектор нашего музея «Тальцы» от советской ещё «Союзреставрации», оставила такой значимый след в исторической систематизации далёкого сибирского музея, ставшего сегодня хранилищем ныне сбережённых «крупниц» жизнеутверждающего деревенского уклада? Её работы над восстановлением Спасской церкви, Богоявленского собора, дома С.П. Трубецкого, генерального проекта нашего музея, тогда ещё «народного деревянного зодчества под открытым небом», — некий акт подвижничества, ныне уже вполне утраченный. Впервые приехав в Иркутск в 1959 году на обследование старинных построек города, Галина Геннадьевна так и осталась у нас на два десятилетия. Методика строительства ангаро-илимской зоны музея «Тальцы», несомненно, принадлежит ей. Её генеральный план от 1971 года на две трети соответствует нынешнему. Перестройка начала 90-х годов остановила развитие всех мыслимых и немыслимых проектов. Наш музей не стал исключением. Но ему было суждено выжить в новых экономических условиях благодаря и нынешнему его директору, который уже в 1999 году выверил формирование экспозиций музея в полном соответствии с историко-культурным зонированием Иркутской области, черпая информацию в основном из экспедиций и архивных документов. Каких усилий это тогда стоило, ведомо только Владимиру Викторовичу! Так, усадьба Зарубина навсегда останется в истории музея как отреставрированная в жуткую эпоху перестройки без рабочей документации и без реставрационных госпредприятий, канувших в Лету, как и многое другое. История выживания музея в годы перестройки — это материал для отдельной книги.

Каждый современный человек, у которого ещё хоть как-то сохранилась чуткость к наблюдению или способность подслушать то таинственное биение

пульса исторической жизни человечества, не может не признать, что сегодня начинает особенно активно свершаться разрушительный процесс, именуемый утратой деревянного наследия. Впечатляет то, что совершаемая утрата имеет под собой вполне законную почву, названную «выводом памятников из списков культурного наследия»... наследия наших предков. В литературе уже не раз делалась попытка отыскать эту отличительную черту нашего века, но человеческий гений, так или иначе растворённый соблазнами века сего, рисовал её либо недостаточно полной, либо недостаточно меткой. Благодаря прогрессу мы обречены сегодня блуждать в «дремучем лесу» современных многоэтажек, как в прямом, так и в переносном смысле. Мы сами идём в ногу с ними и с вопиющим постоянством, уже равнодушно топча жалкие остатки деревянной старины. В недалёком прошлом всепоглощающий идеализм оказался слишком не соответствующим реальным запросам жизни и должен был уступить место иным, к сожалению, более пагубным началам. Они, паче всех предыдущих, наложили свою печать на идеологию века сего и стали именоваться материалистическими. Сегодня материализм решительно выступил в качестве последнего выразителя всех чаяний современного человеческого рода, «затаптывая в асфальт» последние деревянные шедевры и сибирского деревянного зодчества, а с ними и остатки былого духа. Музей «Тальцы» лидирует в деле сохранения культурного наследия Предбайкалья, неся зачастую собственные «тяжёлые» финансовые затраты, буквально вырывая из «небытия» чудом уцелевшие артефакты, бережно сберегая их в своих запасниках. Музей ныне имеет полновесный повод похвалиться своей последовательностью, твёрдостью и основательностью как уже принятых, так и принимаемых решений.

Переселенческая и подгородно-городская зоны музея «Тальцы» в 2002 году завершили «проекцию» реальных историко-культурных зон Предбайкалья на его территорию. Вся дальнейшая работа по соответствию выявленному культурному зонированию нашей области велась в музее уже в рамках девяти утверждённых зон в нынешних его границах. Историко-культурная зона Сибирской железной дороги стала завершающей десятой зоной и расположилась уже на своих исторических землях вне границ АЭМ «Тальцы». Конечно же, здесь нельзя не отметить, что музеефикация части Кругобайкальской железной дороги с её передачей в состав АЭМ «Тальцы» произошла по инициативе нынешнего министра культуры Иркутской области Ольги Константиновны Стасюлевич. Думаю, наши потомки никогда не забудут, кем был сделан первый действенный шаг в деятельном государственном признании этого объекта как шедевра российской культуры и инженерной мысли.

Ещё немного слов о концепции развития музея «Тальцы». В 2015 году русский писатель Анатолий Байбородин назвал её «уникальным, основательным и детальным проектом», имеющим «несомненную духовно-нравственную, историко-этнографическую, культурную и эстетическую ценность». А. Байбородин отметил, что «концепция представляет огромный интерес для Иркутской губернии» и вполне могла стать «не только объектом историко-этнографического познания народной судьбы и народной деятельности, но и объектом, воспитывающим в соотечественниках созерцательную и воинственно-оборонительную любовь к родному народу и Отечеству».

В музее «Тальцы» уже давно, благодаря внедрённым инновационным формам работы с посетителями, им могут быть даже предложены возможности их личного творческого участия. Умелая актуализация музейных коллекций и собраний, воплощение в жизнь сопутствующих традиционных развлечений для посетителей различных возрастных и социальных категорий сделали наш музей «визитной карточкой» не только России. Сегодня наш музей выступает как своеобразная моделирующая система культуры, интегрирующая различные культурно-исторические периоды жизни наших предков и представляющая ценностные характеристики культурного наследия и творческие достижения уже как общественного богатства. Показ не только предметов, но и различных фрагментов историко-культурной среды, видов человеческой деятельности становится у нас решающим и уже хорошо заметным многим туроператорам мира.

Объекты наследия, отражая в себе основные *черты национальной идеи, как идеи, консолидирующей современное общество*, представляют собой один из основных видов достояния народов Сибири, который в настоящее время всё же сильно недооценен обществом и, как следствие, в должной мере не востребован. Сегодня именно культура и наследие определяют отношение мирового сообщества к стране, включая её инвестиционную привлекательность.

С началом либеральных реформ в России активно начала внедряться порочная идеология индивидуализма и стяжательства, внушавшая только чувство исторической вины, национальной ущербности и цивилизованной отсталости. Всё это насилие над духом и явилось доминирующей причиной сильнейшего стресса наших соотечественников. Происходила глубинная психологическая реакция в наших душах, сопровождавшаяся уже прямым и вполне очевидным для всех саморазрушением личности. Причём доминирующее неприятие новой идеологии определилось не столько предыдущим советским воспитанием, сколько исторической памятью народа, воспитанного в простых приходских школах и вышедшего из жизнеутверждающего уклада той самой деревенской жизни, так всесторонне представленной сегодня в нашем музее «Тальцы».

Буквально из случайных разговоров вдруг узнаёшь, что в музее они (посетители) не впервые, что им нравится бывать здесь, и многие при этом добавляют ключевую фразу: «Хорошо тут, душа отдыхает». Это чувство в той или иной степени знакомо здесь каждому. И кто, как не душа хозяина дома, возле которого ты в уединении остановился, прикоснулась к тебе, растревожила уже твою душу, быть может, ещё не знавшую вдохновений и истосковавшуюся о чём-то давно ушедшем, далёком и не менее прекрасном. Происходит удивительное осознание, что *даже такой, потревоженный реставрацией памятник — живой, и наполнен духом своих создателей*. Видимо, именно поэтому, казалось бы, в «мёртвом музее», из домов которого уже давно ушла действенная материальная жизнь, мы не испытываем чувства уныния, тоски, печали, которое всегда охватывает человека при встрече с чем-то отжившим.

В нашем музее, как и большинству по России, работают замечательные люди, влюблённые в культурное наследие нашей страны. Они хотели бы работать с культурным наследием и вполне осознанно выбрали не бизнес. Тем не менее, веяние времени вносит свои коррективы, зачастую вне нашего желания, оставляя прио-

ритетными любые пожелания посетителей. Да, это западная модель хозяйствования, во многом «продажная» и поэтому непонятая нашим менталитетом. Желание преуспеть на туристическом рынке толкнуло некоторые музеи на удовлетворение сугубо низменных желаний человеческой природы и, надо сказать, «не безуспешно» в плане доходной части. К сожалению, именно она является целью любого коммерческого предприятия. Однако нравственные ориентиры у русского человека во все времена брали верх над прибылью как таковой и были «мерным стаканчиком» смысла самой жизни всех представителей общества, невзирая на их социальный статус. Поиск «золотой середины» здесь вполне уместен, очевиден и даже результативен на примере ряда подобных музеев России. И всё же некоторые изменения, так востребованные и даже успешно реализованные в подобных учреждениях России, подлежат отнюдь не пассивному копированию, а нравственно выверенному переосмыслению в свете окружающей нас наличной жизни.

Надо сказать, ситуация усугубляется тем, что Россия продолжает находиться в состоянии неопределённости в выборе пути своего развития: с одной стороны, всё более убедительно, в контексте изменившейся за 2014–2015 годы геополитической ситуации в целом, звучат тезисы о России как самостоятельной цивилизации. С другой стороны, влиятельные силы внутри и вовне страны видят Россию только в качестве неотъемлемой части Запада. Цель любого музея страны — опровергнуть эти ложные идеи, опираясь на доказательную базу своих экспонатов и жизнеутверждающую силу исторически выверенных постулатов людей-созидателей, потомками которых мы с вами и являемся. *Именно непреходящее наследие и культурные ценности в статусе неопровержимых «улик, уже вполне претендуют на роль определяющих в признании России великой державой.*

Нетрадиционная для отечественной образовательной системы наличная идеология, основанная на постулате толерантности ко всему и во всём, полагает приоритет интеллектуального развития над нравственным и опускает смысл таких основополагающих понятий как *духовность* и *нравственность*. И вот нам уже искусственно навязана возможность образования отдельно от воспитания. А воспитание, оторвавшись от семьи, легло под пресс образовательно-развлекательных компаний, но уже в контексте сугубо либерально-демократических ценностей. Эти ценности уже давно доминируют в построении нравственных эталонов молодёжи, да и общества в целом. А вот здесь уже только традиционный уклад может быть противопоставлен агрессивному влиянию современной, всё разрушительной культуры как некой цивилизационной модели, так умело и последовательно внушаемой нам. Как ни примеряй, но западный кафтан никак не лезет на тело самобытной российской цивилизации. У России нет другого выхода из кризиса в духовно-нравственной сфере, *кроме реанимирования традиционных ценностей отечественной культуры.* Это возможно лишь при условии восстановления духовного, нравственного и интеллектуального потенциала исторически выверенного родного самосознания. Конечно же, сказанное здесь имеет привкус некой демагогии в сознании вот уже большинства нравственно атрофированных наших сограждан, уже неспособных разобрать, «что такое хорошо и что такое плохо». Потому что наша наличная реальность *растворяет нравственный образец*, с которым так тщательно сверял свою жизнь каких-нибудь сто лет назад наш предок. «Крошка сын к отцу пришёл и спросила кроха...» А у кого спросить нам?

После всенародного принятия и утверждения пагубной и заимствованной идеологии нас ждёт лишь участь пленника мирового порядка. Именно об этом думая, и пытался достучаться до нас в своих произведениях великий наш земляк Валентин Распутин.

Возвращаясь к сказанному, повторяюсь, что половину всех туристов при посещении ими иностранного государства, прежде всего, интересует местная культура. Музеи под открытым небом, главным образом историко-архитектурные, историко-бытовые и историко-этнографические, дают им эту возможность. Исследования, проведённые недавно в Великобритании, в Канаде, а также в нескольких странах Средиземноморья, показали преимущества развития культурного и этнографического туризма, основанного на добротном музейном продукте. Они продемонстрировали, что спрос на другие виды привлечения посетителей (рекреационный, экотуризм, спортивный, экстремальный туризм и др.) подвержен регулярным колебаниям, в то время как спрос на культурный туризм остаётся стабильным и год от года непрерывно растёт, о чём свидетельствует и наш музей «Тальцы». Акцент сместился с проблемы изучения культурного наследия в сторону разработки способов его «культурного оживления» или «анимации». В качестве иллюстрации этого процесса хорош пример функционирования «живых исторических ферм» и промышленно-технических музеев под открытым небом в Англии. К числу последних можно отнести Блестс Хилл (BlistsHill). Его экспонаты — подлинные и реконструированные здания рабочего посёлка конца прошлого столетия, рассказывающие о жизни простых людей в Англии на рубеже XIX и XX веков. Так вот, попадая в этот музей, туристы переносятся на сто лет назад, в типичный промышленный городок эпохи королевы Виктории. Они встречают живых людей, одетых по моде тех лет, которые занимаются своими повседневными делами, гуляют или отмечают праздники. Первое, что посетители видят на своём пути, — банк, где их радушно встречает клерк и предлагает обменять современные деньги на старинные пени и шиллинги. Это позволяет глубже окунуться в эпоху, прикоснувшись к ней через эти старые монетки, которые можно здесь и потратить. История как будто оживает на глазах у посетителя, а он становится её частью. Ему предоставляется уникальная возможность прожить один день в девятнадцатом столетии. На главной улице его встретит продуктовая лавка, аптека, где можно купить такие же продукты, которые покупали жители, когда-то населяющие эту территорию. Для туристов всегда открыта дверь в местные закусочную, где можно расслабиться, отдохнуть, отведать блюда, приготовленные по старинным рецептам, и насладиться прохладой настоящего английского пива. Невозможно пройти мимо пекарни, от которой исходит аромат свежесдобитого хлеба, и дети ни за что на свете не пропустят магазин сладостей, не попробовав конфет, которыми лакомились их сверстники сто лет назад. Здесь действует даже небольшая типография, где каждый может напечатать газету на старинном станке, мастерская по производству свечей, лепных деталей из гипса, столь популярных украшений в домах, литейная мастерская, шахта по добыче угля, лавки плотника, портного, приёмная врача и многое другое. Везде работают люди, показывая процесс производства той или иной вещи. С ними можно поговорить, узнать, чем они занимаются. Немного в стороне располагаются доменные печи, где выплавлялся когда-то первый чугун, обжигался кирпич. Стоя на специально оборудованной

площадке при изготовлении вещей с помощью ковки, можно самому засвидетельствовать разницу в технологии получения кованого и литого чугуна. И вся эта, казалось бы, «массовка», так непритворно напоминающая съёмки исторического фильма, вполне оправдана и, чему уж совсем сложно поверить, вполне рентабельна. Присутствие здесь рациональных зёрен очевидно, и усечённые примеры подобной музейной анимации наблюдаются уже и в России. Визуальный отпечаток увиденного можно усилить мягкими наружными световыми эффектами. Веяние времени уже на деле показало преимущество той же вечерней подсветки памятников, ставшей в городской черте вполне очевидным явлением, не требующим особых капиталовложений.

Одной из возможностей привлечения туристов является сохранение и развитие *народных промыслов и традиционных технологий*: резьба по дереву и кости, ткачество и вышивание, лозоплетение, изготовление валенок и унтов, керамики и игрушек, кованых и чеканных изделий, другие традиционные виды деятельности народов России. Задача сохранения народных промыслов и традиционных технологий не всегда успешно решается на широких просторах нашей страны, но их добрые примеры уже хорошо известны нашему музею. В Рязанской области десять лет существует областной художественно-экспертный совет по народным художественным промыслам, и деятельность даже самих ремесленников защищена законом «О народных художественных промыслах Рязанской области». Меры государственной поддержки не только позволили сохранить такие предприятия, как «Скопинская художественная керамика», «Труженица», «Кадомский вениз», «Шилово-Лоза», но уже способствовали образованию новых, в частности, художественно-творческой мастерской «Михайловское кружево». Значительные бюджетные средства были направлены на реконструкцию Кольванского камнерезного завода в Алтайском крае, где история и современность переплетены, связаны друг с другом. В обновленном здании краевого Художественного музея предполагается создать постоянную экспозицию, посвященную истории камнерезного дела на Алтае. Музей-заповедник «Куликово поле» также выступает активным организатором туристского обслуживания. В его рамках, помимо экспозиции на Куликовом поле, функционирует музейный центр «Тульские древности» в самой Туле, сформирован музейный комплекс в историческом городе Епифань. На территории Куликова поля имеется небольшая гостиница, действует летний школьный археологический лагерь. В Епифани внедряется новая очень интересная форма приёма детей-туристов в домах у местных жителей («лето — у бабушки в деревне»). Таким образом, складывается ситуация, когда реальную стратегию туристского освоения историко-культурных ресурсов Тульской области взяли на себя музеи-заповедники: «Ясная Поляна» — на западе и «Куликово поле» — в восточной её части. В музее-заповеднике «Коломенское» уже традиционно проходит исторический фестиваль «Времена и эпохи». Когда фестиваль 2013 года был посвящен Средневековью (XIII–XVI века), в трёх больших лагерях — «Русские княжества», «Золотая Орда» и «Рыцарская Европа» — прошли рыцарские турниры.

Что говорить, но наша исконно русская Масленица, уходящая своими корнями еще в языческую Русь, своим глубоким смысловым масштабом легко покрывает эти бессмысленные рыцарские турниры. Ведь Масленица, так богато наполненная

духовным содержанием, навсегда соединила древнюю Русь с христианством. Несколько снисходительное отношение к языческим обрядам уже Владимирской Русью ознаменовало собой примирительный акт сочувствия и уважения к народу, не готовому в одночасье и вероломно нарушить преемственность древних обрядов своих предков. Воссозданный в нашем музее Троицкий храм может наполнить этот праздник совершенно иным содержанием. Ведь на Руси в этот день гулянья начинались после воскресной службы. Сопутствующий факт — временной интервал, посвященный литургии, у нас в музее не используется. Гулянья начинаются уже после. Насколько бы уместен был здесь колокольный звон, возвещающий начало торжества!

Этнографический музей народов Забайкалья (Улан-Удэ) сумел организовать выставку-экскурсию «Один день из жизни сказителя-улигершина». Так, этническая Бурятия знакомит своих посетителей с характерным бытом и творчеством сказителей, их исполнительскими традициями конца XIX — середины XX века, приобщает к познанию величайшего наследия устного народного творчества бурят — героического эпоса «Гэсэр». Обратиться к нашим живым «сказителям» — сибирским писателям рано или поздно нам тоже придётся. Ведь любой формат подобных встреч несомненно найдёт отклик у опустошённого западными ценностями нашего многострадального народа. Писатель Анатолий Байбородин творил свои произведения, проживая непосредственно на территории нашего музея. Его произведения пропитаны укладом здешних просторов, раскинувшихся вокруг деревни-малодворки. Достойных примеров много. Надо сказать, что и наш опыт хозяйствования уже давно и активно привлекает своей эксклюзивной самобытностью другие регионы России. Многие начинания нашего музея достойны подражания и уже наполняют новым содержанием культурное наследие нашей державы, оживляя и непритворно впечатляя их деятельный интерес.

В материалах по Кругобайкальскому пути впервые Тальцы упоминаются в 1768 году как сенокосные угодья купцов Сибиряковых, крупных судовладельцев, осуществляющих перевозки грузов через Байкал и по Ангаре до Енисейска. Но уже дальнейшее освоение Тальцов связано с именами купца Александра Баранова и профессора Эрика Лаксмана. Пески и кварциты, находящиеся на территории Тальцов, ещё в 1767 году привлекли внимание этих людей возможностью организовать здесь стекольный завод. В 1784 году Баранову был выделен земельный удел для организации завода и разбивки селения. Его просьба была удовлетворена генерал-губернатором Восточной Сибири Якоби. С этого времени началась славная история Тальцов.

Уже в 1788 году завод дал первую продукцию. Стекло, производимое на местном сырье, оказалось очень качественным, и изделия пользовались большим спросом и за пределами России. В 1813 году владельцем завода стал купец Солдатов, который уже к тому времени имел в Тальцах небольшую фаянсовую фабрику. К середине XIX века запасы местного песка кончились, и завод стал работать на привозном сырье. В 20-е годы XIX века в Тальцах начинает работать мануфактурная фабрика по производству сукна. И это всё производство было налажено в непосредственной близости от нынешнего музея «Тальцы». В середине XIX века д. Тальцы превратилась в значительное селение, имела школу, церковь, несколько магазинов. Стекольный завод после революции был национализирован.

В 1956 году в связи с образованием Иркутского моря место расположения села Тальцы и сам завод ушли под воду, разделив трагедию с тысячами сибиряков, приговоренных, уже чуть позже, к вынужденному переселению в силу все тех же причин. Памятник человеку-страдальцу, в одночасье лишившемуся земли под ногами, уместно поставить именно здесь, недалеко от стен затопленного завода. Он был первенцем в чреде исчезнувших сибирских деревень, чьи судьбы поглотила погоня за дешевой энергетикой. Хотя история уже знала волжскую Мологу, ушедшую под воду с 294 жителями, добровольно отказавшимися покидать малую родину. Наш стекольный завод тогда перенесли в г. Тулун с частью жителей села Тальцы. Другая её часть, вынужденно переселившись выше по течению Ангары, превратив, ещё тогда, посёлок Большая Речка в самый крупный на всем протяжении Байкальского тракта.

Имя Александра Андреевича Баранова, создателя тальцынского стекольного завода Иркутской губернии, первого правителя Русской Америки, осталось непрославленным в иркутской истории. Баранов установил торговые отношения с Калифорнией, Гавайскими островами, Китаем. Он стал первым в русской истории человеком из купеческого сословия, пожалованным именной золотой медалью. Его именем названы: остров в архипелаге и сам архипелаг Александра (в заливе Аляска), бухта Александр на Тихоокеанском побережье Северной Америки, остров в шхерах Минина (Карское море), гора и мыс на острове Сахалин, музей в Кадьяке, гостиница в нынешней столице Аляски — Джуно; одно из транспортных судов проекта «Либерти» носило его имя; в Ситке установлен памятник Баранову; к 250-летию со дня рождения Баранова был установлен памятник на его малой родине в Каргополе; в 1991 году была выпущена почтовая марка СССР, посвящённая Баранову... В Иркутске его имя знакомо только лишь любителям русской истории. Именно Тальцынская земля призвана сегодня возродить память о создателе стекольного производства.

Как ни странно, но именно изделия из стекла сегодня смогли бы продолжить традицию русского стекольного производства, пусть не в промышленных объёмах, но ради исторической памяти. Ведь не секрет, что даже цветовая гамма, широко выпускаемой продукции того времени, не уступает, а может, и превосходит современные бытовые красители стекла. Свидетельством тому являются причудливые элементы старинного битого стекла, разбросанного сегодня на берегу водохранилища, рядом с музеем «Тальцы». Эксклюзивность осколков тех времен, наряду с доступностью их обнаружения, со временем может скорректировать и вектор развития музея в целом. Непосредственная близость исторических земель уже не раз меняла стратегию развития музеев России. Ведь на берегу вот уже более полувека отчётливо просматриваются не только осколки, но и элементы разрушенных печей с характерным присутствием стеклянной плёнки на огнеупорных материалах. Самым актуальным видом производства стекла является выдувание, на котором, быть может, и стоило бы сегодня остановиться. Его технология не изменилась и по сей день. Мастер путем выдувания из обыкновенного стекла создаёт уникальные произведения — шедевр, который имеет свой собственный почерк, заочную неповторимость и несравнимый ни с чем другим сувенир. Здесь не требуется огромных знаний и производственных площадей. Нужно просто захотеть иметь свой бренд. Под воздействием температуры в 900 градусов стекло уже принимает нужную форму. Это трудоёмкий, но вполне осуществимый процесс.

VIP-подарок или бизнес-сувенир может попытаться создать каждый желающий. Дело в том, что порцию стекла, подобно мыльному пузырю, можно раздувать воздухом под давлением. Стекло набирают на конец полый трубки или специальной дутьевой головки с полым керном, через которые подаётся воздух. Изделие обычно выдувают в форму, в которой его держат до тех пор, пока оно не отвердеет. Но не будем углубляться в технологию изготовления стеклянных изделий, чем раньше занимались здешние мастера-стеклодувы. Одно ясно — создание уникальных художественных изделий вполне доступно и осуществимо сейчас и здесь, и вернуться к этой деятельности в наше время просто необходимо, хотя бы в рамках того же «сувенира из Тальцов». Подобные изделия в недалёком будущем вполне могут претендовать на памятный бренд новых видов популяризации областного объекта культурного наследия.

Продолжая тему реальной истории посёлка Тальцы, вполне уместно было бы остановиться более подробно на *Казанской церкви*, построенной здесь в 1859 году на средства коллежского асессора Н.Г. Мальцева. Место её расположения сейчас затоплено и находится в нескольких десятках метров от уреза воды, недалеко от Ангаро-Илимской зоны музея. Само место сейчас находится под водой, но часть исторически сложившейся территории осталась, и идея воссоздания на ней храма очень правильная и дальновидная, хотя бы потому, что это первая по течению Ангары церковь, умышленно ушедшая под воду. Её реальный облик здесь всегда бы напоминал о невинных судьбах затопленных деревень. Задача воссоздания церкви во многом упростилась бы тем, что в то время они строились по «образцовым чертежам» сельских храмов, не требующих проекта. Это послабление распространялось и на мастеров, строящих храм и не имеющих на то соответствующего архитектурного образования. Исторические фотографии и современные технологии легко позволили бы нам восстановить внешние пропорции храма. Запнутая линия, проведенная по внешнему периметру здания церкви, по аналогии с ватерлинией теплохода, могла бы дать посетителю музея ясное представление о воображаемой подводной части храма, окажись он сейчас на своем историческом месте. Более того, оригинально оформленный и светящийся плавающий маячок, установленный на реальном и затопленном сегодня месте церкви, всегда бы напоминал о трагических судьбах наших соотечественников в мирное время.

Поучительным и достойным примером своеобразной культурной специализации может стать исторический город Ишим (Тюменская область) на примере формирования уникального образа «городка Конька-горбунка». Конёк-горбунок известен всей России, произведение П.П. Ершова переведено на 60 языков. Следует сказать, что это одна из наиболее удачных русских сказок, отражающих как сказочный мир, так и реальную составляющую русского менталитета большинства наших соотечественников. Конёк-горбунок, Жар-птица, чудо-юдо рыба-кит являются хрестоматийными персонажами, они известны каждому школьнику и взрослому. Создав туристский образ старинного сибирского города, организовав музей Конька-горбунка, а также спроектировав своеобразный «Диснейленд» (приятнее сказать «Парк развлечений») по мотивам знаменитой сказки, Ишим стал обладателем уникального, очень привлекательного, и конечно же, востребованного туристского продукта. Значимость этой сказки, полагаю, несколько не подвластна своим географическим корням и способна только обогатить её восприятие на примере своего правообладателя.

Если немного отвлечься от будничных реалий, можно было бы вообразить наличие подобного «городка Конька-горбунка» именно в музее «Тальцы». Здесь уместно присутствие всех героев сказки, включая аттракционы, связанные с различными путешествиями Ивана на Коньке-горбунке (за Жар-птицей, к рыбе-киту, к Месяцу и пр.). Можно, наконец, «воссоздать» «царский дворец», «шатер Царь-девицы», конюшню со «златогривыми конями». Здесь можно поразмыслить над водными аттракционами в летнее время («на море-окияне»), над играми с помойкой Жар-птицы и поиском «сундучка». Набившее оскомину обычное катание на конях может обрести совершенно иной, мистический смысл. Ведь здесь речь идёт о детях! Востребованность подобного проекта на территории музея «Тальцы» бесспорна и нравственно дальновидна. Видимых противоречий здесь нет, только несказанные преимущества. Ведь дорогого стоят кем-нибудь, но вполне заслуженно произнесённые слова: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», и прихоти ребёнка, ощутившего уже наяву всю «правду» одноимённого мультфильма, будут исполнены снова и снова, завтра и послезавтра. Этот проект может стать определяющим в будущей туристской привлекательности не только нашего музея. Свообразие этого проекта вполне можно позиционировать в качестве общероссийской и даже мировой альтернативы наличной развлекательной индустрии, не имеющей ничего общего с русским аналогом, так удачно соединившим сказку с реальностью.

Такая специализация успешно пройдена другими странами, чей опыт показывает оправданный приоритет культурной стратегии в результате использования событий исторических эпох или даже какого-либо фантазийного действия (замок графа Дракулы в Румынии, замок Спящей красавицы во Франции, дом Шерлока Холмса в Лондоне, дом Деда-мороза в Финляндии и пр.). Наш проект «Конька-горбунка», с воплощёнными персонажами трёх сыновей («старший умный был детина»), не будет иметь аналогов в стране и мире, он сможет одновременно отразить именно российскую специфику детской сказки и народной культуры. Он может стать прямым ответом зарубежному культурному влиянию. И самое главное — об этом мы услышим из уст наших детей. Сказка о Гарри Поттере, конечно, «выдающееся произведение». Это очевидно, прежде всего потому, что её любят миллионы детей. Мне не известен секрет этой любви. Сюжет, язык, интрига, колдовской мир, созданный никому не известной англичанкой, а теперь ставшей миллиардершей Джоан Роулинг, — это отнюдь не полный набор составляющих волшебного зелья эпопеи о мальчике, который выжил и вполне успешно оккупировал брендовую популярность российского рынка. Это серьёзный шрам на русской культуре, и наша прямая обязанность сделать его невидимым.

Что сказать, порой сушая глупость может иметь реальный экономический успех. Не подражая, но в качестве абсурдного и всё же поучительного примера можно привести волжский город Мышкин (Ярославская область, население 6,5 тыс. жителей!). В недалеком прошлом — бывший уездный центр. В XX веке он потерял не только свои прежние экономические функции, но и был, по своему наличному статусу, преобразован уже в село Мышкино. В годы перестройки стало широко известно общественное движение местных жителей за возвращение поселению прежнего статуса и названия, а также за предание городу новых экономических функций. В качестве одного из направлений экономического развития жизни Мышкина был разработан проект реставрации памятников истории и архитектуры и создания музея «Мыши», так созвучного с одноимённым названием самого села и с одной лишь только целью привлечения туристов, путешествующих по

Волге. Остановка транзитных теплоходов в период активной навигации была тогда здесь не чаще, чем у дизель-электропоезда на станции основного сюжета художественного фильма «Безымянная звезда». За 20 лет (большей частью трагических для экономики страны) эта программа была всё же полностью реализована. И теперь вот уже все туристские теплоходы останавливаются в Мышкине. Даже кратковременные круизные поездки из Москвы (на 3-4 дня) обязательно предполагают остановку в Мышкине. Музей «Мыши» достаточно прост — там собраны всевозможные фигурки мышей из различных материалов, но он привлекает своей *необычностью, уникальностью и неповторимостью*. Это три слагаемые успеха любого публичного начинания. Теперь город проводит ежегодный фестиваль «Мыши»! Статус фестиваля с недавних пор изменился на «международный»!!! Могут же, когда наличная жизнь не оставляет других вариантов выживания... Конечно же, по своему «глубокому» содержанию подобные духовные «сорняки» великой державы не должны стать предметом плагиата, тем более музейев.

Плодотворная почва русской души утратила способность замечать сорняки на своей ниве. Духовная пустота может быть заполнена чем угодно и способна даже так извратить традиционный, в недалеком прошлом и для Запада, обряд венчания. Легитимация «гражданского брака» уже прочно зафиксировалась в общественном сознании. Однако серьёзный анализ данной тенденции, особенно в контексте государственного управления и долгосрочного будущего России, скорее должен приводить к мыслям и действиям, направленным на укрепление и развитие, а не на разрушение семьи в её традиционном смысле. К «материнскому капиталу» уже в пору добавить «семейный», с выплатой, скажем на годовщину «серебряной» свадьбы. Если по существу, то аналитика вопросов, связанных с семьёй и её будущим, с государственным управлением в данной сфере, должна обладать ценностным культурно-историческим фундаментом, а также стратегическим измерением, не ограничиваясь позитивистскими «измерительными» подходами. Их принятие означает априорное одобрение тех или иных существующих тенденций только потому, что они существуют. Наша лояльность в этом вопросе является прямой ценностно-мировоззренческой диверсией, блокирующей субъектность государства, общества, семьи и саму возможность конструктивного целеполагания в семейной политике и выхода из демографического кризиса.

За последние столетия, особенно в XX веке, по семье, как основе государства и общества, был нанесён ряд тяжёлых ударов. И это, как ни странно, относится, в основном, к странам с христианским наследием. Сегодня, в XXI веке, мы сталкиваемся с абсурдной, парадоксальной ситуацией, когда многие государства мира ведут целенаправленную борьбу с семьёй в её традиционном, единственно возможном понимании, причём не только во внутренней, но и во внешней политике. Эти проявления ощутимы и в России, которую страны Запада постоянно критикуют за ущемление прав «сексуальных меньшинств», навязывая нам антисемейные ценности, порочные и уже законодательные (пока ещё только у них) правовые нормы.

Почему бы не рассмотреть возможность проведения свадьбы в нашем музее? Ведь нам не просто дан особый день, отличающийся историей и великолепием. Музей может стать идилической оправой из изысканной площадки, деревянной архитектуры и живописного колорита приангарской тайги. Чрезвычайно красивы и очень уместны прибрежные зоны ангарского водохранилища, ландшафтно соответствующие подобным торжествам. Фотографии на фоне естественного

природного пейзажа будут особенно эффектны. Если к этой церемонии подойти обдуманно, не забывая о мелочах, к примеру, о настиле, исключая падение, спотыкания и «утопания» в песке или земле обуви новобрачных и гостей, то успех гарантирован.

Вам сюда же, если вы любители традиционных старорусских обрядов, коим является венчание — один из самых торжественных и жизнеутверждающих обрядов в христианстве. Эта красивая и трогательная церемония накладывает на любящие сердца обязательства сохранения семьи в горе и счастье, болезни и здравии. Организовать венчание самостоятельно — довольно хлопотная задача, требующая затраты времени и сил. Поэтому организация венчания «под ключ» сейчас особенно востребована. По закону вынос Журнала актов регистрации гражданского состояния из помещений ЗАГСа запрещен. Выездная регистрация проводится только в исключительных случаях, например во время болезни и т. п. Поэтому, говоря о «выездной регистрации брака», организаторы имеют в виду театрализованное, постановочное действие. Фактически же брак регистрируется в органах ЗАГСа в этот же день или накануне по желанию молодых. Однако спрос способен внести коррективы даже здесь. Москвичам повезло первым. Так, с октября 2009 года им было дозволено регистрировать официальный брак на территории культурно-исторических объектов столицы. Выбрать лучшее место для церемонии бракосочетания можно на интернет-странице. В соответствии с графиком регистрации можно самостоятельно выбрать место предстоящего торжества. Так, Музей-квартира А.С. Пушкина на Арбате открывает свои двери для брачующихся всего 2 раза в год: в День города и в середине февраля, а вот Дворец царя Алексея Михайловича в Музее-заповеднике «Коломенское» уже каждую субботу и пятницу в течение всего года.

А почему в нашем городе не организовать подобную действительную регистрацию в самом музее «Тальцы»?

Популярность творчества российских писателей и художников среди не только отечественных поклонников лишь свидетельствует о необходимости формирования специальных туристских маршрутов подобного рода. В связи с этим заметно повышается роль музеев, географически связанных с творчеством замечательных русских писателей, художников, музыкантов, учёных.

Ведь то, что Россию сегодня ещё возможно найти в списке великих держав мира, обусловлено во многом авторитетом её замечательных гениев. Для многих людей, живущих в самых различных странах мира, Россия — это, прежде всего, родина Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.С. Пушкина и многих других великих деятелей, вписавших свои имена не только в национальную, но и мировую культуру. Среди них мы найдём литературных творцов и Сибирской школы — Валентина Распутина, Василия Шукшина, Александра Вампилова, Глеба Пакулова и многих, многих других достойных деятелей слова Сибири. Поэтому сегодня, когда говорят о привлекательности России как туристского пространства, имеют в виду не только творения русских архитекторов, красоту старинных русских городов, глубину народной культуры, воплощённую в фольклоре или в творениях народных мастеров, но и выдающиеся произведения писателей и поэтов, художников и музыкантов, внесших неоспоримый вклад в самобытность родной национальной культуры.

Так, к примеру, сегодня в «Ясной Поляне» уже создана собственная гости-

ница, функционирует своеобразное туристское подворье в Туле (с выставочным залом, книжным и сувенирным магазином, издательским комплексом, перспективой создания также собственной гостиницы). Совместно с железнодорожным ведомством восстановлена станция Ясная Поляна (бывшая Козлова Засека), где организован железнодорожный и мемориальный музей, предоставляется информация о туристских и экскурсионных маршрутах. Станция Байкал Слюдянского района также имеет свой железнодорожный музей, однако полную глубину красок этому месту может придать только домик-музей В.Г. Распутина, где творил великий сибирский писатель. Лиственницы, растущие и сегодня рядом с его творческой мастерской, — живые «персонажи» его творений, запечатлённые в произведениях автора. Они продолжают свою тихую жизнь всё там же, рядом с монотонными шпалами и рельсами, уходящими к горизонту. Благоухающее цветное разнотравье железнодорожного полотна. Жужжание, стрекотание насекомых и порхание бабочек и птиц. Головокружительные отвесные скалы, утёсы. Величественные мысы. Черета горных лесов и степей. Палящее солнце и тут же вековая прохлада тоннелей и обжигающе холодные воды горных речек и чарующего Байкала. Строгие формы монументальных инженерных сооружений. Приютившиеся на полотне, в живописных долинах, распадках станционные и путевые постройки, посёлки. Осиротевшие фундаменты разобранных зданий. Печально-одинокое тополя в обжитых когда-то местах. Гостеприимные бухточки. Душистый чай у ночного костра под звёздным небом. Вечная смена прекрасных времён года. Шелест или раскатистое ворчание волн всегда разного мудрого Байкала. Можно и дальше перечислять щемящие, не дающие покоя воспоминания, образы, зовущие к творческим подвигам великого сибирского писателя. Ведь именно Кругобайкальская железная дорога на одном из своих заброшенных километров остановила «курсор» вдохновения в творческом поиске писателя. И кто теперь может с уверенностью сказать, что именно приютило здесь созидательный дух нашего земляка Валентина Распутина.

Объединение исторических мест Иркутска, музеев города и Кругобайкальской железной дороги в различные тематические маршруты позволит значительно усилить эффект восприятия историко-культурных объектов. В основе таких маршрутов лежит связь малого (домик-музей В.Г. Распутина на Кругобайкалке) с более крупным, «раскрученным» музеем «Тальцы». Создание специальных маршрутов, объединяющих исторически памятные места, бережно хранящие наследие сибирских литературных светил, имеют плодотворную перспективу. Подобный опыт в России есть, как и добрый результат от понимания своих корней, реальной связи с творческим потенциалом своих родных гениев.

Места посещения сибирских сёл и деревень крупнейшим прозаиком России века минувшего и нынешнего В.Г. Распутиным, попытка осознания нами его историко-публицистического исследования «Сибирь, Сибирь...» хранят много нераскрытых тайн, безвозвратно уходящих в Лету. А ведь совсем недавно любая книга из Иркутска вполне заслуженно являлась знаком хорошей литературы и добротного труда. В нашем городе и сегодня пишут и живут замечательные писатели и поэты, сопоставимые по высоте с вершинами литературного ландшафта. Об этом не нужно забывать никогда. Музею В.Г. Распутина в Порту Байкал — быть! Правильнее сказать, не быть музею там невозможно. Хотя бы потому, что это *историческая земля*, с хорошо сохранившимся материальным наследием. Может, музею «Тальцы» в состав музейного комплекса «Сибирская железная дорога» на

80-м километре КБЖД стоило бы взять под своё «крыло» и домик В.Г. Распутина в Порту Байкал? Опередить могут другие. Ещё хуже, если этот объект пополнит список невозполнимых утрат России.

Неплохо вспомнить и о природных возможностях нашего музея, так востребованных сегодня. Они отсутствуют в других музеях Иркутска. Заимствованный опыт показывает, что подобные музеи используют все возможные и невозможные имеющиеся природные артефакты для извлечения прибыли, особенно когда это не требует особых капиталовложений. Живописная природа притягивает своим великолепием любого горожанина. А если ее «удобрить» живыми гусями и козами, которые только подчеркнут истинный деревенский колорит, в разы может повыситься посещаемость музея. Показательны случаи ежедневного возвращения в музей, чтобы только увидеть полюбившегося домашнего животного. Что характерно, это желание не имеет возрастного ценза и проявляется не только у детей, чьи прихоти так легко бывают нами исполнимы. Так, вполне проверенный чужой опыт свидетельствует лишь о положительном экономическом эффекте подобных начинаний. Конечно же, без малейшего сомнения, посетителей привлекут участки с традиционными сельскохозяйственными культурами. Ведь мало кто из посетителей музея сегодня видел, как растет пшеница или гречиха. Эти культуры выращивали именно здесь ещё в бытность строительства стекольного завода. Подобные примеры показного земледелия в России уже есть и в познавательном аспекте, вполне могли бы быть реализованы на территории нашего музея. Развивая эту тему дальше, заметим, что экономически оправдано было бы засеять злаками исторические поля по долине реки Тальцынка. Ведь угощать посетителей хлебом, выращенным рядом и выпеченным в русской печи «на поту», в разы повысит престиж любого музея. Излишне говорить о востребованности такого хлеба сегодня горожанами. Пчёлы местных пасечников, рядом с музеем «Тальцы», до сих пор собирают мёд с одичавшей гречихи, которая стабильно и ежегодно цветёт уже в диком виде несмотря на здешний суровый климат. У такого мёда есть свой постоянный покупатель независимо от цены продукта. Подобный опыт обоснованно востребован и широко присутствует в других музеях. Так, некоторые ремесла далеко перешагнули рамки самого музея. К примеру, компания Botanicus в Чехии, которая специализируется на производстве косметических и парфюмерных средств на основе старинных, а подчас и средневековых приёмов и технологий, обрела сегодня развитую сеть магазинов в своей стране и даже за её границами.

Музеи всё больше рассматриваются как учреждения, куда посетители приходят не только чтобы приобрести новые знания, но и *отдохнуть*, а также полюбиться на памятники и *окружающие их ландшафты*. Таким образом, вполне уместно расширять спектр предоставляемых музеем услуг и в срезе досуга посетителей. Он не менее востребован. Его также можно отнести к маркетинговому вектору музейной деятельности. Так, малые архитектурные формы, стилистически созвучные с решениями самого музея «Тальцы» и умело вписанные в периметры удаленных автомобильных площадок, существенно могли бы скрасить *индивидуальный досуг* небольших компаний посетителей. *Стилизованные пикниковые площадки*, умело размещённые в глубине лесного массива музея и несколько скрытые от основных потоков посетителей, могли бы значительно повысить *привлекательность музея*. Прямым подтверждением этому являются обычные лавки со столами на берегу Байкала, в том же посёлке Листвянка. Через некоторое время привыкания посетителей к такому роду отдыха в музее их можно было бы сдавать

в аренду, и притом многократно в течение одного дня. *Пешеходные, велосипедные и лыжные тропы* по периметру имеющегося у музея лесного массива, безусловно, имели бы своего посетителя. Тропа в соседнем лесном массиве, вблизи базы отдыха АНХК «Ангара», уже на живом примере показала свою востребованность. Встретить лыжника или пешехода здесь можно уже в любое время дня и года, независимо от погодных условий.

Успешные попытки сбалансировать сезонность в музее уже имелись. *Русским горкам* удалось однажды сместить баланс сезонной доходности музея чуть ли не в зимний период. Свои коррективы внёс повышенный травматизм проекта. Хотя многие организаторы современных горок сегодня всё же не желают отказываться от столь доходной части вопреки наличной законодательной базе, необдуманно и во всём отстаивающей позицию зачастую алчного посетителя. Кулачные бои, без которых не обходилась ни одна широкая Масленица на Руси, стали бы просто абсурдом в свете нынешней безопасности. Сегодня подобные ситуации способна несколько «разрулить» всесторонне обдуманная разработка событийного календаря, включающая все зимние мероприятия областного масштаба: «Зимниада», «Байкальская лыжня», «Весенняя капель», «Конкурс ледяных фигур». Музеем «Тальцы», к доброму примеру, всё же приходится теперь только наращивать свои возможности для приёма небывалого количества посетителей на ту же Масленицу. Да и другие традиционные праздники показывают уверенный рост посетителей в нашем музее. Все же нераскрытые возможности зимнего периода есть и у нас. Столь популярное сегодня изготовление ледяных фигур в той же Листвянке позволило бизнесу вполне стабильно и успешно «застолбить» свою прибыль на физических свойствах «зимней» воды, которой возле нашего музея не меньше. На Руси из льда строили целые дворцы. Сегодняшние технические возможности несколько шире тех, канувших в Лету. Развитие этой темы на территории музея «Тальцы» не имело бы границ, ведь похвастаться своим мастерством на престижных площадках области сегодня так актуально! А для нашего музея чем не дополнительный источник дохода из воды? В ледяных дворцах, как свидетельствуют документы, были даже печи с дровами из льда, где устраивались свадебные торжества, иногда с оставлением брачующихся в «хрустальных» хоромах до утра. Очевидные перекосы незримо присутствовали и тогда. Очевидный успех в музее имел бы конкурс на изготовление ледяного исторического объекта в натуральную величину. Эту тему можно развивать долго. Ясно одно — экономически она вполне оправданна.

Немаловажной проблемой в скором будущем будет *формирование въездной зоны музея «Тальцы»*, когда обновлённая автодорога пройдёт мимо. И здесь важно прислушаться к чужому опыту успешного выхода из подобных ситуаций, хотя их у нас и не так много. Целенаправленный посетитель, конечно же, придет в наш музей. А как быть с остальными, ведь именно проезжающие определяют основную посещаемость. Даже беглый взгляд на уже имеющийся наличный и вполне плачевный опыт уже готовой автодороги говорит о многом. Речь идёт о новейшем и законодательно умолченном факторе, созвучном с понятием упущенной выгоды. Этот термин хорошо знаком бизнесу, когда, к примеру, действующая АЗС не вписывается в проект реконструкции автодороги. В нашем случае проблема несколько другого характера. Она уже коснулась той же АЗС, расположенной чуть ниже посёлка Новая Лисиха, в направлении посёлка Листвянка. Дело в том, что психологический фактор комфортной езды резко сокращает возможность проезжающих по каким-либо причинам прервать удовольствие от захватывающего

«чтения» новой автодороги своим автомобилем. Уклониться от конечной цели в данном случае очень затруднительно. Всему миру уже давно и хорошо известны эти издержки комфорта. Исключением здесь может стать лишь движение к месту проживания проезжающего или другая сопоставимая причина. Не совсем сравнимый, но всё же поучительный пример уже возник все в той же Новой Лисихе. Так, хорошо посещаемый, с вполне адекватной ценовой политикой, в недалёком прошлом перестроенный в соответствии со спросом, продовольственный магазин, расположенный на отвороте в посёлок, вдруг в одночасье стал практически невостребованным. Почему? Да потому, что оказался в ста метрах от оживлённой трассы. Здесь даже можно опустить временные трудности, вызванные непосредственным строительством автодороги. Имея сегодня вполне достойный подъезд сопутствующего направления, магазин и АЗС так и не смогли выйти на прежние показатели посещаемости. Примеряя подобную ситуацию на наш музей, элементарные выводы сделать уже возможно. Безусловно, фактор комфорта внесёт свои коррективы и здесь. Конфликт интересов разных по существу хозяйствующих субъектов в скором будущем будет вполне очевиден, и «виновная» сторона будет аргументировать свои действия утверждённым проектом автодороги, корректировка которого тогда будет уже невозможна. Готовиться надо сегодня, если не сказать «уже вчера», ведь удалённость музея от автодороги географически составит эти самые метры, а фактическая удалённость будет иметь уже совсем другой порядок. Музею в скором будущем необходимо будет приложить немалые усилия, чтобы сохранить наличную посещаемость.

Что же касается поездок в другом направлении (в город Иркутск), по соседней автодороге, то отворот в музей будет уже крайне неудобен. Об этом говорит и мировой опыт. Потенциальному посетителю будет предложено проехать сначала мимо музея, а потом возвратиться уже в обратном направлении. Эти манёвры крайне неудобны на скоростной автодороге по уже обозначенным выше причинам. Необходимость безопасного перестраивания в правый ряд (на подъезде к музею), уже после разворота на автодороге, лишь максимально удалит точку разворота. Поездка в город Иркутск из музея будет сопровождаться не меньшим маршрутом. Конечно же сегодня об этом проще не думать, а положиться на то, что у нас обычно звучит «чему быть, того не миновать». Ведь проблем и так хватает.

Немаловажно заметить, что при выборе форм развязки фактор загруженности прилегающих автодорог, тем не менее, играет второстепенную роль. Сравним наличие виадукта в Новой Лисихе и его отсутствие в историческом посёлке Патроны. Фактор безопасной связки двух крупных автодорог байкальского направления оказался более приоритетным по сравнению с идентичной загруженностью второстепенной автодороги. Хотя её характер в посёлок Патроны более стабилен благодаря постоянному проживанию населения. Музею ещё можно подумать над этими реалиями недалёкого будущего, глядя на сегодняшние темпы строительства, хотя бы потому, что речь идёт *о динамично развивающемся областном объекте культуры*. Важно не забыть о пешеходных посетителях, которым предстоит в скором будущем и переходить оживлённую автодорогу. В свете организации безопасного пешеходного перехода Минтранс сегодня решил даже замедлять дорожное движение в подобных ситуациях, применяя эффект «горлышко». Примеры таких решений в России уже опробованы, но вряд ли они применимы в нашем конкретном случае. Ведь это, в первую очередь, чревато искусственным созданием пробок, которые преследовал исключить новый проект автодороги.

Так, одним из вариантов решения этой проблемы может стать виадук, который резко удорожит строительство автодороги. Но возможен вариант совмещения виадука с мостом через реку Тальцынка, которому суждено быть при любом раскладе будущей развязки. Похожий виадук есть в нашем городе вблизи устья реки Ушаковки («Фортуна»). Целесообразность подобного совмещения в музее не менее актуальна. В первую очередь это в корне решит вопрос безопасности. Далее проблему можно рассмотреть в двух направлениях. Первое — классический въезд в музей будет использовать уже существующую часть старой автодороги, в будущем уже второстепенной. Это решение вполне приемлемо как временное и при втором направлении, которое потребует времени для его реализации. Его суть связана с целесообразностью разделить транспортный и пешеходный потоки музея на территории нового въездного комплекса, который можно было бы разместить на правом берегу устья реки Тальцынки, где по проекту ранее планировалось строительство туристическо-оздоровительного комплекса. Передача его в областную собственность, при оперативном управлении музея, актуальна сегодня как никогда. Размещение на нём досуговых составляющих вполне оправдано и востребовано «сибирской деревней». Человеческий взор здесь не упирается в современные плоды жизнедеятельности. По перечню достоинств подобных неосвоенных мест по Байкальскому тракту уже давно нет. А совмещение гостиницы с конференц-залом позволило бы проводить областные встречи на высшем уровне и в непосредственной близости от города. Открытость и живописность территории не имеет равных на всём протяжении автодороги. Её обособленность, совмещённая с удачной и крайне безопасной возможностью организации здесь пересечения наземного и водного транспорта, визуальная удалённость от объектов самого музея позволили бы воплотить в жизнь новые стилистические формы будущей въездной зоны. В то же время географическая удалённость объектов музея в таком варианте даже несколько бы сократилась.

Неплохой пример для туристического бизнеса являют нам широко распространённые в России и на постсоветском пространстве дома творчества, дающие и сегодня высококонкурентный продукт и носящие, как правило, имена светил литературного искусства. Позаимствовать подобный опыт есть все основания и у нас. Именно здесь с большой вероятностью можно повстречаться с творческими личностями, где и весь перечень услуг пропитан лёгким ароматом русской культуры. Дом творчества писателей в Цахкадзоре — один из лучших представителей данного класса услуг и в то же время один из шикарнейших гостиничных комплексов Армении, созданный именно для разнообразных деловых встреч, проведения семинаров и конференций республиканской значимости, достойный пример для подражания. Все номера здесь — открытые террасы с видом на соседний лес. Чем не сказка? В нашем въездном комплексе взору человека откроется водная стихия, переходящая в горный рельеф с первозданной прибайкальской тайгой. Подобный дом творчества вполне уместен здесь, *ведь у нас в Сибири ещё нет Дома творчества, к примеру, имени В.Г. Распутина*. Одно только его название на въездной зоне музея «Тальцы» может поднять престиж места на совершенно иной уровень, усилить его роль как значимого фактора сохранения наследия. Ведь именно В.Г. Распутин указал на пагубность идеи затопления под строительство ГЭС. Символично, что именно Тальцынская земля, первая по течению Ангары, приняла на себя первый удар от воплощения в жизнь нелепой идеи очередной «пятилетки».

Привлекательность музея существенно бы изменил пешеходный мост через устье реки Тальцынки, который просто необходим здесь. Мировой опыт подобных

сооружений показывает колоссальную выгодность от реализации стилистически вписанных в окружающее пространство лёгких мостов. Более того, к реализации проекта можно было бы привлечь общественность. К примеру, в Амстердаме был объявлен даже международный конкурс на создание проекта 90-метрового пешеходного моста. В его условиях были освещены аспекты не только современного дизайна. В задании говорилось, что проект обязан отразить «импульсы, направленные на создание нового архитектурного символа для европейской столицы». Музей, попавший в десятку лучших в России, несомненно, достоин иметь не меньший шанс. Финансовый аспект данного проекта мог бы легко решиться и во многом бы зависел от формы и степени его публичной подачи, предложи его озвучить, к примеру, правительству нашей области. Сегодня музей «Тальцы» представляется некой кладовой, которую, если захотеть, можно открыть прошлую славою, которой предстоит ещё прогнеть.

И в завершение, мне кажется, уместно вспомнить сюжет про два колёсных парохода из фильма режиссёра Эльдара Рязанова «Жестокий романс». Это были «Володарский» и «Спартак», ранее звавшиеся «Великая княжна Ольга Николаевна» и «Великая княжна Татьяна Николаевна». Они были построены ещё до революции. «Ольга», или, как называли её в фильме, «Ласточка», обгоняет по сюжету другой пароход. Это и есть колёсное судно советского 737-го проекта. Сегодня в России их осталось — два!!! «Динозавры» речфлота сталинской эпохи чудом сохранились в городе Киренске на реке Лене. Но теперь им грозит гибель. Киренская РЭБ флота в стадии банкротства продаёт своё имущество. А начиналась эта история с жалобы депутата Иркутской области, озвученная на одном из сталинских съездов КПСС, об отсутствии водного транспорта на сибирских реках. Руководство СССР оперативно откликнулось на пожелание, и в Сибирь оперативно отбуксировали Северным морским путём четыре парохода проекта 737 — «Иркутск», «Хабаровск», «Красноярск» и «Благовещенск». Сегодня «Благовещенск» сохранился более удачно.

Полезно взглянуть, как к подобному пароходу отнеслись на Украине. Его нынешнее название — «Богдан Хмельницкий». Это уникальный отель на воде. Гостиница расположена на Подоле — ул. Набережно-Крещатицкая, причал № 5 Киевского речного вокзала (возле церкви на воде).

Работа не первый сезон, отель уже стал визитной карточкой столицы! К услугам туристов 25 комфортных номеров категорий «стандарт», «полулюкс» и «люкс». Все номера оформлены в классическом стиле и имеют всё необходимое для комфортного проживания: удобную мебель, спутниковое ТВ, WI-FI. На территории отеля есть ресторан на 80 посадочных мест и кафе, где можно вкусно поесть или же провести любые мероприятия по предварительному заказу: свадьбы, банкеты, корпоративы, конференции. Приятный отдых в ресторане отеля гарантируют два уютных банкетных зала. В большом зале ресторана, в банкетном варианте, можно разместить около 80 человек, в фуршетном — до 200 человек. Ресторан всегда готов принять гостей, желающих провести здесь семейное торжество, день рождения, корпоративную вечеринку, банкет или свадьбу. Повара-профессионалы предоставят полноценное питание с любыми изысками во время всего путешествия. Романтическая атмосфера поможет расслабиться, а изысканное меню

поверить в то, что жизнь прекрасна и удивительна. В баре за чашечкой кофе или бокалом вина можно сыграть с друзьями в шахматы, нарды, шашки.

Так почему же нельзя сделать так же и у нас? Конечно, это потребует определённых финансовых затрат. Если бы судно удалось перевести, к примеру, на берег музея «Гальцы», то со временем наша область могла бы обрести комфортабельную гостиницу, где уместно было бы разместить и экспонаты советской эпохи, уже существующие в музее. Ведь подобная идея с ледоколом «Ангара» была благополучно реализована благодаря усилиям именно небезразличных иркутян. Просто их вдохновил своей организаторской энергией Николай Францевич Салацкий, уже «ушедший» тогда в отставку с поста председателя Иркутского горисполкома за так называемый волонтаризм. В 1988 году «Ангара» была поднята, осушена, очищена и к 20 августа 1990 года полностью отреставрирована. Ледокол был отбуксирован на место стоянки, где мы его видим и по сей день.

Может быть, подобная процедура не помешала бы и «Благовещенску» обрести надлежащий вид и напомнить иркутянам о судах прекрасной эпохи. Тип судна этого проекта именовали тогда просто «Иосиф Сталин». Если сегодня не принять оперативных мер, то от уникального «Благовещенска» останется скоро груда железа. Задача по транспортировке судна сегодня по силе лишь областному руководству с последующей передачей его грамотному собственнику.

ташил воров в милицию: встреченный в ночи совершенно незнакомый человек оказался нечаянным другом.

Мы не устаём говорить о героизме, героев представляем в грозных битвах Отечественной войны и порой не видим, что и сегодня рядом с нами борются за коммунизм парни и девчата с сердцем Бонивура, с характером Корчагина, с волей Александра Матросова.

Жить только для себя славные ребята — дружинники горкома комсомола не хотят, потому что это не честно. И не интересно. Их жизнь — это упорная борьба за оступившегося человека и суровая борьба с теми, кто не даёт людям спокойно жить. Уже несколько лет работают в дружине Юрий Москвитин, его брат Вениамин, Борис Киричек, Анатолий Сосунов, Владимир Крупин. Много обезвреженных преступников на их счету. Часто бывали случаи, когда приходилось рисковать жизнью. Серьёзно рисковал, например, Анатолий Сосунов при задержании матёрого бандита и убийцы Галанина по уголовной кличке Слон. Злодея расстреляли. Вскоре после этого Толей были задержаны Семёнов и Вадутов, которые убили на улице студента Фёдорова, провожавшего домой девушку. Семёнов был приговорён к расстрелу, Вадутов осуждён на 15 лет лишения свободы.

А то вот уже совсем недавно — проводили рейд. Толя и Володя Крупин выследили на рынке опытного карманного вора, по виду — вполне respectable гражданина, который с отточенными годами «профессионализмом» виртуозно расстёгивал дамские сумочки беспечных покупательниц. Вот он подошёл к домохозяйке Колотыгиной и очень ловко вытащил у неё из сумки кошелёк с деньгами; хозяйка не видит — можно уходить. Но тут перед ним выросли фигуры дружинников:

— А ну-ка стой, ворюга!

Ни убежать, ни сбросить незаметно украденный кошелёк вору, конечно же, не удалось. Он был взят — с поличным! — и доставлен в милицию. При возбуждении уголовного дела было установлено, что это вор-рецидивист Петров, он же Шерафутдинов, он же Поляков, он же Берштейн, он же Суходутов, он же Пашков, он же Шехопадов, ранее судим 11 раз. Преступник получил по заслугам.

Многие люди благодарны Юре и Вене Москвитиным, Толе Сосунову, Володе Крупину, Боре Киричеку, Олегу Калинину. О каждом из них можно повесть написать. В этой суровой борьбе, когда день за днём имеешь дело с подонками общества, казалось бы, окаменеть должно сердце. Но нет! У каждого из них душа романтика, Человека с большой буквы. Возьмите Толю, зайдёшь к нему домой — гряда книг, птицы разные поют. Чувствуешь — живёт красиво человек. А когда возьмёт гитару, заиграет — музыкант, да и только!

Пусть каждый из нас ответит своей совести: всё ли он делает для того, чтобы не давать житья подонкам? Славные парни из дружины горкома комсомола делают всё.

Друг, дружба, дружинник — одного происхождения слова, родственные понятия. Хорошо, когда рядом дружинник — хорошо, когда рядом друг.

*Из газеты «Восточно-Сибирская правда»,
28.12.1962 г.*

*А в этот край таёжный
Только самолётом
можно долететь.*

Анатолий Сосунов и Эдуард Иванов (слева) в командировке на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Коришунковского горно-обогатительного комбината в Железногорске

Бронислав Табачников — делегат XIV съезда ВЛКСМ, военнослужащий

Дружинник

В кабинет секретаря Иркутского горкома комсомола Эдуарда Иванова он вошёл, когда я листал пухлую папку со списками преступников, мастерски, подчас с блеском задержанных им.

— Знакомся, — сказал Эдик. — Это и есть Толя Сосунов.

А Толя весь светился — такими вот бывают по-настоящему счастливые люди — только что ему разрешили перейти с юридического факультета университета на биологический.

Немного странно. С таким блестящим послужным списком уходить с юридического...

— Не могу без леса, без птиц. Ведь это они приучили меня быть зорким.

Когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай это чудо, если ты в состоянии... Эту мысль Александра Грина с детства принял Толя как заповедь.

Какое же чудо сделаешь ты, Анатолий Сосунов? Будешь вторым Тимирязевым?.. Сеченовым?.. Или просто станешь биологом?..

*Из сборника «Всегда в строю. Герои наших дней»,
Иркутск, 1962 г.*

*Анатолий Сосунов
и Бронислав Табачников (справа)*

Фотоснимок Сергея Остроумова

А годы летят...

Наши годы, как птицы, летят,

И некогда нам оглянуться назад.

Пятьдесят лет спустя

Бронислав Табачников — искусствовед, историк, педагог; кандидат исторических наук; председатель секции критики Воронежского отделения Союза театральных деятелей России, председатель общественного совета областного департамента культуры.

В 1960–1962 годах я служил в войсках ПВО в Иркутске. Служба была трудной. Мы вели постоянное боевое дежурство и восемь месяцев не выходили из казармы. Когда я впервые оказался в увольнении, первым делом пошёл в театр. Вдруг захотелось написать об этом. Отправил материал в газету «Восточно-Сибирская правда», которая опубликовала его. Дальше, пока служил, мои рецензии и очерки стали постоянно появляться на её полосах. Всеобщее внимание привлёк тогда к себе мой небывало большой по размеру очерк о дружиннике Анатолии Сосунове, напечатанный 1 сентября 1962 года и занявший весь подвал газетного разворота. Он назывался «Рядом с нами идёт Толя». По просьбе Восточно-Сибирского книжного издательства я его доработал, и в том же 1962 году он увидел свет под названием «Дружинник» в сборнике «Всегда в строю», выпущенном в серии «Герои наших дней». Позднее этот мой очерк — без моего ведома — был под «псевдонимом» и под другим заголовком перепечатан в «Комсомольской правде», прозвучал на волнах всесоюзной радиостанции «Юность», а также послужил основой для сценария документального фильма, снятого Иркутской телестудией и показанного по центральному телевидению. С тех давних пор увлечение газетной строкой меня не оставляет.

«Человек, которого я... предал»

Арнольд Харитонов — журналист, писатель, заслуженный работник культуры РФ; первый секретарь Усольского ГК ВЛКСМ и член бюро Иркутского ОК ВЛКСМ (1965–1968 гг.).

Я двадцать семь лет состоял в партии, был парторгом редакции. Формально.

Есть одна история, один человек, чья судьба постоянно скребёт, тревожит совесть. Человек, которого я, может быть, не желая того, предал. Долго думал, стоит ли писать об этом. Всё же решился... Может быть, от этого мне станет немного легче.

Человек этот — Анатолий Сосунов. В годы перестройки он был неистов на митингах, вёл толпы по

улице Карла Маркса, воевал с обкомом партии... Я не знаю, чем он сейчас занимается.

А когда-то был Сосунов в нашей области очень знаменит. Перед каким-то комсомольским съездом вышла в Москве броско оформленная книга. Называлась она — «Звёзды первой величины». Кажется, был там очерк про Юрия Гагарина. Про Александру Пахмутову... Такого масштаба люди.

Про Анатолия Сосунова очерк там был точно. Замечательный биолог, путешественник. Но самое главное — создал первый в Иркутске оперативный комсомольский отряд. Потом их стало множество.

Ребята, которых собрал вокруг себя Сосунов, занимались серьёзными делами — раскрывали преступления, задерживали по-настоящему опасных людей. Сам Анатолий задержал, если я не ошибаюсь, не одну сотню опасных преступников. Многие ли милиционеры способны на такое?

Но, сказать честно, не нравился мне Анатолий — тяжёлый у него характер, характер вечного борца. Не по мне такие люди.

Вот такого человека взял работать в обком комсомола его первый секретарь Геннадий Куцев. Как потом выяснилось, на свою голову взял: Анатолий начал ловить на разных злоупотреблениях самого Куцева, дело зашло далеко, и Куцев решил от Сосунова избавиться. После заседания бюро, на котором Сосунов был освобождён от работы в аппарате обкома комсомола, Анатолий подошёл ко мне в коридоре и сказал: «Вот уж никак не думал, что ты против меня будешь... Ты мне казался порядочным человеком...» И ушёл. И с этим я теперь живу всю жизнь — всю жизнь чувствую свою вину перед Анатолием Сосуновым.

*Из книги «Эх, путь-дорожка...», Иркутск, 2002 г.
и газеты «Деловая неделя», 11.11.2013 г.*

«Он был грозой и бедствием для уголовного мира»

Игорь Ширококов — журналист, писатель, политический деятель; действительный государственный советник 3 класса в отставке, председатель подкомиссии Комиссии по культуре Верховного Совета РСФСР (1990 г.), полномочный представитель Президента России в Иркутской области (1991–1997 гг.).

По каждому эпизоду из этой необычной судьбы невольно восклицаешь: не может быть!.. Но при всей невероятности факты всё же упрямая вещь — тем более если подкреплены документально.

Удивительного, противоречивого в этой судьбе и в этом характере более чем достаточно. Ещё со школьных лет один из очерков об Анатолии Сосунове в «Комсомолке» запомнился

мне броским заголовком: «Он с детства не любил овал...». Всей своей жизнью он рисовал углы — острые, неудобные для окружающих, но прежде всего — для

самого себя. Даже мне за довольно короткий срок знакомства с Анатолием доводилось ссориться с ним, хотелось бросить к чертям безнадежное, как мне вначале казалось, дело, но, остыв и поразмыслив, я неизбежно вынужден был признавать правоту Сосунова.

Натура чрезвычайно сложная и противоречивая, но в то же время и цельная, несомненно, возвышенная и глубокая, но и болезненно непримиримая — он не вписывался в ряды строителей коммунизма, как не вписывается и в ряды демократов: он вообще не умеет ходить строем. Поэтому из рядов его вычёркивают.

Он был грозой и бедствием для уголовного мира. Его оперативный комсомольский отряд наводил панику. По-настоящему об этом никогда не писалось и не сообщалось. Но, очевидно, сегодня можно сказать больше, чем говорилось прежде, когда Анатолий Сосунов своими разоблачениями крепко досаждал очень влиятельным персонам (в том числе и начальнику УВД Иркутской области, раскрывая преступную физиономию генеральского сына).

В уголовном розыске его считали виртуозом личного сыска. В воровской среде, как и полагается признанному сыщику, он имел кличку: Дошлый. И хотя в милиции он никогда не служил, его талант сыщика был отмечен сугубо профессиональными наградами: медалью «ЗА ОТЛИЧНУЮ СЛУЖБУ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА» и именными часами министра внутренних дел РСФСР. На счету Сосунова сотни — да, сотни! — самостоятельно раскрытых опасных преступлений, совершённых матерыми рецидивистами, имеющими порой не только гремящую в блатном мире кличку, но и с добрый десяток судимостей, с полдюжины фамилий, имён и отчеств. Разные попадались «артисты»: Пивка, Корзубый, Шиндарь, Балерина, Прыщ, Федора, Пан, Шира... Он брал их только с поличным, на месте преступления. За десять лет этой необычной и рискованной общественной деятельности им задержано — и с товарищами, и в одиночку — пятьсот преступников, из которых 319 — за кражи: карманные и квартирные, угон велосипедов и обкрадывание могил, 28 — за грабежи, 3 — за убийства, 2 — за разбойное нападение, 4 — за кражу со взломом из магазина и киоска, 17 — по розыску и 127 — за мошенничество, хулиганство, изнасилование и другие преступления. 305 из них судимы и в большинстве своём неоднократно. Многие ли штатные сотрудники милиции (вооружённые и получавшие весьма приличное жалованье) могли бы похвастать такими вот результатами безоружного активиста-общественника, годами истреблявшего преступность (и, кстати, отнюдь не за деньги!)? **Но до конца осознать то, что сделано Сосуновым, можно, только представив себе, сколько тысяч стали бы новыми жертвами этих пятисот, не попадись они — эти пятьсот — в руки Дошлому. Сколько тысяч остались необворованными, неограбленными, неизбитыми и, наконец, — сколько человек осталось неубитыми?**

Уже одни цифры поразительны, но ещё поразительнее события, стоящие за цифрами. Трудно поверить, что такое совершалось. Но факт, как говорится, исторический — это было. **Он удостоен высшей комсомольской награды — занесён в Книгу Почёта ЦК ВЛКСМ. Был гостем XV съезда комсомола.**

Нетрудно понять, почему Анатолий Сосунов занесён в Книгу героев комсомола: во всей истории общественных форм борьбы с преступностью (осодмил, бригадмил, народные дружины) сравнить с ним некого — равных он имел только в среде профессиональных сыщиков.

Став полномочным представителем Президента России в Иркутской области и получив классный чин действительного государственного советника 3 класса (в табели о рангах этот чин соответствует званию генерала армии или адмирала флота), я решил устранить одну серьёзную несправедливость, допущенную в прежние

годы властями в отношении Анатолия Сосунова: решением бюро Иркутского горкома КПСС от 24 января 1963 года он был представлен к награждению орденом Красной Звезды *“за боевые заслуги в борьбе с преступностью в г. Иркутске”*, а решением бюро Иркутского обкома ВЛКСМ от 27 августа 1965 года — орденом Красного Знамени (боевого) за *“героизм, проявленный при задержании опасных преступников”*, но орденов не получил, так как среди номенклатуры власть поддерживающей было немало обиженных и озлоблённых его строптивым характером чиновников, которым удалось заблокировать эти решения (между прочим, уже сам по себе факт представления к двум боевым орденам в разные годы и разными органами довольно красноречиво свидетельствует и о масштабе, и о характере, и о результатах его деятельности на поприще борьбы с уголовной преступностью). Я был настроен самым решительным образом, но встретил полное равнодушие к этому вопросу со стороны... Сосунова. Дело остыло, не закипев. Награды, как и карьера, его не интересовали.

Надо сказать, что не одного меня удивляло и удивляет странное сочетание его жизненных пристрастий: первозданная чистота и красота дикой природы, мир высокой литературы (его библиотека с прижизненными изданиями — и даже с автографами — поэтической и философской классики Серебряного века едва ли не лучшая из библиофильских собраний Иркутска) — и грязный мир уголовщины.

Анатолий знает, любит и понимает птиц. Окрестная ребятня давно уже приметилла *«дяденьку, который лечит птиц»*, и постоянно тащит к нему больных и увечных пернатых. В его квартире всегда живут какие-нибудь попавшие в беду пичуги: с отстреленным крылом дятел Филька, контуженный чибис Чубик, раненый шур Шурик (к слову, в теперь уже давние шестидесятые годы не раз писалось о знаменитой «оружейной» коллекции Анатолия — трёхстах разнокалиберных рогатках, отобранных у вездесущих сорванцов). Зимой дикие уличные синицы ночуют на его стеллажах с книгами. Утром они улетают на свою синичью работу, но на ночь возвращаются и стучатся в окно — просят выпустить. Каждый вечер. Всю зиму.

С пернатым миром у него какие-то особенные, удивительные и даже загадочные отношения. Всем, например, хорошо известно, что стрижи в неволе не живут, потому что всю жизнь свою проводят в воздухе: на лету ловят в пищу насекомых и пьют, на лету — случается — спят, на деревья и на землю никогда не спускаются, клевать и прыгать не умеют. Поранившись и потеряв способность к полёту, эти жизнерадостные питомцы высокого и чистого неба обречены на гибель, им уже ничем нельзя помочь — таково единодушное мнение специалистов-орнитологов. В птичьем приюте Анатолия стрижи, потерпевшие крушение, — живут. И живут не кое-как, а долго, по десять лет, в прекрасной форме, доживая до естественной старости и дряхлости (кстати, это довольно серьёзное открытие и ценный вклад в науку о содержании диких животных в неволе). Выпавший из гнезда обыкновенный серый воробьишка, перелиняв в его квартире, вдруг стал угольно-чёрным (редчайший случай меланизма). В Иркутском краеведческом музее хранится — подаренный Сосуновым — уникальный белоснежный воробей (он был найден смертельно больным, и спасти его не удалось). По русскому поверью, встретить воробьиного князя (белого воробья) мог только человек, отмеченный особой печатью. Анатолий встретил и белого, и чёрного. Вот я и думаю иной раз, переходя от наших поверий к прозрениям Востока: может быть, хозяин птичьего приюта в своей прошлой жизни сам был птицей? Ястребом, например, коршуном или орлом — их высокий полёт, парение в небесных сферах вполне совмещаются с поеданием всяких земных тварей.

А может быть, его судьба была predetermined? Ведь не просто так великий ясновидец и прорицатель нашего столетия Вольф Мессинг на своём фотопортрете, подаренном Анатолию ещё в начале его тернистого пути, написал: *“Анатолию Сосунову, юному, отважному, благородному, смелому, желаю много сил в борьбе со злом. Знайте, мысленно я всегда с Вами”*.

*Из книги «С Ельциным и без него, или Политическая шизофрения»,
Иркутск, 2007 г. и газет «Честное слово», 29.2.2000 г.,
«Советская молодёжь», 1.4.1989 г.*

«Я знал — он идёт на свою погибель...»

Игорь Ильинский — ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, президент Русского интеллектуального клуба.

Порой я встречал просто удивительных молодых людей, которые терялись в общей массе, хотя о них должен был знать весь комсомол...

Очерк о комсомольском оперативнике Анатолии Сосунове был написан мною по заданию С.П. Павлова — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, который установил в ЦК правило: возвращаясь в Москву из командировки в область, каждый работник ЦК обязан привезти материал «о хорошем человеке».

Анатолия Сосунова я выявил в Иркутске. Бывший бригадмилец с немалым стажем, он стал командиром комсомольской дружины особого назначения и ко времени нашего знакомства задержал с полчиным на месте преступления такое количество всякой уголовной шпаны, что меры наказания, вынесенные этим уголовникам в результате оперативных действий Сосунова, составили в общей сложности 796 лет заключения в местах лишения свободы!.. К своим 23 годам он уже задержал — и один, и с товарищами — более пятисот преступников, в числе которых было немало особо опасных рецидивистов.

В это никто не хотел верить. Но всё было строго документировано и подтверждено органами милиции. Я ознакомил Павлова с двумя толстыми томами личного дела бригадмилца Сосунова, в которых находились рапорты о подробностях задержания разномастных и разновеликих преступников, фотоснимки задержанных, данные спецотдела УВД о количестве их прежних судимостей, справки из райотделов милиции, судебные повестки. Написал обстоятельную записку, на которой Павлов наложил резолюцию: *“1. Занести Сосунова в Книгу Почёта ЦК ВЛКСМ. 2. Представить к государственной награде. 3. Ильинскому — написать для «Комсомолки» очерк”*. Всё было исполнено. Так я написал свой первый в жизни очерк. Его опубликовали в «Комсомольской правде» 26 августа 1965 года под названием «Он с детства не любил овал...». Потом меня попросили

переписать этот очерк заново для книги «Звёзды первой величины», где он и был напечатан под заголовком «Человек и его дело».

В школе в комсомол Сосунова не приняли: хромала дисциплина. Обиделся. Но однажды Анатолий всё-таки пришёл в горком. За столом — секретарь. Спрашивает:

— Ты кто?

— Сосунов.

— А я Иванов... Эдик.

Усадил. Говорили долго. Оделся и пошёл в рейд вместе с дружинниками. Раз. Два. И всё присматривался. Он и рекомендовал Анатолия в комсомол. Ему был нужен комсомол, и он был нужен комсомолу.

Анатолий Сосунов достаточно прост, чтобы подумать, будто таких, как он, — много. Но этот человек настолько сложен, что ему можно удивляться и подражать.

Он писал хорошие стихи и хорошую прозу, недурно играл на гитаре и, случалось, сам сочинял музыку.

Он жил удесятерённой жизнью. Он был романтик и человек дела. Он был искренен, честен и бескомпромиссен, когда речь шла о нравственных принципах.

Это возвышало его над многими. Это же и погубило его.

...Мы вышли на улицу и долго бродили по промозглой Москве, философствуя о запретном, пытаясь доказать друг другу то, что понимали каждый по-своему. Не раз и не два я умолкал, принимая его правоту. В заключение сказал: «Ты слишком бескомпромиссен. Так нельзя». Он ответил: «Можно». Я сказал: «Ты погибнешь в конце концов». Он ответил: «Ну что же...»

Я знал — он идёт на свою погибель, как бы ни закончилась очередная проверка привезённого им очередного материала.

Для меня многочасовое «гуляние» по предзимней Москве закончилось плевритом — я простыл. И ещё — угрызениями совести, точащей меня, словно червь. Но что, в самом деле, что я тогда мог ещё сделать? Он был неумолим.

Сосунову его хождения по высоким кабинетам в поисках за утраченной правдой стоили потери работы, исключения из Союза журналистов СССР и отовсюду, откуда только можно исключить человека в нашем обществе...

Обществу всё это стоило потери, быть может, хорошего писателя, быть может, талантливого журналиста, быть может, выдающегося учёного.

*Из книг «Так живу, так люблю», Москва, 1998 г.,
«Мой комсомол», Москва, 2008 г.
и газеты «Советская молодёжь», Иркутск, 18.10.1990 г.*

«Анатолий Сосунов... был взят под негласный надзор милиции»

Анатолий Капустенский — заместитель начальника, затем начальник УВД Иркутской области (1986–1993 гг.); заслуженный работник МВД СССР; полковник милиции, затем государственный советник 2 класса представительства Президента России в Иркутской области.

В 1987 году в Иркутске начались волнения, до сих пор известные в народе как акции против «трубы». Это были первые проявления недовольства людей действиями правительства, принявшего решение о строительстве трубопровода для слива промышленных стоков Байкальского целлюлозно-бумажного комбината в реку Иркут, которая поит многие населённые пункты области и впадает в Ангару.

20 июня на привокзальной площади начался открытый сбор подписей против строительства «трубы». Тогдашний первый секретарь обкома партии Владимир Иванович Ситников сам выехал туда на встречу с митингующими и вернулся грознее тучи: пытаясь действовать нажимом, авторитарно, он не нашёл общего языка с людьми, и конфронтация обострилась.

...Звонок в УВД из обкома партии: активисты движения против постановления ЦК о строительстве трубопровода собирают подписи. Люди неуправляемы. Наведите порядок.

Опыта открытого массового протеста тогда ни у кого в СССР не было, и это серьёзно осложняло положение. Органы УВД оказались в непростой ситуации: выполнять указания сверху, понимая при этом настроение людей и в чём-то даже разделяя их тревогу.

Организатором акций протеста стало «Движение в защиту Байкала». В нём большую роль играл известный иркутский орнитолог Анатолий Сосунов. Активистами движения были также научные сотрудники ИНЦ из Академгородка Валерий Зубков, Виктор Модонов, Владимир Наумов. **Здесь нужно сразу сказать, что**

Анатолий Сосунов, организовавший массовый сбор подписей населения в защиту Байкала, именно с этого момента, с 20 июня 1987 года, был взят под негласный надзор милиции.

Сбор подписей в защиту Байкала оказался первым, но далеко не последним «звоночком». 22 ноября 1987 года иркутяне собрались у Дворца культуры профсоюзов уже на митинг. Было очень холодно, но народу собралось много — примерно 5 тысяч человек (в книге «Неформальная Россия» сообщается о 8 тысячах участ-

20 июня 1987 года, 8 часов утра, привокзальная площадь Иркутска:

Анатолий Сосунов берёт первые подписи в защиту Байкала – потом их будет 107 тысяч

Фотоснимок Николая Бриля

ников этой акции). Впоследствии многими изданиями число митинговавших намеренно занижалось. Народ собрался разношёрстный: писатели, врачи, рабочие, учёные... Многие пришли с детьми.

А в это время в Иркутске находился представитель ЦК КПСС Остапкин. Понятно, какие настроения царили в «сером доме». Возникли опасения: как бы эта «неуправляемая толпа» не ринулась к обкому партии.

Так оно и случилось. По призыву организаторов митинга колонна протестующих двинулась по улице Декабрьских Событий. Разрешения на уличное шествие у них не было. Как поступить? Ни с чем подобным ни я, ни мои коллеги по службе никогда не сталкивались. Это происходило впервые (намерения демонстрантов не разглашались и для милиции оставались неизвестными. — *Ред.*).

— Надо что-то предпринимать!.. Ситников штаны спустит с нас, если мы допустим такое, — растерялся секретарь горкома партии Виктор Васильевич Демещик. Представитель ЦК партии тоже, как и Демещик, настаивал на недопущении шествия. Подъехал командир ОМОНа и доложил обстановку. Учитывая реальное положение, недостаток сил и средств сдержать такую массу людей, я постарался убедить секретаря горкома и представителя ЦК, что сдержать не удастся.

Тем временем демонстранты свернули на улицу Карла Маркса. У меня ещё оставалось время перекрыть дополнительными силами и техникой улицы Сухэ-Батора и Ленина, по которым шествующие могли бы вдруг направиться к обкому партии, что я и сделал (шествие к зданию обкома партии даже изначально не планировалось, а весь свой путь демонстранты организованно прошли строго по намеченному накануне маршруту. — *Ред.*).

Эти стенд и лозунг были арестованы вместе с их автором Анатолием Сосунковым и его тремя сподвижниками 9 января 1988 года особым нарядом милиции

Колонна протестующих демонстрантов вступает на улицу Карла Маркса — центральную улицу города
Фотоснимок Николая Бриля

По улице Карла Маркса демонстранты вышли к набережной Ангары. Здесь Анатолий Сосунов выступил и сказал: «Впервые за 70 лет в Иркутске состоялась подлинно свободная демонстрация. Мы наконец выдавили из себя рабов!» (современному читателю теперь уже трудно будет представить себе, какое впечатление произвели тогда на людей советского режима эти вдруг неожиданно во всеулышание сказанные слова. — *Ред.*).

Да, опыта открытого массового протеста ни у кого в СССР тогда не было. Эта демонстрация была действительно первой. Но далеко не последней. При этом нельзя

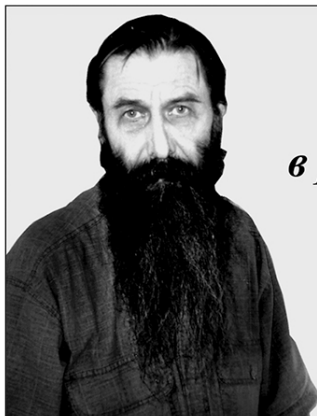
всё-таки забывать, что ситуацией нестабильности во взаимоотношениях власти и населения могли воспользоваться люди недобросовестные. Поэтому я дал команду: не разбираться с провокаторами на местах, а доставлять их в райотделы милиции, и 9 января 1988 года в Кировский райотдел были доставлены уже упомянутые активисты «Движения в защиту Байкала» Анатолий Сосунов, Виктор Модонов, Фёдор Ознобихин (вместе со своей десятилетней дочерью. — *Ред.*) и Анатолий Костовский. Конечно, применяемые меры мало кому могли понравиться. Чересчур активные граждане, посчитав себя обиженными, написали на имя председателя облисполкома Юрия Ножикова письмо с просьбой привлечь к ответственности работников милиции, которые задерживали и доставляли в райотдел свободомыслящих граждан. Юрий Ножиков отреагировал оперативно и собрал всех силовиков области с целью разобраться в происходящем. Тема была обозначена как серьёзные просчёты в работе милиции. Разбирательства дошли до того, что поступило предложение: лично я, Анатолий Павлович Капустенский, должен извиниться перед обиженными.

— Не буду извиняться. Я давал команду своим подчинённым, и, если теперь извинюсь, значит, мы действовали неправильно. И я должен буду наказать своих сотрудников. А мы действовали правильно. Нарушения были — агитационная работа,

пропаганда против постановления ЦК КПСС по «трубе» и т. д. Наше дело — правопорядок. Чему и служим (прокурором Иркутской области действия работников милиции были признаны незаконными, в связи с чем УВД Иркутского облисполкома через газету «Восточно-Сибирская правда» принесло задержанным активистам «Движения в защиту Байкала» свои извинения за необоснованное задержание. — *Ред.*)...

Да, я возразил тогда Юрию Ножикову, но теперь, когда митинги протеста стали явлением привычным, я расцениваю их уже с несколько других позиций. Может быть, более гражданских.

*Из газеты
«Аргументы недели.
Восточная Сибирь»,
25.2.2010 г.*

**Иркутску
я пришёлся
не впору —
в родном городе
я оказался
чужим...**

27 августа

**Анатолию Сосунову
исполнилось 65 лет**

Улан-Удэ

На отчётной конференции Фонда Байкала за большой личный вклад в дело организации всенародного движения в защиту озера Байкал избраны почётными членами Фонда Байкала:
ГАЛАЗИЙ Григорий Иванович, академик АН СССР;
РАСПУТИН Валентин Григорьевич, писатель;
СОСУНОВ Анатолий Александрович, член Союза журналистов СССР.
Из газеты «Восточно-Сибирская правда», 16.04.1991 г.

Москва

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с антиобщественными проявлениями и преступностью, СОСУНОВ Анатолий Александрович постановлением бюро ЦК ВЛКСМ от 24 июля 1965 года занесён в Книгу почёта ВЛКСМ.
Из газеты «Комсомольская правда», 28.08.1965 г.

Фрагмент третьей полосы
газеты «Терминатор» за 19 октября 2006 года

Развёрнутое решение бюро Иркутского областного комитета Российского Союза Молодёжи от 23 сентября 2016 г.

**О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ «Почётный член Иркутского областного комитета
Российского Союза Молодёжи» публицисту Анатолию Сосунову**

Сосунов Анатолий Александрович (р. 27.8.1941, Иркутск) — публицист и общественный деятель. Организатор первых массовых выступлений иркутян в защиту Байкала и гражданских свобод. Культуролог-экологист, правозащитник, орнитолог. Член Союза журналистов СССР с 1965 года. Лауреат литературных конкурсов «Молодость, творчество, современность» (1964 г.), «Во имя Байкала» (2001 г.) и трижды — конкурса «Золотая Запятая» (Иркутский журналист года — 2003; — 2004; — 2005).

По инициативе и предложениям Анатолия Сосунова сформирована основа орнитологической компоненты российского культурно-экологического календаря, возведён в статус общероссийского экологического праздника Синичкин день — 12 ноября (Зиновий-синичник), учреждён (впервые) День зимующих птиц России — 15 января. Инициатор и организатор ежегодной Всероссийской культурно-экологической акции «Покормите птиц!» памяти писателя Евгения Носова (2003 г.). Как профессиональный орнитолог первым в мировой орнитофильской практике разработал методику сохранения жизни травмированным стрижем, потерявшим способность к полёту и обречённым на гибель, — *парадоксальную экотранспозицию*. **Сформулировал концептуальный тезис религиозно-экологической культуры: «Чтить Творца — значит беречь Его творения», привлёк к участию в природозащитной деятельности священнослужителей и тем самым реально положил начало практике религиозно-экологического проповедничества, подключив заботу о природе к вопросам веры** (газеты «Иркутск»: 10.4.2006 г., 13.11.2006 г., 22.1.2007 г., 19.3.2007 г.; «Деловая неделя»: 11.12.2006 г., 19.3.2007 г.; «Ангарские огни», 17.11.2006 г.; «Терминатор», 30.6.2006 г. и др.).

В детстве за успешную работу в Иркутской областной радиогазете «Пионерский костёр» (был юнкором и диктором) получил свою первую награду — именной комплект детской классики из десяти книг. Учился в Иркутском государственном университете на юридическом факультете; со второго курса перешёл на факультет биологический, который и окончил по индивидуальному графику в три года. За работу «Зимний состав орнитофауны южной части Прибайкалья» был награждён почётной грамотой на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ в Москве и принят действительным членом в Географическое общество Союза ССР.

В юности за мужество и отвагу, проявленные в рядах бригады, а затем — спецдружины при областном уголовном розыске, **удостоен высшей награды комсомола — занесён в Книгу Почёта ВЛКСМ** (постановление бюро ЦК ВЛКСМ от 24 июля 1965 года). *“Была в ЦК ВЛКСМ бронированная комната особой конструкции, своеобразный сейф. Здесь в обычное, непарадное время хранились ком-*

ИЗДАНИЕ В КУЛЬТУРЕ

РЕССАНСОН ПРОКОМИТЕ ПТИЦ

СИННИЧКИН ПРАЗДНИК

12 ноября Иркутск отметил день святого Зиновия, покровителя зимующих птиц

И в зиму-стужу, в зимнюю стужу, свои молитвы Богу возносит! По молитвам святого...

Русская миссия святого Зиновия

Вера и любовь Творца — значит беречь Его творения: и птиц..., и Байкал..., и в себе — Человека.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

ИРКУТСК № 13 (273)

7 апреля

Благовещение Пресвятой Богородицы

В ряды синиц — острое слово, и кубы синиц! Дни зимы — дни молитвы, жгущая Аэл — выпускает синиц!...

Андрей Волосский

День освобождения заневолённых птиц

Вестники

Разлучая христиан вте Благовоещение

Выпустить птицу?.. Трудный разговор о традиции

ЧТИТЬ ТВОРЦА – ЗНАЧИТ БЕРЕЧЬ ЕГО ТВОРЕНИЯ

Начало религиозно-экологическому проповедничеству практически было положено в 2006 году в Иркутске: деятельное участие иркутских священнослужителей и светских ревнителей Православия во Всероссийской культурно-экологической акции «Покормите птиц!» с годами нашло должное понимание и получило достойное развитие, что далее привело к установлению Русской Православной Церковью ежегодного дня особой молитвы о Божием творении во всех храмах РПЦ в первое воскресенье сентября; в этот день священнослужители призваны посвящать свои проповеди заботе об окружающей среде.

сомольские святини — Знамя ВЛКСМ, ордена ВЛКСМ и Книга Почёта ВЛКСМ, в которую заносились имена, составившие честь и славу комсомола: Николай Островский... Алексей Стаханов... Паша Ангелина... Зоя Космодемьянская... Александр Матросов... Олег Кошевой... Юрий Гагарин... Только строго определённый круг людей имел доступ в это хранилище, но Анатолия Сосунова туда специально водили, чтобы он собственными глазами увидел в Книге Почёта свой фотопортрет и лаконичную запись: «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с преступностью и антиобщественными проявлениями» (газета «Честное слово», 29.2.2000 г.). Решением бюро Иркутского горкома КПСС от 24 января 1963 года был представлен к награждению орденом Красной Звезды «за боевые заслуги в борьбе с преступностью в г. Иркутске». Две его публикации того периода — «Стань бойцом!» и «Один из отважных» — успешно сыграли отведённую им роль в пробуждении и формировании особого рода героического пафоса в молодёжной среде начала 60-х годов, в привлечении смелых в ряды создаваемых в Иркутске правозащитных дружин особого назначения — комсомольских спецотрядов по борьбе с уголовной преступностью. Был начальником городской комсомольской спецдружины, членом райкома и горкома ВЛКСМ. Известные ныне мастера уголовного розыска называют его в числе своих первых учителей и наставников (газета «Восточно-Сибирская правда», 2.10.2003 г.). Награждён министром внутренних дел РСФСР именными часами и медалью «ЗА ОТЛИЧИЕ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА». За годы этой опасной, но захватывающей общественной деятельности им лично были обезврежены и задер-

жаны с поличным на месте преступления сотни опасных рецидивистов, в числе которых — трое убийц, приговорённых затем к расстрелу, и три десятка матёрых грабителей. Правдоискательство привело Анатолия Сосунова на путь инакомыслия, что повлекло за собой аннулирование решения бюро Иркутского обкома ВЛКСМ от 27 августа 1965 года о представлении его к награждению орденом *боевого* Красного Знамени за “героизм, проявленный при задержании опасных преступников” (газеты «Иркутск», 19.3.2004 г., «Советская молодёжь», 1.4.1989 г., «Деловая неделя», 11.11.2013 г.). Бывший тогда первым секретарём Иркутского ОК ВЛКСМ Геннадий Куцев, получивший партийное взыскание и отстранённый от должности в результате разоблачающих действий Анатолия Сосунова, в книге «Я сам торил свою тропу» (Тюмень, 2000 г.) вспоминает: “Одним из самых тяжёлых для меня по своим последствиям стало столкновение с бригадмилецем Анатолием Сосуновым, личностью в Иркутске по тем временам почти легендарной... Та давняя «иркутская история» осталась в памяти у многих”.

С 1967 года подвергался преследованиям: был исключён из комсомола, из Союза журналистов СССР (восстановлен в 1989 году, но от членства отказался), находился под гласным надзором и задерживался правоохранительными органами («Иркутску я пришёлся не впору — в родном городе я оказался чужим...», газета «Терминатор», 19.10.2006 г.). В 1988–1989 гг. иркутские ОК ВЛКСМ и УВД публично признали факты необоснованных гонений и принесли Анатолию Сосунову свои извинения. Работал дворником, сторожем, страховым агентом («Всем миром против Сосунова», газета «Советская молодёжь», 24.7.1990 г.).

Один из самых ярких деятелей *неформального Иркутска*, инициатор и организатор правозащитных пикетов и открытого сбора протестных подписей на улицах и площадях, автор ставшего широко известным лозунга «Гласность — оружие перестройки!» (газеты «Иркутск», 11.9.2006 г., «Восточно-Сибирская правда», 2.12.1987 г.). В 1987 году — организатор и первый лидер «Движения в защиту Байкала», выступившего против постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о строительстве комплекса сооружений для сброса промышленных стоков Байкальского целлюлозно-бумажного комбината в реку Иркут (программная статья — «Движение в защиту Байкала. Что это?», газета «Восточно-Сибирская правда», 19.11.1988 г.). Сбор подписей под петицией против строительства стокоотвода Анатолий Сосун и его сподвижники начали 20 июня 1987 года на привокзальной площади Иркутска. На фронте битвы за Байкал произошли решительные перемены: **впервые на открытую борьбу в защиту природы был поднят народ**. Эта дата стала днём рождения массового движения в защиту Байкала («Возмутитель спокойствия», газета «Восточно-Сибирская правда», 19.10.2002 г.).

Противостояние: справа — Анатолий Сосун, слева — первый секретарь Иркутского обкома КПСС Василий Ситников, прибывший на привокзальную площадь собственной персоной для усмирения взбунтовавшихся иркутян 20 июня 1987 года

Фотоснимок Николая Бриля

22 ноября 1987 года он подготовил и провёл по центральным улицам Иркутска первую в истории советской России массовую демонстрацию протеста (5 тысяч участников), в заключение которой в короткой речи с парапета набережной Ангары произнёс слова, которые вызвали небывалый общественный резонанс и позднее не раз цитировались в различных публикациях, а спустя четверть века получили своё место в третьем томе «Иркутской летописи» Ю.П. Колмакова: *«Сегодня мы ещё не победили комбинат, но мы уже победили сегодня в самих себе холопский дух. Эта демонстрация показала, что мы начали выдавливать из себя рабов»*. Отношение официального Иркутска и властей к этому событию было высказано в газете обкома КПСС «Восточно-Сибирская правда» (2.12.1987 г.) заместителем председателя Иркутского горисполкома Ю.В. Кошкиным: *“А. Сосунов, будучи едва ли не главной фигурой среди зачинателей сбора подписей и этих нарушителей порядка, на попытки городских и областных руководителей приостановить шествие грубо ответил: «Теперь это не ваше дело». У памятника первопроходцам он произнёс эмоциональную речь, в которой извращалась наша история. И ведь именно он зачитал на митинге одобренную казуистическими передержками петицию”*. Под петицией и обращением, написанными Анатолием Сосуновым в защиту Байкала, было собрано 107 тысяч подписей, в итоге пресёкших уже начатое строительство промстокоотводных сооружений. В фундаментальные издания по истории Иркутской области демонстрация 22 ноября вошла как *событие года*.

Иркутск 22 ноября 1987 года. Первая в истории советской России массовая демонстрация протеста. Анатолий Сосунов — во второй шеренге первый слева
 Фотоснимок Эдгара Брюханенко

В составе «Движения в защиту Байкала» действовали: постоянные субботне-воскресные пикеты «Пост защиты Байкала» и «Женщины — в защиту Иркутта», деятели науки и культуры, ветераны Великой Отечественной — в том числе два Героя Советского Союза, коллектив любительского театра-студии «Диалог», а также знаменитые «Стрижи» — экологическое содружество школьников школы № 45, — на всю страну заявившие о себе дерзким бойкотом школьных занятий в знак экологического протеста («Высокого полёта вам, стрижи!», газета «Восточно-Сибирская правда», 14.11.1989 г.). Действительный государственный советник 3 класса в отставке, журналист и писатель Игорь Ширококов в своей книге «Река по имени Время» (Иркутск, 2016 г.) резюмировал: *“Движение в защиту Байкала очень сильно политизировало иркутян, стало колыбелью и школой едва ли не всех общественно-политических организаций нового Иркутска, а в масштабах страны — крупным политическим событием того времени. Секретарь ЦК КПСС Егор Лигачёв, представлявший самое консервативное крыло партии, получил первый*

публичный отпор именно в Иркутске 23 июня на многотысячном митинге, организованном Движением в защиту Байкала”.

В последующие 25 лет Анатолий Сосунов вёл борьбу уже против самого комбината и его маститых покровителей и защитников, своими яркими публикациями рождая и поддерживая в общественном мнении дух нетерпимости и протеста. С 2008 года, в течение пяти лет, — он автор и ведущий пресс-акции «Священный Байкал» в газете «Деловая неделя» (вышло 120 цветных полностраничных выпусков, из которых многие периодически переиздавались ещё по 3–4 раза). Игорь Ширококов в статье «Минотавр жив!» заметил: “Ситуация вернулась в тот безвыходный лабиринт Минотавра, в котором она пребывает с прошлого века... Да и общественность как-то присмирела в последнее время... Только неустомимый Анатолий Сосунов, один из основателей Движения в защиту Байкала, продолжает выманывать Минотавра на свет божий: в газете «Деловая неделя» он последовательно и бескомпромиссно ведёт пресс-акцию «Священный Байкал»” (газета «Мои года», 19.12.2009 г.).

Два из ста двадцати выпусков пресс-акции «Священный Байкал» в газете «Деловая неделя» 2008–2012 гг.

Главная идея, которую еженедельно, из года в год, из номера в номер упорно и очень убедительно продвигал Анатолий Сосунов в этой пресс-акции, — полная ликвидация комбината (в противодействие широко обсуждаемым авторитетным проектам перепрофилирования БЦБК в «безвредное» производство): “Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат опасен не только Байкалу: монстр со зловещей аббревиатурой «БЦБК» прочно обрёл значение классического символа экологического зла, и, действуя в этом своём значении, он порождает в сознании людей беспросветное чувство экологической безысходности, безверие, безволие и пессимизм. В социально-психологическом аспекте его следует рассматривать как дестабилизатор высокой мощности. БЦБК необходимо ликвидировать — во имя культуры, в интересах её оздоровления, во благо её развития. И в обезвреженных, парализованных корпусах комбината основать для грядущих поколений мемориальный комплекс, подобный «Освенциму» и «Бухенвальду», — всемирный музей экологического зла” («Символы и параллели», газета «Иркутск», 21.8.2006 г.).

Идея Сосунова оказалась востребованной и принятой: в 2014 году БЦБК прекратил своё существование, а на его территории Министерство природных ресурсов Российской Федерации планирует создание тематического парка-экспоцентра «Заповедная Россия» с музеем экологических катастроф, расположенным в специально оставленных для этой цели производственных корпусах комбината (газета «Известия», 27.1.2014 г.).

В 1991 году в Республике Бурятия Анатолий Сосунов заочно был избран почётным членом Фонда Байкала вместе с академиком Григорием Галазием и писателем Валентином Распутиным («Восточно-Сибирская правда», 16.4.1991 г.).

К политике КПСС относился откровенно критически, но ни антикоммунистом, ни антисоветчиком никогда не был. В публикациях периода перестройки («А два ума лучше», «Союз молодёжи — школа плюрализма», «Российский президент...» и др.) отстаивал позиции провозглашённого им *ангажированного политического плюрализма* (обусловленная социалистическим выбором двух-, трёхпартийность) — живого творческого социализма; выступал за единовластие перестроенных Советов.

Выявив скрытую антиперестроечную подоплёку выступления секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС Лигачёва в г. Тольятти, Анатолий Сосунов организовал силами «Движения в защиту Байкала» широкую разъяснительную работу посредством дискуссионных пикетов и уличных стендов, после чего провёл 23 июня 1988 года многотысячный митинг, который он открыл своей большой обличительной речью. Участники митинга осудили позицию Лигачёва, приняли соответствующую резолюцию и направили её в адрес Политбюро ЦК КПСС («Восточно-Сибирская правда»: 22.2.1990 г., 14.3.1990 г.).

Иркутск 23 июня 1988 года. Митинг в поддержку Советской Социалистической Перестройки, закончившийся грандиозным шествием к зданию обкома КПСС

Фотоснимок Николая Бриля

В разгар предвыборной кампании 1991 года Анатолий Сосунов выступил против кандидатуры Бориса Ельцина и кандидатом на пост исторически первого президента России предложил выдвинуть Патриарха Московского и всея Руси: *“Российский президент должен положить конец необъявленной гражданской войне, помочь примирению и объединению отдельных усилий М. Горбачёва и Б. Ельцина вывести страну из экономического и политического кризиса, при-*

нести нам истинный мир и духовную культуру” («Восточно-Сибирская правда», 16.5.1991 г.). Но в атмосфере всеобщей эйфории и увлечённости личностью Бориса Ельцина тревожные предчувствия Анатолия Сосунова не нашли понимания.

Вопрос о многопартийности в рамках социализма первоначально был поставлен Анатолием Сосуновым в открытом письме коммунистам — участникам XIX Всесоюзной партконференции, которое он зачитал и вручил секретарю Иркутского областного комитета КПСС Виктору Иваницкому 26 мая 1988 года у здания обкома партии на политической манифестации, которая состоялась в итоге предварительно организованного Сосуновым многодневного открытого обсужде-

ния кандидатур трёх коммунистов, выдвинутых «Движением в защиту Байкала» из своих рядов делегатами на партконференцию (газета «Московские новости» № 22, 29.5.1988 г.). Затем Анатолий Сосунов, в должности сторожа и дворника школы № 71 выдвинутый тремя научно-исследовательскими институтами Иркутска кандидатом в народные депутаты СССР по Иркутскому национально-территориальному округу № 10 Российской Федерации, включил тезисы о многопартийности в предвыборную программу и в своих выступлениях («Восточно-Сибирская правда», 16.4.1989 г.) энергично проводил в сознание избирателей идеи демократического социализма (в известной тогда своей радикальностью предвыборной программе академика А.Д. Сахарова вопрос о многопартийности не затрагивался).

Это был период, когда вся неформальная Россия называла Иркутск *территорией свободы*, а зарубежные радиоголоса — *столицей перестройки*. 20 сентября 1989 года состоялось событие, внесённое в «Иркутскую летопись» Ю.П. Колмакова: в газете «Восточно-Сибирская правда» появилась статья Анатолия Сосунова «А два ума лучше» — первая в официальной советской прессе обстоятельная и серьёзная публикация с критикой существующей в стране однопартийной системы. Эта статья обсуждалась в ЦК КПСС и в дискуссионном порядке планировалась в журнал «Коммунист». Публикация не успела состояться в результате резкого изменения политической ситуации.

В драматической обстановке выступления ГКЧП Анатолий Сосунов на грандиозном митинге иркутян 20 августа обратился к сотрудникам и служащим силовых структур с призывом прислушаться к народному протесту и не поддерживать силой оружия своих мятежных руководителей.

Его духовные взгляды в значительной степени сложились под влиянием переосмысленных им культурологических идей Михаила Бахтина (о преодолении трагического разрыва *мира культуры с миром жизни*) и космоэтических воззрений писателя Андрея Платонова. **Выход из современного кризиса гуманизма видит в замене его парадигмы натюрисмом: в экологической революции и наступлении эпохи экологизма под знаком совершенного человека — праведника («Байкальский манифест натюрисма», «Символы и параллели», «Заветное», «Календарь наших проблем»).** Универсальным архетипом совершенного человека в мировой литературе считает образ ребёнка-миротворца, владеющего всеми языками живой природы (библейское дитя из пророчеств Исаии, Ваня Васильчиков Корнея Чуковского, Маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери).

Им созданы оригинальные литературные формы в публицистике: *пресс-акция* (в разрезе работ Бахтина о полифонизме в литературе), *публицистическая поэма, триптих, лаконизмы*; **новаторски использован приём литературного коллажа, возведённого им в степень литературного жанра (коллаж художественно-публицистический)**; зафиксирован и терминологически обозначен ряд важных социальных реалий: *натюральгия* (тоска по утраченному единству с природой), *орнитотерапия*, *природовосславляющий аспект славянской культуры*, *мирочувствие*, *антиэкологическая контркультура*, *социально-психологический дестабилизатор*, *символирование* (мышление символами), *буржуазно-олигархическая контрреволюция* и др.

«Триптих о Байкале» (его жанровое своеобразие отмечено на конкурсе золотым знаком), выдержав более двадцати публикаций, оказался завершающим каталогизатором и побудительной силой в постановке вопроса о Байкале как культурном концепте *СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ* — локальной константе русско-бурятской культуры (проф. В.И. Зоркин «Байкал и наша культура», 2004 г.).

Авторская пресс-акция «Покормите птиц!» (50 выпусков), развёрнутая Анатолием Сосуновым в 2002–2008 годах на страницах четырнадцати иркутских газет, вызвала появление целого ряда общественно значимых административно-правовых документов: двух постановлений мэра г. Иркутска — «О проведении ежегодного общегородского детского праздника “Синичкин день”» и «О повышении роли общегородского детского праздника “Синичкин день” и акции “Покормите птиц!” в формировании экологической культуры»; регионального закона «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Иркутской области»; специального постановления президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны природы «О ежегодном проведении Всероссийской культурно-экологической акции “Покормите птиц!”». Она получила высокую оценку (отмечена семью наградами, из которых две — золотые); *“подняла значение птиц в социальном аспекте до уровня символа экологической культуры”* (В. Зубакин, президент Союза охраны птиц России); *“сыграла исключительно важную роль в становлении экологической культуры в России”* (В. Галушин, академик); в течение года демонстрировалась в национальном интернет-конкурсе «Хрустальный компас» и стала значительным явлением современной русской публицистики («Россия снова кормит птиц», журнал «Сибирь», № 349/1, 2013 г.).

В эти годы крупнейшие региональные газеты — «Восточно-Сибирская правда», «Иркутск», «Мои года» — отводят под природозащитные публикации Анатолия Сосунова нередко даже свои первые полосы целиком.

В резолюции III межрегионального семинара Союза охраны птиц России (Саратов, 2003 г.) записано: *“Высоко оценить пресс-акцию «Покормите птиц!» как средство продвижения природоохранного мировоззрения в России”* («Восточно-Сибирская правда», 29.3.2003 г.). Более высокую и авторитетную оценку представить трудно.

Разносторонняя деятельность Анатолия Сосунова по защите отечественной орнитофауны не раз отмечалась Союзом охраны птиц России: публичными благодарностями (в журнале «Мир птиц»), почётной грамотой *«за выдающиеся достижения в экологическом просвещении населения и большой вклад в дело сохранения птиц России»* (2013 г.).

Достоверно известно, что в трагически-горькие времена умственной эпидемии, охватившей Россию под названием «птичий грипп», спецтематические выпуски пресс-акции «Покормите птиц!» — такие как «Простите нас, птицы...», «Домой!...», «Здравствуйте, птицы!» и особенно «Время... Птицы... Власть» — оградили наших диких пернатых от уже начавшегося было массового их истребления, по крайней мере в Прибайкальском регионе.

Ксерокопии «Триптиха о Байкале» и триптиха памяти писателя Евгения Носова «Покормите птиц» неоднократно применялись общественностью в качестве листовок при проведении массовых экологических мероприятий, а высказывания из его публицистики брались девизами конкурсов и лозунгами акций.

В 2006 году — **с деятельного участия иркутских священнослужителей и светских ревнителей Православия во Всероссийской культурно-экологической акции «Покормите птиц!»** — практически началось религиозно-экологическое проповедничество, которое с годами нашло должное понимание и получило достойное развитие, что далее привело к установлению Русской Православной Церковью ежегодного дня особой молитвы о Божием творении во всех храмах

РПЦ в первое воскресенье сентября; в этот день священнослужители призваны посвящать свои проповеди заботе об окружающей среде.

Все литературные премии, награды и гонорары передаются им в общественные природоохранные организации или употребляются в благотворительных целях. В литературной работе часто пользуется аллонимами («Среди прохожих птицы узнают меня», «Реквием по убитым птицам», «Русская миссия святого Зинovieя» и др.). Прозу художественную публикует под псевдонимом.

В настоящее время он автор и ведущий пресс-акции «Славянство: что это?» в газетах «Мои года» и «Приангарье» (вышло 15 выпусков). Цель и задачи этого проекта — возрождение и развитие природовосславляющих традиций славянской культуры («Двенадцать» в газете Иркутского обкома КППРФ «Приангарье», 2 и 16 июня 2015 года). Большой резонанс и полемику вызвала публикация «У края пропасти. Слово к российскому украинству», прозвучавшее по Иркутскому городскому радиоканалу и напечатанное в газетах «Приангарье», «Мои года», а также в «Спецвыпуске Движения в защиту Байкала» (10.12.2014 г.).

Известный иркутский учёный-филолог, историк и писатель Виталий Зоркин в своей книге «Не уйти от памяти» (Иркутск, 2007 г.) так охарактеризовал Анатолия Сосунова: *“Что такое Сосунов? Что за явление или, говоря словами Чехова, — что за жанр? Представьте себе человека, который: достиг невероятных успехов в борьбе с уголовной преступностью, став героем комсомола 60-х годов; на вершине славы превратился в преследуемого властями инакомыслящего бунтаря, завершив эту стезю в годы перестройки живым символом неформального Иркутска; и при всём при этом, будучи профессиональным биологом, вёл неустанные орнитологические изыскания, добившись и на этой стезе достижений не только всероссийского, но и мирового уровня, как пишут о нём специалисты-орнитологи. Короче — прославленный сыщик, воинствующий диссидент и тонкий натуралист в одном лице. Это и есть Сосунов. Он бился за Байкал пером и шпагой: в бурные восьмидесятые, когда «Триптих о Байкале» впервые увидел свет, его автор во главе организованного им Движения в защиту Байкала (прозванного в народе Байкальским движением) буквально поднял на дыбы Иркутск”*.

Игорь Ширококов в очерке «Дворник с большой дороги» сказал о Сосунове: *“Он Сторож и Дворник с той большой дороги, по которой идём все мы, от мала до велика, летят птицы и плещет волна древнего озера. Дороги, имя которой — Жизнь”* (газета «Честное слово», 29.2.2000 г.).

В трёхтомную «Иркутскую летопись», приуроченную к 350-летию города, внесено девятнадцать событий, тесно связанных с именем Анатолия Сосунова; в ряду событий 1941 года отмечен и факт его появления на свет: “27 августа. Родился в Иркутске Анатолий Александрович Сосунов, впоследствии публицист и общественный деятель”.

Он прочными узами связан и с ВЛКСМ, и с РСМ. **Как публицист Анатолий Сосунов стоял у истоков создания Российского Союза Молодёжи, был его провозвестником.** В развернувшейся накануне внеочередного пленума ЦК ВЛКСМ (1989 г.) дискуссии «Какой комсомол нам нужен?» Анатолий Сосунов выступил в газете «Советская молодёжь» (25.7.1989 г.) со статьёй «Союз молодёжи — школа плюрализма», в которой **предложил создать на базе комсомола — Союз Советской Молодёжи на принципиально новых основах (позднее его мысли нашли своё отражение в Уставе РСМ).** Возможно, так думали и другие, но печатно сказал только один — Анатолий Сосунов. В этой же публикации он впервые затронул проблему допущения в СССР многопартийности в рамках социализма.

В актив Иркутской областной организации Российского Союза Молодёжи Анатолий Сосунов вошёл сразу, естественно и просто. По его инициативе и при его деятельном участии проводились и проводятся различные природоохранные мероприятия, из которых следует особо выделить ставший традиционным ежегодный детский праздник «Воробушкин день» («Есть праздник! Новый. Воробушкин день», газета «Деловая неделя», 25.1.2010 г.) и практическую работу в рамках экологической пресс-акции «Священный Байкал». Поддержан его проект «Славянство: что это?».

Но главное достижение Анатолия Сосунова — его обращённая к новому поколению высокохудожественная публицистика, воспевающая красоту родной земли и высоту добрых дел (публицистическая поэма «С чего начинается родина?...» отмечена золотой наградой «*за стоический характер яркого и неподражаемого мастера*», перепечатывается практически каждый год и уже выдержала 14 изданий). Все выпуски его пресс-акций выходят в авторском художественном оформлении.

Байкальский манифест натурализма «Собор», созданный Анатолием Сосуновым, был в 2009 году представлен Иркутским областным комитетом РСМ состоявшемуся в Москве I Всероссийскому молодёжному экологическому форуму (мысли, заложенные в этом манифесте, получили впоследствии широкое распространение и развитие).

Анатолий Сосунов — публицист особого рода: он не только автор и ведущий своих пресс-акций на страницах газет и журналов — он их главный режиссёр и постановщик на улицах и площадях. Слово и дело у него нерасторжимы: он пишет — как и действует, а действует — как и пишет.

В 2013 году Анатолий Сосунов награждён дипломом Российского Союза Молодёжи «*за большой вклад в дело воспитания молодёжи, верность идеалам и традициям комсомола*».

На основании вышеизложенного и в связи с 75-летним юбилеем Анатолия Сосунова бюро Иркутского областного комитета Российского Союза Молодёжи приняло

РЕШЕНИЕ:

присвоить публицисту Анатолию Сосунову звание «Почётный член Иркутского областного комитета Российского Союза Молодёжи».

**Председатель
Иркутского областного
комитета РСМ**

Александр Попов

Раздумья над пережитым

Неформальный Иркутск — это:

— инакомыслящая часть иркутской общественности 80-х годов, организационно не объединённая, различная по взглядам и убеждениям, но выступавшая единой общей силой в утверждении свободомыслия как основы нормальной общественной жизни;

— региональная составляющая советской *неформальной России*, неудержимо вступавшей на историческую арену как *народный фронт перестройки*.

На заре социалистической перестройки, сорванной недоумками и перелицованной предателями, движение неформалов разворачивалось в искреннем стремлении облагородить советскую модель социализма, освободив страну от диктатуры разложившейся единственной партии и передав всю полноту власти перестроенным Советам.

Но дело перестройки рьяно начали саботировать упёртые консерваторы из правящей партийно-советской верхушки, а непомерно-амбициозные экстремисты и предприимчивые жулики из той же самой партийно-советской верхушки воспользовались этой напряжённой ситуацией и при нашем всенародном попустительстве и простодушии ловко разом прикончили и Советский Союз, и советскую власть вместе с социализмом. Долгожданная *Советская Социалистическая Перестройка* была бессовестно и вероломно превращена в постыдную *буржуазно-олигархическую контрреволюцию*.

Кто же я, Анатолий Сосунوف? Деятель общественный или... антиобщественный? Природе друг, а людям... враг?

В природе нет ничего лишнего. Кроме человека. Это открылось мне довольно скоро.

С детских лет я страстно мечтал стать настоящим охотником. «Календарь охотника» был моей настольной книгой. Но первый же удачный выстрел из ружья по птице навсегда отвратил меня от такой охоты, и я стал — кем и родился: ярым охотником на разномастное жульё и нечисть, «борцом с преступностью и антиобщественными проявлениями», как потом было высвечено в Книге Почёта ЦК ВЛКСМ.

Какой восторг! Какая бешеная радость, когда в твоих руках бьётся пойманный с поличным ворюга... Матёрый!.. Какое упоение победой! Вот он, ещё не пойманный, всего в двух шагах от меня работает. На груди значок «Ударник коммунистического труда» — для блезиру. Красиво работает, сумочку бритвой не как попало полоснёт, а где надо; чужой карман слегка погладит, и не станет в кармане кошелек — ну прямо артист! Пасти такого — сплошное удовольствие: дыхание спирает, сердце ликует, а тело дрожит от нетерпения в ожидании решающего мига броска и схватки... Всё это надо самому испытать — только тогда поймёшь азарт и прелесть охоты по ворью — настоящей БОЛЬШОЙ ОХОТЫ.

Да, «Общество охотников» меня к себе не заманило — моя охота по перу не состоялась. **Я жил мечтой об обществе любителей охоты по ворью — вот где неистовая молодёжь, жаждущая опасных приключений, могла бы совершать подвиги во имя добра и справедливости!**

Осуществить в полной мере свой замысел мне было не суждено — не та, не та была эпоха. Сегодня это реально, но теперь — я уже не тот, слишком стар. **Кто подхватит идею?..**

Наперекор внешним обстоятельствам во мне — к тому же ещё — неистребимо жил художник, выпестованный чарующим миром дикой природы, и это, естественно, отражалось на всех моих делах. Охотничество и художничество вели меня по жизни от и до.

Художничество природы совсем не обязательно приводит к занятиям живописью или актёрством. По большому счёту художничество — это прирождённое и непреодолимое влечение к художественному жизнеустройству и выразительному образу жизни. Свою характерную роль в театре нашей жизни я играл достаточно выразительно, хотя и не красочно. Иногда роль была не по мне, но я брался за неё, и она принимала мои условия игры. В итоге же моя реальная жизнь оказалась моим самым главным произведением в неведомом искусстве жанре *живой прожитой жизни*, моим *жизнетворением*. Один из величайших мудрецов Древнего мира сказал так: *“Если хочешь быть серьёзным — играй”*. Художничество — это творческая игра души.

Как особенность чьей-либо природы художничество себя проявляет во всём и неизбежно, порой в самых неожиданных формах, в самых удивительных сочетаниях, и тогда на свет Божий являются такие, например, чудаки и фантазёры, которые уже одним только своим присутствием оживляют и украшают наш будничный мир — всё зависит от стечения обстоятельств и природных задатков.

Но «чудаки и фантазёры» уровня мирового — продвигают человечество. Именно люди, одержимые художничеством, преображают коснеющий мир. Именно художничество природы сделало Петра Романова — Петром Великим.

Художничество — это творящее начало, состояние души и стиль жизни.

Так кто же я, оформленный молвой как «форменный неформал», есть на самом деле?..

* * *

И вот ещё о чём хочу сказать: я — человек советский и убеждённый коммунист. Только мой коммунизм — не по Марксу. Мой коммунизм — это коммунизм Христа и Рёриха. Грешил ли я в жизни? Да, грешил. И грехами немалыми. Искупил ли я вину? Господь решит.

Из переписки с другом

Эдуард Иванов — капитан первого ранга (полковник) в отставке, ветеран боевых действий (Ангола, Афганистан...); кандидат экономических наук (мировая экономика), профессор по кафедре политического и экономического анализа, ведущий научный сотрудник и руководитель экономической секции учёного совета Российского института стратегических исследований (1993–2010 гг.); автор более 100 научных трудов, частично опубликованных за рубежом, 5 авторских и 11 коллективных монографий; первый секретарь Иркутского горкома ВЛКСМ и член бюро Иркутского обкома ВЛКСМ (1961–1963 гг.).

Прочитав статью судьи Татарникова «Всем миром против Сосунова» (газета «Советская молодёжь», 24.7.1990 г.), я, во-первых, был глубоко оскорблён далеко не порядочными (в самом лёгком выражении) действиями против тебя тех персон, которых я не только лично знал, но и во многом доверял и двигал по карьерной лестнице, и, во-вторых, почувствовал и себя виноватым (правда, ещё не разобрался почему) в их злостных происках против тебя.

Мне представляется, что те мысли, которые ты обобщил словом «художничество», в ещё большей степени можно было бы обобщить понятием «...не от мира сего...», поскольку речь идёт о людях, которые не от мира зла, не от мира насилия, не от мира несправедливости. Они действуют во мраке земного существования и всю свою жизнь ведут борьбу против подлой расчётливости, лицемерия, наживы, против бессовестного отношения к людям.

Наталкиваясь на зло, они (не как другие — от мира сего) не жалеют себя, не приспособливаются, не убегают от мирской действительности. Таковыми были апостолы Иисуса Христа, пророки, святые отцы. Из наших современников можно назвать Андрея Сахарова и других, ему подобных.

* * *

Прошу прощения, однако: “Платон мне друг, но истина дороже”.

В целом твоя журнальная статья «Трибуна у края пропасти» вызывает большой интерес, поскольку её главной идеей является объединение славянских народов на базе их духовной культуры. В то же время в твоей статье содержатся серьёзные методологические ошибки и неточности. Вольно или невольно ты обобщаешь понятие «славянская культура», хотя речь в статье идёт только о небольшой части духовной культуры славян. Не рассматривается её исторический аспект.

Далее. «Народ» — понятие не политическое, а этническое понятие как части общей культуры населения страны. В политике действует не вообще «народ», а социальные группы населения (по признаку собственности, профессиональной принадлежности и т.д.). Отсюда пропагандистская фраза писателя Бориса Лавренёва “народ всегда прав”, которую ты приводишь, — не верна, что подтверждается историей любого народа (например, в 1933 году партия Гитлера — Национал-социалистическая рабочая партия Германии — получила путём всеобщего голосования большинство в парламенте, и Гитлер стал канцлером Германии).

В целом же следует отметить, что “славянское возрождение и формирование современного славянского стиля”, к чему ты так стремишься, не может осуществиться просто потому, что История своё слово уже сказала.

Народы, составляющие славянскую цивилизацию, так же как и народы других цивилизаций, отличаются своим вполне конкретным и определённым менталитетом, сформировавшимся в условиях общей исторической судьбы. Его особенностями являются соборность, общинность, коллективизм, которые прочно вошли в сознание славянских народов, в отличие от индивидуализма и прагматизма, укоренившихся в жизни на Западе (особенно характерных для англо-саксонской цивилизации).

Я думаю, что тебе следует, оставив главную идею — содружество славянских государств (в том числе на основе соборности и коллективизма — главных признаков славянской духовной культуры), построить эту статью на базе современных реальных двигателей интеграции государств, т.е. взаимодействия национальных экономик на микро- и макроуровне, систем образования, сфер науки, здравоохранения, литературы, искусства, религиозных ценностей.

* * *

Анатолий Сосунов:

Эдик! После нашего телефонного разговора я кое-что изменил и добавил два абзаца. Как теперь?

«Жизнь — это стадия и форма временно воплощённого существования организованных сгустков духа, то есть душ, как неперемного условия их развития и участия в творческой эволюции мира. Жизнь не даётся даром, она — *служенье правде*, и в этом её смысл: каждое живое существо несёт *бремя оправдания* своей жизни — вот путь и *правда жизни*. Человек должен уверенно осознавать и ощутимо чувствовать себя благодетелью — крохотной, но мыслящей! — клеточкой единого бессмертного космического организма, от которого зависит и личное бессмертие каждого человека по его делам во благо и здоровье этого — нашего общего — организма. Стать душой бессмертной, созидающей частицей мировой

(вселенской) души или бесследно рассеяться в *сфере духа* и послужить исходной субстанцией для формирования душ низшего порядка (суть тварей животных) — каждый пусть решает сам. Это сказано. Я полагаю, что именно так думал, но в обстановке надвигавшихся репрессий не рискнул прямо высказаться академик Вернадский — основоположник учения о *ноосфере*.

Речь — о сокровенной сущности божественного единства вселенной, которую современные мировые религии пока что не сумели убедительно высветить.

Вечное — в движении, красота — в совершенстве. Всё течёт и меняется: меняемся мы, меняется мир, меняется Бог, меняется наше отношение к Нему, меняется Его отношение к нам — совершенству нет предела.

Чтобы поверить в истину, её нужно пережить. **Все мы прекрасно понимаем, зачем нам нужен Бог, но многие ли из нас понимают, зачем Богу нужны мы?**

Вер разных много, но Творец — один, и судимы все мы будем не по вере, а по делам нашим во имя Всевышнего».

Эдуард Иванов:

Текст мне понравился и в целом, и в деталях:

1. Мысль субъекта (как активно познающего индивида) выражена логично и достаточно ясно.

2. Она вполне убедительна для тех людей, которые верят в Высший Замысел или находятся в процессе искания смысла жизни.

3. Ошибок (в плане художественного объяснения указанных в тексте моментов) я не заметил, но в плане непоколебимой истины — привожу текст из рекомендованного к печати Отделом религиозного образования и катехизации Московского Патриархата первого тома репринтного издания «Полного православного богословского энциклопедического словаря» (М., 1992, с. 378), который, по-моему, покажет, где **тобою сделана ошибка**.

“Говоря об истинном Боге, Св. Писание везде усвояет Ему высшие духовные совершенства; таковы: вечность, независимость, самобытность и неизменяемость (выделено мною. — Э. И.), вездеприсутствие, всеведение, премудрость, благодать, любовь и милость, святость, праведность и истина, творчество и всемогущество, беспредельное величие и неприступная слава”.

* * *

Прочитал решение бюро Иркутского обкома Российского Союза Молодёжи о присвоении тебе почётного звания. Скажу просто по-флотски и по-комсомольски: «Толя! Так держать!»

* * *

*Вот так и живём, не ждём тишины,
Мы юности нашей, как прежде, верны.
А сердце, как прежде, горит оттого,
Горит оттого,
Что дружба превыше всего.*

*А годы летят...
Наши годы, как птицы, летят,
И некогда нам оглянуться назад.*

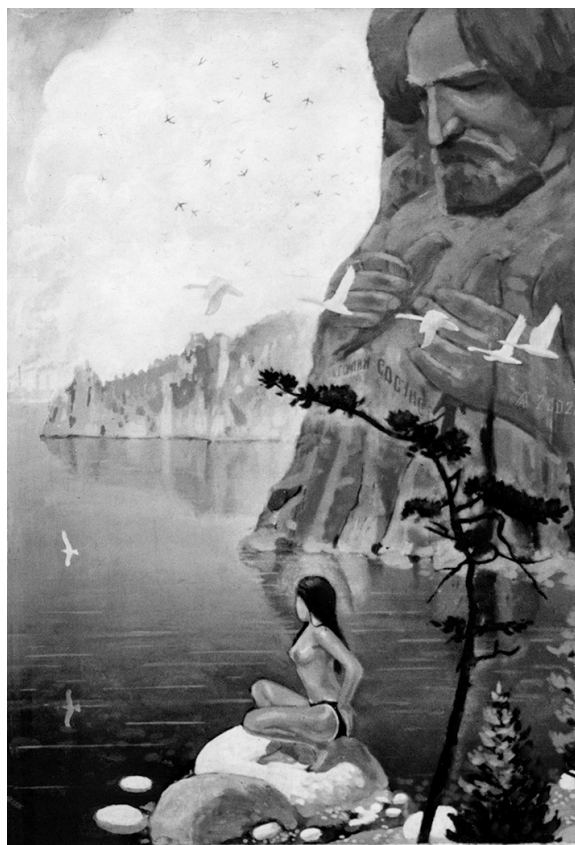
Глазами художника

*Из двух номеров газеты «Ямицик»:
№ 37 за 27 сентября 2002 года и № 29 за 20 июля 2001 года*

Алексей Васильевич Лукьянчиков как художник был отринут иркутским официозом и только в последние годы жизни получил запоздалое признание, а вместе с ним и возможность устраивать выставки своих работ. Возможность эта оказалась недолгой: 26 июня 2002 года он перешагнул порог, за которым кончаются земные страсти. С нами остался лишь причудливый мир его искусства. Публицистическая обострённость и гротеск в неожиданном сочетании с мягкой поэтической аллегорией придают картинам этого своеобразного мастера сибирского андеграунда отчётливое символическое звучание. Известность получили «Зелёная волна», «Поединок», «Лесоруб» (цветные репродукции в журнале «Сибирь» № 2 за 2002 г.), портрет Валентина Распутина.

Творческую манеру Алексея Лукьянчикова хорошо раскрывает его последняя работа — портрет Анатолия Сосунова, на котором защитник Байкала изображён в виде горельефа на байкальской скале.

Павел Яковлев

Алексей Лукьянчиков: *На днях в газете «Ямицик» прочитал я «Триптих о Байкале» Анатолия Сосунова и удивился доброй и, более того, патристической памяти редакции — не забывать о людях неординарных, о подвижниках, о людях с гражданской совестью.*

Разумеется, редакция и без меня знает, о ком и как ей писать, но я подумал: хорошо было бы расширить эту рубрику («Полна талантами земля Иркутская») и о таких вот «возмутителях спокойствия», бескорыстных защитниках униженного народа России, защитниках культуры и нравственности, впредь в ней рассказывать.

...И снова рядом Толя

Бронислав Табачников — профессор, зав. кафедрой педагогики и методики гуманитарного образования Воронежского института развития образования; заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный работник культуры РФ; автор 120 научных трудов и сотен публикаций по проблемам искусства и литературы; кавалер ордена ПОЧЁТА.

На что вы, дни..?

Е. Баратынский

Право, не верится, что такое может быть. Спустя больше чем полвека на страницах этого славного издания довелось мне, к большой радости, снова встретиться с Анатолием Сосуновым, ставшим в годы моей военной молодости героем очерка «Рядом с нами идёт Толя», опубликованного мною в иркутской газете «Восточно-Сибирская правда» 1 сентября 1962 года. Только теперь это уже не юный дружинник, увлечённый орнитологией, каким я представил его тогда читателям. Ныне это умудрённый прожитыми десятилетиями, испытанный суровым горнилом совсем не простой нашей жизни БОЕЦ. Человек воистину без страха и упрёка, познавший вкус успеха, но и, увы, переживший немало отчаянно-горьких, порой безысходных минут.

Судьба его после нашего расставания, как оказалось, складывалась в постоянном одолении косности, паразитизма, несправедливости, лжи, трусости, зависти и примитивной подлости, присущих, к глубокому нашему сожалению, и власть предержащим, и низовой стихии. На протяжении без малого шести десятилетий герой наш каждым шагом своим стремился к утверждению гуманных, выстраданных столетиями ценностей человеческого бытия. Сил и здоровья, надо полагать, уходило на это немало, но, видимо, Толю имел в виду поэт, когда говорил о добротных гвоздях, материалом для которых могли стать люди, подобные Сосунову.

Сейчас не могу не вспомнить строчки из моего более чем полувековой давности очерка о юном иркутском орнитологе и дружиннике: *“Когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай это чудо, если ты в состоянии... Эту мысль Александра Грина с детства принял Толя как заповедь. Какое же чудо сделаешь ты, Анатолий Сосунов? Будешь вторым Тимирязевым?.. Сеченовым?..”*

Он стал не вторым, он стал первым — первым СОСУНОВЫМ.

И впрямь был прав генерал де Голль, когда утверждал: *“Всегда выбирайте самый трудный путь — на нём вы не встретите конкурентов”*.

Художественно-публицистический коллаж — довольно необычный, но очень убедительный *литературный жанр* (кстати, уже давно трансформированный самим Анатолием Сосуновым из не часто встречаемого *литературного приёма*). Он, коллаж, как нельзя лучше даёт Читателю представление об этой в высшей степени незаурядной ЛИЧНОСТИ, реализовавшей себя так мужественно, ярко и многосторонне.

Писатель Антон Павлович Чехов, столкнувшись с нехорошим поступком, говорил: «Это нехудожественно». Анатолий Сосунов главное своё произведение — «книгу» прожитой жизни — «написал» не словами, а поступками, они по большому счёту художественны, и его живая книга жизни вышла на СЛАВУ.

От составителя: извлечения из разных публикаций при сведении их в единый текст были соответственно адаптированы.

ВЛАДИМИР КРУПИН

Несобственно-прямая речь

Слово о Солженицыне

В русском языке термин «несобственно-прямая речь» означает приём, когда автор прячется за героя, говорит вроде бы от него, но фактически это он сам. Приём этот помогает, может быть, раскрытию замысла, но есть всё-таки в этом приёме некая хитринка: спросить не с кого. Кто говорит? Автор? Нет, вроде герой. Герой тоже легко отопрётся: это, мол, не я сам, а за меня говорят. Таким приёмом, по сути, написаны многие работы Александра Солженицына, начиная с «Одного дня Ивана Денисовича». Поток его «однодневного» сознания и размышления идёт вроде бы от его имени, но мы-то понимаем, что это не герой такой умный, это автор, а уж автор знает, о чём и как думает советский заключённый.

«Красное Колесо» — это десятки, чуть ли не сотни авторизованных персонажей, когда автор, овладев приёмом стилизации, может говорить и «царским», и «военным», и «мужичьим» языком. Полифония — по-русски многоголосица — должна создавать «узловые» и вместе с тем типичные моменты русской переломной истории. Не знаю, как другие, а я просто устаю от такого приёма. Полифония звучания кажется мне шумом, персонажи — куклами, которые изображают реальных исторических лиц и говорят то, что прикажут... Воля ваша, я много раз, и по-тихому, и с разбега, кидался под колёса «Колесу» и вскоре обнаруживал себя на обочине дороги, по которой оно каталось туда и сюда.

Может, это кому покажется резковато сказано, но что делать — сунулась мне под руку статья из «Нового мира» (№ 10. 1999 г., с. 130–131), где «Колесо» названо «грандиозным», сочетающим «в себе художественную эпопею с историческим исследованием, фундированным, наверное, нисколько не меньше, чем самая солидная научная работа». То, что «Колесо» фундировано, я нисколько не сомневаюсь, я просто говорю: дочитать не могу.

В конце концов это моё личное дело, читать – не читать, может, я один такой, кому-то и «Красное Колесо» — икона. И Солженицын в красном углу. Разве мы не помним ошеломляющего 11-го номера «Нового мира» за 1962 год?! Библиотечка, в которую я, естественно, был влюблён, дала мне журнал на одну ночь. Кстати, это «на одну ночь» было и с другими трудами писателя, за одну ночь читали мы слепые самиздатовские тексты «Архипелага», «В круге первом», «Раковый корпус». Но такая была сильная тяга к правде, такая молодая память, что когда я читал уже превосходные по своей полиграфии заграничные и здешние издания этих работ, то ничего нового уже не вычитывал.

В том же «Новом мире» потом я долгие годы был членом редколлегии и (легко поднять протоколы её заседаний начала и середины восьмидесятых годов), всегда выступал за публикацию произведений Александра Исаевича. Что и сбывалось вскоре, и не в одном «Новом мире». Эпоха не эпоха, а время Солженицына было в русской литературе, а в мировой осталось на долгие годы.

Почему так я сказал, что в мировой осталось? Потому, что для мировой хватает нынче уже немногого, для русской же необходима художественность и духовность. Солженицын, при всём моём к нему почтении, явление более социально-политическое, нежели литературное. О, я помню эти вечера литературы, когда требовательный зал ценил писателей по одному признаку: как писатель относится к Солженицыну. Уважает — наш человек. Не уважает — долой. Один раз, уже давно, покойный Пётр Паламарчук организовал вечер в бывшей церкви Московских Святителей, а тогда в клубе им. Баумана, посвящённый Солженицыну вечер шёл часов пять. Милиция, давка, телеграммы в Вермонт. «Ценим, любим, ждём».

Ждали и дождались. Вернулся. Лучше сказать, явился, проехал Россию, собирая слёзы и страдания для будущих работ. Не на сладкие хлеба приехал: те, кто славил, решительно отвернулись. Давали экран, отобрали: не то заговорил. Те, кто верил, продолжали верить, хотя вскоре увидели — Солженицын с демократами. С разрушителями России. Как иначе сказать, если одобрял пришествие к власти ельцинистов, оправдывал братоубийство октября 93-го. Может быть, тут сказался отдаваемый долг за приют Ростроповичу в нелёгкие годы гонений. Тогда «Стива», как называет его Солженицын в продолжении своих автобиографических записок «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (очень точное название, нельзя же угодить меж трёх). Записки эти продолжают работу «Бодался телёнок с дубом». Так вот, «Стива», приютивший Солженицыных, очень ярко показал себя в августе 91-го, когда бегал по Белому дому (так назвали Верховный Совет дежурналисты, утоляя свою жажду по американскому устройству мира), бегал, охраняя Ельцина не с контрабасом, не до него, а с автоматом. В 93-м, в дни расстрела, играл с оркестром на Красной площади и с пианистом — сыном Солженицына. То, что сын пианист, — это очень хорошо, другое дело, что музыка звучала на фоне проливаемой русской крови.

В продолжении записок, в «Зёрнышке» — прежняя «телёнковская» самозначительность. «Итальянские пограничники тут задержали нас на добрых полчаса безо всяких объяснений, оказалось: бегали за моими книгами, получить автограф». Вспомним «Телёнка». Твардовский приезжает в Рязань к молодому, неизвестному автору читать рукопись на дому, таково условие. Автор не даёт редактору выпивать — сиди, читай. На вокзале Твардовский всё-таки отрывается от пригляда и выпивает, ах, нехорошо!

Но не все ли мы, не любой ли из нас созидал образ борца, народного защитника, великого писателя? Созидали! Иные в залётном усердии уверяли, что видели на «Матрёнинном дворе» призрак гоголевской шинели. Шинель была, говорили другие, но энкавэдэшная. Не мы ли мечтали: вот вернётся Исаич, и Россия будет спасена. Так что грешно порицать писателя, что он о себе высокого мнения, мы-то были высочайшего. Мы сами вознесли его на высоту, с которой он учил жить всех: и Америку, и Японию; Китай учил с СССР не церемониться, создавал «расширительный» словарь русского языка, учил священноначалие, писал тексты молитв, нас учил жить не по лжи, возносился всё выше, вещал всё увереннее и... перестал быть слышимым. То есть вроде слышали и читали, но жизнь в России обустроивалась по-своему. Написал, и как-то бурно заговорили, но тут же смолкли о работе (еврейский вопрос) «Двести лет вместе». Ибо честнее говорить было «Тысяча лет в гостях».

И об «Одном дне», наконец, дошло, что очень угодил Солженицын этой повестью Хрущёву. Всю свою ненависть к русским свалил Никита на Сталина.

Теперь, по прошествии времени, спокойным зрением видно, что диссидентство работало не против засилия марксизма-ленинизма, уже и в конце семидесятых это была картонная мишень, никто всерьёз научный коммунизм не воспринимал, кроме тех, кто на нём кормился (бурбулисы, например, афанасьевы, гайдары), а работало диссидентство на врагов России.

Те же гэбисты. Ну да, подслушивают, сволочи, жизнь портят, но если есть государство, должна быть служба его безопасности? А в теперешнем состоянии общества человек может быть защищён только государством. Нынешняя, совершенно дикая постановка вопроса о возвращении памятника палачу русского народа говорит ещё и о том, что есть тоска именно по безопасности жизни в государстве. То есть уже и демократов допекло. Коммуняк свалили, страну разворовали, население успешно разворачивается и спаивается, но всё как-то тревожно: у подъездов постреливают, и убийц, вот что — канальство, досадно, не находят. Дзержинский бы нашёл. Он бы, конечно, ещё за компанию сотню-другую пришил, но это же другой разговор...

Диссиденты всегда были, будут и всегда были, будут недовольны. И кто сказал, что возможен рай на земле? Первые утописты, вторые коммунисты, третьи..? Да, демократы. Обещали же. Вот идеологии не будет, вот будет рынок, тут-то наши слёзы и высохнут. А вышло — кровь полилась.

А Запад чему научен трудами Солженицына? Как и не было Вермонта, говорится в последнем телефильме «Узел», но ведь и для Запада как и не было никого в Вермонте. В том же «Зёрнышке» описание первого после высылки появления на Западе. Не хочется к репортёрам, а всё равно надо идти. И пошёл, уже вставленный в заготовленную нишу антисоветской пропаганды. Но писательское зрение всё ещё остро, подмечает, как немолодой фотограф, пяясь, хлопается на спину, жалко.

Запад выветрил из писателя художника. Наизусть знающему «Захара Калину» уже такого же или хотя бы чуть послабее не дожидаться. Уже превозносительная учительная сила водит пером писателя, уже, перестав наскакивать на Шолохова, разбирает Чехова. Из недавнего: «Окунаясь в Чехова» (тот же «Новый мир», № 10 с. г.): очень требовательно взysкивает с классика, надо бы Антону Павловичу писать (далее цитата): «строже, лаконичней, подразумеваемей. Но тогда не писали иначе, это в XX веке научились». Тут вроде и не смеешь думать, что, может быть, наоборот, разучились. «А слов исконных, корневых, ярких русских — у Чехова почти не бывает (от южного детства?)», — спрашивает в скобках ростовский собрат по перу.

Заговоривши о языке, обратимся к языку и самого чеховского исследователя. Вот из «Ракового корпуса», без комментариев. Издание 1991 года с аннотацией: книга с «восстановленными доцензурными текстами, заново проверенными и исправленными автором». Цитаты: «Она одними только алчными огневатыми губами протащила его сегодня по Кавказскому хребту». Снова о губах, вскоре они уже «намятые поцелуями до огрублости». А вот «расширительный словарь», создаваемый, по словам автора, тридцать пять лет. Это как доказательство, что русские глаголы терпят любые приставки. И почему мне верить, что «дрязг, дром» — это «сушняк в лесу, нанос»? «Мерекать» всегда было «соображать». Тут расширения нет. А расширение «мерковать — раскидывать умом — очень головное, никогда не привьётся». Так я мерекаю.

Кто же в России жил не по лжи, на кого надеяться? На земство? Нет. Занимаясь историей образования в России, ясно видишь, что именно земство задушило церковно-приходские школы, это высочайшее заведение, где воспитание и образование были нераздельны. На учителей надеяться? Тоже нет. Кто, как не Учительский союз в начале века, ещё до милюковской Думы, до большевиков высказался за изгнание священнослужителей из русской школы, именно этот Учительский союз, разогнанный большевиками в 18-м году в благодарность за помощь в 904-м году. Нет, надеяться не на кого, только на Бога. Да это и прорывается во многих трудах Солженицына. Именно верующие в «Архипелаге» живут не по лжи, только они могут сохранять образ и подобие Божие в человеке в самых невероятных условиях.

Но и с церковью у юбиляра своеобразные отношения. Он и её учит. Выступая на Рождественских чтениях, в присутствии патриарха Солженицын упрекает православную церковь (именно так, не священноначалие даже, что модно для нашей госпожи интеллигенции, а церковь, которая всегда та же, Христова, как и Христос, чьё тело церковь являет). Говорит об осовременивании богослужебного языка. Ну ладно, это мы слышали уже от С. Аверинцева, крепко стоящего на почве Византии, от Лихачёва, возможно, уставшего от переводов с древнерусского (тут большевистская хитрость — назвать церковно-славянский древнерусским), но слышать от Солженицына, описавшего с таким сочувствием страдания православных? На каком же языке они молились? На осовремененном? Нет, на том же, что и преподобные Сергей и Серафим. Помню, как резануло православных именно это место о переводе богослужения на современный язык в телебеседе Никиты Струве и Солженицына. Струве можно понять, всю жизнь в Париже, но мы-то в России. И почему мне верить авторитетам, на которые ссылается Солженицын, на Бердяева и Ильина? С чего? Острый ум Бердяева? Но оттого и острый, что неправославный, православный — значит смиренный, без смирения нет мудрости. Верить Ильину? Это очень онемеченный ум.

Православная церковь никому ничего не должна, это твердыня, это скала, на которой единственно может быть основано спасение России. Уж чего только не перепробовано во всех веках кончающегося тысячелетия: конституции, республики, демократии, революции, битвы за свободу, которые обязательно ввергали в новую несвободу и новую борьбу за свободу... Церковь говорит о свободе как о данной Богом человеку возможности созидать себя по образу и подобию Божию. От этого созидания всё: спасение души, спокойствие жизни, её осмысленность. Возрождение России единственно возможно под духовным водительством православной церкви. Иудейская страна, некогда цветущая, погибала, когда в неё, Промыслом Божиим, явился Спаситель. И она бы спаслась, если б послушала Его. Не послушала и вскоре погибла под развалинами иерусалимского храма. Солженицын — личность многомерная. Независимая. Признак независимости — никому не старается угодить. Вступая в мафусаиловы годы, он полон сил, и труды его множатся. Пребывающим в трудах он ярко показан в телефильме о нём, уже упоминавшемся. Ведущий, я потом понял, что режиссёр явно робел пред юбилеем, ждал скрипа ступенек, означавшего, что наступило время прогулки, шёл вместе с героем фильма, так же, по-арестантски, складывал руки за спиной (нам это долго показывали), обсуждал годовые кольца на липе, спиленной почему-то

очень высоко (напоминает постамент), слушал рассказ о молнии, попавшей в эту липу, вернее, о липе, в которую попала молния, потом, допущенный в кабинет, сидел в углу, а нас заставлял рассматривать бороду писателя (частями), очки, стол, с различными приспособлениями для письменных работ, и саму эту письменную работу по вычёркиванию и вписыванию слов... Видимо, по замыслу, мы должны были соприсутствовать при творческом процессе, но, увы, мы, неблагодарные, присутствовали при рассматривании бороды и не видели процесса. Но спасибо режиссёру за вопрос о Распутине. Спасибо и Солженицыну за ответ. Выразил праведный гнев по поводу того, что радио «Свобода» назвало Распутина фашистом. «Распутин — нежная душа», — сказал Солженицын. Он и о Чехове так писал: «Чехов — чистая душа».

И снова дачный участок, который очень большой, и снова обмен мыслями, не очень большими. Но что спрашивать с двухчастёвки, когда пред нами огромная жизнь. И двумерному, тем более плоскому во всех смыслах экрану её не выразить.

И, конечно, вспомним уничижительное отношение юбиляра к Шолохову. Тут аналогия с Толстым, которому мешал жить Шекспир. Оба они, и Солженицын, и Толстой, мнили себя главными в веке 20-м, а, может, и в остальных. Не получилось: ни зависть, ни превозношение в лидеров русской мысли не выведут. На какое-то время, да. Но Россия живёт в вечности.

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

Последний срок

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Накануне своего дня рождения умер Валентин Григорьевич Распутин, замкнулось золотое кольцо жизни вечной-бесконечной. Он сошёл в землю, но дух его, но образ его будет долго жить среди нас, освобождаясь от плотских примет и земной обыденной шелухи. Человек живёт, пока его помнят. Мне кажется, что я помню Распутина с младенчества. Хотя Валентин старше меня на три года, но, как воспринимаю его нынче, он стал нянькою над моей литературной колыбелью и постоянно надзирал меня, не приближаясь близко, но и не отодвигаясь совсем, чтобы я случайно не заблудился, не вильнул с русской стрежи в тихую гавань национального беспамятства. То и дело напоминал о себе: то заметкою о моём творче-

стве, то коротким, но ёмким анализом литературного стиля, хотя близости дружеской не было, не было и тех сокровенных разговоров, которые возникают между родными по духу людьми. Распутин был и на расстоянии от меня, но и возле, его обращение ко мне как бы постоянно висело в воздухе, но я не признавался себе в этом, ибо внутренне мы были едины, но натурою в полную противоположность. И потому мы не стремились к дружбе. Он не искрил, не полыхал гневом в споре, я не видал его разгоряченным, — это была сама тихость, ибо вся сердечная работа происходила внутри, недостижимая для посторонних. Внутри себя он и горел, и взрывался, и сокрушался, наверное, рыдал в минуты отчаяния, но так, чтобы слёз его никто не видел, не присутствовал при его минутной человеческой слабости, которая, конечно же, случается с каждым; кого-то он презирал, кого-то особенно ненавидел (врагов отечества). Это был сложный внутренний человек, боящийся внешним необязательным словом расплескать энергию, словно бы Распутин знал её количество, данное судьбой, и не хотел истратить прежде назначенного срока.

Распутин был хранителем тайны и сам — тайна. Кстати, удивительное качество было у Валентина — жить вроде бы в самой гуще событий, участвовать в них внешне, но взгляд его был чаще полуопущен и странно задумчив, словно бы он постоянно решал трудноисполнимые задачи, которые преследовали его. Но, я думаю, что так никто и не узнал его, что это был за человек. Он шёл по жизни не-

торопливой поступью, как некий посланец небес, и старался не показывать свою земную суть. Вот он ушёл, поклонник Матери-сырой земли, дитя Богородицы, и мало, наверное, кто, а может быть, даже и никто уже не сможет распечатать его истинное обличие, так мало он оставил свидетельств о себе внутреннем. Он и свою-то жизнь практически не запечатлел, свою глубину страданий и личных страстей, которые тоже обуревали его, как поэтическую личность. Ему даже слово не хотелось тратить на себя, считая всю внешнюю славу, поклоны и почитания чем-то вызывающе лишним, ненужным, относящимся к какому-то другому человеку, его двойнику, но не к нему. Много из русской жизни он запечатлел: создал характеры, судьбы, драму Русской земли, а себя забыл, иль оставил между строк.

Каким-то образом в литературном направлении «почвенников», писателей от земли из самого «низа», он вдруг оказался, несмотря на молодость, тем самым буксиром, который тянул писательский караван по бурной стремнине для совершения промыслительных задач для будущей России. Это направление неслучайно возникло в России в конце шестидесятых. Нужно было разрешить корневой вопрос национального бытия, о который мы споткнулись в дни «гнилой оттепели». Надо пробудить русского человека, чтобы он проснулся после двухсотлетнего сна и понял, что он русского племени во всех его особенностях, чтобы вспомнил себя, полузабытого. Нас сотни лет, начиная с Петра Первого, заставляли забыть, что есть русский человек, что у него за нутро такое странное, в чём его задачи, русского человека. Произошло онемение нации, внутреннее обнищание и забывание себя. Но главное искривление души случилось в городском мещанстве, чиновничестве и «образованцах», что жадно глядели на Запад, дожидаясь именно оттуда манны небесной. Они не хотели замечать простеца-человека, который их поит-кормит, презирали его, полагали крестьянина за быдло, за несовершенство, за какую-то немощь чёрную, отчего-то бытующую на земле и мешающую прогрессу и просвещению. Это такое было состояние определённой породы людей, заражённых гуманизмом.

Но вдруг свежим ветром потянуло по Руси. Появились Абрамов, Носов, Солоухин, Балашов, вспомнили Шергина, что-то необычное шелохнулось внутри русской души. Горожанину стало думно, вдруг захотелось узнать себя, свои корни, почему русский народ победил в страшной войне с дьяволом, в чём его качество, что за особенность его и тайна. Орда варягов и дикарей шла на Русь, и эта Русь самодовольную, сытую Орду поставила на колени. И как требование нации появились произведения Белова, Астафьева, Лихоносова, Дмитрия Балашова, Казакова. Распутин в этой когорте казался вроде бы замыкающим. И вдруг он почему-то оказался во главе отряда «почвенников», как бы стал за атаманца, проповедника. А ведь ещё молоденький совсем. И все, главное, признали совершенство стиля, глубину пророческого ума. Слух о Распутине прошёл по всей России. Ему внимали, им любовались, в его работы вчитывались, как в святые письмена. Это удивительно, конечно.

Хотя мы почти ровесники с Распутиным, он на три года меня старше, но у меня ощущение, что я его с младенчества знаю. Когда я сделал первые шаткие шаги в литературе, слышал в себе тягу к писательству, он уже был знаменитым. Я был ещё неразвитым дитём в литературной повозке, а он-то уже сидел на облучке. А ведь было почти бездорожье, ухабы, раскаты, в колёса охочие до принудиловки вставляли палки. Шолохов был ещё жив, но страшно одинок, либеральная трясина подползала к самым Вешкам, чтобы проглотить гения; и как вовремя появи-

лись Белов, Распутин и Астафьев, встали под его державную руку и подхватили русское начало во всей глубине.

Помню, как ездили гуртом по окраинам России, — Карелия, Мурманская область и так далее, целая орда русских почвенников-писателей. Белов, Астафьев, Балашов, Залыгин, Бондаренко, Крупин. Много было доброго народа. В том числе и я к ним пристал. Я помню, как народ спешил взглянуть на гостей из столицы. Как будто какие-то сверхлюди прибыли и надо непременно посмотреть, выслушать Распутина. Удивительно, как народ тогда стремительно просвещался духовно, просыпался в национальном чувстве после долгого опойного сна. Залы были забиты битком, сидели на полу, на подоконниках, стояли в коридорах, в фойе, только чтобы поймать вдохновенное слово, которое непременно изменит такую затрапезную унылую жизнь...

Распутин был носителем, утвердителем сверхзадачи писателя, для которой он является в мир. Он полагал, что если литератор взялся за перо, он невольно становится путеводителем, маяком, светильником, вожатаем, ибо в русской литературе, как заведено от века, писатель несёт в себе не только нравственное начало, но и учительское. И так до сих пор... Хотя церкви и возрождены, но до сих пор писатель играет роль учителя, священника, философа и пророка. Этой задачи у русского писателя никто не отнимал. Он всё равно должен нести на себе этот крест.

Как раз Распутин вмещал в себе, нёс все эти Божьи наставления. Он был и учителем, и ясновидцем, он и страдальцем, и крест, который он водрузил на себя, был тяжек. Он был посвящённым человеком — пострадать за русский народ. Труды его — это покаянные молитвы, взывания к совести и небесам. Народ понимал и слушал его, внимая. Распутин писал учительно, выводя каждую букровку бисерным почерком, который даже трудно было разглядеть; вот так же неторопливо, вслушиваясь в себя, говорил в микрофон, вывязывал слова в строчку, словно боялся сказать что-то лишнее, промахнуться в мыслях. Я всегда удивлялся, слушая Валентина, как он верно складывает слова, сколько они несут внутренней мысли, как эта мысль бьётся, вырываясь на простор из темницы.

Так и письмо Распутина трудно разъять, настолько крепко, точно пригнаны слово к слову, как кирпич к кирпичу в старинной монастырской кладке, куда лезвие бритвы не просунуть.

Прежде я отрицал какую-то учительную роль Астафьева, Белова, Распутина, но на самом-то деле я вырос как литератор именно на их учительных книгах, на «Привычном деле» Белова, «Последнем поклоне» Астафьева и «Последнем сроке» Распутина. Когда страдающая русская семья в обстановке какого-то безгласия, духовного упадка распадается окончательно, нет прежнего общинного мира, рассыпается избяной уклад, ибо иссыкает, уходит в нети тысячелетний природный опыт, древние предания, этика и эстетика жизни на земле, иссыхают корни, которые и держат в крепости крестьянское древо. Деревня ещё жила, но жилы её уже рвались, больное древо рода с мучительным стоном обрушивалось к земле, предрекая России грядущие несчастья, которые, увы, уже стояли «при дверях». В повести «Последний срок» чувствовалось предсмертное биение сердца, вопль городу, убивающему деревню. Государство своими руками упорно удушало пахаря. Продолжался насильственный генетический отбор нации, когда город уже столетие лучших забирал к себе в услугу, а слабых и стеснённых заботами и невзгодами оставлял на земле, как стадо, недостойное сытой пристойной жизни. И вот тогда писатели и восплакали по уходящей деревне, вострубили в жалостные трубы. Но

когда уже деревня практически ушла, вся Центральная Русь пропала, заросла бурьяном, чертополохом заросла, и не стало нынче ни попечителя, ни страдателя по Руси. И так случилось, что Распутин оказался последним поводырём в настигших Русь угрюмых потёмках, которому всё-таки не удалось во всей полноте сдвинуть Россию в национальный русский путь.

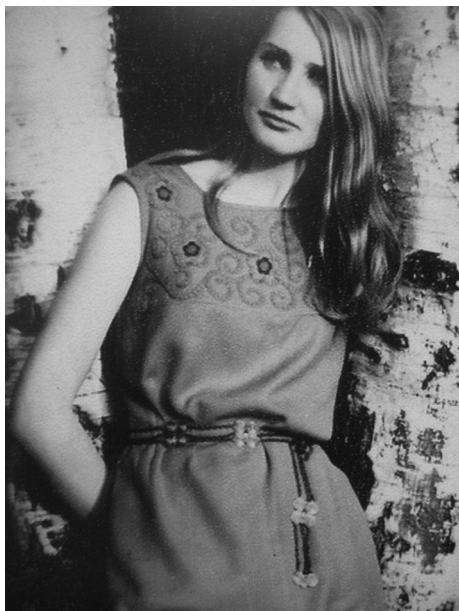
И вот ушёл от нас последний литератор «из русской почвы», откуда появились Абрамов, Солоухин, Носов, Астафьев, Белов, которые много лет волновали русский ум, возбуждали надежды, что всё затеянное в веках непременно случится. Случатся коренные перемены в России, и заботный русский человек среди этого сплава народов почувствует себя именно русским, руководителем, вожаком, поводырём для всех малых племён, которые объединились неслучайно вокруг русского человека. Да, ничего не бывает вечным, случился закат духовного, религиозного, крестьянского, избяного пути в литературе, государство выстроило ему засеки, утопило в неправдах и повальной лжи.

Закат — явление печальное, но природное, его не отодвинуть; но, как говорят в народе, солнце западает в запад, в глухой угол, но наступает утро, и солнце победно встаёт с востока. Благословенное русское солнце никогда не умирает. И литература, как солнечное, духовное, религиозное явление, никогда не потухнет. Появятся новые имена, новые люди выйдут с захолустьев, с дальних засторонков Руси. Ухоженная земля, если она не в запустении, даёт хорошие всходы. Всё-равно появится новое движение, продолжающее прежних учителей. Русская пашня всегда будет родить. Да, сегодня она заросла чертополохом, сосенником, бурьяном, чернолесьем. Пашня не умерла — она просто отдыхает. Но всё равно появится день, когда пройдёт плуг русской правды по всей этой чертополошине, вспорот землю, перевернёт влажным пластом на солнце, и там появятся новые всходы русской литературы, продолжающие дело Валентина Распутина.

МИХАИЛ ШЕПЕЛЬ

«Мы так давно не говорили...»

ПАМЯТИ ЛЮБОВИ СУХАРЕВСКОЙ

Первая встреча с Любой мне вспоминается во Дворце пионеров и школьников, когда мне было 16 лет и я давно уже писал стихи, и по настоянию нашего классного руководителя, учителя немецкого языка Никитиной Галины Георгиевны, пошёл в литературную студию Дворца пионеров и школьников.

Эту студию вели по очереди литераторы Марк Сергеев и Евгений Раппопорт, но в силу своей занятости они уступили руководство Любови Сухаревской, которая на тот момент писала очень хорошие стихи и была сотрудником многотиражной газеты Иркутского авиазавода.

В этой студии (литобъединении пионеров и школьников) моими товарищами были Надя Колесникова (писала стихи),

Татьяна Тищенко (стихи и проза), Анатолий Баснин (историческая проза). Мы все потянулись к Любе Сухаревской... и она к каждому из нас была внимательной, правила наши литературные опыты, нянчилась с нами.

Что касается меня, так случилось, что мы с Любой жили в Иркутске-2, и она пригласила меня в литобъединение «Парус» при авиазаводской газете «За коммунизм», где и завязалась наша дружба. Очень дружны были там Люба, Валентина Сидоренко и Нина Кашина. Вот я и попал в их компанию, и закружила меня эта литературная дружба не на шутку... Нам не хватало времени наговориться в «Парусе», и после заседаний в нём мы шли к кому-нибудь домой и за чашкой чая продолжали разговоры о поэзии и прозе, о жизни и об искусстве.

Мы читали друг другу стихи и не могли «напиться» ими... Мне неслыханно повезло, что меня, зелёного юнца, эти замечательные девушки взяли под своё покровительство. Формировался мой литературный вкус, музыкальные пристрастия. Это был мой мир, где я напитывался знаний о мировой культуре. От Любы я узнал и полюбил поэта Арсения Тарковского, Владимира Соколова, Владислава Ходасевича, писателей Валентина Распутина, Василия Белова, европейских писателей и поэтов: Томаса Манна и Германа Гессе, Уильяма Голдинга и Райнера Марии Рильке, Федерико Гарсиа Лорку. От Валентины Сидоренко я узнал и полюбил поэтов Николая Рубцова, Сергея Есенина, Ольгу Фокину, Ксению Некрасову, Ольгу Берггольц и Владимира Корнилова. От Нины Кашиной узнал и полюбил поэтов Давида Самойлова, Дельвига, Иннокентия Анненского, Осипа Мандельштама, Анну Ахматову, Марину Цветаеву и Юнну Мориц.

Люба, ведя литобъединение «Парус», умелой рукой правила мои стихи и публиковала их в авиазаводской многотиражке. Это были мои первые публикации, если не считать тех, которые вышли на два года раньше в журнале «Пионер». Для меня увидеть свои стихи напечатанными было большим потрясением...

В то время в «Парус» наведывались молодые поэты: Геннадий Гайда, Василий Козлов, Владимир Скиф, Татьяна Суровцева. Общение с ними стало удивительной жизненной школой, которую мне подарила судьба. Но с Любой, Валентиной и Ниной была особая дружба... Дружба наша крепла, мы были опьянены этой дружбой и открывали рот, только чтобы читать друг другу стихи или петь романсы на стихи Тургенева «Утро туманное...», на стихи Дельвига «Когда, душа, просилась ты», на стихи Марины Цветаевой «Милые спутники, делившие с нами ночлег...», которые положила на музыку Нина Кашина, и пела изумительно своим дивным грудным голосом, а мы ей вторили... Длинными весенними вечерами и ночами мы бродили по старинному Второму Иркутску, провожая друг друга до дома, но дальше всех жила Валентина, и мы провожали её в Ермаковку, «на болото», в её уютный отчий дом, где были бесконечные чаепития под музыку Моцарта, Баха, Вивальди, Чайковского, Грига, которая звучала с пластинок со старенького проигрывателя. Мы были совершенно счастливы, были чисты, влюблены друг в друга и счастливы от этого...

На снимке: крайний слева — М. Шепель, крайняя справа — Л. Сухаревская

Однажды был удивительный вечер, посвящённый Ахматовой и Цветаевой и поэтам Серебряного века. Вечер проходил в полуподвале клуба «Альбатрос», который уступили нам спортсмены-подводники. Я нарисовал два больших портрета углём на картоне — Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. Их поэзией мы тогда «бредили», были очень увлечены. Иркутские литераторы Елена Викторовна Жилкина, Евгений Раппопорт, Сергей Иоффе

были на этом вечере. Они с удивлением вслушивались в наши голоса, — мы по очереди читали Ахматову и Цветаеву, Блока и Пастернака, его письма к Марине Цветаевой и её к нему, Мандельштама и Давида Самойлова «Я не знал в этот вечер в деревне, что не стало Анны Андреевны...»

Зажжены были свечи, звучала музыка, на столе было вино, чай и сладости. Дух поэзии витал над нами. И я, помнится, настолько осмелел, что в перерыве между чтением стихов поэтов пытался втолковать поэту Сергею Айзиковичу Иоффе, что стихи Любове Сухаревской: «Вся жизнь — игра» — это просто очередное романсовое чудо высокой поэзии.

*Вся жизнь — игра, но Боже упаси
Заплакать там, где должно рассмеяться,
Легко найтись, потом легко расстаться.
А если пламя... пламя погаси.*

*Так и живёшь, спокоен до поры,
Пока не грянет поздний час прозрения,*

*И ты отвергнешь с болью и презрением
Всё, что входило в правила игры.*

*В твоём кругу боюсь я одного,
Что и меня игра твоя захватит,
Что у меня любви к тебе не хватит...
Дожить до часа светлого... того...*

Он с удивлением смотрел на меня, кивал и соглашался. Эти стихи были напечатаны только раз, в газете, о них уже никто не помнит... только я. Люба не включала их в свои книги. Есть ещё несколько её стихотворений, которые сохранились только у меня в альбомах, записанных её рукой, которые не публиковались и сохранились только в моей памяти. Это стихи посвящены были Анатолию Преловскому — другу, поэту:

*Да минет месья уют убогий твой!
Нам на земле едва ль не хватит места,
И я тебе не муза, не невеста,
И не зажгу звезды над головой.*

*Прохладный век смутить своей тоской —
Есть в этом дерзость прежнего урока,
И горечь, и заманчивость порока.
Не дай-то Бог поэзии такой!*

*Но новый день несёт благую весть:
Ещё нас терпят, кормят и читают...
И пробуждаться только начинают —
И в этом тоже, тоже что-то есть...*

*Не потому ль так часто на виске
Слепой свинец чертит свой след кровавый.
Сольёмся песней и сочёмся славой!
Один удел — мы братья по тоске.*

Не опубликовано стихотворение «Врубель», автограф которого есть только у меня. Стихотворение

*Взглядом, сердцем, кожей, плотью
Не могу забыть
Мать, которая отходит,
Мне позволив жить...*

— также не вошло в её книги стихов. Стихотворение «Портрет», которое посвящено мне, не было никогда опубликовано. Оно живёт только в моей памяти...

Теперь я понимаю, что нас объединяла ПОЭЗИЯ. Мы встречались и бесконечно читали стихи друг другу. Ярko запомнилась поездка на Байкал, в Листвянку, где мы все вчетвером были хороши, красивы, чисты и восхищены друг другом... и там у меня родились стихи, посвящённые Любви Сухаревской:

*Когда трава зелена,
Когда над озером тень,
Но песня и ты сама,
И мир весь — как ясный день!*

*Когда трава пожелтеет,
Как ливни твои волос,
Срывается старый напев,
Повиснув в стенании гроз.*

Да, это было лето 1972 года, а осенью я ушёл в армию, куда уже Люба писала мне письма, которые мне были необходимы как воздух, как чистая вода, как кусок хлеба. Эти письма сохранились. Вот одно из них:

*Мишечкин, привет!
Не вели меня казнить,
А вели мне говорить...
Я с повинной головою
Появляюсь пред тобою,
Выжидательно молчу,
Исповедаться хочу.
Я так долго не писала
Потому, что очень мало
Стало времени на дню.
Я с утра сажусь к огню,
Во читалке или дома
Рыщу пищу для диплома.
А вечерними часами*

Собираюсь на экзамен.
Книги, книги, книги, кни...
Так мои проходят дни.
Иногда в воскресный вечер...
<...> Город наш совсем на грани:
Обручён с весной ранней,
Лужи мутные кругом
То со снегом, то со льдом,
Всюду веиная водица...
Надо плавать научиться.
А в кругах литературных
Нет давно ни споров бурных,
Ни блистательнейших встреч,
Все теряют слог и речь.
Не бегут в Союз¹ гурьбой,
Люди заняты собой...
Правда, «Парус»² понемногу
Продолжает путь-дорогу,
Потому что у руля
Дружно свищут тру-ля-ля.
Что ещё? Всё в мире странно.
Проводили Мари Ванну...
<...> С Сидоренко³ как-то мы
В час рожденья первой тьмы
Побывали с нервным стрессом
У иркутской поэтессы,
То бишь Жилкиной самой.
<...> После лёгких словопрений,
После чая и варений,
После сплетен и прикрас
На ковры пустили нас,
Что разостланы в гостиной.
В общем, было все невинно.
Прозвучали сказки-байки
Об отрочестве хозяйки,
О поклонниках, друзьях,
Разговор завяз в зубах...
<...> Тут хозяйка очень мило
Нас с Валюхой попросила
Принести своих стихов
Про весну и петухов.
Их она толкнёт в эфир,
Чтоб порадовался мир.
Ну а ты, солдат Отчизны,
Как живёшь? Доволен жизнью?
И шинель не тяжела?
И легко идут дела?
Иль по старенькой привычке
С прежней тягой неприличной
В декаданские грехи

¹Союз писателей.

²Литературное объединение.

³В.В. Сидоренко, русский писатель.

*Сочиняются стихи?
 Ничего, не вешай нос!
 Это, братец, не вопрос.
 Было б то, что поколенья
 Называют «вдохновенье»,
 Да ещё жестокий труд —
 И шедевры тут как тут!
 Пой, пиши, на радость миру.
 Ну а я рассталась с лирой,
 Отложив её пока
 До последнего звонка.
 Ведь диплом и серафимы
 Уж никак не совместимы.
 Между ними нет союза,
 И моя шальная Муза
 Лишь завидит диамат⁴
 Чуть удерживает мат...
 <...> Жизнь идёт... я закругляюсь,
 Стать примерной попытаюсь.
 Говорю вам: до свиданья!
 Жду ответного посланья!*

Так продолжалась наша дружба, на которую Люба была удивительно щедра. Туда же в учебную воинскую часть пришла мне бандероль от неё, где был огромный фотоальбом-монография «Александр Блок». Где мне было сохранить этот альбом в армии? Только в библиотеке воинской части. Молодая библиотекарьша, дочь командира дивизии, благоволила ко мне и сохранила фотоальбом и пачку писем Любы Сухаревской. Это уже потом я отправил их домой маме обратной бандеролью. Там, в армейской среде, у меня родилось ещё одно стихотворение, посвящённое Любе:

<i>Мне ветрено,</i>	<i>Не обо мне,</i>
<i>Мне ветренность и взгляд твой</i>	<i>Так о тебе, о мире, что окружает нас,</i>
<i>Всё в памяти и наяву тревожат.</i>	<i>И будет в этом...</i>
<i>И белую, и золотую кожу ласкает ветер.</i>	<i>Душа ребёнка, девушки, поэта</i>
<i>Здесь давай споём —</i>	<i>И шелестенье листьев — голос ветра...</i>

Когда я вернулся из армии, какое-то время мы ещё встречались. Но Люба уехала на БАМ, а когда вернулась, наши встречи стали редки. Жизнь разнесла нас в разные стороны, и уже не стало той душевной близости, что была в юности. Потом была у каждого своя жизнь, наполненная своими событиями, да и мировоззрение было уже разным. В марте 2008 года умерла наша подруга Нина Кашина.

Люба Сухаревская умерла 27 сентября 2013 года. Перед самой кончиной Любе духовно помогла Валентина Сидоренко — привела её в храм «Вера, Надежда, Любовь и Мать их София», где Люба причастилась и соборовалась. И перед самой смертью, уже в больнице, Любу причащал и соборовал отец Владимир — настоятель этого храма. Светлый образ той самой юношеской дружбы живёт и поныне в наших сердцах. Дружба, когда она настоящая, бесценна, и память о ней священна.

⁴Диалектический материализм.

Мелодии редкого жанра

Искусство Аркадия и Наталии Лодяновых

22 мая сего года в музее Валентина Распутина состоялась презентация барельефа писателя работы Аркадия и Наталии Лодяновых.

Лодянов Акадий Петрович, заслуженный художник России, родился 4 февраля 1949 г. в Харькове. С 1967 по 1972 г. учился в Иркутском художественном училище на декоративно-прикладном отделении у преподавателей А.С. Шипицина и В.Г. Смагина.

Лодянова Наталия Алексеевна, заслуженный художник России, родилась 4 июля 1950 г. в Иркутске. С 1967 по 1972 г. училась в Иркутском художественном училище на керамическом отделении у преподавателей Б.Т. Бычкова и А.Н. Штанько.

Произведения художников хранятся в коллекциях: Оружейная палата Московского Кремля, Музей ДПИ Троице-Сергиевой лавры, Министерство культуры РФ, ИОХМ им. В.П. Сукачёва, Иркутский областной краеведческий музей, Музей Истории города Иркутска; Мини-парк символов городов-побратимов, «Дом Европы», Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Мэрия г. Канадзава, Япония, Мэрия г. Шэньян, Китай, Мэрия г. Юджин, штат Орегон, США, а также в многочисленных частных коллекциях разных стран.

Награды: лауреаты премии Губернатора Иркутской области за достижения в сфере культуры и искусства (2011 и 2016 гг.); диплом Академии художеств России (2004 г.); наградной знак «Орден Михаила Перхина»; Мемориальный фонд Карла Фаберже (2010 г.); золотая медаль «Духовность. Традиции. Мастерство» ВТОО «Союз художников России» (2010 г.); юбилейная медаль «В память 350-летия Иркутска» (2011 г.); «Золотая Капитель». IV фестиваль градостроительства (Иркутск, 2011 г.); наградной знак «Орден Франца Петровича Бирбаума». Мемориальный Фонд Карла Фаберже (2012 г.); грамота Губернатора Иркутской области (2013 г.); диплом ВТОО «Союза художников России» (2014 г.); медаль «В память 400-летия Дома Романовых 1613–2013» (2014 г.).

* * *

...И всё же, почему мы говорим о редком жанре? Дело в том, что Аркадий и Наталия — мастера декоративно прикладного искусства. Но, оказывается, даже среди художников этого направления особо выделяются мастера авторской печати. В восьмидесятые годы началось возрождение в нашей стране искусства авторской печати. А Наталия и Аркадий оказались первыми, кто принял активное участие в этом деле. Среди наиболее удачных работ — печать мэра Канадзавы г. Тамоцу Ямадэ, печать Сергея Шойгу (тогда министра МЧС). В каждой из печатей мастера старались воплотить не только традиции этого древнего искусства, но и особенности

характера владельца. Так, например, чёрная колючая печать художницы Галины Новиковой и живописная печать из синевато-серебристого сапфира с инталией в виде Георгия Победоносца Александра Костовского. Каждая из этих печатей — своеобразный условный портрет.

Наш край богат нефритами самых разнообразных оттенков. Потратив много лет на изучение особенностей этого самоцвета, художники почувствовали, услышали его мелодию. И, выявив неисчерпаемые возможности камня, стали создавать произведения, расширяющие представление о ювелирном искусстве. Каждое из созданных ими украшений словно поёт свою песню. Таковы браслет и кольцо «Родник», нагрудное украшение «Тайга». Оба произведения воспринимаются как бесконечная песня нефрита и говорят об умении художников услышать мелодию каждого материала, с которым они работают.

Не случайно, когда я слушаю Аркадия, мне так и хочется сказать известную тургеневскую фразу: *Друг мой Аркадий! Не говори красиво!* Однако говорить некрасиво Аркадий не умеет. Порывистый, импульсивный, он постоянно полон впечатлений от красоты земного мира, и особенно любимого им Байкала. Говорит как поёт. Весь он, словно капля расплавленного серебра, которая, переливаясь, течёт сквозь сумрак и солнечный свет в поисках своего особого пути и в жизни, и в искусстве. А тихая и немногословная Наталия, как и положено музе, вдохновляет, а если необходимо, остужает пыл темпераментного супруга и соавтора.

Мы знакомы уже много лет, но я не устаю удивляться умению Аркадия видеть в малом великую красоту: в капле байкальской воды — тайны мироздания, в осколке нефрита — мудрость китайских философов древности. Будучи глубоко православными художниками, Аркадий и Наталия создали одно из самых важных своих произведений — брошь «Вербное воскресение». Применив в этой работе необработанный хризолит, аквамарин, гелиодор, они явили нам сибирское представление о вхождении Спасителя в Иерусалим.

На мысль создания скульптурного портрета Валентина Григорьевича художников натолкнула работа над масштабным проектом «С Иркутском связанные судьбы». Это награвированные на оптическом стекле в оправе из нейзильбера портреты Владимира Сукачёва, Александра Меня, Марка Сергеева, Алексея Фатьянова.

Но работа над портретом Валентина Распутина оказалась той вершиной, к которой Лодяновы шли всю жизнь. Однажды Аркадий рассказал мне историю, которая высветила многое в неуловимой внутренней связи *писатель — художник*. Ещё совсем молодым художником, будучи в Москве, засиделся Аркадий в ресторане с такими же молодыми жизнелюбами. На улицу вышли уже в сумерках. Окунувшись в шум большого города, Аркадий не сразу заметил, что за ним следуют молодые люди явно с недобрыми намерениями. Оказавшись вне зоны, освещаемой фонарями, они быстро окружили Аркадия, и... Намерения их слишком хорошо угадывались. Внезапно один из них, выйдя из тени, спросил:

— А ты вообще откуда?

— Из Иркутска.

— Из Ирку-у-утска... — протянул незнакомец. — Наверное, Распутина видел?

— Видел.

— Если бы у меня был такой учитель французского языка, кто знает, вся жизнь пошла бы по-другому.

Потом этот человек махнул рукой, и вся компания молодых «гопников» растворилась в темноте.

Закончив рассказ, Аркадий помолчал и добавил: «Кроме того, я вижу, как среди множества болей, одолевающих писателя, просматривается рана от потери любимой дочери. А мы потеряли сына. Поэтому хорошо понимаем, каково это...»

Летом 2013 года Лодяновы начали работать с бронзой. Тогда же зримо возникла тема: «Беседа с писателем». Работа включала в себя несколько этапов: это изготовление медалей с изображением классика, затем небольших бюстов. В 2015 году отлили первое изображение Распутина-публициста. Затем, уже после кончины Валентина Григорьевича, отлили настольный бюст. Но, оказалось, в работе не просматривается масштаб личности писателя. Тема беседы с классиком не отпускала и требовала продолжения. Позже Аркадий рассказывал мне, что каждое изображение Валентина Григорьевича — это отдельная беседа с ним.

Так бывает, когда, прочитав хорошую книгу, настолько проникаешься духом героев, что они становятся вместе с автором родными людьми. «Мы, — говорил Аркадий, — чувствовали в то время необходимость вырваться из плена мелкой ювелирки, создать нечто большое. Этим большим должен был стать барельеф. Возможно, мы взяли не за своё дело. Ведь мы не скульпторы. Но тема разговора с писателем так захватила, что полгода мы прожили под счастливым и беспокойным созвездием Распутина. Нас буквально обволакивало состояние и счастья и муки. Сколько раз мы переделывали глаза! Лицо Валентина Григорьевича казалось нам рельефной картой Сибири, которую он так любил. А мы, словно с высоты птичьего полёта, рассматривали эти сопки, озёра, впадины и возвышенности, чтобы у людей, увидевших барельеф, было состояние встречи и беседы с классиком».

И, наконец, в мае сего года публике был показан барельеф. Мелодии редких жанров сплелись, воплотившись в симфонию духа великого сибиряка, носившего в себе боль за большую Родину, за семью и негромкую нестигаемую твёрдость русского писателя. Редкий художник не испытывает волнения, являя людям своё творение. Своё дитя. Но для Аркадия и Наталии это был экзамен. Сколько раз они присутствовали на подобном действе, но этот день был для них особенным. Среди собравшихся были люди, близко знавшие Распутина, работавшие с ним: Альберт Семёнович Гурулев — старейший писатель, однокурсник Валентина Григорьевича, Владимир Петрович Скиф — близкий родственник.

Все, выступившие на презентации, — Г.А. Солуянова, директор центра имени А. Вампилова; Н.С. Сысоева, директор Областного художественного музея; С.Г. Ступин, директор Областного краеведческого музея; поэт В.П. Скиф; О.А. Аксаментова, заместитель министра культуры и архивов Иркутской области — были единодушны: работа удалась. Альберт Гурулёв особо обратил внимание на портретное сходство писателя. Дискуссия развернулась лишь по вопросу о месте размещения барельефа, столь удачно, сочетающего портретное сходство с духовными устремлениями писателя-классика. Но, оказалось, что денег на приобретение сего произведения искусства никто не обещал...

Нельзя не сказать, что как бы ни сложилась далее судьба этой замечательной работы, Лодяновы экзамен свой сдали на отлично. Они чрезвычайно горды тем, что бюст великого писателя получил в подарок первый лауреат премии Валентина Распутина писатель Анатолий Байбородин, что советнику Президента РФ по культуре Владимиру Толстому губернатором Иркутской области был подарен малый настольный барельеф.

А закончить статью хотелось бы на оптимистической ноте, стихотворением Владимира Скифа.

Аркадию и Наталье Лодяновым

Я знаю, Валентин Распутин
Не зря угоден СЛОВУ был...
Путь Валентина многотруден,
Но как он Родину любил,

Которая зовётся малой,
Потоки света и воды
От Ангары и до Байкала,
И до родимой Усть-Уды!

Слова на этом барельефе
В его лице отражены
Так глубоко и так рельефно,
Что даже, кажется, слышны.

На барельеф скульптурный глядя,
Освободиться не спешу
От чувств, Наталья и Аркадий,
И стих свой скромный оглашу.

Вы сотворили это чудо
Своим талантом и душой.
Я в восхищенье! Я пребуду,
И вправду, в радости большой!

21 мая 2018 г.

Без Бога не до порога

ОБЗОР ЖУРНАЛА «СИБИРЬ» № 3 за 2018 год

Вышел в свет третий выпуск журнала «Сибирь». После прочтения ярких и интересных публикаций вспомнилось выражение Валентина Распутина, великий мыслитель верно отметил, что писательское слово на Руси бессознательно пыталось хоть как-то, хоть в малой мере восполнить недостающее слово православных пастырей.

В наше время духовного окормления не хватает всем. Рационализм существования привлекает множество людей только до стадии сытости. Потом своим однообразием начинает угнетать душу. А точнее, ту её сокровенную часть, которую никакими материальными благами не утетишь.

Нынешние многочисленные российские представители всемирного общества потребления потеряли метафизический взгляд на мир во всей его целостности: когда одновременно видишь *звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас*. Но с тех давних пор, как философ Кант написал эти строки, обсуждение «нравственного закона» в мире как-то застопорилось, шло вяло, пока почти совсем не сошло на нет за рассудочными построениями. Осталось только туристическое «звёздное небо» над пляжами и мегаполисами.

Нам, сибирякам, европейской рациональности Бог не дал. Почитайте любой рассказ или повесть в журнале «Сибирь», где обязательно показан скрытый или явный романтик. Бывает, герой и умный, и сильный, а всё с причудинкой. Но что ещё принципиально отличает таких героев от персонажей «мыльных» телесериалов, так это счастливая особенность помнить о жизни вечной. Им душеполезно после дневных забот сесть и почитать журнал «Сибирь», узнать нечто новое о том, как пытаются люди прийти к вере.

Вся история утверждения Православия в Западной и Восточной Сибири — тяжкий путь подвижничества и борьбы. От Москвы, через Тобольск, Енисейск, к Иркутску шли пути-дороги православных пастырей. И здесь возле Байкала, как на месте горнем, жили и молились священники, Богом отмеченные... Далеко не в каждой епархии на Руси служил пастырь-чудотворец, чьи мощи после кончины оказались нетленными... В третьем номере опубликована статья, посвящённая столетию со дня его канонизации святителя Софрония, Иркутского чудотворца.

Кажется, общество здесь, в Восточной Сибири, в середине 18-го века, было такое же, как и везде на Земле Российской: *«произвол и притеснение всех и всюду власть имущими, сутяжничество людей торговых и коренных жителей, ссыльные люди — всё это со всеми пороками встало перед взором прибывшего архипастыря»*. И великий всеохватный духовный труд надо было святителю Софронию вложить в паству, чтобы потом выросли, окрепли и стали национальной гордостью первопроходцы, определившие весь ход освоения Сибири.

Истинно православный человек появился не сразу, он возростал среди наших предков трудно и медленно, внутренне меняясь, очищая душу от неисчислимого зла и снова попадая в его плен. Этот долгий процесс можно проследить по произведениям православных писателей, таких как Владимир Крупин. «Сибирь» публикует его рассказы под общим названием «Три пирамиды». Перед чтением я вспомнил ранее прочитанные в периодике путевые заметки писателя. Когда-то Владимир Николаевич отправился паломником на Святую Землю. И потом не мог ограничиться одной поездкой. Не раз летал туда самолётом, добирался на теплоходе по морям, часто ходил по древним камням Иерусалима... босиком! От претории и до Голгофы, по всему Старому городу... И в творчестве своём паломник Крупин, образно говоря, никакой обувью и никакой одеждой от земного мира никогда не был защищён, потому-то человек воцерковлённый. И на горе Фавор, месте Преображения Господне, и в российской глубинке остро чувствует писатель русскую жизнь всей душой.

В рассказе Крупина о пишущих машинках вдруг читаю пронзительные слова: *«Ах, как остро не хватает в мире любви!»* И ещё: *«Главное в любви — благодарность тому сердцу, в котором живёшь. Нельзя из него уходить: оно сожмётся и начнёт умирать!»* Рассказ посвящён нашему дорогому Валентину Распутину. И дочитав до конца, делаешь для себя открытие: так это же заочный разговор автора с Распутиным! Например, сразу видишь собеседника-единомышленника, читая эти строки: *«Ну что, сказал я себе однажды, пора сдаваться. Победила русскую ментальность общемировая тенденция к стандартизации жизни, а? Ну, ещё немного потрепыхаемся, ну, ещё пообслуживаем остатки своих читателей рассказами о рассветах и закатах Руси, о сенокосах и рыбалках, о черёмухе над рекой и о замирании сердца, когда провожаешь девушку и стесняешься коснуться её даже мизинцем, а дальше?»*

И мои читатели вымрут, и я вымру. Но ведь Русь, Россия останется! Ну как иначе? Ну, неужели иначе? Ведь мир без России умрёт автоматически, Россия — душа мира, тело без души — пицца червям. Конечно, так оно нам и надо».

Суровые слова, даже с нотками отчаяния вначале. Но... уныние — большой грех. И Крупин не поддаётся печали, и в конце беседы утешает и себя, и читателей: Русь останется, потому что останется православный человек на Руси! Крупин ищет надежду на спасение и находит её в церкви: *«...Не все же ставят похоти плоти выше спасения души. Ты сейчас из церкви пришел, шёл туда в сумерках, возвращался при солнце, видел же, сколько в храме деточек, сколько пап и мам, и бабушек, и дедушек, не печалься, всё хорошо».*

Рассказ «Алёшино место» об опыте воцерковления ветерана войны, инвалида. Такие уж у нас времена: молятся, смиренно ждут благодати не короткоостриженные бизнесмены, а странные бабушки, путешествующие по Байкалу, церковные сторожа и ветераны войны, рыбаки и рабочие. Когда после службы прохожу мимо подсобных помещений нашего Спасского собора, мне тоже часто хочется спрятаться там, как в родительском доме... жить послушником, помогать по хозяйству, молиться и поститься, и за забор на улицу не глядеть. Но надо идти за ворота и ехать на работу, и бороться, и нести добро. Прятаться православному за церковной оградой негоже, если есть силы. Надо помочь хотя бы одному человеку спастись — стать верующим! Может, и сам спасёшься. Как всегда, в журнале раздел «Поэзия», которым руководит известный российский поэт Владимир Скиф, представлен талантливыми авторами: Анатолий Александров (*«Неверный блик*

дуэльной стали»), Юрий Баранов («Засыплет снег знакомую тетрадь»), Сергей Чепров («И только Русь одна — Святая!»), Анатолий Лисица («Шли военные годы мои...»), Владимир Андреев («Соловьи над колыбелью»). И завершает раздел «Час поэзии», где подборка избранных стихотворений разных авторов.

Стихи Сергея Чепрова напоминают поговорки своей ёмкой афористичностью:

*И так от солнечной Италии
До поднебесного Китая
Разнообразные и «далее» ...
И только Русь одна — Святая!*

Такие стихи надо читать, подготовившись к восприятию чего-то очень серьёзного, духовного. Герои стихов — бабушки и деды, земледельцы и плотники. «Уходящая натура» сельской жизни с милыми подробностями быта, за которыми застарелая грусть потерь и расставаний. В стихах Чепрова нет персонажей из рыночной России. Только упрёк банкирам, что они «лопаты в руках не держали».

Стихи и рациональные рыночники — две вещи несовместные. Нынешняя русская поэзия не принимает в себя торгашеский дух. Подборка стихов Юрия Баранова — сей вывод подтверждает. Вроде, свою «революцию» — за возврат частной собственности — «рыночники» совершили, а радости нет, и своего Маяковского — прославить буржуазный «пир на весь мир» — тоже нет.

Во времена духовных перемен поэт — участник событий, к штыку прировнявший перо. Помните, как начинал Маяковский. Бутырская тюрьма. Общая тетрадь и стихи про «сотни томительных дней». А потом — революция, духовный взлёт, и к чёрту летят классические ямбы и хореи. Строки стихов звучат, как звонкие шаги матросов по питерской мостовой. Александр Блок оставляет свою размеренную задумчивую лирику, ломает литературные традиции поэмой «Двенадцать».

Сейчас время зайти перед «бурей», время «прибраться» по духовным «суекам» перед новой эпохой, собрать в стихи милое прошлое, словно дедушкины ордена — в бабушкин платок. О сем строки, которые Юрий Баранов посвятил Валентину Распутину.

*Он эту правду вынес из пожара,
Учил любви и души нам лечил.
Быть совестливым — суть такого дара.
«Очнитесь!» — он кричал что было сил.*

В разделе «Проза» представлены рассказы Владимира Крупина («Три пирамиды»), Дмитрия Воронина («Контрабанда»), Василия Забелло («Бурундук»), Владимира Максимова («Экзамен по научному коммунизму»).

Известный российский поэт Василий Забелло представляет в журнале два прозаических произведения. Герой одноимённого рассказа Боня со своими милыми дефектами речи получился очень живым и естественным. Он и вся его сибирская родня разных поколений живут, страдая и мучаясь. Читаешь и словно слышишь из самого сердца голос Любы из «Калины красной»: *родные мои, что же вы такие все неустроенные! Полно рыбы, дичи, а всё как-то неуютно живёте, словно в сарае с худыми стенами на семи ветрах... холодных, байкальских...*

Рассказ Дмитрия Воронина «Контрабанда» показывает, что новые поколения российских людей в отношении к старикам в рыночном бедламе — ещё не определились. За неуважение к старшим русских часто критикуют (и по делу) соотечественники южных кровей. У них иерархию выстраивает родство по крови. У нас,

как утверждают уважаемые профессора истории, в основном — территориальное родство, можно сказать, говорящая на одном языке община по защите большой территории. Такая община эффективна только в период мобилизации на великие стройки или на военные операции. В мирное, расслабленное «рыночное» время сплочения никакого. Обычаи почти отсутствуют, нравственные правила чуть намечены. В быту царит настороженный хаос. В боях революции 1917 года, а также в сражениях Великой Отечественной войны на несколько десятилетий старики «отвоевали» себе право на почёт и уважение в мирное время. Нынче молодёжь берёт «реванш» — всюду тешит свою гордынюшку, вольно обращаясь со стариками. Ей пока не даёт совсем «слететь с катушек» ещё оставшаяся русская душевность, пусть грубоватая, но искренняя!

Много раздумий вызовет статья Юрия Похабова. Если хотите узнать историю жизни основателей Иркутска, написанную с любовью и признательностью, читайте исторические изыскания благодарного потомка рода Похабовых. Какими были Яков и Иван, где проявлялась их отзывчивость и доброта, а где приходилось быть жестокими в ответ на жестокость времени и жестокость окружающих племён?.. Это мы должны знать, чтобы правильно строить наше общее будущее, наши отношения с другими нациями и народностями... История должна быть не «объективной», а заинтересованной в межнациональном благополучии. Когда историк-космополит или нынешний либерал начинает «оберегать» малые народы России от «имперского насилия русских», он разрушает российскую государственность, потому что вольно или невольно настраивает значительную часть населения против государствообразующего народа.

С помощью таких публикаций, как статья Похабова, мы начинаем восстанавливать историческую справедливость по отношению к истории русского народа, пытаемся вернуть себе самоуважение. Мы восхищаемся подвигом братьев Похабовых. Мы видим их реальные заслуги в освоении сибирских просторов. Эти просторы — живой организм, растянутый во времени и пространстве. Он бурлит и волнуется, как мыслящий океан в «Солярисе». В его волнах странным образом сосуществуют прошлое, настоящее и будущее.

«Иерусалимский погост» — так назвал очерк писатель Анатолий Байбородин. Погост стоял на самом вершине иркутской «плоскости», собранной из разных времён. Вокруг погоста в одном сегменте времени слышен вальс из окон дворянского дома 19-го века, в другом сегменте, с деревянной танцплощадки, — ритмы ансамбля «Машина времени», и по зарослям парка культуры и отдыха плывёт эхо песни: «Мы охотники за удачей, в куртках цвета ультрамарин», в третьем сегменте — сам погост на Иерусалимской горе...

Возвышенность с кладбищенским храмом, как горный град на холме, взвизгивающий на Иркутск словно с небес... Но пришли времена, когда богоборцы порушили сей град... Художник Анатолий Костовский с болью и скорбью поведал автору очерка *«о сладострастии святотатства, поминая о Иерусалимском кладбище, кое закрыли 7 апреля 1932 года и разбойными набегами разорвали до 1957-го, когда, наконец, сравняли некрополь с землёй, срезали народную память ревущими бульдозерами».*

Через много лет на это место придёт автор очерка писатель Анатолий Байбородин. Придёт в уже действующий парк культуры и отдыха... Сквозь эстрадный шум вдруг услышит великое молчание Иерусалимского погоста и немой укор всех усопших.

*«Недаром, «погост» — погостить прилегли в могилки усопшие, а после про-
снутя, но не все сто тысяч иркутян, погребённые на Иерусалимской горе, но
лишь праведники, кои до смерти повинились пред Богом и покаянными слезами
смыли с души скверну, словно копать с окошка...»*

Главное, что понял автор, сонм бессмертных душ иркутского прошлого нельзя «заровнять ревушими бульдозерами». Память, как бестелесное большое духовное «облако», существует в своём, соседнем с нами «сегменте», влияет на новые поколения, тревожит их, просит жить честнее и добрее. Без них нельзя построить ничего долговечного... Вспомним Иерусалим... Сколько веков пытались «пере-
делать» место, называемое Голгофой, ровняли с землёй, строили языческий храм любви, другие постройки! Ничего не получилось. Ничего каменного не устояло. Одна христианская вера осталась.

В очерке «Иерусалимский погост» все предки вдруг словно ожили в обрядах памяти усопших. Писатель Байбородин знает не только описание, но и духовную суть обращений к сородичам и согражданам, поменявшим сегмент времён с настоящего на прошедшее... Как важно вчитаться в эти строки, как важно нам всем знать смысл обрядов... это, наверно, и есть умение разговаривать с милыми нашему сердцу «соседями» из другого времени, способ донести до них свою любовь, а к Богу — мольбу о помиловании. Потрясает рассказ о том, как в советское время громили, топили в Ангаре гранитные плиты памятников с Иерусалимского погоста. Невольно вспомнилось: *в Сибири с 1721 года существовал «Регламент», по которому все городские граждане делились на «регулярных» граждан (то есть богатых, куда входили первая и вторая купеческие гильдии) и «подлых» — тех, кто победнее...*

Смерть всех уравнила и содеяла подданными Божьего царства. А всё, что Господом отмечено — храм или погост, монастырская келья или икона в углу избы, где повеет дымком ладана или ароматом елея, — всё на особом учёте князя тьмы. И, узрев хоть малую искру святости, тотчас летит туда свирепый дьявольский слуга... И подбивает народ рушить и громить святыни. Для него любое проявление Промысла Божьего — крах самого зла. Поэтому советские атеисты не могли оставить в покое Иерусалимский погост... Он мешал строить мир без Бога. Они не гранитные плиты могил топили в реке, а веру потомков в бессмертие людей, похороненных под этими плитами, веру в то, что их образ жизни надо продолжать. Автор очерка убедительно показал, какие за памятниками несметные «залежи» истории, духовные подвиги наших восцерковленных иркутян. *«...Ломами и за-
ступами сокрушалась память о православном духовенстве и величавом купечес-
тве, о героях Бородинского сражения, Русско-японской и Первой мировой войн,
о знаменитых горожанах, кои деяниями прославили Иркутск».*

Атеисты «добились» только того, что «социализм с человеческим лицом» сменил капитализм — с криминальным... «Регламент» 1721 года время исковеркало до неузнаваемости. Особо рьяные «регулярные граждане» стали подлыми в прямом смысле, а «подлые» — ещё более бедными гражданами, питающимися «нерегулярно».

Прочитав очерк А. Байбородина, читатель, даже ни разу не бывавший в Иркутске, одобрительно отнесётся к идее восстановления Иерусалимского погоста. Атмосферу маленького форпоста Святой Земли передаёт глава очерка под названием «Кладбищенский храм». В ней всё — и часть библейского сказания о Входе Господа в Иерусалим, и увлекательные описания духовной жизни иркутян, свя-

занной с храмом. А кто ещё может так образно, природно-чистым, богатым на яркие краски, полнокровным русским языком рассказать о сибирских купцах?! Конечно, автор очерка — продолжатель православного писательского дела русских прозаиков Николая Лескова и Ивана Шмелёва.

Много лет занимаясь публицистикой, никак не могу «русскоязычным» писателям втолковать, что одного профессионального литературного языка для литературы мало! Надо чтобы язык нёс нам сокровенную информацию об особом лирическом строе нашей коллективной души и был основан на отечественных ценностях. Чем обогатит душу народа любой художник или поэт, если исповедует совсем другую философию, другую эстетику, чем большинство его зрителей и читателей?!

Впечатляет статья Бориса Башилова о государственном деятеле Российской Империи М.М. Сперанском. Статья эта из разряда тех, которые открывают нам российскую историю, как бы заново такой, какой она на самом деле была, — в непрестанной борьбе безбожников против Православия. Автор прав, утверждая, что «либеральные профессора сотни лет искажают и фальсифицируют точные показания современников, переделывая факты русской истории в удобном им духе». Я бы только добавил, что «цивилизация» европейского типа и состоит, в основном, из «приспособления» всех достижений ума, всех духовных ценностей к материальному комфорту. Дай такой цивилизации любое изобретение, она сделает из него миксер, чтобы сбивать сливки, или холодильник для хранения окороков. Дай ей Христианство — европейская цивилизация превратит его в католичество или протестантство, то есть во внешнее подобие религии для чисто практических нужд самоорганизации общества потребления, которое надо успокаивать и настраивать на деловой лад проповедями типа: *достаток угоден Богу, верующий уже прощён*.

Поэтому для такой рационализированной цивилизации Православие представляется смертельной метафизической угрозой самому способу её существования без Бога. И ясно почему: поиск в себе нового человека, вплоть до духовного перерождения, начинается с решительного отказа от иных земных, вредных для души «ценностей». А много ли найдётся людей, способных на этом пути идти до конца? Даже умнейшая княгиня Волконская в пушкинские времена не смогла переступить себя и перешла в католичество, чтобы наслаждаться изысканным католическим обществом в любимом Риме! Эстетам вечного города фрески великих художников на библейские сюжеты часто были дороже поисков Царствия Божьего внутри себя. Не религия, а всё, что вокруг религии, составляло смысл их чувственных переживаний. Храм, иконы — как украшение, как эстетическое средство для смягчения нравов. Но человек должен переживать смысл таинств, быть «внутри» их! Только тогда он может стать другим.

Духовное сражение тьмы со Светом продолжается по сей день с невиданным упорством. Именно поэтому «правящие у нас бал» в культуре либералы стараются всячески оградить читателей от тех редких книг и научных трудов, которые рассказывают историю российского масонства, где, кстати, обитал духом и граф Сперанский, описанный в вышеупомянутой статье Бориса Башилова. О.А. Платонов написал книгу о тайных обществах в России. Кто знает о ней? Я узнал случайно из книги другого автора. А у Платонова — достоверные, взятые из архивов факты о жизни великосветской России: *«почти все люди тогдашнего высшего общества при обращении своём к вере имели обыкновение примыкать не к православию,*

на которое смотрели свысока, как на веру исключительно простонародную, а к аристократическому, блестящему католицизму, а еще чаще к бездогматному, мнимо-возвышенному и модному тогда по всей Европе мистицизму, который позволял им верить во всё и не во что».

Есть истина на все времена: гордыня — источник всех других смертных грехов. Эту истину донесли до нас святые отцы. В переложении на обычный народный язык можно смело сказать, что даже самых умных людей гордыня в один миг и надолго делает беспросветными дураками. Российские масоны страдали гордыней высокого уровня, не дурацкого. *«С момента образования в 1802-м году министерской системы многие ключевые посты, вплоть до запрещения тайных обществ в 1822-м году, занимали высокопоставленные масоны. Среди масонов русских людей было не более двадцати процентов».*

Российские масоны, входящие в глобальную наднациональную структуру власти, управляли и управляют не только политикой, экономикой страны, но и отечественной культурой, противостоя её высоким народным образцам. А посему не стоит удивляться нападкам на Василия Шукшина. В заголовок своей статьи, опубликованной в «Сибири», писатель Анатолий Заболоцкий вынес вопрос: «Кому выгодно перелопачивать Шукшина?» Ответ «лежит на поверхности» — в нынешнем «комфортном потребительском, рыночном способе жизни», где всего понемножку: религии для самоуспокоения, порядочности для поддержания имиджа, рассудка для того, чтобы держаться «наплаву», и только вранья — тьма...

Православную натуру человека атеисты всех мастей под личинами либералов и демократов не приемлют принципиально именно из-за того, что само существование таких людей — страшный упрек Божий всем им... с самого Неба! Интуитивно чувствуя угрозу будущего духовного возмездия, нынешние «фарисеи» лихорадочно ищут выход и, как всегда, не там, где он может быть.

Анатолий Заболоцкий приводит в статье мнение Ю.Н. Арабова о том, что *«своим творчеством Шукшин и, не в меньшей степени Николай Рубцов... констатируют угасание русской нации. Спасут только многомиллиардные дотации какого-нибудь международного сообщества для двух-трёх поколений русского народа, а также сильная кровь и организованность еврейского племени».* По-прежнему эти господа надеются на внешние факторы. Кто-то придёт и русский люд «спасёт», но, как всегда, без русского участия. Многомиллионные дотации окончательно утвердят образ жизни потребительский до примитивности, «народят» миллионы обычных участников всемирного общества потребления. Такая обывательская публика никакого высокого искусства признавать не будет, религию забудет совсем, да ещё своим хозяевам будет грубить. Среди подобной толпы «русскоязычные деятели» в очередной раз сильно заскучают и, скорее всего, уедут на Запад.

Анатолий Заболоцкий приводит убийственные цитаты из литературной «грязни». Какого «нового человека» могло создать советское общество при такой вражде в искусстве, литературе?! Подвели Горького многие «инженеры человеческих душ». Вместо того чтобы порученную им народную «машину» перенастроить на новый лад, стали её ломать, применять чужие, не подходящие ей «запчасти». В страшном сне Горький не мог себе представить, что главные воспитатели народа в духе построения социализма вдруг разочаруются в порученном им деле и ударятся в диссидентство.

Статья Василия Козлова «Цыганочка» с выходом ещё раз иллюстрирует неблагоприятное положение в нашей литературе с советских времён. Деятельность литературных сообществ в России напоминает школу, где работают учителя с диаметрально

противоположными взглядами по одним и тем же предметам. Государственная власть и в советское время, и сейчас не знает, что со всем этим всем делать. Может быть, за основу подхода к литературе как к общественной деятельности, взять пример Пушкина, который «наше всё»! Давайте вспомним, что у знаменитой фразы Аполлона Григорьева есть продолжение: *«Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя... все то, что принять следует, отстранивший все, что отстранить следует, полный и цельный... образ народной нашей сущности».*

Пора уже российскому обществу открыто поддерживать тех литераторов, которые пытаются выразить нашу народную сущность во всей её возможной для их таланта цельности! Чтобы все произведения выражали не только собственное «я» автора, но и духовное состояние большинства окружающих его соотечественников, переживание ими своей судьбы!

В своё время кому, кроме Валентина Распутина, нужны были старушки из глухой деревни, попавшей под затопление в связи со строительством ГЭС?! Кто из столичных знаменитостей озаботился о внутреннем мире этих хранилищ народной коллективной души?! Кто из новых «либералов»-авторов «демократической», а точнее переродившейся, газеты «Советская молодёжь», других подобных изданий, выступил в защиту заброшенных деревень и посёлков?! Как журналист, читавший всю областную периодику с середины 1980-х годов, то есть с начала так называемой «перестройки», я могу утверждать, что такие публицисты, как Виталий Диксон, были заняты только «разрушением» прежних общественных идеалов, не предлагая взамен ничего позитивного, кроме неограниченной свободы для эгоистов-себялюбив. Для «выпуска желчи» использовались фельетоны. Желчи накопилось так много, что тексты оказались перегруженными злобой, иронией, насмешкой над тем, что много лет ценило большинство читателей. Кто авторов на этот «погром» советского общества уполномочил?.. Неизвестно! Но они везде с лёгкостью необыкновенной приклеивали обидные ярлыки, в том числе и «антисемитов» в отношении людей с внутренней православной культурой.

Историк русской литературы Дмитрий Петрович Святополк-Мирский очень точно подметил, что у русского поэта Николая Некрасова был «комплекс социального сострадания. Сострадания народа было для него эманацией, символом его собственных страданий». По сути, творческие люди только с таким «комплексом» способны своей деятельностью «скрепить» наш народ для достижения высоких целей. Они — подарок судьбы именно для нашего государства, для нашего общества. Но именно они с 90-х годов служат объектом самых бешеных нападков со стороны «рыночных» эгоистов, имеющих власть и влияние! Как зловещая тень «отца Гамлета» видится им за естественным для православного человека состраданием к русскому народу то «чёрная сотня», то большевистский реванш!

Пора бы уже перестать бояться призраков и приступить к созидательной работе. О том, какой работа должна быть, свой взгляд у писателя Леонида Бородин. В беседе с критиком Владимиром Бондаренко он излагает свои идеи. На вопрос: что за государство вы хотели построить? Писатель ответил: «...В целом наша программа сводима к трём тезисам: христианизация экономики, христианизация политики, христианизация культуры. Это не создание теократического государства, а ориентация, направление поисков. В нашем верховном органе предполагалась одна треть священников, и они имеют право вето. Любой закон должен быть одобрен основными положениями Православия».

Кажется, совсем недавно за такие душеспасительные идеи давали реальные тюремные сроки. Удивительна наша страна! Именно её патриоты чаще всего подвергались преследованию, несправедливой критике, замалчиванию. Много ли мы знали о выдающемся русском художнике Александре Москвитине?! Журнал «Сибирь» публикует статью Татьяны Соловьёвой, прилагая к статье репродукции живописных произведений сибирского художника, и взору, воображению читателя открывается неисследованная страница талантливой русской живописи.

Творчество А. Москвитина — для всех, взыскующих душевную красоту. Оно в стороне от модернистских мод и салонов, от хорошо оплачиваемых игр в «искусство», которые много лет назад начал ещё Сальвадор Дали, развлекая богатую публику сюрреалистическими фантазиями.

Русский — не национальность, русский — особая цивилизация! Так говорится в материале. Удачный художественный образ неповторимого человеческого сообщества. «Живопись Александра Москвитина в иных произведениях — имперская евразийская симфония, где слились мелодии сибирских народов, в других полотнах — музыка нечеловеческая, музыка Вселенская» А если добавить сюда панорамы Ильи Глазунова, музыку Георгия Свиридова, народную прозу писателей-деревенщиков, так и получится особая русская цивилизация. Та, которая идёт ещё от поэта Николая Некрасова и отличается «комплексом социального сострадания»

Снова вспомним слова Аполлона Григорьева о том, что «Пушкин — наше всё». Неведомо, позволил бы нам, потомкам, автор этой крылатой фразы вольно пользоваться его творением. Но если на свой страх и риск применить это выражение к другим областям нашей духовной жизни, то для обозначения полной концентрации качеств, например, православного толстого журнала, предназначенного для всех российских читателей, можно было сказать, журнал «Сибирь» — православное наше всё! Без Бога не до порога: православное мировоззрение в журнале проявляется в любом опубликованном произведении, независимо от формы и содержания. И жива страна, где ещё издаются такие журналы.

Сумочка к ребру

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

«...Порхают бабочки в башке...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Бабочки

*Снова бабочки порхают в голове,
Безнадега тихо стонет из углов.
Если б жизни подарил мне кто-то две,
То и дури вышел бы двойной улов.
Было время, убежало, как трамвай, —
В голове сидела мудрая сова.
Только дурь и там плескалась через край,
И казался мир простым, как дважды два.
Хоть давно я не гажию налегке,
И к финалу приближается мой путь,
До сих пор порхают бабочки в башке,
Значит, дури не убавилось ничуть.*

Владимир Сорокин

В башке поэзия бурлит

Бабочки порхают в голове,
Таракан скрипит на костылях.
И жуки повисли на ботве,
Что растёт на наших головах.
Мир не прост. Он дурью весь налит.
Плещется и льётся через край.
Пусть в башке поэзия бурлит —
Это от любви к тебе, мой край!

Бабочки, жуки и таракан —
Всё во мне порхает и поёт.
С этой дури я пляшу канкан,
Отправляя голову в полёт.

* * *

*Тут такая заварушка!
Что же делать? Как же быть?
Небо белою подушкой
Хочет землю задушить!*

*А земля хрипит упрямо
И глотает белый пух.
За пределами бедлама
Замер мир — и сер, и глух.*

Елена Остапенко

Бедлам

В равнодушном мире полночь,
Ладно скроен, крепко сшит.
Кто-то, эдакая сволочь,
Хочет землю задушить.

Я спасти её пытаюсь.
Это мой по жизни крест.
Гада бить под дых стараюсь,
Землю сторожу окрест.

Утром упадут туманы
Белым пухом по углам.
Стены белые, диваны...
А вокруг сплошной бедлам...

* * *

*Как водопад, как снегопад,
В душе струится стихопад.
Клокочет мысль. Уносит слово.
И я берусь за ручку снова:
— О, помоги, рука душе
Поймать строку на вираже!*

Галина Стулева

Клокочет мысль

Вот снегоход. Вот снегопад.
Я на охоте. Слонопад.
Клокочет мысль. Блестит слюна.
За хобот я держу слона.
Отпали строки, и уже
Лечу в бутик на вираже.
От рифм кружится голова —
Навстречу мне слова, слова...

Русским

*Своя у русского манера.
Ему не страшен ревматизм.*

.....
*Сынок — балбес, жена — химера,
А теща славит коммунизм.*

Максим Сафиулин

Ползу в родной капитализм

Какие вам нужны примеры
О нашей стойкости сказать.
Жена и дочь ваще химеры —
Мешают мне стихи слагать.

Скриплю. От страха содрогаюсь,
Когда я думаю о них.
Я ревматизма не пугаюсь,
Возможно, я по жизни псих.

Но и в смирительной рубашке
Проклятый помню коммунизм.
И с костылём при острой шашке
Ползу в родной капитализм.

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

Сказание о зайце

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

От редакции. Дорогие читатели, а теперь порадуем вас пародиями на известных поэтов в исполнении высокочтимого земляка нашего, поэта Юрия Левитанского. Сюжет прост и содержит научно выверенный канонический текст «Сказания о зайце», которое и положено в основу самих пародий.

*Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.*

*Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.*

*Пиф-паф, ой-ей-ей,
Умирает зайчик мой.*

Монолог рано вышедшего погулять

(Евгений Евтушенко)

Я не люблю ходить на именины.
О как они надменно имениты!
О именитость наших именин!
А Поженян —
 представьте —
 армянин!
Но ты нужна мне, милая Армения,
И маленькая звёздочка армейская,
И этот снег,
 что вьётся или кружится,
И всё, что нами пьётся или кружится...
Я шёл один по площади Восстания.
А может, просто брёл к себе в Останкино.
За мною шла машина поливальная,
Как старенькая бабка повивальная.
И женщина, Мари или Марина,
Клопов
 руками белыми
 морила.
Она была легка, как лодка парусная,
И как икра задумчивая паюсная.
А дворник пел свою ночную арию.
Россия сокращала свою армию.
И только я один не сокращался

